

Роберт Сальваторе Магический кристалл [Хрустальный осколок]

Забутые королевства: Долина Ледяного ветра – 1

«Долина Ледяного Ветра»: Максима; 2007
ISBN 978-5-94955-121-9
Оригинал: Robert Salvatore, “The Crystal Shard”
Перевод: Сергей Топоров

Аннотация

«Магический кристалл» – это продолжение книги «Темный эльф» – первой из эпопеи о Забнутых Королевствах. Волею случая хитрый и самовлюбленный ученик чародея Акир Кесселл становится обладателем Кренинибона – магического кристалла, воплощения абсолютного зла. Собрав огромную армию орков и гоблинов и заключив союз с могущественным демоном Эррту, Кесселл вторгается в Долину Ледяных Ветров. Ее защитники малочисленны, но в их рядах темный эльф Дзирт До'Урден, хафлинг Реджис, дворф Бренор и варвар Вульфгар. Силы героев не безграничны, и смерть подстерегает их на каждом шагу, но лишь они могут противостоять злу, ворвавшимся в мир сквозь магический кристалл.

Роберт Сальваторе Магический кристалл

ПРОЛОГ

Демон уселся на вырезанное в ножке огромного гриба кресло. Вокруг скалистого острова, где он сейчас находился, с треском и грохотом налезая друг на друга, теснились гигантские льдины, как бы лишний раз подтверждая извечную суетность этого уровня Абисса.

Эррту щелкнул коггистыми пальцами и, взглядываясь в полумрак, раздраженно покачал рогатой обезьяньей головой. «Где же ты, Тельшацц?» – прошипел он, погруженный в размышления о сокровище. Креншинибон целиком и полностью владел его разумом.

Демон прекрасно знал, какая сила заключена в этом волшебном камне. Эррту довелось служить семи теням чародеев именно тогда, когда они, объединив свои злые помыслы, создали хрустальный камень. Это были души некогда умерших могущественных колдунов, которые отказались следовать за своими телами, покинувшими мир. Они собрались вместе ради создания невиданного прежде зла. Хрустальный камень, сотворенный ими, черпал силу из источника, который боготворили поборники добра, – из самого солнца.

Но случилось так, что, создавая столь мощное оружие, чародеи не рассчитали собственных сил. Рождаясь, Креншинибон начисто поглотил магическую энергию, питавшую души чародеев, а последовавшая за этим вспышка необузданной силы отбросила Эррту назад, в Абисс, и он, чудом уцелев, решил, что камень больше не существует.

Но, как выяснилось теперь, спустя столетия, Креншинибон было не так-то просто уничтожить. Недавно Эррту совсем случайно попал на его след, узнав о существовании Кришал-Тири, хрустальной башни; сердце, пульсировавшее внутри нее, было точной копией Креншинибона.

Эррту не сомневался: камень где-то рядом, он физически ощущал его присутствие. Ах, если бы ему посчастливилось найти сокровище чуть раньше!

Но нет, его опередил этот гнусный Аль Дименейра. Он одним магическим словом зашвырнул Эррту назад, в Абисс...

Демон снова принялся взглядываться в даль, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в полумраке, как вдруг послышались робкие шаги.

– Тельшацц? – проревел демон.

– Да, мой повелитель, – ответил маленький демон и, подобострастно съезжившись, приблизился к трону.

– Ну что, он его заполучил? – зарычал Эррту. – Хрустальный камень теперь принадлежит Аль Дименейре?

– Да, мой повелитель... э-э-э, нет, мой повелитель, – прошептал Тельшацц, дрожа всем телом.

Пылающие злобой красные глаза Эррту превратились в узкие щелочки.

– Он не смог уничтожить камень, – торопливо объяснил маленький демон. – Креншинибон опалил его руки!

– Ха! – фыркнул Эррту. – Это не под силу даже Аль Дименейре! Так где же камень? Ты принес его мне, или он по-прежнему лежит в хрустальной башне?

Тельшацц снова задрожал. Ему ужасно не хотелось сообщать хозяину горькую правду, но послушаться он не смел.

Нет, господин, его нет в башне, – пискнул маленький демон.

– Нет?! – взревел Эррту. – Так где же он?

– Аль Дименейра забросил его...

– Забросил?

– Да, забросил за плоскость нашего мира, о мой повелитель! – заверещал Тельшацц. – Забросил так далеко, как только смог!

– За плоскость нашего мира! – взвыл Эррту.

Я пытался помешать ему, но... Рогатая голова рванулась вперед, и речь Тельшацца превратилась в нечленораздельный хрип. Собачьи челюсти Эррту сомкнулись на его шее.

* * *

Оказавшись за пределами сумрачного Абисса, Креншинибон мирно уснул. Он покоился в снегах небольшой чашеобразной расселины, расположенной меж гигантских вершин Средиземного Хребта.

И ждал своего часа.

Глава 1 МАРИОНЕТКА

Когда погонщики каравана чародеев завидели едва показавшуюся над горизонтом покрытую вечными снегами вершину Пирамиды Кельвина, все вздохнули с облегчением. Путешествие оказалось нелегким и заняло больше трех недель.

Первая неделя прошла спокойно – караван шел вдоль Побережья Мечей и летние ветры со стороны Пустынного Моря были ласковы и приветливы к путникам. Но затем, когда они обогнули западные склоны Средиземного Хребта – нагорья, которое многие ошибочно считали северной границей мира, – и спустились в Долину Ледяного Ветра, чародеи догадались, почему все так их отговаривали от этого путешествия. Долина оказалась совершенно голой, пустынной равниной площадью в добрую тысячу квадратных миль. Буквально через день пути Эльделак, Дендибар Пестрый и другие чародеи поняли, что долина по праву имеет славу одного из самых негостеприимных мест этого мира. С юга ее окаймляли неприступные горы, с востока наступал ледник, а на западе бушевало полное айсбергов, совершенно непригодное для плавания море. Попасть сюда можно было лишь через узкий проход между Средиземным Хребтом и побережьем. Именно здесь и проложили тропу самые смелые из торговцев, тоже, впрочем, нечасто посещавших долину.

Отныне и навсегда в сознании чародеев поселились два воспоминания, две вещи, которые никогда не суждено забыть путешественнику, хоть раз ступившему на землю Долины Ледяного Ветра. Первое – непрерывный, ни на мгновение не умолкающий рев ветра – столь душераздирающий, что порой казалось, будто это сама земля заходится в мучительном крике. И второе – бесконечная пустота долины, когда на многие мили вокруг видна лишь унылая, серо-коричневая нить горизонта.

Караван держал путь в сторону десяти небольших городов, расположенных по берегам трех озер у подножия Пирамиды Кельвина. Как, пожалуй, и все, кто когда-либо посещал эти неприютные места, чародеи намеревались закупить творения резчиков, изготовленные из черепов костяной форели, водившейся в озерах долины.

Однако у некоторых чародеев были и кое-какие дополнительные планы.

* * *

Он был поражен тем, с какой легкостью тонкое лезвие кинжала проскользнуло сквозь складки мантии и вошло в тело.

Моркай Красный повернулся к ученику, и его глаза расширились – предателем оказался человек, которого он почти четверть века воспитывал как родного сына.

Акар Кесселл выпустил кинжал и отшатнулся – смертельно раненный человек по-прежнему стоял на ногах. Спустя мгновение убийца в смятении бросился и с размаху налетел на стену домика, выделенного чародеям из Лускана властями гостеприимного Истхейвена в качестве жилья. Кесселла трясло – он четко представил, каковы будут последствия, если колдовская сила старого мага найдет способ одолеть смерть.

Трудно даже представить, какое наказание наложит на него могущественный учитель. Акар ни секунды не сомневался в том, что истинный чародей, подобный Моркаю, способен наслать мучения, которые нельзя будет сравнивать даже с наиболее изощренными пытками, когда-либо изобретенными на земле.

Старик пристально смотрел на Акара Кесселла, но свет в его глазах таял с каждым мгновением. Он не стал спрашивать «почему?» – его нисколько не интересовало, что именно толкнуло Кесселла на этот шаг. Моркай прекрасно знал, что в подобных случаях причиной всегда бывает жажда власти. Нет, вовсе не причина... Больше всего его поразило то, что это был Кесселл. Как он мог, этот бездарный Кесселл, с невероятным трудом выговаривающий

простейшие заклинания... Как он мог надеяться извлечь выгоду из смерти человека, который пытался вложить в него нечто большее, чем просто участие?

Моркай Красный рухнул на землю. Это был один из немногих вопросов, на которые ему не суждено было найти ответа.

Кесселл еще долго стоял у стены, боясь потерять столь необходимую сейчас опору. Поначалу его била дрожь, но постепенно он пришел в себя. Ведь Эльделак, Дендибар Пестрый и прочие чародеи, участвовавшие в путешествии, говорили: когда не станет учителя, именно к нему, к Акару Кесселлу по праву перейдут принадлежащие Моркаю зал самосозерцания и лаборатория для занятий алхимией в Небесной Башне Арканы.

Эльделак, Дендибар Пестрый и все остальные говорили именно так!

* * *

– Ну что, дело сделано? – спросил тучный мужчина, когда Кесселл вошел в темную аллею, где у них была назначена встреча.

Кесселл радостно закивал.

– Красный чародей из Лускана больше никогда не будет колдовать! – сказал он так громко, что все присутствовавшие вздрогнули.

– Говори тише, дурак, – послышался из тени деревьев как всегда невозмутимо монотонный голос Дендибара Пестрого. Он вообще редко открывал рот, но когда такое происходило догадаться о его чувствах было невозможно. Дендибар вел себя столь хладнокровно, что зачастую это даже нервировало окружающих. Несмотря на то что чародей был ниже остальных ростом и являлся, пожалуй, самой внешне неприметной фигурой среди путешественников, Кесселл боялся его больше, чем кого бы то ни было.

– Моркай Красный, мой бывший учитель, мертв, – тихо повторил Кесселл. – Акар Кесселл, отныне известный как Красный, вступил в Гильдию Чародеев Лускана!

– Спокойно, дружище, – сказал Эльделак и положил руку на плечо юноши. – Когда вернемся в город, тогда и устроим настоящее посвящение. – Сказав это, он улыбнулся и незаметно подмигнул Дендибару.

Кесселл был в смятении. Его возбужденный ум суетливо перебирал детали предстоящей церемонии вступления в Гильдию Чародеев. Никогда больше не придется ему сносить насмешки учеников. Теперь-то они будут вынуждены уважать его, поскольку теперь он впереди всех – даже тех, кто обогнал его, удостоившись звания чародея в ранние годы ученичества. В мозгу Кесселла вихрем проносились видения, которые должны были стать реальностью в ближайшем будущем, но вдруг он нахмурился. Кесселл повернулся к стоявшему рядом чародею, и черты его лица резко изменились, как если бы он внезапно осознал, что совершил ужасную ошибку.

Эльделак и прочие собравшиеся в аллее чувствовали себя неуютно. Каждый из них прекрасно представлял, каковы будут последствия, если Архимаг Небесной Башни Арканы когда-либо проведает об их чудовищном злодеянии.

– Его мантия? – спросил Кесселл. – Мне, наверное, следовало бы прихватить ее с собой?

Эльделак не смог сдержать радостную улыбку, однако Кесселл принял ее всего лишь за знак одобрения со стороны старшего друга.

Можно было и сразу догадаться, что этот парень способен впасть в истерику из-за любой мелочи, мысленно упрекнул себя Эльделак и, обратившись к Кесселлу, сказал:

– Об этом можешь не беспокоиться – чего-чего, а мантий в Небесной Башне хватает. Это, пожалуй, даже выглядело бы подозрительным, появившись ты на пороге Архимага и заяви о своих правах на место Моркай Красного, будучи одетым в ту самую мантию, в которой его зарезали. Не так ли?

Немного поразмыслив, Кесселл согласился.

– Возможно, – добавил Эльделак, – тебе даже и не стоит надевать красную мантию.

От испуга глаза Кесселла разъехались в разные стороны. Что имеет в виду Эльделак? Неужели они передумали и решили не присуждать ему титул, который он по праву заслужил?

Двусмысленность слов Эльделака была тонко рассчитана, однако он вовсе не хотел зародить в душе Кесселла сомнения. Еще раз подмигнув Дендибару, который от души наслаждался этой игрой, он спокойно ответил:

– Я имел в виду, что другой цвет, возможно, был бы тебе больше к лицу. Вот, положим, синий очень идет к твоим глазам.

Кесселл облегченно вздохнул.

– Возможно, – согласился он. Внезапно Дендибар почувствовал, что ему наскучил этот фарс, и он подал знак своему пузатому компаньону: хватит попусту терять время на разговоры с маленьким мерзавцем.

Эльделак, взяв Кесселла под руку, повел его к выходу из аллеи.

Тебе пора идти в конюшню, – сказал он. – И скажи хозяину, что мы сегодня же отправляемся назад, в Лускан.

– А что делать с телом? – спросил Кесселл.

Эльделак злобно усмехнулся:

– Забудь об этом. Домик предназначен специально для приезжающих с юга торговцев. Скорее всего он будет пустовать до следующей весны. А в этих местах одним убийством больше, одним меньше... Здесь это мало кого волнует. Уверяю тебя, даже если добрые граждане Истхейвена и надумают разбираться, у них хватит ума вовремя вернуться к своим делам и оставить проблемы чародеев нам, чародеям!

Группа лусканцев вышла из аллеи на вечернюю улицу.

– А теперь исчезни! – скомандовал Эльделак. – Найдешь нас после захода солнца, – сказал он и проследил, как Кесселл бегом, будто испуганный мальчуган, скрылся из виду.

– Нам повезло, – заметил Дендибар. – Этот тупица избавил нас от многих хлопот. Сомневаюсь, что без него нам удалось бы так легко справиться со стариком. Пожалуй, только богам известно, почему Моркай был так мягок и добр к нему.

– И в конце концов оказался достаточно мягок для кинжала, – расхохотался его спутник.

– А декорации – лучше и не придумаешь, – подал голос третий чародей. – Здесь, на этой непросвещенной земле, трупы, происхождение которых не поддается объяснению, не более чем мусор!

Эльделак довольно засмеялся. С самым неприятным делом покончено. Можно наконец-то покинуть эту неуютную, вымороженную пустыню и двигаться домой.

* * *

Кесселл легкой походкой шагал по Истхейвену, направляясь к сараю, где отдыхали лошади чародеев.

Ему не давало покоя предвкушение той силы и власти, которыми он будет обладать в самое ближайшее время. Прямо перед ним, не удостоив его даже беглого взгляда, прошмыгнула дворовая кошка.

Кесселл, желая убедиться, что поблизости никого нет, быстро осмотрелся по сторонам. «А почему бы и нет», – задумчиво пробормотал он. Ткнув пальцем в сторону кошки, он выпалил несколько заклинаний, которые должны были вызвать волшебную вспышку энергии. Однако, вопреки его ожиданиям, животное осталось целым и невредимым и раздраженно ретировалось, так, видно, и не уразумев, в чем суть магического заклинания.

Пытаясь понять, в чем дело, Кесселл ошеломленно уставился на свой обожженный палец.

Впрочем, особых причин для расстройства не было. Пределом того, что ему удавалось добиться при помощи заклинаний, всегда был лишь собственный обгорелый ноготь...

Глава 2 НА БЕРЕГАХ МИР ДУАЛЬДОНА

Реджис, единственный хафлинг на протяжении сотен миль, в какую сторону ни посмотри, сцепил ладони за головой и откинулся на густо заросший мхом ствол дерева. Реджис был чрезвычайно мал ростом даже по меркам собственного весьма миниатюрного народца. Верхние кончики волос его торчавшей во все стороны буйной гривы едва достигали трех футов, однако живот Реджиса ясно свидетельствовал о том, что его обладатель любит съесть хороший обед, а то и несколько, смотря по обстоятельствам.

Длинная кривая палка, служившая Реджису удилищем, приподнялась, чуть дрогнула, пристроилась поудобнее между мохнатыми пальцами хафлинга и повисла над спокойными водами, безупречно отражаясь в зеркальной поверхности озера. Спустя некоторое время от выкрашенного красной краской поплавка пошли круги и он начал слегка приплясывать на воде. Затем леска постепенно подтянулась к берегу и безвольно легла на воду так, чтобы Реджис не мог почувствовать, что рыбы лакомятся наживкой. В считанные мгновения крючок был очищен, но хафлинг ровным счетом ничего не заподозрил, и можно было не сомневаться, что пройдут часы, прежде чем он вздумает проверить наживку. Да она его не очень-то и волновала.

Он пришел сюда вовсе не за рыбой, а чтобы отдохнуть. Приближалась зима, и Реджис, хорошенько поразмыслив, решил, что в этом году возможности выбраться на озеро, пожалуй, больше не представится. А к зимней рыбалке, в отличие от некоторых любителей из Десяти Городов, он был равнодушен. И кроме того, хафлинг уже натаскал достаточно костей из чужих сетей; работы хватит на все семь снежных месяцев. Поселившись здесь, Реджис, сам того не замечая, поддерживал репутацию своего честолобивого народа; находясь за сотни миль от ближайшего поселения, которое можно было бы назвать городом, он пытался создать себе хоть какое-то подобие роскоши. Другие хафлинги даже в летние месяцы никогда не забирались так далеко на север. Они предпочитали более теплые края. Впрочем, он и сам охотно упаковал бы свои вещички и вернулся на юг, если бы не одна маленькая размолвка, которая некогда случилась между ним и Магистром одной достаточно известной на юге гильдии воров.

Рядом с безмятежно отдыхавшим хафлингом валялся четырехдюймовый брусок «белого золота» и несколько инструментов для резьбы по кости. На одной из сторон бруска уже проступали плавные очертания конской головы. Отправляясь на озеро, Реджис собирался немного поработать...

Он вообще многое собирался сделать...

«Уж слишком хороший сегодня денек», – заключил он после некоторого размышления. Подобное оправдание безделья еще никогда его не подводило. Но сегодня день действительно выдался славный – похоже, что ответственные за погоду духи, обычно вытворявшие на этой земле все, что им только заблагорассудится, либо устроили себе праздник и отдыхали, либо копили силы для по-настоящему адской зимы. В результате получился прекрасный день, вполне на уровне южных, более цивилизованных краев. Нечасто случалось подобное на земле, по праву носившей имя Долины Ледяного Ветра. Название это вполне оправдывали почти непрерывно дувшие со стороны Регхедского Ледника свирепые восточные ветры. Даже в те короткие периоды, когда они несколько утихали, передышки обычно не было, поскольку с севера и с запада Десять Городов были окружены голой тундрой, а уж о ветрах со стороны Моря Плавающего Льда и вспоминать не хотелось. Лишь южные ветры приносили хоть какое-то облегчение, однако на их пути стояли вершины Средиземного Хребта.

Реджис приоткрыл глаза и некоторое время смотрел на неторопливо плывущие по небу белоснежные облака. Солнце струило на землю золотистое тепло, и время от времени хафлинг задумывался, а не снять ли жилетку. Однако всякий раз, как очередное облако

закрывало солнце, он вспоминал, что уже сентябрь и вокруг него тундра. Через месяц выпадет снег, через два – ведущие в Лускан южная и западная дороги будут начисто занесены, да так, что попытаться проехать по ним сможет лишь кто-то уж очень упрямый либо вовсе сумасшедший.

Реджис окинул взглядом узкий, длинный залив, один из рукавов которого охватывал мысок, на котором устроился он. Жители Десяти Городов всю использовали хорошую погоду: залив прямо-таки кишел рыбачьими кораблями и лодками. Рыбаки непрерывно кружили по озеру, пытаясь отыскать самые уловистые места. Жадность людей не переставала удивлять Реджиса. В свое время у себя на родине, в Калимшане, он успешно продвигался по иерархической лестнице, не без оснований рассчитывая со временем занять пост Магистра-компаньона в одной из наиболее солидных воровских гильдий Калимпорта. Но случилось так, что блестящей карьере помешала алчность. Магистр его гильдии, Паша Пуук, обладал изумительной коллекцией рубинов – уж дюжина-то камней у него была такой изумительной огранки, что они оказывали поистине гипнотическое воздействие на каждого, кому доводилось их повидать. Реджис и сам прямо таял всякий раз, когда Пуук их ему показывал, и... в конце концов один рубин все-таки спер. Хафлинг до сих пор терялся в догадках, почему это Паша, у которого осталось еще по меньшей мере одиннадцать камней, так разозлился на него.

«Ох уж эта алчность», – говорил Реджис всякий раз, когда молодцы из гильдии Паши появлялись в очередном городе, где он решал наконец осесть, и вынуждали его убраться все дальше и дальше. Однако в последнее время, вот уже года полтора, с тех пор как он приехал в Десять Городов, эта фраза ему на ум не приходила. Конечно, руки у Пуука длинные, однако поселение, расположенное в самом центре самой негостеприимной, земли которую можно себе вообразить, было чересчур отдалено даже от Пуука. Именно поэтому Реджис был уверен в безопасности своего нового убежища. Здесь вполне можно было жить, притом даже неплохо. Обладая смекалкой и творческим складом ума, необходимыми для превращения напоминавших слоновую кость черепов форели в произведения искусства, здесь можно было неплохо жить, прикладывая к этому минимум усилий.

А уж если на юге и впрямь возникнет серьезный спрос на изделия из кости... на этот случай у хафлинга давно был задуман план – надо будет всего лишь отрешиться от обычного полусонного образа жизни и развернуть бойкую торговлю.

Когда-нибудь, в один прекрасный день...

* * *

Дзирт молча неся по дороге. Его короткие сапоги почти не поднимали пыли. Капюшон темно-коричневого плаща был опущен и почти целиком закрывал длинные белоснежные волосы, волнами спадавшие на плечи эльфа. Дзирт двигался так легко и непринужденно, что со стороны его вполне можно было принять за призрак, мираж, порожденный бурными ветрами тундры.

Темный эльф еще плотнее закутался в плащ. На солнце он чувствовал себя так же неуютно, как, например, человек во мраке ночи. После двух веков жизни на глубине многих миль под землей нелегко за каких-то пять лет привыкнуть чувствовать себя в своей тарелке на залитой солнцем равнине. Яркий свет утомлял и раздражал его.

Но Дзирт был в пути всю ночь и не собирался останавливаться. Он и так уже опаздывал в долину дворфов на встречу с Бренором и сейчас, двигаясь по тундре, то и дело обращал внимание на все новые безрадостные приметы.

У северных оленей уже начался осенний переход на юго-запад, в сторону моря, как это бывало каждый год, однако, против обыкновения, по их следам никто не шел. Пещеры к северу от Десяти Городов, служившие временным приютом варварам-кочевникам во время их перехода через тундру, пустовали, хотя обычно их заранее наполняли съестными припасами, столь необходимыми племенам в долгом путешествии. Дзирт прекрасно

понимал, что это означает. Уклад жизни варваров формировался веками. Из года в год они кочевали по тундре следом за стадами северных оленей. И то, что варвары отступили от традиционного маршрута, было более чем необычно.

И еще: Дзирт уже несколько раз слышал доносившийся из-за горизонта грохот боевых барабанов.

Эхо барабанного боя то и дело проносилось по тундре подобно отголоскам далекой грозы. Дзирт прекрасно представлял, что означают эти пока еле слышные раскаты грома.

Он прибавил шагу. Сейчас Дзирт несея как никогда быстро. За последние пять лет эльф пришел к убеждению, что ему небезразлична судьба жителей Десяти Городов. Подобно многим другим отверженным, нашедшим здесь приют, эльф не обнаружил признаков радушия и гостеприимства на всей остальной территории этого мира. Даже здесь, в Десяти Городах, большинство местных жителей всего лишь терпели его. Однако, следуя неписаному закону родства товарищей по несчастью, мало кто намеренно причинял ему беспокойство. Можно считать, что ему даже повезло, ибо здесь он обрел нескольких друзей, которые, не обращая внимания на его облик и происхождение, смогли понять и оценить его.

Эльф бросил нетерпеливый взгляд в сторону возвышавшейся над тундрой Пирамиды Кельвина, одинокой вершины, у подножия которой находился проход в скалистую долину дворфов. Однако его миндалевидные, цвета горной лаванды глаза, благодаря которым ночью он видел не хуже совы, сейчас оказались бессильны что-либо разглядеть.

Предпочитая ослепительным солнечным лучам бег вслепую, он накрыл голову капюшоном и снова погрузился во мрак воспоминаний о Мензоберранзане – подземном городе его предков. Когда-то, много веков назад, темные эльфы частенько выходили на поверхность, навещая своих светлокожих сородичей. Однако так уж сложилось, что по натуре они были злобными, безжалостными убийцами. Их поведение вызывало недоумение даже у светлых эльфов. И вот, когда разразилась неизбежная война одиннадцати народов, темные эльфы были вынуждены окончательно исчезнуть в недрах земли. За несколько столетий, прошедших с тех пор, они снова набрали силу, в совершенстве настроив свои души на таинственный мир подземной магии. Они стали куда более могущественными, чем их оставшиеся на поверхности собратья, для которых общение с потусторонними силами было скорее развлечением, чем необходимостью.

За это время темные эльфы начисто лишились потребности даже время от времени бывать на поверхности. Их тела и умы полностью приспособились к глубинам земли, и, к радости всех тех, кто остался жить под открытым небом, эльфы были вполне довольны своей жизнью, лишь изредка выбираясь наверх для разбоя и грабежа. Насколько знал Дзирт, он вообще был единственным из темных эльфов, жившим на поверхности. Со временем Дзирт научился переносить солнечный свет, однако он по-прежнему был ему неприятен.

Но даже зная о своей неуклюжести в дневное время, Дзирт последними словами выругал себя за беспечность, когда прямо перед ним возникли два огромных йети, лохматых, как бурые медведи, возникли так внезапно, как будто выросли из-под земли.

* * *

Алый флаг, резко взмывший над одной из лодок, возвестил об удаче. Реджис внимательно следил, как флаг все выше и выше поднимался по мачте. «Четырехфунтовая, никак не меньше, – одобрительно пробормотал хафлинг, когда флаг наконец застыл чуть ниже перекрестья мачты. – У кого-то сегодня вечером будет праздник».

Тут к лодке, объявившей о добыче, подлетела другая, да так стремительно, что с размаху ударила ее в борт. Рыбаки обеих экипажей, не мешкая, выхватили оружие. Реджис, которого отделяла от них лишь полоска чистой воды, отчетливо слышал перебранку капитанов.

– Эй, вы увели мою добычу! – заорал капитан второго баркаса.

– У тебя рябит в глазах от солнца! – отвечал ему первый капитан.

– Как бы не так! Это наша рыба. Мои парни умело заарканили ее и не дали ей уйти. Поворачивай свою вонючую галошу и убирайся подобра-поздорову, пока мы не вытащили из воды и вас!

Как и следовало ожидать, команда второго баркаса мигом оказалась на первом и бросилась в бой еще до того, как его капитан успел закрыть рот.

Реджис перевел взгляд на облака. Драка на лодках была ему безразлична, хотя доносившиеся с озера вопли безусловно раздражали. Подобные потасовки были здесь обычным делом. Предметом споров традиционно являлась рыба, особенно если кому-то доставалась действительно крупная добыча. Редко когда дело доходило до драки не на жизнь, а на смерть. Чаще все заканчивалось разбитыми носами и взаимными оскорблениями. Хотя, конечно, бывали исключения. Однажды, когда сцепились сразу семнадцать лодок, три экипажа погибли целиком, а четвертый был перебит наполовину. Их тела еще долго плавали в красной от крови воде. В тот памятный день южное озеро, носившее до того имя Деллон-Лун, было переименовано в Красные Воды.

«Ах, рыбка, сколько из-за тебя забот», – еле слышно пробормотал Реджис и погрузился в размышления о том, сколь суетна жизнь обитателей Десяти Городов. И все из-за каких-то серебристых рыбешек! Города самим своим существованием были обязаны костяной форели. Эта большеголовая рыба была превосходным источником материала для поделок местных умельцев. Три озера долины были единственным местом, где водилась столь ценная рыба. И хотя сама долина была жутковатой, регулярно опустошаемой войнами местностью, не говоря уж о частых бурях и ураганах, способных запросто сравнять с землей любое, даже самое прочное строение, возможность быстрого обогащения настойчиво манила сюда все новых и новых поселенцев из самых отдаленных пределов мира.

Конечно, многие не приживались: Долина Ледяного Ветра была голой, безжизненной землей с мерзким климатом и несметным количеством опасностей. Смерть была частым гостем в поселках, неминуемо посещая каждого, кто не находил в себе сил противостоять буйному нраву долины.

И все-таки в течение последнего столетия, с тех пор как костяная форель была оценена по достоинству, города заметно разрослись. Поначалу девять поселков представляли собой не более чем стоянки поселенцев, которые заявили о своих правах на наиболее уловистые места. В те годы поселок Брин Шандер, за крепостной стеной которого теперь бурлила жизнь нескольких тысяч жителей, был голым холмом с одной-единственной хижинкой, где рыбаки встречались не более одного-двух раз в год, чтобы обменяться слухами, сплетнями и товаром с торговцами из Лускана.

В те времена лодки, даже одноместные, на озерах, воды которых были достаточно холодны, чтобы в считанные минуты отправить на тот свет рыбака, выпавшего за борт, были здесь большой редкостью. А сейчас каждый город обладал целым флотом парусников, на мачтах которых гордо реяли собственные флаги. Один только Таргос, крупнейший из рыбацких городов, мог выставить на промысел более сотни кораблей, многие из которых были двухмачтовыми шхунами с экипажами в десять человек и более.

С охваченных дракой лодок донесся чей-то предсмертный вопль, звон стали о сталь усилился, и Реджис в который уже раз подумал, что, не водись в озерах эта рыба, так, может быть, это было бы и к лучшему.

И вместе с тем хафлинг не мог не признать, что в Десяти Городах ему живется неплохо. Его ловкие, тренированные пальцы быстро освоились с инструментами для резьбы по кости; его даже избрали председателем Совета одного из городов. Правда, Одинокый Лес был самым маленьким, находился севернее прочих поселений, и в нем было полным-полно отпетых бандитов и мошенников, скрывавшихся от правосудия. Однако Реджис все же считал, что ему оказана большая честь.

Каждый месяц летом и раз в три месяца зимой, смотря по погоде, Реджис должен был присутствовать на заседании Совета Десяти Городов, выполняя обязанности выборного представителя от своего города. Заседания проходили в Брин Шандере, и, хотя они обычно

превращались в жаркие споры о разделе участков лова между городами, несколько часов на это можно было потратить. Свое присутствие на Совете Реджис считал вполне приемлемой платой за право в одиночку ездить на южный рынок, где, кроме торговли своими изделиями, он получал еще и комиссионные от продажи чужой кости – в размере одной десятой стоимости товара. В общем, жилось ему неплохо.

Схватка на кораблях утихла. На этот раз был убит лишь один рыбак, и Реджис снова принялся созерцать плывущие по небу облака. Потом, глянув через плечо, он любовно ощупал взглядом видневшиеся вдаль низкие бревенчатые домики, примостившиеся в тени плотных рядов деревьев. Это был милый его сердцу Одинокый Лес. Несмотря на скверную репутацию его жителей, Реджис считал, что это самый лучший в Долине город. Деревья исправно прикрывали дома от порывов зимних ветров и служили материалом для построек. Лишь изрядная удаленность от Брин Шандера мешала Одинокому Лесу занять более достойное место в сообществе городов долины.

Реджис выудил из-под жилетки цепь, украшенную массивным рубином, и принялся разглядывать сокровище, некогда позаимствованное у бывшего учителя за тысячи миль к югу отсюда, в Калимпорте.

«Эх, Пуук... – прошептал хафлинг. – Видел бы ты меня сейчас...»

* * *

Эльф потянулся к висевшим у него на поясе саблям, но йети оказались столь проворны, что выхватить оружие он не успел. Уворачиваясь от ближайшего из чудовищ, Дзирт инстинктивно метнулся влево, и его правый бок оказался прямо на пути второго. В следующее мгновение правая рука эльфа стала абсолютно беспомощной, йети обхватил его своими огромными лапами. Дзирт чудом ухитрился высвободить левую руку и сумел выхватить одну из сабель. Не обращая внимания на боль от объятий йети, он успел упереть рукоять оружия в бедро стиснувшей его твари и направил кривое лезвие так, что второй йети с размаху наскочил на него. Смертельно раненная тварь издала жуткий вопль и, увлекая за собой саблю, тяжело рухнула на землю.

Йети, сжимавший Дзирта в объятиях, чуть присел и, повалив эльфа, обрушился на него всей своей массой. Свободной рукой Дзирт изо всех сил старался оттолкнуть унизанную огромными зубами челюсть йети от своего горла, но в том, что враг прикончит его в самое ближайшее время, сомневаться не приходилось.

Внезапно послышался резкий хруст, и йети забился в предсмертных судорогах. Его морда исказилась гримасой дикой боли, и из проломленного черепа прямо в лицо Дзирту ударила струя крови.

– Нехорошо опаздывать, эльф! – услышал Дзирт знакомый скрипучий голос и увидел, как на спину мертвого медведя неторопливо поднимается Бренор Боевой Топор, не обращая при этом никакого внимания на то, что под тушей йети лежит его друг эльф.

Несмотря на то что дышать стало еще труднее, Дзирт был чертовски рад снова увидеть длинный, крючковатый, не единожды сломанный в боях нос и рыжую, с проседью бороду дворфа, своего старинного друга.

– Я так и знал, что ты наверняка опять влип в историю. Потому-то и вышел тебе навстречу!

Дзирт расплылся в улыбке. И не только оттого, что все так удачно закончилось, но еще и потому, что вспомнил об удивительной манерности, присущей речи дворфа. Пока эльф выползал из-под туши, Бренор неторопливо выковыривал топор из массивного черепа поверженной твари.

Ну и кость! Твердая как промерзший Дуб, – проворчал дворф. Широко расставив ноги, он напрягся и рывком высвободил оружие. – Кстати, а где твой волшебный котенок?

Дзирт пошарил в походном мешке и вытащил из него миниатюрную статуэтку пантеры, искусно вырезанную из драгоценного оникса.

– Я бы все-таки не стал называть Гвенвивар котенком, – сказал он и тщательно осмотрел фигурку, проверяя, не пострадала ли она побывав в объятиях йети.

– Бах! Кошка она и есть кошка! – упрямыствовал дворф. – Так почему ее не было поблизости, когда ты оказался в опасности?

– Даже магическому животному порой необходим отдых, – ответил Дзирт.

– Бах! – снова изрек Бренор. – Но уж сегодня-то, когда эльфа, да к тому же опытного разведчика, посреди голой тундры застанут врасплох два мерзких йети, прямо скажем, можно было бы и не прохлаждаться неизвестно где! – Сказав это, Бренор лизнул лезвие своего топора и с отвращением сплюнул. – Мерзкие твари! – проворчал он. – Эту пададь даже есть нельзя! – С этими словами дворф с размаху всадил топор в землю, чтобы очистить его от крови йети, после чего двинулся в сторону Пирамиды Кельвина.

Дзирт положил Гвенвивар обратно в мешок и принялся вытаскивать свою саблю из туши второго медведя.

– Пошевеливайся, эльф, – снова раздался голос дворфа. – Нам ведь еще топать и топать!

Дзирт покачал головой и вытер саблю о мех поверженного монстра.

«Топай, топай, Бренор Боевой Топор, – улыбнувшись, прошептал он. – И можешь не сомневаться, что все зверье в округе заранее поспешит убраться с твоего пути!»

Глава 3 МЕДОВЫЙ ЗАЛ

На расстоянии многих миль к северу от Десяти Городов первые зимние морозы уже сковали льдом поверхность тундры. И не было здесь ни гор, ни деревьев, которые могли бы задержать безжалостный восточный ветер на его пути от Регхедского Ледника к морю. Айсберги Моря Плавающего Льда неторопливо двигались своим путем, и ветер неистово завывал, плутая между их заснеженными вершинами, мрачно напоминая, какие суровые времена уже не за горами. Но племена кочевников, которые провели здесь лето, охотясь на северного оленя, на этот раз почему-то не снялись со своих стоянок, чтобы, как обычно, последовать за стадами на юго-запад, в более гостеприимный в это время года район побережья. Сейчас вдаль, на обычно уныло-однообразном горизонте четко выделялась новая деталь пейзажа – огромный лагерь варваров. Происходил, пожалуй, наиболее крупный за последнее столетие сбор племен. Для вождей были разбиты большие шатры из оленьих шкур, вокруг которых теснились палатки воинов. В самом центре круга, образованного шатрами вождей, возвышалось огромное сооружение, призванное вместить всех до единого воинов, прибывших на сбор. Варвары называли его Хенгорот, Медовый Зал. Это было священное место, где провозглашались здравицы и воздавались почести Темпосу – богу Войны.

В эту ночь окружавшие Хенгорот костры горели тускло. Ожидалось, что сегодня, до заката луны прибудет король Хифстааг со своим народом Лося. Прочие уже были здесь и, собравшись внутри Хенгорота, приступили к торжествам, которые обычно предшествуют Большому совету. На каждом столе высилась огромная бочка с традиционным в таких случаях медовым напитком, и вскоре по всему залу воины уже всюду соревновались друг с другом в силе и ловкости. Племена варваров, не отличавшиеся миролюбием, нередко враждовали между собой, однако здесь, в Хенгороте, вспоминать о прежних обидах было не принято.

За первым столом виднелась крепко сбитая фигура короля Беорга. Взъерошенные белокурые волосы и уже порядком поседевшая борода обрамляли загорелое морщинистое лицо умудренного жизнью вождя. Плечи Беорга были широко расправлены. Варвары Долины Ледяного Ветра отличались могучим телосложением и ростом, будучи по меньшей мере на голову выше обитателей Десяти Городов. Можно было подумать, что природа создала их такими, чтобы полнее использовать безбрежные пространства пустынной тундры.

Эти люди были сродни земле, по которой скитались. Многолетний загар и суровые ветры превратили их бородатые лица в жесткие, лишённые выражения маски. Они не знали жалости к неудачникам и глубоко презирали жителей Десяти Городов, которых считали жалкими торгашами.

И все-таки сейчас, в священном зале общего собрания, среди них находился один такой ничтожный человечиска. Рядом с Беоргом стоял де Бернезан, черноволосый южанин – единственный из присутствующих, кто не был рожден и воспитан как варвар. Низкорослый де Бернезан стоял, судорожно втянув голову в плечи и нервно озираясь по сторонам. Он прекрасно знал, что варвары не очень-то жалуют чужаков и что любой из них, даже самый юный, своими огромными ручищами запросто переломит его пополам.

– Мужайся! – подбодрил его Беорг. – Сегодня ты поднимешь кружку вместе с воинами народа Волка. Если они поймут, что ты трусишь...

Он не договорил, но де Бернезан прекрасно знал, как здесь обходятся со слабаками, и потому, собравшись с духом, глубоко вздохнул и расправил плечи.

Беорг и сам заметно нервничал. Король Хифстааг был его главным соперником в борьбе за власть в тундре. Он предводительствовал войском, не менее многочисленным, дисциплинированным и сплоченным, чем его собственное.

Беорг был убежден, что время набегов на отдельные поселения прошло. Его план состоял в том, чтобы, собравшись с силами, раз и навсегда покорить Десять Городов. После этого можно будет спокойно жить в захваченных городах, пожиная плоды труда их обитателей и пользуясь богатствами, что приносят озера. Беорг не без оснований полагал, что у его народа имеется прекрасная возможность навсегда оставить рискованную кочевую жизнь и зажить в неведомой ранее роскоши. Теперь все зависело от согласия Хифстаага – одного из наиболее могущественных вождей варваров. Беорг не сомневался, что даже после победы над Десятью Городами соперничество между ними сохранится, Хифстааг просто так от власти не откажется. Но для начала следовало добиться поддержки Хифстаага в походе на Десять Городов. Отказ Хифстаага от похода был бы тяжелым ударом для всех, поскольку даже те, кто уцелеет в первых боях, должны будут вступить в жестокую схватку с зимой. Стада северных оленей давно ушли в сторону южных пастбищ, а в пещерах, находящихся на пути туда, запасов на зиму не сделано.

Радовало одно – в последнее время между племенами варваров не случалось серьезных размолвок, вот и сегодня обстановка в зале была вполне мирной. Основная ставка Беорга была на то, что племена объединятся в расчете на прочное благополучие в будущем. И пока что все шло хорошо.

Но многое по-прежнему зависело от Хифстаага.

* * *

Тяжелые сапоги воинов Хифстаага сотрясали землю. Огромный одноглазый король шагал впереди, возглавляя колонну. Заинтригованный предложением Беорга и слегка опасавшийся раннего начала зимы, Хифстааг решил двигаться днем и ночью, лишь изредка делая короткие привалы для отдыха и восстановления сил. Известный своим буйным нравом и искусным владением мечом, Хифстааг между тем был вождем, который привык тщательно взвешивать каждый шаг. Впечатляющий переход по ночной тундре, который они сейчас завершали, должен был лишний раз укрепить уважение, которое питали к его народу другие племена. Хифстааг редко упускал возможность обратить благоприятные обстоятельства на пользу себе и своим людям.

Сказать по правде, он не думал, что в Хенгороте может произойти что-либо неожиданное. Хифстааг с уважением относился к Беоргу. Они уже дважды встречались с ним на поле брани, но чаша весов победы так и не склонилась ни к одному из них. Если план Беорга и вправду окажется столь привлекательным, Хифстааг присоединится не раздумывая, с одним лишь условием – при равной с белокурым королем доле власти и добычи. Если уж

Беоргу так хочется, пусть воображает себя великим полководцем... Но главное, это захватить свою долю добычи и пережить зиму в тепле. А там, глядишь, удастся пересмотреть исходное соглашение и переделить награбленное...

Но вот показались огни лагеря, и колонна прибавила шагу.

– Песню, мои храбрые воины! – скомандовал Хифстааг. – От души, да погромче! Пусть все содрогнется от приближения народа Лося!

* * *

Беорг прислушался и понял, что Хифстааг уже близко. Прекрасно зная, на какие уловки способен его соплеменник, он нисколько не удивился, заслышав доносившуюся песнь о Темпосе. Его реакция была мгновенной. Белокурый король вскочил на стол и, обращаясь ко всему залу, прокричал:

– Слушайте меня, люди севера! Объявляю турнир песнопения!

Хенгорот в мгновение ока стал похож на огромный муравейник. Воины повскакивали с мест и бросились к знаменам своих племен. Множество голосов слились в едином порыве хвалебной оды богу Войны, повествовавшей о доблестных деяниях и почетной гибели на поле брани. Этой песней варвары учили своих детей, как только те начинали говорить. Песнь Темпоса служила мерилom силы племени и отличалась лишь припевом, в котором каждый народ упоминал себя. Сейчас воины от души надрывали глотки, поскольку суть турнира состояла в том, чтобы выяснить: чей именно призыв услышит Темпос.

Хифстааг подвел своих соплеменников ко входу в Хенгорот. Там, внутри, голоса воинов народа Волка явно перекрывали пение прочих, но воины Хифстаага не уступали по мощи голосов людям Беорга.

Один за другим, признавая превосходство народов Волка и Лося, смолкали голоса менее многочисленных племен. Соперничество двух оставшихся племен продолжалось довольно долго; никому не хотелось спасовать перед лицом божества. Внутри Медового Зала воины проигравших в турнире племен уже осматривали свое оружие. Все прекрасно знали, как часто в тундре вспыхивали войны только из-за того, что невозможно было четко определить победителя.

В конце концов вход в огромный шатер распахнулся и в зал вошел знаменосец Хифстаага – рослый юноша с горделивой осанкой. Внимательно осмотрев присутствующих, он поднес к губам горн из китовой кости и подал сигнал. Согласно традиции, пение немедленно прекратилось.

Знаменосец промаршировал через зал, направляясь прямо к королю Беоргу, старшему на этом сборе. Юноша, не мигая, выдержал испытующий взгляд короля, и Беорг мысленно отметил, что Хифстааг подобрал себе отличного герольда.

– Славный король Беорг! – начал знаменосец, когда в зале воцарилась полная тишина. – И все присутствующие здесь короли. Народ Лося просит вашего разрешения войти в Хенгорот и разделить с вами трапезу во славу Темпоса.

Беорг выдержал паузу. Ему вдруг стало интересно, удастся ли смутить юношу неожиданной задержкой.

Но герольд ни разу не моргнул и не отвел взгляда.

– Входите, – ответил наконец Беорг, пораженный самообладанием молодого воина. – И да будет вам оказан достойный прием!

«Хифстаагу бы твое самообладание, сынок», – пробормотал он себе под нос.

– Хифстааг, король народа Лося! – звонко прокричал герольд. – Сын Гротгульфа Сильного, сына Ангаара Храброго, трижды победивший большого медведя, дважды захватывавший Термалэйн, одним ударом сразивший в личном бою Раага Допинга, короля народа Медведя...

Это достижение Хифстаага вызвало глухой ропот в рядах воинов народа Медведя и явное недовольство короля Гаальфдана, сына Раага Допинга. Юноша говорил еще долго,

подробно перечисляя все мало-мальски достойные внимания поступки, звания и титулы Хифстаага, скопившиеся за все время его долгой и полной приключений жизни.

Подобно тому как турнир песнопения был соревнованием между племенами, перечень титулов и подвигов представлял собой своеобразное соревнование между вождями, каждое упоминание силы и доблести которых, конечно же, многое говорило и об их воинах. Этого момента Беорг опасался заранее, поскольку зачитываемый сейчас список подвигов Хифстаага был длиннее его собственного. Он прекрасно понимал, что одна из причин, побудивших Хифстаага прибыть последним, заключалась в том, что его список будет зачитан всем присутствующим – тем, кто слышал повествование о подвигах Беорга отдельно друг от друга, по мере прибытия в лагерь. Король, проводивший сбор, имел привилегию, позволявшую оглашать перечень своих доблестей каждому прибывающему племени, в то время как они могли объявлять о себе лишь тем, кто прибыл в лагерь раньше них. Явившись последним, когда все уже были в сборе, Хифстааг лишил Беорга этого важного преимущества.

Наконец знаменосец закончил свою речь и, вернувшись ко входу в зал, распахнул полог перед своим королем. Войдя, Хифстааг напрямик направился к Беоргу.

Облик Хифстаага лишь усиливал впечатление от длинного перечня его заслуг. Рыжебородый король, без малого семи футов ростом, в плечах был, пожалуй, даже шире Беорга. Хифстааг по праву гордился полученными в боях шрамами. Его глаз был вырван рогом строптивного оленя, а левая рука безнадежно повреждена в схватке с полярным медведем. Король народа Лося был опытным воином, ни у кого в тундре не было за плечами такого количества сражений, и, судя по его воинственному виду, он был готов и даже жаждал принять участие в новых битвах.

Короли твердо взглянули друг другу в глаза, и ни один не отвел взгляда.

– Волк или Лось? – спросил Хифстааг после некоторой паузы. Это был традиционный вопрос, всегда ставившийся напрямую в случае, если возникали трудности с определением победителя в турнире песнопения.

Беорг тщательно продумал ответ.

– Вызов был с честью принят, и вы соревновались достойно, – молвил он. – И пусть Темпос сам сделает выбор, хотя, думаю, даже ему будет нелегко принять решение.

Когда с формальностями было покончено, лицо Хифстаага несколько смягчилось и он широко улыбнулся сопернику.

– Ты хорошо встретил нас, Беорг, король народа Волка. Я от души рад видеть тебя, зная, что на твоём смертоносном копье подсыхает не моя кровь!

Дружеские слова Хифстаага застали Беорга врасплох. Он даже не мечтал о столь удачном начале Военного совета. И потому ответил в том же духе:

– И я рад, что мне не надо уворачиваться от смертоносных ударов твоего не знающего жалости топора.

Внезапно Хифстааг заметил рядом с Беоргом черноволосого человека, и улыбка сползла с его лица.

– По какому праву, да будет проклята моя доблестная кровь, этот южанин находится в Медовом Зале Темпоса? – резко спросил рыжебородый король. – Его место на юге, с такими же, как он, жалкими тварями или, по крайней мере, у костров, рядом с женщинами!

– Послушай меня, – обратился к нему Беорг. – Это де Бернезан, человек, крайне необходимый для нашей победы. Он провел в Десяти Городах больше двух зим и доставил мне крайне важные сведения.

– Так зачем он нам нужен?

– Он многое нам рассказал.

– Но это в прошлом, – сказал Хифстааг. – Какой нам толк от него сейчас? Он же наверняка не сможет сражаться рука об руку с нашими воинами!

Беорг бросил беглый взгляд в сторону де Бернезана, с трудом скрыв отвращение, что он питал к презренному трусу, предавшему свой народ в жалкой попытке наполнить

собственные карманы.

– Рассказывай свою историю, южанин, и да найдет Темпос в своем царстве место для твоих костей!

Предатель тщетно попытался выдержать стальной взгляд Хифстаага. Затем он кашлянул и, стараясь говорить как можно убедительнее, сказал:

– Когда вы захватите города рыбаков и овладеете их добром, вам понадобится кто-то, кто знает южный рынок. Тут-то я вам и пригожусь.

– И что ты хочешь за это?

– Я хочу благополучия, – ответил де Бернезан. – Благополучия и признания моих заслуг. Только и всего.

– Бах! – презрительно фыркнул Хифстааг. – Он предаст нас с такой же легкостью, с какой предал своих соплеменников! – с этими словами король выхватил из-за пояса боевой топор и двинулся к де Бернезану. Беорг, зная, что сейчас решается судьба его плана, напрягся.

Левой, покалеченной рукой Хифстааг схватил де Бернезана за длинные маслянисто-черные волосы, рывком вывернул его голову набок, обнажив шею, после чего, глядя южанину прямо в глаза, широко замахнулся топором. Неизвестно, чем закончилось бы это испытание, если бы Беорг, в нарушение всех традиций, не подготовил де Бернезана. Он внушил человеку, что, если он вздумает сопротивляться, его ждет неминуемая смерть. Однако, если он покажет готовность принять смертельный удар, ему, возможно, удастся сохранить жизнь. Собрав волю в кулак, де Бернезан взглянул на Хифстаага, и на его лице не дрогнул не один мускул.

В последний момент король варваров отвел удар в сторону – лезвие топора просвистело у самого горла южанина. Отпустив его, Хифстааг внимательно изучал де Бернезана своим единственным глазом.

– Честный человек полагается на справедливый суд тех, кого он выбрал своими повелителями, – сказал де Бернезан, стараясь говорить как можно тверже.

По залу пронесся гул одобрения, а когда вновь стало тихо, Хифстааг, повернувшись к Беоргу, спросил:

– Кто поведет нас в поход?

– А кто выиграл турнир песнопения? – вопросом на вопрос ответил Беорг.

– Отлично сказано, славный король, – с этими словами Хифстааг торжественно отсалютовал сопернику. – Значит, вместе – ты и я, и пусть никто не посмеет усомниться в нашем праве на это!

Беорг кивнул.

– Пусть смерть настигнет каждого, кто посмеет усомниться!

Облегченно вздохнув, де Бернезан переступил с ноги на ногу. Если Хифстааг или даже Беорг заметят лужицу у него под ногами, с жизнью наверняка придется распрощаться. Он снова потоптался на месте и вдруг, нервно осмотревшись, наткнулся на насмешливый взгляд молодого знаменосца. Лицо де Бернезана побелело от страха перед неминуемым позором и кошмарной смертью, однако в следующее мгновение знаменосец отвернулся от него и губы юноши растянулись в широкой улыбке. Вопреки бытовавшим среди этих грубых людей нравам, молодой воин совершил поистине благородный поступок, промолчал об увиденном.

Хифстааг обеими руками поднял топор над головой и возвел глаза к потолку. Выхватив свой топор, Беорг повторил этот жест, и они в один голос прокричали: «О, Темпос!» Затем, еще раз глянув сопернику в глаза, каждый лезвием топора глубоко взрезал себе левую руку, обильно обагрив оружие кровью. После этого они дружно размахнулись и метнули топоры через зал. Топоры почти одновременно вонзились в бочку с медовым напитком, и находившиеся поблизости воины бросились наполнять кружки благословенной влагой, освященной кровью своих королей.

– Хочу, чтобы ты выслушал мой план.

– Позже, мой благородный друг, – отвечал одноглазый король. – Давай сегодня

будем лишь петь и веселиться во славу грядущей победы. – С этими словами он дружески хлопнул Беорга по плечу и подмигнул ему своим единственным глазом. – Будем радоваться нашему союзу! Я вижу, ты не ожидал, что все решится так быстро и хорошо, – сказал он и от души расхохотался. Увидев, что Беорг внимательно наблюдает за ним, Хифстааг еще раз подмигнул ему, чтобы окончательно рассеять все возможные подозрения.

Праздник был в самом разгаре, когда Хифстааг, похотливо ухмыльнувшись, щелкнул пальцами, подозвав одного из своих помощников, и, толкнув плечом соперника, будто приглашая Беорга посмеяться над удачной шуткой, скомандовал:

– Приведите девок!

Глава 4 МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Его окружала тьма. К счастью, он не помнил, что произошло и где он находится. Вокруг была лишь мягкая и уютная темнота.

Затем его щеки запылали и он начал приходить в себя. Когда он наконец открыл глаза, его ослепил свет – настолько яркий, что, даже прищурившись, он мало что смог разглядеть.

Он лежал, уткнувшись лицом в снег. Вокруг теснились горы, их зазубренные вершины, покрытые огромными снежными шапками, быстро напомнили, где он находится. Они бросили его на одном из перевалов Средиземного Хребта. Они оставили его умирать.

Когда Акар Кесселл заставил себя поднять голову, ему стало не по себе. Яркий солнечный свет заливал все вокруг, однако жуткий холод и буйные горные ветры начисто рассеивали тепло, которое несли лучи светила. Здесь царила вечная зима, а Кесселл был одет очень легко, его одежда не могла противостоять убийственному натиску холода.

Они оставили его умирать.

Он медленно поднялся на ноги и тут же по колено провалился в рыхлый снег. Далеко внизу, на дне глубокого ущелья он увидел двигавшийся на север, в Лускан, караван чародеев. Они жестоко обманули его. Только сейчас он понял, что был всего лишь орудием в их руках.

Эльделак, Дендибар Пестрый и остальные.

Они и не собирались присваивать ему звание чародея.

«Как мог я оказаться столь наивным?» – зарыдал Кесселл. Перед его мысленным взором будто живой стоял Моркай, единственный, кто обходился с ним по-людски. Он живо припомнил радости, которые дарил ему чародей. Однажды Моркай обратил его в птицу, чтобы он почувствовал свободу полета, а как-то раз сделал рыбой, чтобы Кесселл смог повидать таинственный подводный мир.

А он отплатил за это ударом кинжала.

Находясь уже внизу, чародеи внезапно услышали нечеловеческий крик ужаса, эхо от которого еще долго гуляло по ущелью.

Эльделак расплылся в широкой улыбке и пришпорил коня.

* * *

Кесселл понуро брел по снегу. Он и сам не знал зачем, идти ему было некуда. У него не было никаких шансов выбраться отсюда. Эльделак сбросил его в наполненную снегом чашеобразную расселину. И в конце концов, сбив пальцы в кровь в попытках выкарабкаться наверх, Кесселл понял, что выбраться отсюда ему не удастся.

В который уже раз он попытался развести костер. Вытянув к небу растопыренную ладонь, он, стуча зубами, произнес магическое заклинание.

Безрезультатно.

Не возникло даже облачка дыма.

Он снова пошел вперед. Ноги болели. Кесселл почти не сомневался, что на левой ноге несколько пальцев уже давно отвалились, но снимать сапоги, чтобы убедиться в этом, он не

стал.

Он кружил по расселине, пытаясь ступать в свои же следы. Внезапно он поймал себя на том, что, сам того не желая, невольно приближается к центру. Он понятия не имел, почему так получается, но иступленно шагал вперед, ни о чем не задумываясь. Мир, застланный белой морозной дымкой, смутно маячил перед ним. Вот Кесселл почувствовал, что силы окончательно покидают его. Он рухнул в снег, который тысячей мельчайших игл вонзился в лицо. Ощувив легкое головокружение, Кесселл понял, что из него уходит сама жизнь.

И тут ему стало... тепло.

Сначала едва заметное, тепло с каждым мгновением усиливалось. Нечто невидимое явно подавало ему знак. Оно находилось прямо под ним, в снегу, однако даже через толщу снега Кесселл все сильнее ощущал животворную силу загадочного источника тепла.

Он начал копать. Не видя, что делают его руки, он тем не менее разрывал снег, стремясь навстречу жизни, и вот в конце концов наткнулся на что-то твердое и ясно ощутил, что тепло стало еще сильнее. Расчистив место вокруг загадочного предмета, он смог наконец высвободить его. В окоченевших руках Кесселла был зажат небольшой кубический кристалл, напоминавший кусочек льда. И все-таки от него исходило тепло. Кесселл снова испытал легкое головокружение, но на этот раз оно свидетельствовало о возвращении жизненных сил.

Кесселл не понимал, что происходит, по правде сказать, это его даже не интересовало. В нем затеплилась надежда на спасение, и этого было достаточно. Крепко прижав хрустальный камень к груди, он вернулся к испещренной трещинами стене расселины и стал высматривать наиболее укрытое от ветра место.

Выбрав небольшой навес и пристроившись поудобнее на том небольшом участке, где кристалл растопил лед, Акар Кесселл провел свою первую ночь в горах Средиземного Хребта. Теперь он был не одинок, с ним был хрустальный камень Креншинибон, древнее орудие зла, наделенный разумом камень, бесчисленное число лет терпеливо дожидавшийся именно такого человека, каким был Кесселл. Сейчас, проснувшись, камень обдумывал, как он будет управлять слабовольным Акаром. Камень был создан на заре развития этого мира и оказался в снегах Средиземного Хребта лишь благодаря досадной оплошности своих злобных создателей.

Креншинибон был чудовищным источником злых сил и черпал энергию прямо из дневного света. Он таил в себе огромную разрушительную мощь и мог надежно защитить своего владельца. Но главным достоинством Креншинибона была его способность питать энергией своего господина.

Безмятежно спавший Акар Кесселл даже не подозревал, что произошло. Он был бесконечно счастлив, что ему удалось уцелеть. Но осознание того, чем он теперь обладает, придет очень скоро.

Он наконец-то станет таким, каким ему всегда хотелось быть. И все будут преклоняться перед ним.

«Почет и уважение», – пробормотал он сквозь сон, который наваял ему Креншинибон.

* * *

Кесселл проснулся на восходе, который накануне не чаял и увидеть. Камень охранял его покой всю ночь, однако за это время он не просто не дал юноше замерзнуть. Кесселл проснулся уже совсем другим человеком. Вчера его волновало лишь то, сколько ему еще суждено прожить. Сейчас вопрос борьбы за жизнь отошел на второй план. Кесселл чувствовал, что сила буквально переполняет его.

На краю расселины показался белый олень.

«Венисон», – прошептал Кесселл. Ткнув указательным пальцем в сторону животного, чувствуя, как кровь закипает от избытка энергии, он произнес заклинание. В тот же миг из его руки ударила молния и олень упал замертво.

«Венисон», – мысленно повторил Кесселл и, не особо задумываясь над тем, что происходит, усилием воли перенес добычу к себе. При этом ему даже в голову не пришло, что фокусы с телекинезом никогда не входили в репертуар Моркая Красного, его учителя. Камень внимательно следил за его мыслями и ни в коем случае не позволил бы ничего лишнего. Кесселл ни о чем не задумывался, а лишь не переставал удивляться своим внезапно проснувшимся способностям.

Теперь у него были и пища, и тепло. Чуть подумав, он решил, что у настоящего чародея должен быть замок, место для занятий колдовством. Придя к такому выводу, он повернулся в сторону камня и увидел, что рядом с уже знакомым ему кристаллом лежит еще один, точно такой же. Кесселл, как ему показалось, догадался (хотя на самом деле это был лишь очередной подсознательный толчок со стороны управлявшего им Креншинибона), что камень каким-то образом почувствовал и исполнил его желание. Настоящий камень он легко отличил по исходявшему от него теплу и волшебной силе. Однако и второй явно излучал неведомую энергию. Взяв его, он отнес второй кристалл в центр расселины и положил на снег.

«Ибссум даль абдур», – пробормотал Кесселл, сам толком не понимая, зачем и почему он это говорит.

Солнечные лучи, попав на поверхность кристалла, преломились внутри него, и исходящий от него поток энергии усилился настолько, что Кесселл счел за лучшее отойти на несколько шагов. Камень явно питался солнечным светом, внутри него запульсировал еле заметный огонек, а в расселине стало темно, будто разом наступили сумерки.

И тут кристалл начал расти.

Спустя некоторое время его основание увеличилось настолько, что он почти целиком занял дно расселины. Кесселл даже испугался, что растущий кристалл вдавит его в скалистые стены. По мере роста вширь кристалл начал тянуться вверх, в точности сохраняя при этом пропорции исходного камня. Наконец рост прекратился. Перед Кесселлом возвышалась гигантская копия Креншинибона.

Кристаллическая башня... Кесселл внезапно поймал себя на мысли, что он прекрасно знает то, с чем имеет дело. Он знал даже имя этого камня: Кришал-Тири.

* * *

Поначалу Кесселл решил немного пожить в Кришал-Тири, благо дичи вокруг водилось великое множество. Он был родом из крестьян, его соплеменники никогда не стремились к почету и славе, и, хотя ему было приятно обладать сверхъестественными способностями, в душе он был крайне смущен столь явными проявлениями своего могущества.

Он никогда не понимал, как и почему тем, кто обладал даром магии, удавалось стать выше и сильнее обычных людей. Раздумывая над этим, он часто вводил самого себя в заблуждение, приписывая достижения других, а также свои собственные неудачи случайному выбору судьбы.

Теперь он обрел долгожданное могущество, но понятия не имел, что делать дальше.

Однако Креншинибон ждал своего часа слишком долго, чтобы расходовать энергию, выступая в качестве охотничьей сторожки этого жалкого человечка. С точки зрения камня, мягкотелость Кесселла была редкостной удачей. Еще немного, и он полностью овладеет Кесселлом. Управляя им посредством ночных посланий в сновидениях, он легко заставит юношу делать все, что потребуется...

Креншинибон прямо сгорал от нетерпения. Но вместе с тем он прекрасно понимал, что не стоит жалеть несколько лет на то, чтобы выковать из Кесселла безупречного носителя своей силы, зажать его волю и разум в железный кулак так, чтобы тот без колебаний нес в этот мир зло и разложение. У камня уже был опыт подобных действий. Там, в далеком прошлом, он много раз добивался успеха, создавая и пестуя озлобленных врагов спокойствия и порядка в самых различных пределах мира.

И ничто не помешает ему еще раз проделать то же самое.

Этой ночью Кесселл спал в уютных покоях второго этажа Кришал-Тири и ему снились сны завоевателя. Он мечтал не о разрушительных набегах на крупные города наподобие Лускана или о масштабном походе против целой страны, какой являлась, например, долина Десяти Городов. Нет, повинаясь воле камня, он вынашивал пока менее грандиозные, но зато куда более реалистичные планы, призванные положить начало созданию своего королевства.

Ему снилось, как он силой колдовства порабощает племена гоблинов, с легкостью заставляя их играть роль дворцовой свиты и выполнять свои малейшие прихоти... Проснувшись, Кесселл припомнил свой сон и решил, что идея совсем неплоха.

Чуть позже он отправился осматривать помещения третьего этажа и обнаружил там зал, полный самых невероятных приспособлений для колдовства. В какой-то момент Кесселл почувствовал, что пришло время сделать определенные движения руками и произнести ряд заклинаний, которые, как ему показалось, он некогда слышал от Моркая. Выполнив задуманное, он с удивлением обнаружил, что одно из зеркал, в изобилии висевших по стенам, окуталось легкой дымкой. Затем дымка рассеялась и изображение прояснилось.

Кесселл узнал показавшуюся в зеркале местность. Это была долина, которую они проезжали, держа путь в горы, где Эльделак, Дендибар Пестрый и остальные подло бросили его, обрекая на верную смерть.

По долине сновало множество гоблинов. Они явно были заняты обустройством лагеря. «Скорее всего кочевники», – подумал Кесселл: собираясь в поход, воины редко брали с собой женщин и детей. Склоны гор были испещрены выходами из пещер, но тех явно было недостаточно, чтобы дать приют всем желающим: племенам орков, гоблинов, огров и прочим, еще более воинственным монстрам. В долине шла непрерывная борьба за обладание жилищами, и малочисленные по сравнению с прочими племена гоблинов зачастую оставались без крова, а снаружи, за пределами долины, их ждали смерть или рабство.

«Как это кстати», – подумал Кесселл, размышляя, был ли его сон случайным совпадением или мудрым пророчеством. Внезапно его охватил новый порыв колдовской силы, и он, опять не вполне осознавая свои действия, пристально глядя в зеркало, послал гоблинам мысленное сообщение. Эффект оказался поистине ошеломляющим.

Гоблины, все как один, дружно повернулись в его сторону. Они явно были напуганы воздействием неведомой силы. Воины инстинктивно схватились за палицы и каменные топоры, а женщины и дети опрометью бросились за спины мужчин.

Один крупный гоблин, судя по всему вождь племени, осторожно сделал несколько шагов вперед.

Кесселл озадаченно потер подбородок и начал прикидывать, сколь велика его сила внушения.

– Придите ко мне! – обратился он к предводителю гоблинов. – И не вздумайте сопротивляться!

* * *

Спустя некоторое время племя гоблинов в полном составе появилось на некотором отдалении от башни. Судя по их лицам, они никак не могли взять в толк, что происходит. Кесселл позволил им немного полюбоваться великолепием своего жилища, после чего снова обратился к вождю и мысленно приказал ему подойти к Кришал-Тири.

Огромный гоблин отделился от толпы соплеменников и неверным шагом подошел к основанию башни. Дверей он не видел, поскольку вход в Кришал-Тири оставался невидимым для всех обитателей этого мира за исключением тех, кому Креншинибон или его владелец позволяли войти внутрь.

Кесселл провел дрожащего от страха гоблина на первый этаж. Оказавшись внутри, вождь испуганно стрелял глазами по сторонам, пытаясь обнаружить признаки присутствия сверхъестественной силы, заставившей его прийти сюда и позволившей попасть внутрь

ослепительного кристалла.

Чародей (титул этот теперь по праву принадлежал обладателю Креншинибона) заставил гоблина еще некоторое время томиться в ожидании, и это лишь усилило страх дикаря. Наконец Кесселл внезапно предстал перед ним, выйдя на лестничную площадку через потайную зеркальную дверь. Надменно взглянув на полумертвого от страха гоблина, он торжествующе расхохотался.

Увидев Кесселла, гоблин задрожал еще сильнее. Легким усилием воли чародей заставил его броситься на колени.

– Тебе известно, кто я? – громогласно спросил Кесселл жалобно скулящего вождя.

Ответ, вырванный из уст гоблина неведомой силой, последовал незамедлительно:

– Ты наш повелитель!

Глава 5 КОГДА-НИБУДЬ

Бренор размеренным шагом поднимался по каменистому склону холма. Его ноги, казалось, сами находили надежную опору. И в этом не было ничего удивительного, он частенько забирался сюда, на самую высокую вершину южного склона долины дворфов. Жители Десяти Городов привыкли наблюдать его в задумчивости стоящим на макушке холма и даже окрестили это нагромождение валунов в его честь Подъемом Бренора. Чуть ниже места, где он сейчас стоял, виднелись огни Термалэйна, за которым простиралась обширная водная гладь Мир Дуальдона, расцвеченная неторопливо раскачивающимися фонарями рыбацких лодок.

Дворф гордо возвышался над тундрой. Звездное небо сверкало, будто отполированное ледяным ветром, поднявшимся сразу после захода солнца, и временами Бренору казалось, что он безмятежно парит в небесах.

Он приходил сюда, чтобы остаться наедине с самим собой, и воспоминания неизменно уносили его на далекую родину. Мифрил Халл – земля его отцов и праотцев, где величаво струили свои воды огромные реки и молоты дворфов день-деньской звенели в кузницах, воздавая хвалу Морадину и Думатойну. Бренор был еще безусым юнцом, когда его народ дерзнул слишком углубиться в недра земли в поисках руды и был безжалостно изгнан с насиженных мест темными силами мрачных пещер. Сейчас Бренор был старейшим из уцелевших в той войне, последним, кто воочию видел несметные богатства Мифрил Халла.

А тогда дворфы-изгнанники остановили свой выбор на скалистой долине, расположенной меж двух северных озер, и стали первым после варваров народом, пустившим корни в Долине Ледяного Ветра.

Их клан представлял собой жалкие остатки некогда могучего народа. В сущности они были не более чем кучкой бродяг, сломленных потерей родины и богатств, нажитых многовековым трудом. Со временем их становилось все меньше и меньше, старики умирали в печали и скорби о былом. И хотя здесь рудники приносили неплохой доход, видно, такова уж была их судьба – навеки исчезнуть с лица земли, не оставив о себе даже памяти.

Впрочем, когда Десять Городов стали разрастаться, удача сопутствовала дворфам. Их долина располагалась чуть севернее Брин Шандера, примерно на таком же расстоянии от столицы, как рыбацкие городки, и люди, постоянно враждовавшие между собой или на время объединявшиеся, чтобы дать отпор захватчикам, с радостью покупали доспехи и оружие, сработанные искусными руками дворфов.

Но даже сейчас, когда его клан был вроде бы на подъеме, Бренор мучительно тосковал по былым временам. Жизнь в долине Десяти Городов он расценивал лишь как привал на пути к решению главной задачи – возвращению в Мифрил Халл.

– Не самая теплая ночь для того, чтобы торчать на скале, а, старина? – слышался голос из-за спины.

Дворф обернулся навстречу Дзирту До'Урдену, хотя прекрасно понимал, что разглядеть

эльфа на фоне черного силуэта Пирамиды Кельвина ему не удастся. Отсюда, с вершины холма, гора представлялась единственной вершиной, вносящей разнообразие в монотонный пейзаж долины. Гора называлась так странно из-за того, что напоминала сложенный разумными существами курган. Одна из легенд гласила, что это и в самом деле древний могильник. В отличие от горы долина, где обитали варвары, не напоминала вообще ничего. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простиралась однообразно голая, безжизненная тундра. Правда, их долина была густо усыпана огромными валунами и обломками скал, что наравне с Пирамидой Кельвина делало ее поистине уникальным местом. Можно было подумать, что в момент зарождения мира создатель ошибся и мимоходом случайно просыпал эти камни на плоскую поверхность Долины Ледяного Ветра.

Дзирт заметил, как блестят глаза друга.

– Ты опять пытаешься разглядеть то, что видно лишь твоей памяти, – сказал он, прекрасно зная об одержимости дворфа идеей возвращения на родину.

– Я еще увижу свою землю, – отвечал Бренор. – Мы вернемся туда, эльф!

– Но ведь мы не знаем даже дороги туда.

– Дорогу можно найти, – упрямо сказал дворф. И добавил: – Если хорошо искать.

– Когда-нибудь... в один прекрасный день... – улыбнулся Дзирт.

С тех пор как они с Бренором стали друзьями, эльф неустанно, впрочем вполне беззлобно, изводил приятеля разговорами о том, как они отправятся на поиски Мифрил Халла. В душе Дзирт считал это совершенно бессмысленной затеей. С кем бы он об этом ни заговаривал, никто толком не мог подсказать или хотя бы намекнуть, в каких краях следует искать древнюю родину дворфов, а сам Бренор мог припомнить лишь размытые силуэты каких-то серебристых холмов. И все-таки эльф тепло относился к навязчивой идее друга, и потому каждый раз, когда Бренор заговаривал о Мифрил Халле, Дзирт неизменно отвечал, что «да, конечно, когда-нибудь».

– Но сейчас у нас есть куда более важные дела, – напомнил другу эльф. Днем на общем собрании дворфов он уже подробно поведал о своих наблюдениях.

– Значит, ты уверен, что они нагрянут? – спросил Бренор.

– Да, на этот раз они настроены так решительно, что мимоходом могут сравнять с землей и Пирамиду Кельвина, – ответил Дзирт, выйдя из тени и встав рядом с другом. – И если Десять Городов не объединятся, чтобы противостоять их натиску, люди обречены.

Бренор присел и обратил взор в сторону далеких огней Брин Шандера.

– Нет, эти тупицы ни за что не объединятся.

– Все возможно, если твои дворфы попытаются их убедить.

– Нет, – проворчал Бренор. – Но если они выступят единым фронтом, мы будем драться на их стороне, и тогда мне жаль несчастных варваров! Иди, говори с ними, если хочешь. Я от души пожелаю тебе удачи, но мы их увещевать не будем! Погляди, хватит ли ума у этих рыболовов.

Дзирт лишь горько усмехнулся. Обоим было известно, что мало того, что эльфу никто не поверит, – его, скорее всего, даже и слушать не станут. Разве только в Одинокое Лесу, да и то лишь потому, что там их друг Реджис занимает почетный пост выборного представителя. Бренор заметил, как сник эльф; ему тоже стало грустно, хотя он и видел, что Дзирт старается не подавать вида.

– Люди обязаны тебе столь многим, что даже неспособны это осознать, – сказал дворф и повернулся к другу.

– Они так не считают.

Бренор покачал головой.

– Тогда какое тебе до них дело? – вспыхнул он. – Вечно ты заботишься о тех, кому на тебя наплевать. Или, может, ты в долгу перед ними?

Не зная, что ответить на это, Дзирт лишь пожал плечами. Когда он только пришел на эту землю, единственным, кто встретил его приветливо, был Реджис. Дзирт частенько сопровождал хафлинга в полных опасности поездках в Брин Шандер, когда Реджис

отправлялся в столицу по торговым делам или на заседания Совета. Да они и познакомились в тундре. Реджис тогда, помнится, попытался удрать от Дзирта, который слыл жутким монстром. К счастью для обоих, Реджис оказался хафлингом, а этот народ отличался на редкость доброжелательным нравом и способностью думать самостоятельно. Они быстро подружились.

Но до сих пор Реджис и дворфы оставались здесь единственными, кто считал эльфа своим другом.

– Я и сам не знаю, какое мне дело до всей этой истории, – честно признался эльф. – Возможно, их судьба волнует меня потому, что я стараюсь не быть похожим на своих соплеменников, – пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Бренору. – А может быть, это из-за того, что я и впрямь не такой, как другие эльфы. Может быть, вы, живущие на поверхности, мне ближе, чем собственный народ... На это мне, по крайней мере, очень хотелось бы надеяться. Я не могу оставаться безучастным. И согласись, что в этом ты не очень отличаешься от меня, Бренор Боевой Топор. Лишись мы этого чувства – и наша жизнь опустеет...

Бренор недоверчиво покосился на эльфа.

– Возможно, ты не хочешь признаться в этом мне, однако себя-то не обманешь.

– Бах! – фыркнул Бренор. – Конечно же, их судьба меня волнует. Надо же моему народу с кем-то торговать!

– Не упрямясь, – улыбнулся Дзирт. – А Кэтти-бри? – продолжал он. – Что ты скажешь о девочке, осиротевшей несколько лет назад после одного из набегов варваров на Термалэйн? Кто взял ее к себе и растит как собственную дочь? – Бренор был несказанно рад тому, что ночная тьма скрывает румянец, густо заливший его щеки. – Она ведь все еще живет у тебя, хотя запросто могла бы вернуться к людям. Может, все дело в том, что ты продолжаешь заботиться о ней, а, суровый дворф?

– Ладно, закрой рот, – проворчал Бренор. – Девчонка просто прислуживает в моем доме, мне действительно легче управляться с хозяйством, когда она рядом. Только не пытайся выдавить из меня слезу напоминаниями о том, что я когда-то позаботился о ней!

– Упрямый болван! – снова сказал эльф, на этот раз громче, чем в первый раз. Теперь у него оставался последний аргумент. – А как тогда насчет меня, а? Ведь дворфы обычно не очень-то жалуют даже светлых эльфов, не говоря уж о темных. Чем ты объяснишь дружеские чувства ко мне? Ведь я не могу ничего предложить тебе взамен, кроме собственной дружбы. Так какое тебе дело до меня?

– Ну... ты порой приносишь интересные новости и... – Поняв, что Дзирт все-таки загнал его в угол, Бренор умолк на полуслове.

И эльф не стал продолжать разговор.

Друзья молча смотрели, как один за другим гаснут огни Брин Шандера.

Несмотря на свою внешнюю суровость, Бренор был тонко чувствующей натурой и в душе не мог не признать, что кое в чем эльф прав: ему действительно была безразлична судьба людей, живших на берегах трех озер.

– Ну и что ты собираешься делать? – спросил он после долгого раздумья.

– Я намерен предупредить их, – ответил Дзирт. – Мне кажется, что ты, Бренор, несколько недооцениваешь своих соседей. На самом деле они сделаны не из такого мягкого теста, как это может показаться на первый взгляд.

– Согласен, – сказал дворф. – Но мне не по душе их нрав. Не проходит и дня, чтобы на озерах не вспыхнула потасовка. И все из-за какой-то вонючей рыбы. Они отсиживаются за стенами городов, а гоблины, пользуясь этим, легко расправляются с жителями мелких деревень! Пусть сначала они докажут, что способны драться за общее дело!

Дзирт не мог не признать, что Бренор на редкость точно описал повадки рыбаков. В последние несколько лет костяная форель ушла на глубины, ее стало гораздо труднее добывать, и между людьми развернулось острейшее соперничество. Города находили общий язык с превеликой неохотой, ведь каждый только и мечтал о том, чтобы обставить соседей.

– Через два дня в Брин Шандере состоится Совет, – сказал Дзирт. – Я уверен, что время еще есть. Хотя промедление смерти подобно, однако я не думаю, что нам удастся свести представителей городов хотя бы днем раньше. Да к тому же нужно время, чтобы как следует растолковать Реджису, как убедить остальных выборных: ведь именно им предстоит взвалить на себя бремя командования армией.

– Это Пузатый-то их убедит? – фыркнул Бренор, назвав Реджиса шутливой кличкой, которой некогда наградил его за неумный аппетит. – Да ведь он заседает в Совете лишь для того, чтобы лишний раз хорошенько набить брюхо! Они прислушаются к его словам не больше, чем к своим собственным, эльф!

– Ты недооцениваешь хафлинга даже больше, чем обитателей Десяти Городов, – заметил Дзирт. – Не забывай, что у него есть камень.

– Бах! Искусно ограненная безделушка, и не больше того, – настаивал Бренор. – Я видел его не раз, но он никак на меня не повлиял.

– Волшебство – крайне тонкая штука и, возможно, недостаточно мощная, чтобы проникнуть под твой крепкий череп, – расхохотался Дзирт. – Но рубин действительно таит в себе самую настоящую магию. Я ясно вижу это, и мне известна история камня. С его помощью Реджис способен воздействовать на Совет в гораздо большей степени, чем ты можешь допустить. Не будем терять надежду, тем более что некоторые из членов Совета могут выступить против союза либо в силу своего дурацкого, самонадеянного стремления к полной независимости, либо полагая, что набег варваров на соседние города пойдут на пользу их собственным общинам. Брин Шандер, конечно, ключевой город, но столица с большей охотой заключит союз, если сначала это сделает, например, Таргос.

– Думаю, что Истхейвен не останется в стороне, они всегда были сторонниками объединения.

– И Одинокый Лес тоже, ведь от их имени будет говорить Реджис. А вот выборный от Таргоса, Кемп, наверняка будет считать, что они смогут отсидеться за крепостной стеной, в то время как Термалэйн вряд ли будет обрадован тем, что ему придется первому встретить варваров.

– Да, Таргос вряд ли вступит в союз, в котором окажется Термалэйн. И еще, эльф, без поддержки Таргоса трудно будет убедить представителей Конига и Диневала!

– Для этого-то и нужен Реджис, – объяснил Дзирт. – Уверяю тебя, что его рубин способен творить чудеса.

– Опять ты об этом камне, – усмехнулся Бренор. – Но Пузатый говорил, что у Магистра его гильдии таких камней было целых двенадцать. Не верится мне, что волшебные камни попадают сразу дюжинами!

– Реджис говорил, что у Магистра было двенадцать похожих камней, – поправил его Дзирт. – Если хочешь знать, хафлинг понятия не имел, все двенадцать или лишь какой-то один были волшебными.

Тогда почему это Магистр подарил Пузатому именно волшебный камень?

Дзирт оставил вопрос без ответа, но по его красноречивому молчанию Бренор вскоре сам пришел к очевидному выводу. Реджис имел слабость не оставлять без внимания чужие вещи, и хотя хафлинг рассказывал, что камень достался ему в подарок...

Глава 6

БРИН ШАНДЕР

Брин Шандер резко отличался от остальных поселений в Десяти Городах. Его флаг гордо реял на вершине холма, расположенного в центре тундры примерно на равном расстоянии от всех трех озер, чуть к югу от долины дворфов. У города не было ни кораблей, ни пристаней на озерах, но все равно Брин Шандер по праву являлся не только административным, но и торговым центром долины.

Сюда направлялись торговые караваны из Лускана, сюда приносили свой товар

дворфы, здесь жили наиболее искусные ремесленники и резчики по кости. Процветание прочих городов зависело не только от количества добытой рыбы, но и от близости к Брин Шандеру. Именно поэтому Термалэйн и Таргос, расположенные на юго-восточных берегах Мир Дуальдона, а также Кер-Кониг и Кер-Диневал, стоявшие на западных берегах Лек Деннишира, – эти четыре города, находившиеся на расстоянии не более одного дня пути от столицы, играли заметную роль в жизни долины.

Брин Шандер был окружен высокой крепостной стеной. Находившиеся внутри приземистые деревянные домики мало чем отличались от подобных построек в других городах за исключением, пожалуй, того, что стояли гораздо теснее. Здесь под одной крышей зачастую жили по несколько семей. Хотя Брин Шандер и был в известной степени перенаселен, от остальных городов он отличался гораздо большей цивилизованностью, в нем было куда больше порядка.

Проходя сквозь окованные железом северные ворота столицы, Реджис всякий раз с наслаждением вдыхал встречавшие его ароматы и прислушивался к звукам большого города. Конечно, нельзя было сравнивать Брин Шандер с гигантскими мегаполисами юга, однако шум и суeta рынков и изобилие лавок неизменно наталкивали его на воспоминания о Калимпорте. И в точности как и там, люди на улицах Брин Шандера представляли все без исключения народы, обитавшие в долине. Высокие темнокожие жители тундры сновали среди бледнолицых путешественников, и зычные голоса смуглых южан смешивались с грубой отрывистой речью горцев, когда они, сидя за столами многочисленных кабачков, похвалялись друг перед другом захватывающими дух историями любовных приключений и воинской доблести.

Реджис не переставал удивляться тому, как схожи шумы больших городов. Стоило ему лишь на мгновение закрыть глаза, идя по одной из узких улочек Брин Шандера, и воображение тут же переносило его в милый сердцу Калимпорт.

Впрочем, на этот раз у хафлинга было столь важное дело, что шум большого города не вызывал у него обычного возбуждения. Реджис был напуган мрачными новостями темного эльфа и волновался из-за того, что именно ему придется доложить их Совету.

Уклонившись от шумного торгового района, Реджис миновал особняк Кассиуса, выборного представителя от Брин Шандера. Это здание было, пожалуй, самым крупным и, вне всякого сомнения, наиболее роскошным из всех строений Десяти Городов. Его фасад был украшен внушительной колоннадой, а стены покрывала искусная резьба. Первоначально здание предназначалось для заседаний членов Совета, но по мере того как этот орган утрачивал свою ведущую роль в общественной жизни Десяти Городов, Кассиус, будучи тонким дипломатом и действуя методом кнута и пряника, повел дело так, что со временем дом этот стал его личной резиденцией, а заседания Совета стали проводиться в очень кстати освободившемся на окраине складе. Некоторые выборные пытались было протестовать, но если жители остальных городов время от времени и изыскивали средства воздействовать на Брин Шандер, когда речь шла о принципиальных вопросах, то место проведения заседаний Совета их мало интересовало. Кассиус прекрасно понимал важность Брин Шандера для прочих городов и умело пользовался этим для усиления своего влияния. Гвардия Брин Шандера легко могла противостоять объединенным войскам остальных городов, а офицеры Кассиуса пользовались исключительной монополией на установление торговых связей с южанами. Представители других городов, конечно, могли бы спорить и требовать возвращения заседаний Совета на прежнее место, однако, в силу зависимости от столицы, они никогда не решились бы выступить лично против Кассиуса.

Реджис появился в зале заседаний последним. Бросив взгляд на девятерых сидевших за столом выборных представителей, он вдруг в который уже раз смутно почувствовал себя здесь лишним. На самом-то деле его выбрали представителем от Одинокого Леса главным образом потому, что желающих больше не нашлось, в то время как его коллеги из других городов оказались в Совете благодаря множеству заслуг и героических поступков. Это были настоящие лидеры своих общин, люди, делавшие все возможное для процветания и

повышения обороноспособности городов. Все они были испытанными бойцами – ведь гоблины и варвары посещали Десять Городов едва ли не чаще, чем на небе появлялось солнце. Для того чтобы выжить в долине, необходимо было уметь драться, и члены Совета действительно были доблестными воинами.

Реджису еще не доводилось выступать на Совете. Его маленький Одинокый Лес, расположенный в небольшом пихтовом лесу, никогда и никого ни о чем не просил. А учитывая его малочисленный рыболовный флот, остальные три города, делившие с ним Мир Дуальдон, никогда не предъявляли к нему претензий. Присутствуя на Совете, Реджис не особенно торопился высказывать свое мнение, ну разве что в ходе голосования, да и то всегда отдавал свой голос в пользу всеобщего согласия. В случае если мнения разделялись, Реджис всегда был на стороне Кассиуса. Выступая в поддержку Брин Шандера, ошибиться было невозможно.

Сегодня Реджис чувствовал себя подавленно. Те страшные вести, которые он собирался изложить, несомненно вызовут град насмешек и язвительных замечаний. Хафлинг глянул в сторону двух наиболее влиятельных выборных. Кассиус – представитель Брин Шандера – и Кемп – выборный от Таргоса – непринужденно болтали, сидя во главе массивного прямоугольного стола. Кемп был невысок ростом, но отличался плотным телосложением. Узловатые мускулистые руки выдавали в нем жителя пограничного городка. Кемп был известен суровым нравом, внушавшим страх как врагам, так и друзьям.

В противоположность ему Кассиуса никак нельзя было принять за доблестного воина. Тщедушная фигура, коротко подстриженные седые волосы, начисто лишенное растительности лицо... Его большие ясные синие глаза прямо-таки лучились. И все-таки любой, кому доводилось повидать его с мечом в руке во главе своих отрядов на поле боя, никогда не усомнился бы в его воинском мастерстве и храбрости. Реджис относился к нему с искренним уважением и тем не менее всегда проявлял осторожность.

– Внимание! – объявил наконец Кассиус, ударив молотком по столу.

По традиции председательствующий всегда открывал Совет, зачитывая длинный список титулов присутствующих. Изначально эта церемония была придумана, чтобы придать Совету значительность, и впечатляла в основном посланцев мелких поселков, которые иногда приезжали, чтобы выступить от лица своих общин. Сейчас же, с уменьшением общественной роли Совета как такового, формальное представление присутствующих лишь затягивало заседание, что крайне раздражало выборных. Поэтому раз за разом вводная часть все более сокращалась.

Закончив чтение, Кассиус перешел к основным вопросам.

– Первый вопрос повестки дня, – объявил он, даже не глянув в лежащие перед ним бумаги, – касается территориального спора между Кер-Конигом и Кер-Диневалом о разделе вод Лек Деннишира. Я вижу, что Дорим Лугар из Кер-Конига привез документы, о которых шла речь в прошлый раз. Поэтому предоставляю слово ему.

Дорим Лугар, смуглый худощавый человек с вечно бегающими глазками, выскочил из своего кресла.

– У меня в руках, – заявил он, сжимая в кулаке свиток старинного пергамента, – исходное соглашение между Кер-Конигом и Кер-Диневалом, подписанное полномочными представителями обоих городов. – С этими словами он ткнул пальцем в сторону представителя от Кер-Диневала: – Тут стоит и ваша подпись, Енсин Брент!

– Соглашение подписано во времена вечной дружбы, – парировал Брент, золотоволосый молодой человек с удивительно простодушным выражением лица, которое нередко позволяло ему легко обводить вокруг пальца людей, считавших его наивным. – Разверни свиток, уважаемый Лугар, и позволь Совету ознакомиться с ним. Пусть уважаемые выборные представители сами убедятся, что в договоре даже не упоминается Истхейвен, а это чрезвычайно важный в данном случае момент. – Сказав это, Брент обернулся к присутствующим. – В то время, когда подписывался договор о разделе озера, Истхейвен и поселком-то назвать было нельзя, – в который уже раз объяснил он. – Тогда у них еще не

было ни одной лодки.

– Уважаемые коллеги! – взвыл Дорим Лугар, вырвав выборных из сонного оцепенения, которое уже начало охватывать зал. Спор продолжался в течение уже четырех заседаний, и ни одна из сторон так до сих пор и не добила перевеса. Вопрос этот был абсолютно безразличен всем, кроме представителей от Конига, Диневала и Истхейвена.

– Вне всякого сомнения, Кер-Кониг не может нести ответственность за возникновение Истхейвена, – сказал Дорим Лугар. – Кто мог предположить, что они построят Восточный Путь? – задал он риторический вопрос, имея в виду дорогу, проложенную от Истхейвена к Брин Шандеру. Как показало время, это было мудрым решением и сильно способствовало развитию городка, расположенного на юго-восточном берегу Лек Деннишира. Соединив преимущество удаленности от основного мира с легкостью перевозки грузов, которую давала дорога, Истхейвен стал одним из наиболее быстро развивающихся поселений Десяти Городов. В настоящее время его флот по численности не уступал флоту Кер-Диневала.

– И в самом деле, этого никто не мог предвидеть, – сказал Енсин Брент. – Совершенно очевидно, что рост Истхейвена поставил Кер-Диневал в условия жесткой конкуренции за наиболее ценные в промысловом отношении участки озера и лишил возможности свободно распоряжаться его северной половиной. И при этом Кер-Кониг нагло отказывается пересматривать условия договора, что совершенно необходимо для восстановления равных прав! Мы не можем развиваться в таких условиях!

Реджис понял, что надо действовать, пока спор между Брентом и Лугаром не вышел из-под контроля. Два предыдущих заседания были перенесены из-за того, что дискуссия становилась неуправляемой. Сейчас Реджис ни в коем случае не мог допустить, чтобы Совет прервался до того, как он сделает сообщение о готовящемся нашествии варваров. Он чуть помедлил, еще раз все взвесил и окончательно понял, что отвертеться от возложенной на него миссии вряд ли удастся. Вдобавок, если он промолчит, весь этот чудесный мир рухнет. Несмотря на все уверения Дзирта, Реджис все-таки сильно сомневался в колдовских чарах своего камня. Хотя следовало признать, что благодаря поддержке Дзирта он почти полностью избавился от извечной неуверенности, присущей всем, кто невелик ростом.

Реджис стиснул лежавший перед ним на столе деревянный молоточек. Его рукоятка непривычно неловко легла в руку, и хафлинг запоздало сообразил, что ему еще ни разу не приходилось пользоваться этим инструментом в зале заседаний. Он легонько постучал по столу, но присутствующие были настолько захвачены словесной дуэлью между Лугаром и Брентом, что на Реджиса никто не обратил внимания. Тогда, вновь напомнив себе о чрезвычайной важности того, что он должен сказать, Реджис размахнулся и что было сил ударил молотком по столу.

Это подействовало. Выборные представители дружно повернулись в его сторону и все как один застыли в изумлении.

Кассиус грохнул об стол своим молотком.

– Слова просит представитель... э-э, представитель от Одинокого Леса, – сказал он. По его не вполне уверенному тону Реджис понял, что председатель сомневается, стоит ли вообще давать ему слово.

– Уважаемые коллеги, – еле слышно пискнул Реджис. – При всем уважении к вопросу спора между Кер-Диневалом и Кер-Конигом я считаю, что у нас есть более серьезная тема для обсуждения.

Енсин Брент и Дорим Лугар оторопели. Они были взбешены тем, что их так бесцеремонно прервали, однако остальные внимательно слушали хафлинга.

«Неплохое начало, – подумал Реджис, – похоже, я полностью завладел их вниманием». Он откашлялся и постарался говорить громче.

– У меня есть сведения, что племена варваров объединили свои полчища и собираются напасть на Десять Городов! – Хотя Реджис пытался передать весь драматизм ситуации, замолчав, он увидел перед собой девять явно скучающих разочарованных лиц. – Если мы не заключим союз, – продолжал хафлинг срывающимся от волнения голосом, – толпы варваров

сметут наши города один за другим, безжалостно убивая всех и каждого, кто решится противостоять им!

– Уважаемый коллега, – снисходительно произнес Кассиус. – Мы неоднократно сталкивались с набегами варваров раньше. Не думаю, что стоит...

– Но сейчас, – повысил голос Реджис, – все племена варваров объединились в одну огромную армию! В прошлых набегах отдельные племена нападали на какой-либо город, и мы легко отражали их атаки. А сейчас... как, скажите на милость, Термалэйн, Кер-Кониг или даже Брин Шандер смогут в одиночку противостоять орде варваров, собравшихся со всей Долины Ледяного Ветра?

Некоторые выборные, откинувшись в креслах, задумались над словами хафлинга. Остальные возбужденно заговорили между собой, выражая как явную озабоченность, так и насмешливое недоверие. В конце концов Кассиус, призывая Совет к спокойствию, вновь стукнул молотком об стол.

Со своего места неторопливо поднялся Кемп из Таргоса.

– Позволь мне сказать несколько слов, друг Кассиус! – непривычно учтиво сказал он. – Думаю, что смогу в правильном свете оценить это, без сомнения, мрачное заявление нашего коллеги.

Когда Реджис и Дзирт планировали выступление хафлинга, они заранее обдумывали возможную расстановку сил. Они прекрасно понимали, что, например, основанный на принципах братства Истхейвен будет всецело за совместный отпор нашествию варваров, как, впрочем, и расположенные на отшибе и потому особенно уязвимые Термалэйн и Одинокий Лес.

Однако они также понимали и то, что депутат Агорвал из Термалэйна скорее всего промолчит, если Кемп из Таргоса откажется поддержать план объединения. Таргос был наиболее крупным из девяти рыбацких городов и обладал многочисленным флотом, более чем в два раза превышавшим флот Термалэйна, второго по величине города.

– Уважаемые коллеги, – начал Кемп, облокотившись на стол и явно стараясь выглядеть солиднее. – Давайте не будем волноваться до поры, а сначала как следует проанализируем новости хафлинга. Нам уже не раз приходилось сталкиваться с набегами варваров, и опыт показывает, что защитные сооружения городов вполне надежны.

По мере того как Кемп говорил, Реджис все больше приходил в возбуждение. Когда они с Дзиртом обсуждали возможный ход развития событий, эльф решил, что главное – это склонить на свою сторону Кемпа из Таргоса, но Реджис прекрасно понимал, что сделать это будет не так-то просто. Кемп был живым воплощением своего могучего города. Порой он вел себя столь бесцеремонно, что сбивал с толку даже самого Кассиуса.

«Если Таргос решит заключить союз с Одиноким Лесом, – рассуждал Дзирт, – Термалэйн с радостью присоединится, после чего Бремен ни в коем случае не захочет оставаться в одиночестве. Далее, Брин Шандер, безусловно, не станет противостоять союзу четырех городов крупнейшего и наиболее богатого рыбой озера, а присоединение к ним Истхейвена даст в сумме шесть, а это уже большинство. После этого у остальных уже не будет выбора».

Дзирт не сомневался, что Кер-Диневал и Кер-Кониг, опасаясь, что Истхейвен получит преимущество на дальнейших Советах, обеими руками проголосуют за союз, надеясь заслужить расположение Кассиуса. После этого Гуд Мид и Дуган Хол, расположенные на Красных Водах, в относительной безопасности от нашествия с севера, вряд ли рискнут остаться в стороне от союза.

Но сейчас Реджис по виду взиравшего на него через стол Кемпа понял, что все это были не более чем наивные предположения. Дзирт не ошибался, считая, что наиболее серьезным препятствием в создании союза будет Таргос. В своем высокомерии этот могучий город запросто мог решить, что ему удастся выдержать любой натиск варваров. А если так, военные неудачи прочих городов, пожалуй, даже можно будет обратить себе на пользу.

– Вы говорите, что вам стало известно о возможном нападении, – обратился к Реджису

Кемп. – И где же, позвольте спросить, вам удалось добыть столь ценную и, вне всякого сомнения, тщательно скрываемую информацию?

Реджиса прошиб пот. Он прекрасно понял, на что намекает Кемп, но увиливать сейчас было бессмысленно.

– От друга, который часто путешествует по тундре, – честно ответил он.

– Вы имеете в виду эльфа? – спросил Кемп.

Реджис сообразил, что пора переходить в наступление. Однажды, давным-давно, отец советовал ему, общаясь с людьми, всегда быть начеку, поскольку они привыкли взирать на хафлингов с высоты своего роста совсем как на детей.

– Я, конечно, не могу говорить от имени всех присутствующих, – усмехнувшись, произнес Кемп, – но лично у меня полным-полно куда более серьезных дел, чем подготовка города к обороне лишь из-за того, что какому-то темному элфу что-то там показалось! – С этими словами представитель от Таргоса громко расхохотался. И на этот раз в своем веселье он был не одинок.

Агорвал, выборный от Термалэйна, широко улыбаясь, подыграл Кемпу:

– Пожалуй, мы должны дать представителю от Одинокого Леса возможность продолжить. Если его доводы будут достаточно убедительны...

– Его слова – не более чем отголосок болтовни эльфа, – вскипел Кемп. – Не обращайтесь на них внимания. Мы и раньше бились с варварами, и на этот раз...

Не успел он закончить, как Реджис, не теряя времени даром, вскочил на стол. Настал последний этап воплощения их с эльфом плана. Собравшись с духом, он заложил руки за спину и, стараясь выглядеть как можно более серьезно, заговорил, мечтая лишь о том, чтобы председательствующий не успел принять немедленных мер в ответ на его столь вызывающее поведение.

Мгновением раньше, когда говорил Агорвал, Реджис выудил из-под жилетки цепочку с рубином. Сейчас драгоценный камень сиял и переливался на его груди, в то время как хафлинг деловито прохаживался по столу, будто по сцене.

– Что вы знаете об элфе, чтобы так строго судить его? – спросил он, обращаясь ко всем присутствующим и в особенности к Кемпу. – Можете ли вы назвать хотя бы одного человека, которому он причинил зло? Нет! Вы недолюбливаете его за преступления, что некогда совершил его народ. А ведь никому из вас никогда в голову не приходило, что Дзирт До'Урден живет среди нас именно потому, что отрекся от своего мира!

Наступившая тишина убедила хафлинга в том, что либо ему удалось произвести желаемое впечатление, либо дела его совсем уж плохи. В любом случае останавливаться на полпути он не собирался.

Реджис прошел по столу и остановился прямо напротив Кемпа. Слегка наклонившись, он поднял руку, будто бы для того чтобы почесать подбородок, а на самом деле еле заметным движением толкнул висящий на цепочке рубин, и тот начал раскачиваться из стороны в сторону. Наступил момент выдержать многозначительную паузу. Реджис принялся медленно считать про себя, как его учил Дзирт. Прошли десять долгих мгновений. Кемп, не мигая, наблюдал за камнем. Когда они продумывали выступление Реджиса на Совете, эльф считал, что этого будет вполне достаточно. Однако сейчас хафлинг, пораженный той легкостью, с какой ему удастся справиться с невыполнимой, казалось бы, задачей, решил еще раз сосчитать до десяти и лишь потом действовать дальше.

– Вне всякого сомнения, вы полностью отдаете себе отчет в том, сколь мудро было бы подготовиться к нашествию варваров заранее, – вкрадчиво промурлыкал Реджис и шепотом, так, что его мог слышать только Кемп, добавил: – Эти люди ждут, что вы возглавите их, отважный Кемп. Военный союз только усилит ваше влияние и личный авторитет.

Результат превзошел все ожидания.

– Пожалуй, в словах хафлинга действительно скрыто нечто большее, чем нам могло показаться сначала, – машинально проговорил Кемп, не отрывая взгляд от рубина.

Не веря собственным ушам, Реджис выпрямился и упрятал камень под жилетку. Кемп,

будто желая отделаться от навязчивого видения, встряхнул головой и потер глаза. Похоже, он не вполне понимал, что произошло в последние несколько мгновений, однако, судя по всему, идея хафлинга прочно запала ему в душу. Кемп с изумлением осознал, что его мнение резко изменилось.

— Нам следует внимательно прислушаться к словам Реджиса, — громогласно объявил он. — Ведь, образовав союз, мы в любом случае ничего не потеряем, в то время как бездействие может оказаться непростительной ошибкой!

Мгновенно оценив ситуацию, Энсин Брент как ужаленный выскочил из своего кресла.

— Выборный представитель Кемп говорит мудро! — воскликнул он. — Народ Кер-Диневала всецело поддерживает идею военного союза Десяти Городов и готов влиться в ряды армии, которая опрокинет варваров!

Как и предполагал Дзирт, остальные, не мешкая, поддержали Кемпа, при этом Дорим Лугар выступил даже еще более горячим сторонником объединения, нежели его соперник Брент.

Когда, ближе к вечеру, Реджис наконец покинул Совет, его прямо распирало от гордости за то, что ему удалось совершить. В нем снова окрепла надежда на то, что Десяти Городам удастся устоять перед нашествием, и в то же время хафлингу упорно не давали покоя мысли о столь неожиданно открывшихся свойствах камня. Реджис уже начал раздумывать о том, как использовать удивительный рубин для собственной выгоды и благополучия.

— Как мило, что Паша Пуук подарил мне именно этот камешек! — радовался он, выходя из ворот Брин Шандера и направляясь к условленному месту, где его поджидали Дзирт и Бренор.

Глава 7

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ

Они выступили на рассвете, перемещаясь по тундре подобно смерчу. Дикие звери, даже свирепые йети в страхе уносили ноги, чувствуя их приближение. Обледеная земля стонала под тяжелыми сапогами, и нескончаемый вой ветра тонул в звуках песни, гимна богу Войны.

Они шагали до темноты и вновь тронулись в путь при первых проблесках зари, более двух тысяч варваров, одержимых жаждой крови и победы.

* * *

Дзирт До'Урден, плотно укутавшись плащом, сидел на скале примерно в полпути до Пирамиды Кельвина. Он пришел сюда несколько дней назад, сразу после окончания Совета в Брин Шандере, и сейчас напряженно всматривался в непроглядный мрак, стараясь не пропустить первые признаки приближения варваров. Рядом с ним сидел Реджис, которому Бренор по просьбе эльфа соорудил специальное убежище от пронизывающего ветра.

Будь на то его воля, Реджис уже давным-давно смылся бы отсюда. Куда как уютнее было бы сейчас лежать дома под теплым одеялом в мягкой постели и прислушиваться к легкому поскрипыванию деревьев за окнами. Но Реджис прекрасно понимал, что должен лично принимать участие в воплощении плана, сообщая разработанного на Совете. Когда речь зашла о конкретных действиях, все, включая Бренора, введенного в Совет в качестве представителя от дворфов, быстро поняли, что от хафлинга мало толку в организации обороны или в разработке тактики предстоящих боев. Поэтому, когда Дзирт сказал, что ему понадобится курьер, Бренор, не задумываясь, предложил Реджиса.

Сейчас хафлинг чувствовал себя как никогда худо. Его ступни и пальцы рук окоченели, а спина болела от непрерывного соприкосновения со скалой. Шла третья ночь сидения в дозоре, и Реджис то и дело глубоко вздыхал и жалобно постанывал, давая эльфу понять, что его терпение уже на исходе. Впрочем, все это время Дзирт сидел молча, не двигаясь и не

обращая ни малейшего внимания на страдания Реджиса, на жуткий холод и леденящие душу завывания ветра.

– И сколько мы еще будем так сидеть? – в который раз заныл Реджис. – В одно прекрасное утро они обнаружат наши трупы, примерзшие к этой проклятой скале!

– Не переживай, мой маленький друг, – с улыбкой отвечал ему Дзирт. – Ветер означает приближение зимы. И я уверен, что варвары вот-вот появятся, им крайне важно напасть до первых снегов.

Внезапно эльф заметил на горизонте слабое мерцание. Немало напугав хафлинга, он вскочил на ноги, напрягся и принялся пристально вглядываться вдаль.

– Что там... – начал было Реджис, но Дзирт, выставив руку в сторону, дал ему знак замолчать. На горизонте показался еще один огонек.

– Ну вот и исполнилось твое желание, – сказал наконец Дзирт.

– Они уже здесь? – прошептал Реджис, ровным счетом ничего не видевший во тьме.

Дзирт некоторое время стоял молча, пытаясь мысленно оценить расстояние до костров и прикидывая время, необходимое варварам для завершения перехода.

– Возвращайся к Бренору и Кассиусу, мой маленький друг, – сказал он после долгой паузы. – И передай им, что враг выйдет к Проходу Бремена завтра к полудню.

– Пойдем вместе. Он не посмеет прогнать тебя, когда ты принесешь столь важную весть.

– У меня есть дело поважнее, – ответил Дзирт. – Отправляйся и передай Бренору, и только ему одному, что я встречу его у входа в Проход Бремена с первыми лучами зари. – Сказав так, эльф растворился во тьме. Ему предстояло нелегкое, полное опасностей путешествие.

– Куда ты? – только и успел крикнуть ему вслед Реджис.

* * *

Варвары закончили обустривать лагерь незадолго до того, как Дзирт подобрался к нему. Находясь неподалеку от Десяти Городов, захватчики были начеку. Первое, на что эльф обратил внимание, это необычно большое количество дозорных. Но как бы внимательно они ни всматривались в темноту, их костры горели достаточно тускло, а над тундрой царила ночь – время эльфа. Дитя мира, лишенного света, он использовал все преимущества, что ему дарила ночь. Невидимый как тень, ступая мягко и неслышно, словно кошка, Дзирт без труда миновал сторожевые посты варваров и проник внутрь лагеря.

Еще час назад варвары громко орали боевые песни и горячо обсуждали предстоящую битву. Но усталость взяла свое, и сейчас большинство воинов крепко спали, их ритмичный храп вселял в Дзирта спокойствие и уверенность. Сейчас его интересовали их вожди, которые наверняка были заняты уточнением планов завтрашнего боя.

Внутри лагеря теснилось несколько шатров, но лишь у одного из них была выставлена охрана. Полог входа был опущен, но Дзирт смог различить еле заметные отблески свечей. Изнутри доносились резкие голоса, там о чем-то спорили. Эльф тенью скользнул к тыльной стороне шатра. К счастью, воинам не разрешалось располагаться на ночлег рядом с шатрами своих военачальников, поэтому эльф мог чувствовать себя в относительной безопасности. И все-таки на всякий случай он достал из походного мешка фигурку пантеры. Затем, вынув кинжал, он прорезал в одной из оленьих шкур, из которых был скроен шатер, небольшое отверстие, и заглянул внутрь.

В шатре находились восемь воинов. Семеро явно были варварами, а вот восьмой, маленький черноволосый человечек, определенно не был рожден в тундре. Он стоял в центре образованного сидящими вождями полукруга, и варвары по очереди задавали ему вопросы об условиях местности и силах противника, с которым им предстояло схватиться.

– Первым делом необходимо уничтожить лесной город, – настаивал самый крупный из находившихся в шатре варваров с гербом народа Лося на груди. Дзирт поймал себя на

мысли, что ему, пожалуй, еще не приходилось встречать таких великанов. – А уж потом можно наступать дальше по твоему плану на Брин Шандер.

Человечек вскипел от негодования, но Дзирт успел заметить, что он заговорил, тщательно подбирая слова.

– О славный король Хифстааг, – вкрадчиво начал он. – Если рыбаки потерпят поражение до того, как мы осадим Брин Шандер, за стенами этого города нас будут поджидать намного превосходящие силы противника.

– Но это всего лишь жалкие южане! – прорычал Хифстааг, гордо выпятив грудь.

– О повелитель, уверяю вас, что мой план вполне способен утолить вашу жажду крови, – сказал черноволосый.

– Тогда говори, де Бернезан из Десяти Городов. Докажи нам свою преданность.

Дзирт увидел, как вздрогнул тот, кого называли де Бернезаном, – в словах короля варваров прозвучало плохо скрываемое презрение. Прекрасно зная, как варвары относятся к чужакам, эльф понял, что малейшая оплошность в ходе предстоящей кампании может стоить человеку жизни.

Южанин нагнулся и достал из голенища туго скрученный свиток. Развернув его, он разложил пергамент перед королем. Это оказалась достаточно примитивная карта, на которой, впрочем, четко просматривались общие контуры долины и были нанесены все десять городов.

– К западу от Пирамиды Кельвина, – начал объяснять де Бернезан, проведя рукой вдоль восточного берега самого крупного из озер, – располагается широкая равнина, разделяющая горный массив и Мир Дуальдон. Это прямой путь на Брин Шандер. И я считаю, что нам следует двигаться именно в этом направлении...

– В таком случае, – рассудил Хифстааг, – первым делом надо сокрушить ближайший расположенный на берегу озера городок.

– Это Термалэйн, – ответил де Бернезан. – Его населяют одни рыбаки, и, когда мы приблизимся, они все будут торчать на озере. Там настоящей битвы не получится.

– Мы не можем оставлять за спиной живых врагов! – взревел Хифстааг. Нестройный хор вождей подтвердил, что он не одинок в своем мнении.

– Нет, конечно нет, – сказал де Бернезан. – Но для того чтобы овладеть пустым городом, вовсе не нужна большая армия. Король Гаальфдан и народ Медведя запросто разделаются с ним, в то время как остальные, ведомые вами и королем Беоргом, направятся к Брин Шандеру. Зарево пылающего города привлечет к Термалэйну их флот, а заодно и корабли из других городов. И воины Гаальфдана без труда сожгут весь вражеский флот. Для нас крайне важно, чтобы они не объединились. Тогда жители Брин Шандера не получают подкрепления от других городов, и им придется встретить нас в одиночку. Народ Лося пойдет в обход города, с тем чтобы никто из них не смог скрыться и на случай, если кто-то поспешит им на подмогу.

Дзирт внимательно слушал. У него уже начал складываться план обороны. Холм, на котором располагается Брин Шандер, невысок, однако его основание достаточно мощно. Варвары, которым предстоит его окружить, окажутся значительно удалены от основных сил.

Если им вдруг понадобится помощь, она может и не подоспеть.

– Главный город долины падет в течение одного дня, – торжествующе объявил де Бернезан. – И ваши воины славно отпразднуют победу, наслаждаясь самой богатой добычей, какую только можно захватить в Десяти Городах!

Услышав эти слова, вожди заметно оживились, а Дзирт оторвался от отверстия и, прислонившись спиной к стене шатра, еще раз обдумал все, что ему довелось услышать. Этот черноволосый человек по имени де Бернезан прекрасно знал города долины и, судя по всему, хорошо представлял себе их сильные и слабые места. В случае падения Брин Шандера организованного сопротивления захватчикам ждать неоткуда. И в то же время, захватив хорошо укрепленный город, варвары смогут сделать передышку и в удобный момент напасть на любой из оставшихся девяти.

– Ты вновь подтвердил свою преданность, – донесся до эльфа голос Хифстаага. Последующие разговоры лишь подтвердили его догадку о том, что план де Бернезана принят за руководство к действию. Придя к такому выводу, Дзирт осмотрелся, прикидывая, как ему лучше покинуть стан врага, и вдруг увидел направляющихся прямо в его сторону двух мирно беседующих охранников. Они были еще достаточно далеко, и эльф казался им не более чем тенью. Но он прекрасно понимал, что стоит ему чуть шевельнуться – и они немедленно поднимут тревогу. Не теряя времени даром, он бросил на землю статуэтку пантеры и прошептал:

«Приди ко мне, Гвенвивар, моя тень».

* * *

Где-то вдали, на самом краю освещенной звездным светом равнины, пантера, двигаясь короткими мягкими шагами, неслышно подкрадывалась к ничего не подозревающему оленю. Звери, населявшие этот мир, бесчисленное число раз исполняли эту пьесу. Пантера пригнулась перед заключительным прыжком. Сейчас наступит момент завершающего удара, в котором воплощена вся суть ее жизни, и наградой ей будет свежее теплое мясо.

Внезапно она замерла, отчетливо услышав свое имя, и, забыв обо всем, бросилась на зов хозяина.

Душа ее стремительно неслась по темному коридору, соединявшему плоскости бытия, в поисках того огонька, который обозначал ее хозяина в пространстве материального мира. И вот, спустя мгновение, она уже была рядом с эльфом и вместе с ним напряженно выглядывала из тени.

Охранники осторожно подходили все ближе, озадаченно пытаясь представить, что может скрываться в тени шатра их вождя. Внезапно пантера бросилась им навстречу и огромным черным пятном пролетела между их выставленными вперед мечами. Воины запоздало ткнули оружием в морозный воздух и с дикими криками бросились в погоню за Гвенвивар.

Довольный, что все сложилось как нельзя лучше, Дзирт, никем не замеченный, скрылся в противоположном направлении. До него донеслись тревожные крики, которыми сопровождалась прыжки Гвенвивар по сонному лагерю. И он от души расхохотался, когда она, явно войдя во вкус, влетела в ту его часть, где расположился на ночлег народ Тигра. Увидев пантеру, двигавшуюся так легко и грациозно, словно это был всего лишь дух большой кошки, воины народа Тигра, вместо того чтобы принять участие в погоне, вдруг все как один рухнули на колени и принялись дружно воздавать хвалу Темпосу.

Дзирт без труда выбрался за пределы лагеря, поскольку охранники тоже со всех ног бросились ловить пантеру. Оказавшись в тундре, эльф повернул в сторону Пирамиды Кельвина и поспешил на встречу с Бренором. Судя по расположению звезд, Дзирт определил, что до восхода солнца оставалось не более трех часов. Вскоре шум и крики встревоженных появлением Гвенвивар варваров затихли. Из лагеря завоевателей доносились лишь звуки молитвы народа Тигра, но это будет продолжаться до самого восхода. Чуть позже Гвенвивар присоединилась к Дзирту.

– Сотни раз ты спасала мне жизнь, моя верная подруга, – сказал эльф, потрепав ее по сильной шее. – Многие сотни раз!

* * *

– Они ругались двое суток без перерыва, – ворчал Бренор. – Наконец-то враг подошел...

– Я бы на твоём месте этому не радовался, – сказал Дзирт, еле заметно улыбнувшись. Он не сомневался в успехе своего плана и твердо верил в победу защитников Десяти Городов.

– Мы начали сажать женщин и детей на корабли сразу, как только Пузатый принес известия от тебя, – объяснил Бренор. – Солнце еще не зайдет, а мы уже погоним этот сброд прочь от наших границ! – Широко расставив ноги, дворф принял боевую стойку и, будто в подтверждение своих слов, с размаху ударил топором о щит. – Ты талантливый стратег, эльф. Если все пойдет так, как ты задумал, мы сомнем варваров и все, кто этого желает, покروют себя неувядаемой славой!

– Думаю, даже Кемп из Таргоса будет доволен, – улыбнувшись, согласился с ним Дзирт.

Бренор хлопнул его по плечу и, уже полуобернувшись, спросил:

– Ты будешь драться рядом со мной? – хотя ответ был известен заранее.

– А как же, – ответил Дзирт.

– А кошка?

– Гвенвивар уже сыграла свою роль в этой битве, – сказал эльф. – Я отпустил ее.

Бренор расплылся в довольной улыбке. Он не слишком-то доверял волшебному животному.

– Все равно она не настоящая, – буркнул он себе под нос, спускаясь в Проход Бремена навстречу занимающим боевые порядки воинам Десяти Городов.

Бренор отошел уже довольно далеко, и Дзирт не расслышал его последних слов, однако эльф прекрасно знал дворфа и без труда догадался, что имел в виду его приятель. Эльф хорошо понимал, какое беспокойство внушает его загадочная кошка. Для эльфов волшебство было неотъемлемой частью жизни. Однако народы, обитавшие на поверхности, редко прибегали к колдовству. Те же самые дворфы пользовались магией лишь для того, чтобы заколдовать собственное оружие и доспехи.

Эльф полностью доверял Гвенвивар с момента их самой первой встречи. Волшебная статуэтка некогда принадлежала Мазой Ган'етту, представителю одного благородного Дома в Мензоберранзане. Она была подарком владыки демонов в благодарность за помощь, которую оказал ему Мазой в борьбе против гномов.

Как-то раз Гвенвивар, хотя Дзирт еще не стал ее хозяином, спасла его от неминуемой смерти, словно уже следила за его безопасностью. Тогда Дзирт отправился по делам в соседний город и по невнимательности чуть было не стал добычей пещерных ловцов – крабообразных жителей Подземья, которые питались добычей, попадавшей в их липкие сети. В тот раз ловец терпеливо поджидал добычу и Дзирт угодил в его сеть. Клейкая паутина в мгновение ока спеленала его по рукам и ногам, и он повис, не в силах даже пошевелиться.

Надежды на спасение не было... Он четко осознал, что мучительная смерть неизбежна.

И тут появилась Гвенвивар. Мягко прыгая с камня на камень, она напала на праздновавшего победу охотника и сбросила его с насиженного места. Чудовище, забыв о добыче, попыталось было скрыться, но Гвенвивар мигом разделалась с ним.

В тот день и эльф, и кошка поняли, что созданы друг для друга. Но пантера не могла пойти против воли своего хозяина, а Дзирт не мог взять ее себе хотя бы потому, что Дом Ган'етт занимал в иерархии Мензоберранзана более высокое положение, нежели его семья.

Но вскоре произошло событие, окончательно переполнившее чашу терпения Дзирта. Мазой постоянно брал Гвенвивар в походы, которые то и дело затевал против враждебных кланов эльфов либо против иных обитателей Подземья. Обычно кошка беспрекословно выполняла его приказы. Однако в походе против свирфов, рудокопов, отличавшихся миролюбивым нравом, но нередко сталкивавшихся с эльфами в споре за богатства недр, Мазой в своей жестокости зашел слишком далеко.

Не выдержав натиска эльфов, свирфы в панике разбежались по закоулкам извилистых тоннелей. Атака была успешной, эльфам досталась богатая добыча, враг был рассеян и еще долго не причинял бы эльфам беспокойства. Но Мазой жаждал крови.

И он использовал Гвенвивар, волшебную охотницу, как орудие убийства. Раз за разом он отправлял кошку в погоню за убегающими свирфами до тех пор, пока они не были уничтожены все до единого.

Дзирт и ряд других эльфов видели это. Они сочли охоту превосходной забавой, однако Дзирт не испытал никаких чувств, кроме отвращения. Его поразило, как оскорблена происходящим была сама гордая кошка. Гвенвивар была рождена охотницей, но не убийцей.

Тот случай стал последним в цепи злодеяний, которые наблюдал вокруг себя Дзирт. Он решил, что с него хватит. Он всегда чувствовал, что во многом отличается от своих соплеменников, хотя иногда и в нем проявлялись такие черты, что его охватывал страх от своего сходства с прочими эльфами. Убийство для него никогда не было развлечением, как для большинства его соплеменников. Дзирт не знал, как назвать это странное чувство. Лишь впоследствии, выйдя на поверхность, он узнал, что живущие там люди называют это совестью.

Неделей позже ему удалось подстеречь Мазоя вне пределов Мензоберранзана. Дзирт прекрасно сознавал, что стоит нанести удар – и обратной дороги в родной город ему не будет, но рука его даже не дрогнула, когда кинжал вонзился меж ребер ничего не подозревающей жертвы.

Это был первый и последний раз, когда Дзирт убил своего соплеменника, и он до сих пор ощущал угрызения совести, несмотря на не слишком теплые чувства, которые питал к своему народу.

Тогда, убив Мазоя, он прихватил с собой статуэтку пантеры и исчез, мечтая лишь о том, чтобы подыскать себе в глубинах Подземья подходящую пещеру. Однако судьбе было угодно вывести его на поверхность. Потом, гонимый из городов густонаселенного юга, он оказался на севере, в Десяти Городах, среди бродяг и мошенников. Но здесь его хотя бы терпели.

Эльфа мало волновали следовавшие за ним по пятам слухи и пересуды. Здесь у него были верные друзья – хафлинг, дворфы и приемная дочь Бренора – Кэтти-бри.

С ним была Гвенвивар.

Дзирт вновь потрепал пантеру по мощной шее и отправился на поиски какой-нибудь пещеры, где смог бы отдохнуть перед битвой.

Глава 8

ДРУЗЬЯ ПО КРОВИ

Войско варваров показалось у Прохода Бремена около полудня. Они несколько задержались, исполняя боевую песнь, однако, судя по всему, прекрасно понимали, что внезапность является одной из важнейших составляющих плана, предложенного де Бернезаном.

Сейчас, шагая рядом с королем Гаальфданом, де Бернезан явно упивался видом Мир Дуальдона, усыпанного парусами рыбацких судов. События развивались в полном соответствии с его замыслами, они застанут город врасплох. Заметив, что на многих судах уже развеваются алые флаги, возвещающие о хорошем улове, южанин злорадно усмехнулся. «Тем больше достанется завоевателям», – пробормотал он, задыхаясь от быстрой ходьбы.

Когда народ Медведя, отделившись от сил войска, направился к Термалэйну, варвары все еще шагали молча, хотя внимательный наблюдатель, несомненно, обратил бы внимание на тучи пыли, поднятой сотнями воинов. Завоеватели приближались к Брин Шандеру молча и затянули свой боевой гимн, только когда вдали показались остроконечные шпили и крыши города.

А в это время в Термалэйне отряд Гаальфдана готовились встретить объединенные силы четырех городов. Им предстояло нанести направляющемуся к городу племени молниеносный удар, как можно быстрее смять боевые порядки противника и, не теряя времени даром, двигаться на подмогу защитникам Брин Шандера. Всей операцией руководил Кемп из Таргоса, однако командовать первым боем он доверил Агорвалу из Термалэйна, города, который было необходимо отстоять любой ценой.

Вот запылали первые, расположенные на окраине дома. Армия Гаальфдана входила в

город. По количеству жителей Термалэйн уступал лишь Таргосу, крупнейшему из Десяти Городов, не считая Брин Шандера. Строения здесь располагались достаточно свободно и на большой территории. Жители Термалэйна предпочитали селиться широко и с размахом, не жалея усилий на оборудование дополнительных дорог и широких улиц. Порой Термалэйн производил обманчивое впечатление заброшенного поселения. Однако сейчас де Бернезана не покидало ощущение, что улицы города еще более пустынные, чем обычно. Решив, что это неспроста, он, не медля, сообщил о своем наблюдении Гаальфдану. Но тот, самодовольно усмехнувшись, заверил южанина, что это, мол, потому, что крысы в страхе попрятались, почувствовав приближение медведя.

– Выволакивайте их наружу и поджигайте дома! – загремел голос короля варваров. – Пусть рыбаки услышат плач своих женщин и увидят зарево горящего города!

В этот момент метко пущенная стрела, пронзив грудь Гаальфдана, глубоко вошла в его сердце. В течение нескольких мгновений варвар, не в силах издать даже предсмертный крик, изумленно взирал на вибрирующее древко стрелы... Затем тьма смерти навсегда сомкнула его веки.

Предводителя народа Медведя остановил верный лук Агорвала. Следуя его сигналу, защитники города бросились вперед.

Воины градом посыпались с крыш, сплошным потоком хлынули из тени деревьев и из дверей охваченных пламенем домов. Некоторые из варваров были убиты, даже не успев обнажить оружие.

Наиболее опытные воины попытались было сбиться в группы и оказать достойное сопротивление, однако жители Десяти Городов, вставшие на защиту своих очагов, вооруженные прекрасным оружием, сработанными руками искусных дворфов, быстро и беспощадно расправлялись с ошеломленными варварами.

Находившийся в это время на окраине Термалэйна Реджис, заметив двух спасающихся бегством варваров, в панике юркнул под стоявшую неподалеку небольшую повозку. Хафлинга мучили сомнения: с одной стороны, ему ужасно не хотелось, чтобы его уличили в трусости, но, с другой стороны, бросаться в самое пекло битвы гигантов он тоже не собирался. Когда опасность миновала, хафлинг вылез из-под телеги и, несколько приободрившись, принялся раздумывать, что делать дальше.

Внезапно во двор влетел темноволосый человек, похоже, гвардеец Десяти Городов, и бросился напрямик к хафлингу. Реджис сообразил, что время фокусов с телегой миновало, пора принять посильное участие в битве.

– Два мерзавца только что пробежали мимо, – крикнул он темноволосому южанину. – Бежим! Если мы поторопимся, мы вполне сможем их настичь!

Но у де Бернезана были совсем иные планы. Дрожа за свою шкуру, он задумал нырнуть в кусты в одном месте и вынырнуть в другом уже в качестве защитника Десяти Городов. И оставлять возможного свидетеля своего вероломства он не собирался. Твердой походкой, держа наготове огромный меч, де Бернезан неторопливо двинулся к Реджису.

Хафлинг внезапно понял, что приближающийся к нему человек ведет себя несколько странно.

– Кто ты? – спросил он, запоздало догадавшись, что ответа, пожалуй, не требуется. Он знал в лицо почти всех жителей Термалэйна и был уверен, что ему никогда не доводилось встречать незнакомца. С каждым мгновением в нем крепло ощущение, что перед ним стоит тот самый предатель, о котором Дзирт рассказывал Бренору. – Что-то я тебя не припоминаю...

Южанин резко выбросил вперед руку с мечом, сталь чиркнула по голове едва успевшего наклониться хафлинга. Но все-таки Реджис не смог устоять на ногах и рухнул на землю. Даже не изменившись в лице, черноволосый вновь хладнокровно бросился на него.

Реджис вскочил на ногу и попятился. Противник следовал за ним. Внезапно хафлинг почувствовал, что уперся спиной в тележку. Отступление закончилось, де Бернезан медленно приближался... Бежать было некуда.

В отчаянии Реджис выхватил из-под жилетки свое сокровище.

– Прошу, не убивай меня, – взмолился он, держа цепочку с сияющим камнем на вытянутой руке. – Если ты сохранишь мне жизнь, я отдам тебе этот рубин и покажу, где взять еще! – Заметив, что де Бернезан заколебался, Реджис приободрился. – Этот камень прекрасно огранен и стоит целого мешка золота!

Южанин стоял, выставив меч прямо перед собой, но Реджис, видя, что противник, не мигая, смотрит на камень, терпеливо отсчитывал мгновения. Его левая рука, державшая рубин, перестала дрожать, в то время как правая, незаметно скользя за спину, крепко стиснула рукоять маленькой, но весьма тяжелой булавы, отлитой для него самим Бренором.

– Иди же сюда, взгляни на него повнимательнее, – вкрадчивым голосом предложил хафлинг. Опустив меч, де Бернезан, зачарованный блеском камня, подался вперед, пристально вглядываясь в плясавшие на безупречных гранях рубина солнечные зайчики.

– Конечно, не слишком это благородно, но делать нечего, – сам себе громко сказал Реджис, не сомневаясь, что де Бернезан полностью безразличен ко всему происходящему вокруг. Сказав так, он что было сил обрушил усыпанный шипами шар булавы на затылок склонившегося перед ним человека.

Затем хафлинг внимательно осмотрел бездыханное тело и удовлетворенно пожал плечами. Он сделал лишь то, что было необходимо.

Звуки боя постепенно приближались к двору, в котором он нашел убежище. И вновь Реджис поступил, повинаясь инстинкту. Он заполз под распростертого на земле врага, изогнулся всем телом так, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он был подмят упавшим противником. Ощупав голову в том месте, где его задел меч де Бернезана, он поблагодарил судьбу за то, что не лишился уха, и принялся размышлять, достаточно ли серьезна рана, чтобы дополнить картину смертельной схватки, которую он пытался изобразить.

* * *

Воины передового отряда варваров вступили на пологий холм, на вершине которого стоял Брин Шандер, даже не подозревая, какая ужасная судьба постигла их товарищей в Термалэйне. Здесь они вновь разделились, король Хифстааг повел воинов народа Лося вдоль восточного склона холма, а Беорг возглавил оставшуюся часть войска, направлявшуюся напрямик к городским стенам. Прибавив шагу, варвары вновь затянули боевой гимн, рассчитывая повергнуть в ужас и без того, как им казалось, насмерть перепуганных горожан.

Однако за стенами Брин Шандера события развивались отнюдь не так, как это представляли себе захватчики. Армия защитников города была готова к схватке с врагом. Тысячи луков, копий и котлов с кипящим маслом уже давно поджидали непрошенных гостей.

По иронии судьбы воины народа Лося, двигавшиеся вдоль восточного склона, заслышав первые предсмертные крики с вершины холма, искренне воодушевились, решив, что жертвами являются не подозревающие о штурме жители Брин Шандера. Но некоторое время спустя, когда варвары под предводительством Хифстаага обогнули холм, на них обрушилась лавина воинов объединенной армии Гуд Мида и Дуган Хола. Захватчики понесли огромные потери, не успев толком сообразить, что происходит.

Впрочем, Хифстааг сумел восстановить контроль над ситуацией. Его воины бывали и не в таких переделках. Хифстааг понимал, что, несмотря на потери, числом они все равно значительно превосходят противника. Он не сомневался, что, выстроив своих людей в боевой порядок, ему удастся опрокинуть шеренги защитников.

И в этот момент, оглашая округу неистовым боевым кличем, со стороны Восточного Пути показались отряды Истхейвена и неудержимо врзались в левый фланг колонны варваров. И не успел Хифстааг, не дрогнувший и после этого натиска, отдать команду о передислокации, как в тыл варварам ударил отряд испытанных бойцов, тяжеловооруженных дворфов. Они наступали клином, на самом острие которого бежал Бренор. Его воины

врезались в строй варваров подобно серпу, резким движением подсекающему длинные стебли травы.

Надо отдать им должное, варвары бились отважно, и немало рыбаков сложили головы на восточном склоне холма. Впрочем, исход битвы был предreshен, захватчики оказались в меньшинстве, были окружены и гибли один за другим. Хифстааг старался сплотить своих воинов, но их ряды таяли с каждым мгновением, и вскоре, к своему великому ужасу и стыду, король понял, что, если им не удастся прорвать кольцо и, спасаясь бегством, исчезнуть на просторах тундры, они будут перебиты все до одного.

Хифстааг, никогда прежде не отступавший на поле брани, лично возглавил прорыв. Он и все те, кто смог пробиться к нему, собрав последние силы, ударили во фланг отряда дворфов, пытаясь пробить брешь между ними и армией Истхейвена. Многие погибли под ударами мечей и топоров воинов Бренора, но некоторым все же удалось вырваться. И они, не разбирая дороги, устремились прочь, в сторону Пирамиды Кельвина.

Уложив по пути двух дворфов, Хифстааг уже было вырвался из кольца, но вдруг почувствовал, что его будто окутало облако тьмы. Упрямо нагнув голову, он бесстрашно бросился сквозь него и... оказался лицом к лицу с темным эльфом.

* * *

Бренор в этом бою уже заработал право сделать на рукояти своего боевого топора семь победных зарубок, как вдруг ему представился случай заслужить восьмую. Прямо перед ним возник рослый юноша варвар. Его молодое, покрытое загаром лицо было начисто лишено какой-либо растительности, но в руках он с видом опытного воина крепко сжимал боевое знамя народа Лося. Бросившийся навстречу юноше Бренор с удивлением отметил его спокойный, хладнокровный взгляд, столь не похожий на пылающие злобой и жаждой крови взгляды взрослых воинов. Дворф с горечью поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется лишать жизни столь юного противника, и он чуть замешкался.

Это позволило юноше первым броситься в бой. На удивление умело и точно он обрушил на голову дворфа древко знамени, и оно, не выдержав удара, разломилось пополам. Мощнейший удар смял шлем Бренора, и он даже слегка покачнулся. Дворф, несокрушимый как горная порода, которую испокон века разрабатывал его народ, упер руки в бока и презрительно глянул на юношу, который, пораженный тем, что его противник остался стоять на ногах, чуть было не выронил свое оружие.

– Глупый мальчишка, – прорычал Бренор, сбивая юношу с ног. – Разве тебе не доводилось слышать, что дворфов бить по голове бесполезно?

Варвар попытался было вскочить на ноги, но не успел. Широко размахнувшись, дворф опустил ему на голову свой стальной щит.

– Восьмой! – победно взревел дворф, озираясь по сторонам в поисках девятой жертвы. И все-таки он не смог удержаться и, мельком глянув через плечо на поверженного врага, едва заметно качнул головой, искренне сожалея о том, что все-таки пришлось отнять жизнь у этого высокого, статного молодого человека с удивительно умными глазами.

* * *

Ярость Хифстаага удвоилась, когда в своем новом противнике он узнал темного эльфа.

– Дьявольский пес, – прорычал он, вздымая над головой гигантский топор.

Дзирт шелкнул пальцами, и огромного варвара с ног до головы охватило темно-пурпурное пламя. Пламя это не обжигало, но тем не менее Хифстааг взвыл от ужаса. И тут Дзирт метнулся к нему, жонглируя своими саблями так, что варвар едва успевал следить за ними.

Кровь ударила из множества мелких ран, однако порезы от тонких клинков не причинили Хифстаагу особого вреда. Огромный топор скользнул вниз, и, хотя Дзирт успел в

последний момент увернуться, рука его мгновенно онемела. Варвар снова взметнул топор. На этот раз эльф легко ускользнул от смертоносного удара, и, воспользовавшись замешательством потерявшего равновесие Хифстаага, мгновенно оказался справа от него, и, не мешкая, по самую рукоять вонзил одну из своих сабель в бок короля варваров.

Хифстааг захрипел, содрогнулся всем телом и неожиданно резким обратным движением махнул топором в сторону Дзирта. Тот уже было решил, что его последний удар оказался смертельным, однако, когда тупой край топора Хифстаага, ударив под ребра, подбросил эльфа в воздух, он сообразил, что несколько поторопился праздновать победу. Варвар, прекрасно понимая, что столь опасного противника необходимо прикончить, не давая ему встать на ноги, бросился вслед за эльфом.

Но Дзирт, неуловимый как кошка, перекувырнувшись, проворно вскочил на ноги и встретил приближающегося Хифстаага выставленной вперед саблей. Топор варвара просвистел над головой эльфа, и Хифстааг, не успев остановиться, с размаху налетел на клинок. И все-таки, глядя прямо в лицо врага, он вновь начал поднимать топор над головой. Впрочем, Дзирт, уже в полной мере оценивший чудовищную силу и живучесть варвара, на этот раз был начеку и в мгновение ока резким движением сабель навстречу друг другу распорол живот противника от бедра до бедра.

Ставший уже бесполезным топор шлепнулся на землю, а Хифстааг обеими руками зажал ужасную рану, тщетно пытаясь удержать свои внутренности. Голова его беспомощно качнулась из стороны в сторону, и он почувствовал, что проваливается в бездну.

И тут к нему, яростно отбиваясь от нападавших дворфов, подбежали соплеменники, едва успев подхватить своего короля. Их преданность Хифстаагу была столь велика, что, в то время как два воина понесли его прочь, остальные, встав плечом к плечу, обернулись навстречу дворфам, чтобы прикрыть отступление товарищей, прекрасно при этом понимая, что жить им осталось считанные мгновения.

Дзирт откатился в сторону и начал было вставать на ноги, намереваясь броситься в погоню за теми, кто уносил на своих плечах Хифстаага. Эльф почему-то не сомневался, что король варваров выживет и после последнего, казалось бы, смертельного удара, и твердо решил завершить начатое. Однако, поднявшись, он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, увидел свой пропитанный кровью плащ и понял, что силы оставляют его. Яркое полуденное солнце ударило в его привыкшие к ночной тьме глаза, и он рухнул на землю.

* * *

Три армии, до поры скрывавшиеся за стенами Брин Шандера, быстро рассеяли первую волну нападавших, а потом стремительной атакой отогнали остальных почти до середины склона. Следуя четким командам Беорга, свирепое войско перестроило свои ряды и, действуя уже более осмотрительно, начало снова приближаться к городу.

Когда до них донесся шум боя на склоне холма, Беорг решил, что Хифстааг уже покончил с теми, кто встал на его пути, и теперь спешит помочь им ворваться в город. Но затем, оглянувшись, Беорг заметил своих соплеменников, в панике уносивших ноги в направлении Прохода Ледяных Ветров. Он понял, что события развиваются совсем не так, как предполагалось на Военном совете. Беорг тотчас начал разворачивать свое войско, надеясь, соединившись с остатками отряда Гаальфдана и народом Лося, спасти как можно больше людей.

Но еще до того как его воины закончили маневр, он обнаружил, что на склон холма выходят армии Брин Шандера, Кер-Кониго и Кер-Диневала, а вверх по склону холма со стороны, где должен был биться Хифстааг, карабкаются дворфы и армии трех оставшихся из Десяти Городов.

Беорг приказал своим воинам сомкнуться в круг.

– На нас взирает Темпос! – вскричал он. – Докажем, что он по праву гордится своим народом!

Без малого восемь сотен варваров стояли насмерть, убежденные в том, что бог Войны благословил их на битву. Сражаясь с бесстрашием обреченных, умирая с песней на устах, они продержались почти час, но в конце концов были смяты и рассеяны.

* * *

Когда звон мечей наконец утих, обессиленные защитники Десяти Городов занялись подсчетом потерь. Погибло более пятисот, и еще двести рыбаков были обречены умереть от смертельных ран, и все-таки это была невысокая плата, особенно если учесть, что на улицах Термалэйна и на подступах к Брин Шандеру лежало около двух тысяч бездыханных врагов.

Бренор проводил взглядом направляющуюся к воротам Брин Шандера процессию.

– Пузатый? – внезапно спросил он, узнав в одном из героев своего приятеля.

– Меня зовут Реджис, – гордо скрестив руки на груди, отвечал хафлинг, важно восседаая на носилках.

– Он достоин самого глубокого уважения, добрый дворф, – сказал один из державших носилки воинов. – Будучи тяжело раненным, выборный представитель Реджис схватился один на один и вышел победителем в бою с подлым предателем, который привел на нашу землю полчища варваров!

Не веря своим ушам, Бренор даже лишился дара речи.

– Готов поспорить, что на самом деле все обстояло еще более удивительно, – наконец пробормотал он, подмигнув своим не менее ошеломленным спутникам. – Да не буду я бородатый гном, если ошибаюсь!

* * *

Первыми к лежащему без чувств Дзирту До'Урдену приблизились Кемп и один из его адъютантов. Выборный от Таргоса ткнул эльфа носком своего обагренного кровью сапога, и тот еле слышно застонал.

– Еще дышит, – разочарованно сказал Кемп. – Как жаль, – с этими словами он еще раз, при этом гораздо сильнее, пнул раненого эльфа. Его спутник одобрительно усмехнулся и тоже занес ногу для удара.

Тут на спину Кемпа обрушился мощный кулак в кольчужной перчатке, да с такой силой, что тот, не устояв на ногах, перелетел через тело Дзирта и кубарем покатился по склону. Его адъютант успел обернуться, и в этот миг кулак Бренора, вторично описав дугу, въехал ему прямо в лицо.

– И ты получи! – прорычал разъяренный дворф, чувствуя, как под его ударом хрустнул нос того, кто посмел насмехаться над эльфом.

Кассиус, стоявший неподалеку, чуть выше по склону холма, с криком бросился к Бренору.

– Сейчас я научу тебя, как следует себя вести! – завопил он.

– Стой где стоишь, сын болотной свиньи! – угрожающе проревел Бренор. – Вы все обязаны эльфу вашими дрянными жизнями и покоем ваших домов, – прикрикнул он, обращаясь к находившимся поблизости рыбакам. – И вы еще смеее обращаться с ним как с падалью!

– Попридержи язык, дворф! – заверещал Кассиус, хватаясь за рукоять меча. Заслышав эти слова, дворфы мигом сплотили ряды вокруг своего вожака, а люди Кассиуса поспешили к своему предводителю.

И тут раздался еще один голос.

– Сам попридержи язык, Кассиус! – выкрикнул Агорвал из Термалэйна. – Обладай я его отвагой, я поступил бы с Кемпом точно так же! – Сказав так, Агорвал ткнул рукой в направлении севера. – Смотрите! – вскричал он. – Вы видите чистое небо. А если бы не эльф, мы сейчас наблюдали бы клубы дыма, поднимающиеся над Термалэйном!

Агорвал и его спутники подошли и встали плечом к плечу с дворфами, а два воина осторожно, чтобы не причинить боль, подняли Дзирта с земли.

– Можешь не опасаться за своего друга, бесстрашный дворф, – сказал выборный от Термалэйна. – В моем городе он встретит достойный прием. И никогда больше ни я, ни другие жители Термалэйна не упрекнут его за цвет кожи или за злодеяния его сородичей!

Кассиус вышел из себя.

– Немедленно уводи своих солдат с земли Брин Шандера! – закричал он, обращаясь к Агорвалу. Но в этом уже не было необходимости: воины Термалэйна, унося на плечах раненого эльфа, уже спускались с холма.

Убедившись, что эльф в надежных руках, Бренор со своими соплеменниками продолжил осмотр поля брани.

– Я тебе это еще припомню! – прокричал ему Кемп откуда-то издали, с подножия холма.

Бренор лишь презрительно сплюнул в его сторону и невозмутимо пошел дальше.

Так уж получилось, что союз Десяти Городов просуществовал лишь немногим дольше, нежели наголову разбитая армия варваров.

* * *

На склоне холма воины Десяти Городов тщательно осматривали тела поверженных варваров, снимая с трупов все, что представляло какую-то ценность, и мимоходом добывая тех несчастных, в ком еще теплилась жизнь.

И все-таки нельзя было забывать о милосердии. Увидев, как воин из Гуд Мида перевернул на спину тяжело раненного варвара и приготовился пронзить его кинжалом, Бренор подошел к нему и, узнав в несчастном юношу-знаменосца, так ловко раскrojившего в бою его шлем, схватил рыбака за руку.

– Не убивай его. Он ведь еще совсем мальчишка и не мог знать, какое зло нес нам их народ.

– Бах! – вскипел тот. – Ты думаешь, эти псы пощадили бы наших детей? Да и к тому же он уже почти на том свете.

– И все-таки я прошу тебя сжалиться над ним! – сказал Бренор, забрасывая свой топор на плечо. – Сказать по правде, я даже настаиваю.

Рыбак бросил на дворфа уничтожающий взгляд, но промолчал. Он видел, как Бренор дрался на поле боя, и потому счел за лучшее не спорить. Издав глубокий вздох разочарования, он поплелся дальше искать другую жертву.

Юноша чуть шевельнулся и застонал.

– А, значит, жизнь еще не покинула тебя, – пробормотал Бренор. Опустившись на колени, он приподнял голову юноши за волосы и взглянул ему в глаза. – Слушай меня внимательно, малыш. Я только что спас твою жизнь... даже сам не знаю почему. Но не вздумай считать, что люди Десяти Городов простили тебя. Я хочу, чтобы ты увидел, сколько зла принес твой народ этой земле. Возможно, страсть к убийству у тебя в крови, и если так, пусть бы клинок рыбака прикончил тебя здесь! Но мне кажется, что это не так, и у тебя будет время подтвердить мою правоту. Ты будешь служить мне и моему народу пять лет и один день, работая на рудниках, чтобы доказать, что ты достоин остаться в живых и получить свободу. – Сказав это, Бренор заметил, что юноша вновь лишился чувств. – Ничего, когда ты придешь в себя, я повторю эти слова, – сказал он и хотел было уронить голову врага на траву, но вместо этого мягко опустил ее, чтобы не причинить юноше лишних страданий.

Свидетели этой сцены долго не могли прийти в себя, но им было невдомек, чем это вызвано. Бренор и сам, даже искренне надеясь, что со временем в этом юноше проснется чувство благодарности к людям, никак не мог предполагать, что со временем этот парень, Вульфгар, вырастет в мужчину, который в корне изменит неприглядный уклад жизни тундры.

Далеко на юге, в широком ущелье меж гигантских вершин Средиземного Хребта, Акар Кесселл томился в роскоши, которую создал ему волшебный камень Креншинибон. На днях его рабы-гоблины приволокли еще одну женщину, похищенную из каравана торговцев, чтобы он мог поразвлечься. Однако сейчас его занимало другое. В безоблачном небе со стороны Десяти Городов поднимался огромный столб дыма.

«Варвары», – догадался Кесселл. Еще когда он с чародеями из Лускана был в Истхейвене, ему довелось слышать разговоры о том, что варвары готовят очередной набег. Тогда эта новость никак не впечатлила его – какое ему дело?

Здесь, в Кришал-Тири, у него было все, о чем только можно мечтать. И он вовсе не собирался покидать свою башню-дворец.

Не собирался – до поры до времени.

Но Креншинибон никак не мог смириться с тем, что ему приходится прозябать на отрогах безлюдных гор, где вся его свита состоит из нескольких десятков тупых, забитых гоблинов. Он желал большего. Он жаждал власти.

Воспоминания Кесселла о Десяти Городах лишь еще больше разожгли голод камня, и он вновь обратил на чародея свой дар внушения.

Внезапно перед глазами Кесселла возникла заманчивая картина. Он увидел себя восседающим на богато разукрашенном троне в Брин Шандере, вокруг, подобострастно кланяясь, толпилась огромная свита. Он живо представил себе, как вытянутся лица у обитателей Небесной Башни Аркана, и в особенности у Эльделака и Дендибара, когда до них дойдут слухи о могуществе Акара Кесселла, Владыки Десяти Городов и Верховного Правителя Долины Ледяного Ветра. Может быть, хоть тогда они удостоят его мантии чародея своей жалкой гильдии?

Несмотря на то что здесь он чувствовал себя вполне довольным жизнью, идея эта тотчас овладела его воображением. Кесселл принялся обдумывать свое видение, пытаясь представить, что надо предпринять, чтобы добиться заветной цели.

Сначала Акар решил, что достаточно будет подчинить рыбаков своей воле – так же, как это удалось проделать с гоблинами. Однако вскоре понял, что это не лучший путь, ведь даже не отличающиеся особым умом и сообразительностью гоблины довольно долго сопротивлялись. И, кроме того, стоило упустить кого-нибудь из них подальше от башни, как к нему быстро возвращалась способность к самостоятельным поступкам и он быстренько уносил ноги. Нет, с людьми такой номер не пройдет.

Кесселл начал раздумывать о том, как использовать в своих целях силу, заключенную в стенах Кришал-Тири, ибо по разрушительной мощи она значительно превосходила все колдовские уловки, о которых ему доводилось слышать в бытность свою учеником в Небесной Башне. Эта сила может оказаться весьма кстати, но и ее может не хватить. Запасы энергии Креншинибона тоже были ограничены, особенно если учесть, что камню необходимо было периодически восстанавливать растроченные силы. Кроме того, народ Десяти Городов был рассеян по всей долине, трудновато было бы удерживать их всех в сфере своего влияния, а уничтожать людей просто так не было смысла. Гоблины прекрасно справлялись со своими обязанностями, но чародей уже желал, чтобы ему поклонялись люди, те, что безжалостно глумились над ним в течение многих лет.

В конце концов чародей пришел к неизбежному заключению: ему нужна армия.

Сначала Кесселл подумал о своих гоблинах. Бесконечно преданные, готовые исполнить любое его желание, они с радостью погибнут за своего властелина (некоторые уже так и поступили). Однако их было слишком мало даже для того, чтобы не то что покорить людей трех озер, но хотя бы нагнать на них страху.

И тут его, конечно же не без участия хрустального камня, осенила великолепная мысль. «Здесь, в горах, так много пещер!» – вскричал Кесселл. И подумать только, ведь горы просто

кишат не то что какими-то гоблинами и ограми: здесь полным-полно троллей и горных исполинов! Перед глазами Кесселла возникло очередное видение. Он живо представил себя во главе несметных полчищ гоблинов и троллей, бесконечным потоком изливающихся на равнину.

Вот тогда-то он повергнет людей в трепет!

Кесселл откинулся на подушки и приказал привести новую девушку. Сейчас он придумал новую игру, тоже когда-то привидевшуюся ему во сне. Ему хотелось, чтобы девушка пыталась разжалобить его слезами. Но в конце концов ей придется умереть. Когда с этим будет покончено, он еще раз поразмыслит над планом покорения Десяти Городов. Спешить некуда, времени у него достаточно. И гоблины, стоит только дать знак, живо доставят ему очередную женщину для любовных игр.

Креншинибон, похоже, тоже успокоился. Он заронил зерно в сознание Кесселла и не сомневался, что в самое ближайшее время у чародея созреет план захватнической кампании. Как и Кесселлу, спешить ему было некуда.

Хрустальный камень ждал случая вернуться к жизни в течение десяти тысяч лет, ждал ради возможности вновь обрести власть. Вполне стоило подождать и еще немного.

Глава 9 УЖЕ НЕ МАЛЬЧИК

Реджис, лениво развалившийся под стволом своего любимого дерева, глубоко зевнул. Рядом с ним торчало из земли неизменное удище. Впрочем, крючок рыбы давным-давно очистили от наживки. Реджису редко когда удавалось что-нибудь поймать, но он очень гордился тем, что никогда не тратил больше одного червя за рыбалку.

С тех пор как он вернулся в Одинокий Лес, он бывал на озере каждый день. Зиму хафлинг провел в Брин Шандере, в обществе Кассиуса. Конечно, город на холме нельзя было сравнивать с Калимпорт, однако дворец Кассиуса, несомненно, был самым роскошным местом Долины Ледяного Ветра. Реджис считал, что поступил очень мудро, надоумив того пригласить его перезимовать в Брин Шандере.

С Мир Дуальдона налетел прохладный ветерок, и хафлинг удовлетворенно вздохнул. Хотя июнь был уже в самом разгаре, сегодня выдался, пожалуй, первый по-настоящему жаркий денек. И Реджис намеревался использовать его полностью. За весь минувший год он впервые выбрался на озеро до полудня и сейчас, раздевшись, собирался наслаждаться ласковым теплом солнечных лучей до самого заката.

Но вот с озера донесся крик. Реджис поднял голову и приоткрыл один глаз. Первое, что он к своему глубочайшему удовлетворению отметил, так это то, как увеличился за долгую зиму его собственный живот. Сейчас, лежа на спине, он едва мог видеть кончики пальцев на ногах.

По озеру, недалеко от того места, где он лежал, постоянно маневрируя, неслись четыре рыбацких баркаса — два из Термалэйна и два из Таргоса. Рыбаки, стоя у бортов, немилосердно поносили друг друга. В последние четыре с половиной года, прошедших со времени битвы у Брин Шандера, города находились в состоянии войны. И хотя в стычках в ход обычно шли бранные слова и кулаки, рыбаки частенько таранили друг друга, и много полузатопленных баркасов уже нашли свой последний приют на скалах и песчаных отмелях озера.

Реджис пожал плечами и вновь опустил голову на аккуратно сложенную жилетку, которая заменяла ему подушку. Мало что изменилось в Десяти Городах за последние годы. И все-таки, даже несмотря на размолвку между Кемпом и Агорвалом по поводу эльфа, Реджис и некоторые другие продолжали тешить себя надеждой на возможное взаимовыгодное сосуществование городов.

Но даже на берегах второго по величине озера покой и порядок царили недолго. Мир между извечными соперниками Кер-Конигом и Кер-Диневалом продолжался лишь до тех

пор, пока один из кораблей Кер-Диневала не заарканил редкостную пятифутовую форель в бухте Лек Деннишир, которую Кониг уступил Диневалу в качестве компенсации за воды, утраченные в результате бурного развития Истхейвена. Потом Гуд Мид и Дуган Хол, никогда не выдвигавшие особых претензий и кичившиеся своей независимостью города Южного Озера, ни с того ни с сего вздумали требовать компенсации от Брин Шандера и Термалэйна. Их армии сильно пострадали в битве на склоне холма Шандер, хотя они могли и не ввязываться в войну. Основываясь на этом, они рассудили, что было бы неплохо, если бы два города, получившие наибольшую выгоду от военного союза, выплатили им должок. Естественно, что северные города восприняли эти доводы с праведным негодованием.

В общем, урок о пользе объединения впрок не пошел. Десять Городов стали еще более разобщены, чем когда-либо прежде.

Наибольшую выгоду из военного союза извлек, как это ни странно, Одинокый Лес. В целом население Десяти Городов со временем оставалось практически неизменным. Несмотря на то что в долину постоянно прибывали все новые и новые охотники за удачей и беглые каторжники, примерно такое же число поселенцев, не найдя в себе сил противостоять условиям жизни тундры, либо погибало, либо оттягивалось назад на юг.

И тем не менее в последние годы Одинокый Лес заметно вырос. Богатое рыбой озеро Мир Дуальдон продолжало оставаться наиболее привлекательным местом долины. А учитывая непримиримое соперничество между Термалэйном и Таргосом, а также то, что Бремен, расположенный на берегах реки Шингарн, периодически затапливался весенними паводками, Одинокый Лес был, пожалуй, наиболее спокойным из городов. Его жители даже начали развивать кампанию по привлечению новых поселенцев, называя Одинокый Лес не иначе как «Город героя-хафлинга».

Вскоре после битвы с варварами Реджис оставил пост выборного представителя во многом еще и потому, что городу, начавшему стремительно развиваться и пытающемуся избавиться от репутации убежища бродяг и разбойников, (нужен был более агрессивный представитель в Совете. Да, Реджису порядком поднадоела связанная с этим постом ответственность. Разумеется, Реджис нашел способ извлечь выгоду из добытой в бою славы. Каждый новый поселенец за право выходить на озеро под флагом города отдавал часть своей первой добычи в виде пошлины, и хафлинг сумел убедить нового представителя в Совете Десяти Городов и других влиятельных горожан, что, коль скоро его имя и молва о его подвигах помогают привлечь новых жителей, он по праву должен иметь свою долю в этом налоге.

Всякий раз, когда Реджис задумывался о своем везении, он расплывался в широкой улыбке. Сейчас его жизнь протекала спокойно и неторопливо, главным образом он проводил дни на мягком мху в тени своего излюбленного дерева.

Сейчас он мог позволить себе заниматься только резьбой по кости. В последнее время его поделки выросли в цене более чем в десять раз, отчасти из-за той славы, которой он покрыл себя на поле боя, отчасти еще и потому, что хафлинг сумел убедить некоторых из приезжавших в Брин Шандер торговцев, что его творения отличаются неповторимым вкусом и почерком и потому обладают необычайной художественной и эстетической ценностью.

Вспомнив об этом, Реджис любовно погладил покоящийся на его голой груди рубин.

* * *

Молот со звоном обрушился на раскаленный металл. Искры весело брызнули в разные стороны и растаяли в полумраке пещеры. Движимый сильной рукой тяжелый молот раз за разом взлетал под потолок и опускался на наковальню.

Кузнец был одет лишь в широкие кожаные штаны и фартук. Его блестящая от пота широкая грудь и плечи были густо вымазаны сажей. Движения его были настолько легки и ритмичны, словно он был Богом, занятым сотворением мира.

Почувствовав, как под его ударами железо постепенно начало размягчаться, кузнец

довольно усмехнулся. Никогда прежде не доводилось ему чувствовать в металле столь упорное противодействие – материал будто испытывал его на прочность. Мастер дрожал от азарта, подобного тому, который всегда охватывал его на поле боя.

«Бренор будет доволен».

Вульфгар на мгновение прервал работу и задумался, еле заметно улыбнувшись при воспоминании о первых днях, проведенных на рудниках дворфов. До чего же злобным и упрямым мальчишкой он был тогда. До чего же он был глуп, считая, что дворф лишил его чести погибнуть на поле брани!

Подходила к концу последняя весна тех пяти лет, которые ему было суждено провести в тесных подземных лабиринтах. Он мучительно тосковал по просторам тундры, где, не опасаясь упереться в своды тоннеля, можно было глубоко потянуться всем телом и протянуть руки навстречу ласковым солнечным лучам и сиянию луны или, раскинув ноги, упасть на спину в снег и, ощущая легкое покусывание ледяного ветра, любоваться хрустальным блеском звезд, мысленно уносясь в неведомые таинственные миры.

Но даже несмотря на тесноту и многие другие неудобства, ему будет очень не хватать жарких ночей и звона молотов в пещерах дворфов. В течение первого года своего служения дворфам он ни на минуту не забывал об обычаях своего народа, где плен считался высшим позором, и то и дело повторял слова песни Темпоса, словно это было заклинание, способное оградить его душу от воздействия со стороны южан.

Но Бренор оказался, пожалуй, даже тверже железа, по которому Вульфгар сейчас колотил молотом. Дворф открыто выражал свое отвращение к войне, однако на редкость искусно обращался с боевым молотом, отражая удары, способные свалить даже огра.

С первых дней знакомства дворф был загадкой для Вульфгара. Он искренне уважал его: ведь Бренор победил в честном бою. Но еще там, на поле брани, когда они были врагами, Вульфгар был поражен, увидев в глазах дворфа отблеск глубоко скрытой душевности. Он и его народ пришли покорить Десять Городов. Однако взгляд Бренора был скорее по-отцовски строгим, чем по-хозяйски надменным. И все-таки он не позволял Вульфгару забывать свое место. Нередко Бренор бывал груб и заставлял юношу делать самую грязную и тяжелую работу.

За долгие месяцы злоба Вульфгара растаяла сама собой. Он научился стоически переносить удары судьбы, беспрекословно выполняя приказы Бренора, и со временем отношения между ними наладились.

Бренор научил его выплавлять металл, а потом и ковать его, создавая оружие и инструменты. И вот в один прекрасный день он подарил Вульфгару собственные молот и наковальню, Юноше отвели отдельную пещерку, где он мог работать самостоятельно, хотя Бренор частенько наведывался к нему, помогал советом и ворчал, заметив неточный удар.

Собственная кузница давала ему относительную свободу, но, что самое главное, она наполняла сердце Вульфгара гордостью за свой труд. С того самого момента, как он впервые опустил на наковальню молот, который с полным правом мог назвать своим, все изменилось. Варвар с удивлением обнаружил, что чем дальше, тем больше его заботят результаты своего труда, и порой, заметив мельчайшие погрешности, полностью переделывал свои творения. Еще сам не зная почему, он был искренне рад произошедшим в его сознании переменам. И не сомневался, что кузнечное мастерство еще послужит ему.

Бренор называл это характером.

Да и в остальном результаты были налицо. Работа с камнем и металлом закалила его, Вульфгар окреп и возмужал.

Припомнив то, о чем он думал в первые дни пленения, Вульфгар смущенно прикусил губу. Тогда он поклялся жестоко отомстить Бренору сразу же, как только истечет срок его служения дворфам. Сейчас Вульфгар с удивлением понимал, что под влиянием такого наставника, как Бренор, он стал лучше и чище и совсем по-другому смотрел на мир. Ему становилось не по себе от одной только мысли о том, чтобы поднять на дворфа оружие.

Нахлынувшие воспоминания вызвали у юноши прилив сил, и он, обрушивая на

наковальню удар за ударом, принялся обрабатывать упорно сопротивляющийся кусок металла, постепенно придавая ему форму клинка. Должен получиться неплохой меч.

Бренор будет доволен.

Глава 10 ТЬМА СГУЩАЕТСЯ

Орк Торга с ненавистью взирает на гоблина Грока. Их племена, обитавшие в одном из ущелий Средиземного Хребта, испокон века враждовали между собой в борьбе за пищу и землю.

Но сейчас они стояли друг против друга, даже не выхватив оружия, а привело их сюда нечто во много раз более сильное, нежели взаимная ненависть. В любое другое время, где бы им ни довелось встретиться, окажись они так близко друг от друга, они уже сошлись бы в смертельном бою. Однако сейчас им оставалось лишь бросать друг на друга испепеляющие взгляды: повелевавший ими высший разум неумолимо приказывал оставить былую вражду. Торга и Грок повернулись и дружно зашагали по направлению к башне, в которой жил тот, кто станет их владыкой.

Войдя внутрь Кришал-Тири, они предстали перед Акаром Кесселлом.

* * *

Еще два племени влились в ряды его армии. Расположенная неподалеку от башни долина пестрела знаменами самых разных народов. Тут были и гоблины Кривого Копья, орки Меченосцы, орки Длинный Язык и множество других, готовых служить своему повелителю Кесселлу. В числе прочих ему удалось подчинить себе один очень крупный клан огров, горстку троллей и сорок с небольшим разбойников вербиигов, которые, хотя были и не самым удачным его приобретением, все же могли пригодиться.

Самым серьезным своим достижением он считал племя ледяных исполинов, которые явились не по его зову, а лишь из желания присоединиться к огромному войску.

Кесселл был вполне доволен. Гоблины, которых он подчинил первыми, вполне справлялись со своими обязанностями, беспрекословно исполняя мельчайшие прихоти своего повелителя. Они даже время от времени нападали на караваны торговцев и похищали женщин, чтобы порадовать хозяина. Жизнь его в Кришал-Тири протекала спокойно и безмятежно, именно так, как он того и хотел.

Но Креншинибона это не устраивало. Его жажда власти была неутолима. Временами он довольствовался мелкими победами, однако вскоре подбрасывал своему обладателю все новые и новые планы, один заманчивее другого. Камень никогда не стал бы открыто спорить с Кесселлом: ведь в борьбе их умов последнее слово всегда было за чародеем, именно он принимал решения. Маленький кристалл обладал поистине чудовищной силой, однако без хозяина он был бы подобен покоящемуся в ножнах мечу. Именно поэтому Креншинибон воплощал свои замыслы постепенно, внушая их Кесселлу в снах, с каждым разом все настойчивее демонстрируя хозяину, сколь прекрасна власть. Камень отлично понимал, чего именно не хватает Кесселлу, некогда жалкому и ничтожному ученику чародея...

Кесселл, всю жизнь бывший не более чем мусором у ног надменных чародеев Лускана, не мог устоять перед заманчивой возможностью изменить положение вещей.

Сейчас ему представилась возможность реализовать свои мечты. Обладая столь мощным оружием – не уставал внушать ему Креншинибон, – он запросто подчинит своей воле людей долины, да и всех прочих, включая чародеев Небесной Башни. Они будут трепетать при одном лишь упоминании его имени.

Но торопиться не стоило. Несколько лет ушло на то, чтобы постичь все тонкости управления племенем гоблинов. Набравшись опыта, он без особого труда привел в долину второе племя. И все-таки подчинить своей воле десятки разных народов оказалось не так-то

просто. И сложнее всего было сломить их извечную ненависть друг к другу. Кесселл собирал армию постепенно, принимаясь за порабощение очередного народа только тогда, когда он был уверен, что все предыдущие бесконечно преданы ему. Все шло отлично, и на днях ему удалось одновременно пригнать к стенам башни два непримиримо враждующих племени. Торга и Грок вступили под своды Кришал-Тири с единственным желанием – исхитриться прирезать друг друга так, чтобы не вызвать гнев своего господина. Однако после аудиенции они вышли наружу, обнявшись как старинные друзья, весело болтая о том, какие славные битвы им предстоят под знаменами Кесселла.

Акар откинулся на подушки и задумался. С каждым днем его армия становилась все более боеспособной. Ледяных исполинов он поставил во главе полков, огры составили костяк гвардии, вербиигам была отведена роль штурмового отряда, а тролли, свирепые, одним своим видом внушающие ужас тролли стали его личной стражей. Десять тысяч фанатично преданных своему господину гоблинов были призваны воплотить в жизнь его замысел.

– Акар Кесселл! – прокричал он, обращаясь к девушке, ухаживавшей за его длинными ногтями, не особо задумываясь над тем, что Креншинибон давным-давно лишил ее разума. – Слава тирану Долины Ледяного Ветра!

* * *

На юге, вдали от ледяной тундры, где у людей было больше свободного времени для отдыха и размышлений и труд не был продиктован необходимостью борьбы с природой, волшебники и чародеи вовсе не были редкостью. Истинные маги посвящали всю жизнь постижению искусства волшебства, ни на миг не забывая о возможных последствиях своих заклинаний. Обычно, если только их не охватывала опасная жажда власти, чародеи старались использовать свои навыки как можно аккуратнее, чтобы не нанести вреда ни себе, ни окружающим.

Однако недоучки, получившие колдовское знание по случаю, – либо найдя обрывок пергамента с заклинаниями, либо заполучив какой-нибудь магический предмет опытного чародея, – такие колдуны вызывали порой страшные бедствия. Именно это и случилось в ту ночь за тысячи миль от Акара Кесселла и его верного Креншинибона. Ученик чародея, подававший надежды молодой человек, каким-то образом раздобыл схему могущественного волшебного круга. Хорошенько поискав, он наткнулся и на свиток с заклинаниями, необходимыми для вызова духов. И вот в один прекрасный день ученик, охваченный жаждой власти, ухитрился найти в записках своего учителя настоящее имя некоего демона.

Юноша был одержим идеей вызвать и заставить служить себе какое-нибудь могущественное существо с иных уровней бытия. Учитель уже позволял ему при помощи маленьких ворот перемещать в этот мир летучих мышей и всякую мелкую живность, но при этом тщательно следил за соблюдением правил в надежде, что ученик поймет, какая опасность заключена в подобном колдовстве и как важно соблюдать необходимые меры предосторожности. Но эти опыты лишь разожгли в юноше желание самому и всерьез освоить искусство магии. Он уже не раз умолял учителя позволить ему попытаться вызвать настоящего демона, однако старый чародей полагал, что юноша еще не готов к такому испытанию.

Но юный колдун думал иначе. Магический круг был нарисован за один день. Юноша так торопился, что решил не тратить еще один день (а опытные волшебники порой тратили на это целую неделю), чтобы проверить руны и магические знаки. И уж тем более ему в голову не пришло сначала проверить круг, вызвав нечто более мелкое и безвредное.

И вот, быстро закончив все приготовления, он уселся в центр круга и принялся смотреть на огонь жаровни, которая была призвана служить воротами в неведомый Абисс. Собравшись с духом, он горделиво улыбнулся и вызвал демона.

Эррту, гигантский демон, внезапно услышал, как кто-то еле слышно произносит его

имя на одном из далеких уровней. Прежде чудовище и внимания не обратило бы на столь слабый зов, голос вызывавшего звучал крайне неубедительно.

Но теперь Эррту был несказанно рад. Еще несколько лет назад демон почувствовал концентрацию силы на одном из чуждых ему уровней бытия и понял, что, по-видимому, именно там суждено закончиться его поискам, начатым тысячелетие назад. С тех пор демон сгорал от нетерпения, надеясь, что какой-нибудь чародей откроет ему дорогу в свой мир.

Ученик чародея почувствовал, что гипнотический танец языков пламени все более овладевает его вниманием. Вот они слились в нечто подобное пламени свечи, только во много раз сильнее, и пламя это, заплывав под жаровней, стало раскачиваться вперед-назад. Зачарованный этим танцем, юноша даже не заметил, как разрастается огонь.

Пламя поднималось все выше и выше, его мерцание усилилось, а цвет, постепенно меняясь, в конце концов сменился с ярко-красного на белый.

Вперед-назад. Вперед-назад.

Огонь бился в жаровне все быстрее и резче, постепенно собирая силы, необходимые для поддержки огромного существа, дрожавшего от нетерпения на противоположном краю пространства.

Вперед-назад. Вперед-назад.

Юноша взмок от напряжения. Он уже понял, что волшебная сила вышла из-под его контроля и теперь живет сама по себе. Он был бессилен что-либо сделать.

Вперед-назад. Вперед-назад.

Вот в пламени замаячил силуэт того, кого он вызывал, и спустя мгновение юноша уже мог различить огромные когтистые лапы и покрытые морщинистой кожей, совсем как у летучих мышей, крылья.

– Эррту! – выкрикнул юноша, как того требовал ритуал вызова. Он не сомневался, что это именно Эррту – одно из наиболее могущественных чудовищ, стоявшее в иерархии Абисса лишь немногим ниже верховных повелителей.

Вперед-назад. Вперед-назад.

Вот показалась огромная обезьянья голова, снабженная напоминавшими собачьи челюстями, из которых торчали необычайно крупные кабаньи клыки... Из пламени на юного чародея взирали большие, налитые кровью глаза. Ядовитая слюна монстра с шипением падала на угли жаровни.

Вперед-назад... Вперед-назад...

В какой-то момент пламя выросло до предела, и Эррту выступил вперед. Демон даже не остановился, чтобы познакомиться с охваченным ужасом молодым человеком, столь опрометчиво вызвавшим его, а сразу принялся кружить вдоль магического круга, пытаясь по колдовским знакам представить, насколько силен чародей.

Наконец юноша взял себя в руки. Ему удалось вызвать могучего демона! Вспомнив об этом, он вновь обрел уверенность в своих силах.

– Стань передо мной! – скомандовал он, решив, что управлять существом с низших уровней можно лишь силой.

Эррту и ухом не повел. Юноша рассердился.

– Ты подчинишься мне! – вскричал он. – Я вызвал тебя, и ты полностью в моей власти! Ты будешь делать все, что я пожелаю. А потом я, возможно, сжалюсь над тобой и отправлю тебя в твой презренный мир! А сейчас стань передо мной!

Юный чародей вел себя как господин. Его прямо-таки распирала гордость от сознания собственного могущества.

Разглядывая руны, Эррту быстро нашел ошибку, ошибку, означавшую, что он запросто может войти в круг...

И чародея не стало.

* * *

Проникая на Материальный уровень, Эррту всегда чувствовал прилив сил. И сейчас он без особого труда разобрался, в каком направлении следует вести поиски. Расправив могучие крылья, демон парил над городами людей, сея панику в сердцах тех, кому доводилось увидеть его. Но он знал, что и где искать, а потому ни на мгновение не останавливался, хотя в другое время с радостью наслаждался бы, наблюдая насмерть перепуганных людишек.

Эррту неся над пустынными равнинами, направляясь к северным пределам, к Средиземному Хребту, навстречу древнему оружию, которым он так жаждал обладать.

* * *

Кесселл почувствовал приближение демона задолго до того, как его воины взвыли от ужаса, заметив мечущуюся по небу черную тень. Креншинибон, всем своим существом ненавидевший чудовище, преследовавшее его в течение многих тысячелетий, вовремя предупредил своего хозяина.

Кесселл был спокоен. Он не сомневался, что, находясь за стенами своей башни, он неуязвим даже для такого чудовища, как Эррту. И, кроме всего прочего, он обладал одним важным преимуществом: волшебный камень принадлежал ему по праву. Сейчас их души были объединены общей целью, и, подобно остальным многочисленным предметам, созданным на заре этого мира, Креншинибон нельзя было силой отобрать у того, кому он принадлежал. Эррту, желая обладать камнем, ни за что не решится напасть на Кесселла, опасаясь тем самым вызвать гнев Креншинибона.

Ядовитая слюна ручьем потекла на снег из пасти демона, когда он увидел башню, точную копию камня.

– Сколько лет прошло! – радостно взвыл он. Будучи обитателем нематериального мира, Эррту четко видел вход в башню, хотя ни гоблинам, ни даже гораздо более смышленным исполинам это было недоступно.

Чародей, окруженный троллями-телохранителями, поджидал Эррту в главном зале Кришал-Тири, на первом этаже башни. Он прекрасно понимал, что в схватке с огнедышащим драконом от троллей будет мало толку. Однако они были нужны ему, чтобы усилить впечатление, которое он собирался произвести на чудовище. Кесселл знал, что он запросто может зашвырнуть демона назад – туда, откуда тот прибыл, но сейчас у него созрел новый план, как обычно, ненавязчиво навешанный Креншинибоном.

Демон может пригодиться.

Эррту протиснулся в башню и застыл от изумления. Зная, в какой глуши находится Креншинибон, он ожидал, что камень попадет в руки орка или, может быть, ледяного исполина. Эррту надеялся уговорить или попросту запугать обладающего камнем тугодума. Вид одетого в роскошную мантию человека, судя по горделивой осанке даже мага, смешал его замыслы.

– Приветствую тебя, могущественный демон, – вкрадчиво произнес Кесселл, отвешивая почтительный поклон. – Добро пожаловать в мое скромное жилище.

Эррту жутко зарычал и бросился вперед. Его обуяли дикая злоба и зависть к этому жалкому человечку. Демон напрочь забыл о последствиях, которые ожидают того, кто рискнет напасть на обладателя хрустального камня.

Но Креншинибон был начеку.

Внезапно стены дома вспыхнули дюжиной солнц, и демон, в страхе зажмутив глаза, застыл на месте. Свет в то же мгновение исчез, но Эррту так и остался стоять, не решаясь вновь напасть на чародея.

Кесселл самодовольно усмехнулся. Камень не подвел его. Когда чародей заговорил вновь, голос его зазвучал уверенно и жестко.

– Я знаю, что ты пришел за этим, – произнес он, вытаскивая из складок своей мантии магический камень. Глаза Эррту сузились, он стоял молча, не в силах оторвать взгляд от предмета, которым так жаждал обладать. – Но тебе не удастся заполучить его, – сказал

Кесселл, возвращая камень на место. – Он мой, я нашел его, и твои попытки завладеть им будут ему не по нраву! – Кесселл искренне упивался беспомощностью демона, ему ужасно хотелось подольше помучить своего незадачливого соперника.

«Хватит!» – внезапно предупредил его внутренний голос, который, как он начал подозревать в последнее время, был не чем иным, как воплощением недремлющего сознания камня.

– Не твое дело! – громко сказал Кесселл. Эррту быстро осмотрелся по сторонам, пытаясь сообразить, к кому обращается чародей. Уж, конечно, не к троллям... Так и не поняв, в чем дело, демон на всякий случай пробормотал несколько заклинаний, которые были призваны защитить его от неожиданного нападения.

«Ты глумишься над опасным противником, – настаивал камень. – Я защитил тебя от демона, а ты упорствуешь и продолжаешь настраивать против себя существо, которое способно стать твоим верным соратником!»

Как всегда бывало в таких случаях, Кесселл немного поразмыслил и пришел к выводу, что, возможно, Креншинибон прав.

Тем временем Эррту всерьез задумался над сложившейся ситуацией. Убить этого человека ему вряд ли удастся, хотя он сделал бы это с огромным наслаждением. Но и уходить без камня, отказываясь от достижения цели, к которой он стремился в течение многих веков, ему тоже не хотелось.

У меня есть предложение. Мне кажется, оно тебя заинтересует, – вкрадчивым голосом проговорил Кесселл, стараясь не обращать внимания на кровожадные взгляды, которые то и дело бросал на него демон. – Оставайся со мной и бери на себя командование армией! С таким полководцем, при нашей с Креншинибоном поддержке, воины пройдут по долине подобно урагану.

– Служить тебе? – расхохотался Эррту. – Нет, человек, никогда. Ведь ты же не имеешь власти надо мной.

– Ты ошибаешься, – возразил Кесселл. – Подумай об этом не как о службе, а как о возможности принять участие в походе, который сулит небывалые разрушения и завоевания! Я настолько уважаю тебя, великий демон, что у меня нет ни малейшего желания считать себя твоим хозяином.

Креншинибон, умело влияя на сознание Кесселла, полностью овладел ситуацией. Эррту вдруг расслабился, и это свидетельствовало о том, что предложение чародея его заинтересовало.

– Подумай о том, что сулит тебе наш союз, – продолжал Кесселл. – Человеческая жизнь не более чем миг по сравнению с твоим, по сути дела, вечным существованием. И кто, по-твоему, будет обладать камнем, когда не станет Акара Кесселла?

Эррту злорадно усмехнулся и склонился в почтительном поклоне.

– Как я могу отклонить столь великодушное предложение? – проскрежетал он в ответ своим жутким, нечеловеческим голосом. – Поведай же мне, о чародей, какие славные подвиги нам предстоят?

Кесселл едва удержался от того, чтобы пуститься в пляс. Формирование армии завершилось.

Он приобрел великолепного полководца.

Глава 11

КЛЫК ЗАЩИТНИКА

Ладони Бренора взмокли, когда он вставил ключ в покрытый вековой пылью замок тяжелой, сколоченной из толстых досок двери. Предстояло сделать последний шаг, и дворф знал, что сейчас от него потребуются вся его выдержка и опыт. Как и все наиболее искусные дворфы-кузнецы, Бренор шел к этому моменту всю свою жизнь – с тех самых пор, когда еще только начал постигать основы ремесла.

Дверь подавалась с трудом, пришлось как следует приналечь на нее плечом. Дерево протестующе скрипело; за те годы, что ее не открывали, дверь основательно осела и перекосилась. Но в этом была и своя прелесть: теперь-то Бренор не сомневался в том, что никто посторонний не добрался до его сокровищ. Он еще раз бросил взгляд через плечо на темные своды коридора этой крайне редко посещаемой части пещерного города дворфов. Убедившись, что за ним никто не следит, Бренор вошел в тесную каморку, ткнув перед собой лампой, чтобы сжечь свисавшие с потолка плотные лоскутья паутины.

В комнате находился лишь огромный, окованный железом сундук. Его опоясывали две тяжелые цепи, сцепленные большим навесным замком. Сундук был покрыт толстым слоем пыли, паутина плотной сетью опутывала его углы – и Бренор окончательно успокоился. В последний раз выглянув в коридор, дворф, стараясь действовать как можно тише, осторожно прикрыл дверь.

Затем, встав на колени, Бренор склонился над сундуком и поставил лампу на пол. Пламя лизнуло паутину, и та, ярко вспыхнув, исчезла. Он вытащил из притороченного к поясу мешочка небольшой деревянный брусочек и снял с шеи массивную цепь, на которой висел большой серебряный ключ. Затем, одной рукой держа брусочек прямо перед собой, дворф аккуратно вставил ключ в замок.

Наступил самый ответственный момент. Чутко вслушиваясь в тишину, Бренор медленно повернул ключ. Услышав, как щелкнула задвижка замка, он напрягся и резко выпустил ключ. Замок выпал из кольца и высвободил находившийся между ним и сундуком пружинный рычаг. В этот момент, тонко просвистев, миниатюрная стрела с силой впиалась в деревянный брусочек и Бренор облегченно вздохнул. Он прекрасно знал, что, даже несмотря на то что пружина была взведена без малого столетие назад, яд снежного каракурта полностью сохранил свои смертоносные свойства.

Бренора охватило радостное возбуждение. Не мешкая, он отбросил в стороны массивные цепи и смахнул пыль с крышки сундука. Затем дворф ухватился за крышку и хотел было рвануть ее вверх, но тут же вспомнил, насколько важно сейчас действовать спокойно и неторопливо.

Любой, кто смог бы добраться до этого сундука и открыть его, был бы несказанно рад заполучить находящиеся внутри сокровища. Серебряный кубок, мешок с золотом и усыпанный драгоценными камнями кинжал лежали там вперемешку со множеством менее ценных вещей. Здесь хранились старые протертые сапоги, помятый шлем и прочий хлам, не представлявший никакого интереса для грабителей.

Сейчас, хотя все эти предметы и были ему дороги, Бренор, ни на мгновение не отвлекаясь от основной своей цели, извлек их наружу и разложил на грязном полу.

Дно массивного сундука находилось немного выше уровня пола. Не каждый догадался бы, что под сундуком может находиться еще что-нибудь. Но в свое время Бренор искусно вырубил в полу небольшое углубление, точно по размерам сундука, так, что даже самый хитроумный грабитель вряд ли догадался бы, что сундук стоит не на полу. Пошарив по дну, Бренор нащупал небольшое отверстие и, просунув в него палец, потянул дно вверх. Дерево заскрипело, но не поддавалось, и дворфу пришлось хорошенько подналечь. В конце концов дно сундука с треском откинулось в сторону и Бренор едва не опрокинулся на спину.

Впрочем, дворф сумел удержаться на ногах и в следующее мгновение уже заглядывал внутрь сундука с тем, чтобы убедиться, что самые ценные сокровища по-прежнему находятся там, где он их некогда оставил.

Кусок чистейшего мифрила, небольшой кожаный мешочек, крохотный золотой сундучок и серебряная трубка для хранения свитков, на одном из концов увенчанная крупным бриллиантом, лежали точно так, как он их положил много лет назад.

Когда Бренор извлекал свои сокровища, его руки дрожали. Дворф погрузил драгоценности в мешок, предварительно обернув кусок мифрила специально припасенным для этого полотенцем. Затем он установил ложное дно на место и вновь разложил внутри сундука свои менее ценные вещи. Вновь обтянув сундук цепями, дворф навесил замок, на

этот раз не снаряжая боевую пружину ядовитой стрелой.

* * *

Место для потайной кузницы Бренор выбрал в укромном уголке меж скал у самого подножия Пирамиды Кельвина. Редко кто навещался сюда, в северную часть долины дворфов, которая одновременно выходила и в Проход Бремена, огибавший гору с запада, и в видневшийся на востоке Проход Ледяных Ветров. К своему удивлению, Бренор обнаружил, что усеявшие склон горы камни отличаются необычайной твердостью и почти лишены чужеродных вкраплений, – как раз то, что нужно, чтобы сложить горн.

Бренор, ступая, как всегда, размеренно и неторопливо, приблизился к этому, с некоторых пор ставшему священным для него месту. Сейчас, когда он наконец принес сюда бесценные для любого дворфа сокровища, его мысли вновь унеслись в прошлое, в Мифрил Халл, на родину предков, и в голове мастера зазвучали слова отца, которые тот произнес, вручая Бренору первый в его жизни кузнечный молот.

«Если тебе суждено обладать талантом к этому ремеслу, – сказал тогда отец, – и если тебе посчастливится прожить достаточно долго и почувствовать заключенную в недрах земли силу, наступит особый день. Запомни, на нашем народе лежит печать чудесного благословения, хотя некоторые склонны считать его своего рода проклятием. Всего лишь один, и только один раз в жизни, самые искусные из наших кузнецов способны выковать оружие, которое намного превосходит все то, что они когда-либо создавали. Будь готов к этому дню, сын мой, поскольку в создание этого оружия придется вложить всего себя, без остатка. И зная это, ты лишишься страсти, которая движет молотом настоящего мастера. Когда этот день минует, жизнь, возможно, покажется тебе пустой и лишенной смысла. Однако, если ты действительно окажешься настолько удачливым, как это написано тебе на роду, ты создашь волшебное оружие, которое будет жить еще многие столетия после того, как твои кости превратятся в пыль».

Отец Бренора, погибший в тяжкие для Мифрил Халла времена, так и не дожил до своего особого дня, хотя, случись так, некоторые из предметов, что извлек из сундука Бренор, наверняка пригодились бы ему. Но дворф не чувствовал угрызений совести, он прекрасно понимал, что ему предстоит создать оружие, за которое не будет стыдно перед духом отца.

День Бренора настал.

* * *

Образ скрывающегося в куске мифрила двухголового молота явился Бренору во сне на прошлой неделе. Дворф сразу понял, что означает этот сон, и сообразил, что ему придется поспешить, чтобы как следует все приготовить, – времени оставалось мало. Луна стояла уже довольно высоко и светила в полную силу. Момент летнего солнцестояния должен был наступить со дня на день. В это время сам воздух наполнен волшебством. Бренор нисколько не сомневался, что ему удастся в полной мере использовать свой дар.

И вот наконец кузница готова. Бренор извлек из мешка увесистый кусок мифрила и, покачав его на руке, ощутил таящуюся в металле силу. Ему уже доводилось работать с мифрилом, и сейчас он благоговейно смотрел на серебристую поверхность металла, служившего символом его народа.

Сначала ничего не произошло, но вот, спустя несколько мгновений, перед глазами дворфа вновь возникли плавные очертания волшебного боевого молота, который ему предстоит создать. Сердце кузнеца бешено застучало, а дыхание стало прерывистым.

Пришло время воплотить видение в реальность.

Бренор, не мешкая, разжег горн и принялся за работу. Он трудился всю ночь, до тех пор пока в кузницу не проникли первые лучи утренней зари. В тот день он сходил домой

лишь затем, чтобы забрать загодя заготовленный, твердый как алмаз стальной стержень, на который предстояло насадить молот. Он проспал в кузнице весь день и, проснувшись незадолго до заката, вне себя от волнения, нетерпеливо ожидая наступления темноты, принялся бесцельно бродить по склону горы вокруг своей кузницы-храма.

Когда дневной свет наконец померк, дворф вновь принялся за работу. Металл был удивительно мягок и податлив, и Бренор понял, что его творение будет готово еще до зари. И хотя впереди были многие часы работы, его уже переполняла гордость, которую всегда ощущает создавший совершенное творение мастер. Он не сомневался, что успеет: к утру молот будет насажен на рукоять, а всю следующую ночь – ночь летнего солнцестояния – можно будет, не торопясь, посвятить окончательной отделке оружия.

* * *

Филин вихрем налетел на ничего не подозревавшего крольчонка. Чутье не подвело его и на этот раз. Обычное убийство, жертва даже не успеет сообразить, откуда взялся хищник. И все-таки в самый последний момент охотнику что-то помешало. Большая птица редко промахивалась, однако на этот раз ей пришлось вернуться в свое гнездо, расположенное на склоне Пирамиды Кельвина, без добычи.

Далеко в тундре одинокий волк, неподвижный как статуя, молча взирает на то, как из-за горизонта медленно и величаво поднимается огромный серебристый диск летней луны. Дождавшись, пока сияющий шар покажется целиком, волк разразился душераздирающим воем, которым его племя испокон века приветствовало ночное светило. Почти сразу послышался ответный клич, затем еще и еще: множество волков и других хищников соединили свои голоса в приветствии небесам.

Началась ночь летнего солнцестояния, когда воздух будто пропитан волшебством, приводящим в благоговейный трепет всех диких обитателей тундры.

Бренор тоже почувствовал наступление магического часа, но, всецело поглощенный работой, он сохранял удивительное для такого момента спокойствие. Вот дворф твердыми руками открыл крышку маленького золотого сундучка.

Волшебный боевой молот был уже готов и лежал на наковальне перед ним. Действительно, ничего подобного ему еще никогда создавать не доводилось. Сейчас наступил завершающий этап: с помощью древних рун и заклинаний Бренору предстояло вдохнуть в оружие особую, необычайную силу.

Дворф извлек из сундучка серебряный молоточек и зубило, приблизился к своему творению и принялся за дело, прекрасно понимая, что времени у него не так уж и много.

Примерившись, он установил зубило и с силой ударил по нему молоточком. Голоса металлов слились в мелодичном звоне, и дворф почувствовал, как по его спине пробежали первые волны возбуждения. Он знал, что сейчас все условия как никогда благоприятны, и стоило ему только представить, каков будет результат этих ночных бдений, как все его тело охватила легкая дрожь.

С головой уйдя в работу, он не почувствовал на себе взгляда темных, цвета горной лаванды глаз, взиравших на него с близлежащей скалы.

Для первых знаков, которые он сейчас наносил на поверхность топора, образец был не нужен, эти символы давно жили в его сердце. Уверенными движениями Бренор изобразил на одной из голов оружия молот и наковальню Морадина, Кузнеца Душ, после чего выбил на другой голове скрещенные топоры – символ Клангеддона, бога Войны.

Затем он взял серебряную трубку для свитков и аккуратно снял украшенную дивным бриллиантом крышку. Убедившись, что древний пергамент благополучно выдержал испытание временем, дворф испустил вздох облегчения. Смахнув выступивший на ладонях пот, он медленно развернул свиток и осторожно расправил его на наковальне. Поначалу ему показалось, что лист чист, но вот в свете полной луны на пергаменте постепенно проступили таинственные руны, в которых был заключен секрет волшебной силы.

Это было наследие его народа, и, хотя Бренор никогда раньше не видел их, причудливые изгибы линий показались ему удивительно знакомыми. Дворф уверенно расположил зубило между двумя нанесенными ранее символами верховных богов и принялся высекать на поверхности молота волшебные руны. И почти сразу лее почувствовал, что сила магических знаков перетекает с его рук на поверхность оружия, и, к великому своему изумлению обнаружил, как по мере появления на мифриле руны одна за другой исчезают с пергамента. Время утратило свой смысл, Бренор с головой ушел в работу и, наконец закончив покрывать поверхность молота рунами, поднял голову и увидел, что в своем движении по небу луна уже миновала вершину пути и плавно скользит вниз.

Момент наиболее серьезного испытания умения и опыта наступил, когда пришла пора украсить драгоценным камнем витиеватое переплетение рун в том месте, где они, сходясь, образовывали символ горы Думатойна. Линии этого знака четко соответствовали очертаниям рун, и в этом была заключена тайна необычайной силы, которую дворфу предстояло вдохнуть в оружие.

Бренор понял, что работа почти завершена. Он снял молот с наковальни и достал небольшой кожаный мешочек. Перед тем как развязать шнур, стягивавший горловину мешочка, дворф выпрямился и несколько раз глубоко вздохнул.

Наступил самый ответственный момент. Он открыл мешочек и застыл, благоговейно глядя на мягкое сияние, исходившее от драгоценной бриллиантовой пыли, блестевшей и переливавшейся в мягком свете луны.

Сидя неподалеку, на вершине скалы, Дзирт До'Урден напрягся в предвкушении необыкновенного зрелища и еле заметно поежился, искренне опасаясь выдать свое присутствие и тем самым нарушить глубокую сосредоточенность друга.

Бренор некоторое время стоял совершенно неподвижно и вдруг с силой подбросил мешочек, так, что его содержимое высоко взлетело в ночное небо. Затем, отшвырнув мешочек, дворф обеими руками схватил боевой молот и воздел его над головой. Он начал выкрикивать заклинания и почти сразу ощутил, как силы оставляют его. Но Бренор прекрасно знал, что результат работы будет виден лишь после того, как он закончит наполнять свое творение волшебной силой. То, насколько хорошо и точно он покрыл поверхность молота резьбой, определяло успешность произносимых сейчас заклинаний: ведь по мере того, как он наносил руны, их сила заполняла его собственное сердце. Сейчас именно эта сила должна была притянуть драгоценную пыль, и количество пыли на поверхности молота покажет, сколь мощное оружие ему удалось создать.

Внезапно Бренора накрыла черная тень. Его голова качнулась, но он был не в силах сообразить, что удержало его от падения. Волшебство наполнило дворфа, и, хотя сознание уже начало покидать его, заклинания непрерывным потоком продолжали слетать с его губ. В конце концов ноги Бренора подкосились, и он, лишившись чувств, рухнул на землю.

Дзирт отвернулся и откинулся на поверхность скалы, он тоже был обессилен этим удивительным зрелищем и не на шутку разволновался, выдержит ли его друг столь суровое испытание. Перед глазами эльфа застыло мгновение наивысшего триумфа дворфа – тот миг, когда мифриловая голова молота, притянув к себе облако бриллиантовой пыли, засверкала.

И ни одна частица переливавшейся всеми цветами радуги магической пыли не пролетела мимо творения Бренора.

Глава 12

ДАР

Вульфгар сидел на северном склоне Подъема Бренора, пристально вглядываясь вдаль, в надежде увидеть хоть какие-то признаки возвращения дворфа. Он частенько приходил сюда, чтобы побыть наедине со своими мыслями и с печальными завываниями ветра. Перед ним позади долины дворфов располагались Лек Деннишир и Пирамида Кельвина. Между ними лежала плоская равнина, известная как Проход Ледяных Ветров.

Эта равнина тянулась на северо-восток и плавно переходила в безбрежные просторы тундры, его родины.

Уходя, Бренор предупредил, что вернется не раньше чем через несколько дней, и поначалу Вульфгар даже немного обрадовался этой, пускай короткой, передышке от нескончаемых назиданий и нравоучений дворфа. Однако передышка оказалась безрадостной.

– Переживаешь за него? – послышалось из-за спины. Прекрасно зная, что это Кэтти-бри, Вульфгар даже не обернулся.

Он не ответил, поняв, что девушка спрашивает, заранее зная ответ, и все равно не поверит, если он вздумает отрицать.

– Он вернется, – слегка дрожащим голосом сказала Кэтти-бри. – Бренор тверд как горная порода, и в этой тундре его ничто не остановит.

На этот раз молодой варвар обернулся и внимательно посмотрел на девушку. Уже давно, как только между ним и дворфом установились доверительные отношения, Бренор представил Вульфгара своей «дочери» – человеческой девушке примерно одних с ним лет.

Внешне она была очень спокойной и тихой, однако обладала таким сильным духом, какого Вульфгару еще никогда не приходилось наблюдать в женщине. У варваров девочек воспитывали так, что они с детства привыкали держать свое мнение при себе. А Кэтти-бри, подобно своему воспитателю, всегда говорила то, что думала, не оставляя у окружающих ни малейшего сомнения по поводу того, как она относится к тому или иному событию. У них с Вульфгаром постоянно происходили весьма резкие словесные перепалки, и все-таки он был рад, что у него есть подруга одних с ним лет, не взирающая на него с высот нескольких столетий богатого жизненного опыта. Кэтти-бри очень помогла Вульфгару в первый год его жизни у дворфа и всегда с достаточным уважением относилась к молодому варвару, хотя и редко соглашалась с ним. И это в то время, когда он сам едва находил силы уважать себя. Порой Вульфгару даже казалось, что она косвенно повлияла на решение Бренора заняться его воспитанием.

Будучи его ровесницей, девушка во многом казалась гораздо старше своих лет. Было в ней некое внутреннее чувство справедливости, неизменно сдерживавшее ее подчас, весьма буйный нрав. Впрочем, во всем остальном, например в легкой, воздушной походке, Кэтти-бри всегда, как казалось Вульфгару, останется ребенком. Это необычное сочетание воли, самообладания и детской восторженности привлекало Вульфгара и неизменно повергало его в смущение, когда он беседовал с Кэтти-бри.

Но, конечно, были и другие чувства, ставившие его в неловкое положение. Что и говорить, девушка была сказочно красива; рассыпавшиеся по плечам густые золотисто-каштановые волосы и прямой взгляд глубоких темно-синих глаз кого угодно могли вогнать в краску. И все-таки, помимо чисто внешней привлекательности, его к ней притягивало и еще кое-что. Кэтти-бри была первой на его жизненном пути женщиной, которая не укладывалась в рамки роли, что испокон веков была уготована женщинам тундры. Варвар не был вполне уверен, нравится ли ему это, однако не мог отрицать, что его неудержимо тянет поболтать с девушкой подольше.

– Ты частенько приходишь сюда. Что ты здесь ищешь? – спросила Кэтти-бри.

Вульфгар лишь пожал плечами. Он и сам толком не понимал, что влечет его сюда.

– Может, свой дом?

– Да, пожалуй что так, но еще и многое другое, что недоступно понять женщине.

Уловив в словах Вульфгара непреднамеренную резкость, Кэтти-бри улыбнулась.

– Тогда расскажи мне, – попросила она, и в ее голосе зазвучали саркастические нотки, – Возможно, мое невежество позволит тебе взглянуть на твои проблемы с другой стороны.

Она спрыгнула с камня, на котором стояла, и, обойдя вокруг Вульфгара, уселась на камень рядом с ним.

Юноша невольно залюбовался грациозными движениями Кэтти-бри. Внешность ее была столь же загадочна, как порой удивительно многообразным был ее живой ум. Высокая, стройная и хрупкая, она была тем не менее привычна к тяжелой, изнурительной работе по

дому.

– Так о чем тебе рассказать? О подвигах и невыполненной клятве? – таинственным голосом произнес Вульфгар, отчасти желая поразить ее, но скорее затем, чтобы лишний раз утвердиться во мнении о том, во что женщинам вникать следует, а во что нет.

– О клятве, которую ты исполнишь, – рассудила Кэтти-бри, – как только тебе представится такая возможность.

Вульфгар торжественно кивнул:

– Бремя долга легло на меня, когда был убит мой отец. Но настанет день...

Он не договорил и с тоской принялся вглядываться в безбрежные пространства тундры.

Кэтти-бри покачала головой, и ее каштановые локоны, взлетев, мягко упали на плечи. Из таинственных слов Вульфгара ей стало ясно, что он, движимый долгом чести, собирается совершить нечто очень опасное, возможно, даже смертельно опасное.

– Не знаю, да и не могу знать, что движет тобой... Могу лишь пожелать тебе удачи. Однако, если ты собираешься совершить нечто подобное тому, о чем только что сказал, можешь не сомневаться, что лишь даром потратишь время и силы.

– Что может женщина знать о чести, – огрызнулся Вульфгар.

Но девушку было не так-то просто смутить.

– Так что же, – отозвалась она, – ты думаешь, что честь присуща мужчинам только потому, что у вас в штанах есть что-то такое особенное?

Вульфгар покраснел и отвернулся, будучи неспособным слышать такие выражения от женщины.

– И еще... – продолжала Кэтти-бри. – Насчет того, зачем ты сюда пришел, можешь говорить все, что тебе вздумается, но я-то знаю, что ты волнуешься за Бренора. И поэтому твои глупые отговорки меня совершенно не интересуют.

– Ты знаешь только то, что тебе хочется знать!

– Ты такой же, как и он! – резко сказала Кэтти-бри, сменив тему и не обращая внимания на слова Вульфгара. – Ты похож на дворфа гораздо больше, чем сам способен признать! – рассмеялась она. – Вы рождены упрямыми гордецами и никогда не признаете за другими права на благородные поступки и чувство долга. Думай как знаешь, Вульфгар из Долины Ледяного Ветра. Мне-то ты можешь врать сколько угодно, однако перед самим собой... о-о, тут совсем другая история!

С этими словами Кэтти-бри вскочила и вприпрыжку понеслась к пещерам дворфов.

Вульфгар, несмотря на то что был не на шутку рассержен, нежным взглядом проводил грациозные движения ее бедер. Он никак не мог взять в толк, что же все-таки так притягивает его к этой девушке.

Впрочем, молодой варвар вполне отдавал себе отчет в том, что, если как следует поразмыслить, придется признать, что она вывела его из себя, своими наблюдениями, как обычно, попав в точку.

* * *

Дзирт До'Урден провел два дня рядом с лишившимся чувств дворфом. И хотя эльф ни на мгновение не переставал волноваться за друга и очень хотел взглянуть на волшебный боевой молот, он все же держался на почтительном расстоянии от таинственной кузницы.

Наконец рано утром, на заре третьего дня, когда Бренор пришел в себя и сладко потянулся, эльф бесшумно удалился по той самой тропе, по которой, как он знал, вскоре направится к дому и дворфу. Найдя подходящее место, Дзирт развел костер.

Поначалу солнечный свет ослепил Бренора, однако он быстро пришел в себя, сел и осмотрелся по сторонам. И тут его взгляд упал на сверкающий в лучах зари боевой молот.

Дворф в поисках бриллиантовой пыли торопливо обшарил каменистую землю вокруг наковальни, и, когда ничего не нашел, его восторг многократно усилился. Стоило Бренору взять оружие в руки, как все его тело охватила дрожь. Дворф радостно покрутил молот в

руках, оценив, сколь безупречно уравновешено оружие. Увидев, как драгоценная пыль покрыла символы богов, он невольно задержал дыхание. Пораженный качеством своей работы, дворф до конца понял глубокий смысл тех слов, что когда-то сказал ему отец. Сомневаться не приходилось, ничего подобного он уже никогда не сделает. Осознав это, дворф задумался: да сможет ли он вообще когда-нибудь вновь взять в руки кузнечный молот?

Безуспешно пытаясь разобраться в своих смятенных чувствах, он положил серебряный молоточек и зубило назад в золотой сундучок и засунул пергаментный свиток в трубку, прекрасно, впрочем, понимая, что волшебные руны никогда больше не появятся на пергаменте. Только сейчас Бренор сообразил, что не ел несколько дней, и сразу же вновь почувствовал усталость. Тем не менее он взял все, что смог поднять, взвалил огромный молот на плечо и поплелся к дому.

Очень скоро сладкий запах жаркого ударил ему в ноздри.

– Ну что, вернулся из своих странствий? – приветствовал друга дворф.

Дзирт глянул прямо в глаза Бренора, стараясь не выдать своего любопытства и желания: поскорее прикоснуться к сверкающему боевому молоту.

– Ведь ты же звал меня, добрый дворф, – сказал он, слегка поклонившись. – Ты послал за мной столько народу, что я всерьез обеспокоился и решил вернуться.

Это была истинная правда, но сейчас, завидев жарящееся на огне мясо, Бренор решил, что с основным делом можно и подождать.

– Ты действительно нужен мне, – буркнул он. Дзирт понимающе улыбнулся. Сам-то он уже наелся вволю, а этого горного кролика изловил и зажарил специально для Бренора.

– Присоединишься ко мне, а, дворф?

Не успел он договорить, как Бренор уже рвал тушку кролика на части. И вдруг дворф, на мгновение оторвавшись от пищи, подозрительно уставился на эльфа.

– И давно ты здесь сидишь?

– Я пришел на рассвете, – не моргнув глазом соврал Дзирт, прекрасно понимая, что ритуал дворфа должен был проходить в полном уединении. Бренор довольно усмехнулся под нос и принялся за кролика, в то время как эльф насадил на вертел новый кусок.

Дождавшись, пока Бренор насытится, эльф вдруг схватил молот. Не успел дворф и глазом моргнуть, как Дзирт уже поднял оружие.

– Великоват для дворфа, а? – небрежно заметил он. – И слишком тяжел для моих нежных рук, – добавил он и испытующе глянул на Бренора, который уже стоял, скрестив руки на груди, и нетерпеливо притопывал сапогом. – Для кого же тогда этот молот?

– У тебя просто талант совать нос не в свое дело, – хрипло огрызнулся Бренор.

В ответ Дзирт лишь рассмеялся.

– Это для мальчишки? Для Вульфгара? – спросил он нарочито недоверчивым тоном. Эльф отлично знал, сколь нежные чувства питает Бренор к молодому варвару, впрочем, не сомневаясь, что сам дворф ни за что в этом не признается.

– Самое подходящее оружие для варвара. Ты сам, что ли, его сделал?

Дзирт был искренне поражен тем, как искусно сработан молот. И хотя он был слишком тяжел для него, эльф в полной мере оценил, сколь удивительно точно уравновешено оружие.

– Молот как молот. И старый к тому же, – пробормотал Бренор. – Этот сопляк где-то потерял свою дубину. Ну и не могу же я оставить его безоружным в этой проклятой тундре.

– И как он называется?

– Клык Защитника, – не задумываясь выпалил Бренор. Дворф не помнил, когда придумал это название, и потому решил, что, судя по всему, оно пришло ему на ум тогда, когда он вдыхал в молот волшебную силу.

– Понимаю, – сказал Дзирт, возвращая оружие дворфу. – Старый молот вполне сойдет для мальчишки. Голова молота из мифрила, твердая как алмаз рукоять и пригоршня бриллиантовой пыли. Понимаю, нечего его баловать!

– Да заткнись ты! – вспыхнул Бренор, покраснев до корней волос, и Дзирт склонился в

насмешливым поклоне.

– Зачем я тебе вдруг понадобился, друг мой? – спросил эльф, решив сменить тему.

Бренор прокашлялся.

– Этот мальчишка, – мягко сказал он, и Дзирт, заметив, что к горлу дворфа подкатил комок, решил приберечь свои насмешки для более подходящего момента. – Он получит свободу до начала зимы, – продолжал Бренор. – А вот боец из него никудышный. Он сильнее любого из самых крепких людей, которых мне доводилось видеть, он движется с легкостью молодого оленя. Но воин из него пока никакой.

– Ты хочешь, чтобы я обучил его воинскому искусству? – недоверчиво спросил эльф.

– Самому мне это не под силу, – выпалил Бренор. – В нем семь футов росту, и низкие удары дворфа – это для него не наука!

Эльф задумчиво взглянул на друга. Как и всем, кто близко знал Бренора, ему было известно, что между дворфом и молодым варваром сложились хорошие отношения. Однако даже он со всем своим жизненным опытом не подозревал, насколько серьезна эта дружба.

– Не для того я пять лет его воспитывал, чтобы его в первый же день разорвал на куски какой-нибудь вонючий йети! – рявкнул Бренор, раздраженный тем, что друг медлит с ответом. – Так что же, ты поможешь мне?

Дзирт снова улыбнулся, однако на этот раз он и не думал дразнить приятеля. Эльфу пришла на память его схватка с йети почти пять лет назад. В тот день Бренор спас ему жизнь. И это был далеко не первый и, по-видимому, не последний раз, что он оказался в долгу у дворфа.

– Богам известно, что я обязан тебе гораздо большим, мой друг. Конечно же, я обучу его, – сказал Дзирт, и Бренор, довольно усмехнувшись, схватил новый кусок крольчатины.

* * *

Молот Вульфгара звонко бил по наковальне. Рассерженный тем, что Кэтти-бри в их последней беседе заставила его во многом сознаться, варвар вернулся в свою кузницу и с удвоенной энергией принялся за работу.

– Кончай махать молотом, малыш, – послышался скрипучий голос, и Вульфгар резко обернулся. Он настолько глубоко ушел в работу, что даже не услышал, как вошел Бренор. Его лицо невольно растянулось в довольной улыбке, но варвар быстро справился с собой и вновь принял суровый вид.

Бренор любовно окинул взглядом огромную фигуру юноши и обратил внимание на первые признаки золотистой бороды на его щеках.

– Я, пожалуй, уже не имею права называть тебя малышом.

– Ты с полным правом можешь называть меня так, как захочешь, – ответил Вульфгар. – Ведь я твой раб.

– У тебя характер дикий, как сама тундра, – улыбнувшись, сказал Бренор. – И ты никогда не был и никогда не будешь ничьим рабом.

Столь неожиданные слова застали юношу врасплох. Он попытался было ответить, однако, не найдя нужных слов, решил, что благоразумнее будет промолчать.

– И я никогда не видел в тебе раба, малыш, – продолжал Бренор. – Ты служил мне, чтобы отплатить за зло, что принес нам твой народ, и я многому научил тебя взамен за твой труд. А теперь отложи свой молот, – сказал Бренор, придирчиво осматривая работу Вульфгара. – Из тебя вышел неплохой мастер. Ты чувствуешь металл. Однако пещера и кузница дворфа – не место для тебя. Пожалуй, настало время тебе почувствовать на своем лице лучи солнца.

– Свобода? – прошептал Вульфгар.

– И думать забудь об этом! – отрезал Бренор. – Не забывай, что ты принадлежишь мне до последних дней осени, – прорычал он и угрожающе ткнул скрюченным пальцем в грудь юноши.

Вульфгар едва успел прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Удивительная смесь черствости и чуткости Бренора одновременно смущала, смешила и раздражала его. Однако он уже давно перестал этому удивляться. Четыре года службы у дворфа научили его быть начеку и не обращать внимания на внезапные вспышки грубости хозяина.

– Заканчивай работу в кузнице, – скомандовал Бренор. – Завтра утром я познакомлю тебя с твоим учителем. И памятуя о своей клятве, ты будешь слушаться его так же, как меня!

Подумав, что придется служить кому-то еще, Вульфгар приуныл. Однако в свое время он поклялся беспрекословно повиноваться Бренору в течение пяти лет и одного дня и твердо знал, что никогда не обесчестит себя, преступив клятву. Поэтому варвар лишь согласно кивнул.

– В ближайшее время я нечасто буду видеть тебя, – продолжал Бренор. – Поэтому мне хотелось бы, чтобы ты дал мне клятву, что никогда больше не поднимешь оружие против жителей Десяти Городов. Вульфгар напрягся.

– Это невозможно, – твердо сказал он. – Когда я выполню условия, которые ты поставил передо мной без малого пять лет назад, я уйду отсюда, не связанный никакими обязательствами!

– Хорошо сказано, – заключил Бренор. Гордость Вульфгара не переставала восхищать его. Дворф немного помолчал, чувствуя, что безмерно рад тому, как сказывается на характере юноши его воспитание.

– Тогда ты, помнится, обломал о мою голову свою дурацкую палку, – взволнованно начал Бренор и закашлялся. Его несколько не радовало то, как развивался разговор, дворф понятия не имел, как вести себя дальше, чтобы не показаться старым сентиментальным глупцом. – Когда твоя служба закончится, зима будет уже на носу, и я не имею права отпускать тебя в тундру безоружным, – с этими словами Бренор торопливо выскочил в коридор и тут же вернулся с боевым молотом.

– Клык Защитника, – объявил он, вручая Вульфгару наделенное волшебной силой оружие. – Я не буду пытаться связать тебя обязательствами. Поэтому сейчас ты сам, по собственной воле дашь мне слово, что никогда не обратишь это оружие против людей Десяти Городов!

Как только рукоять легла в его руки, Вульфгар тотчас ощутил магическую силу созданного дворфом оружия. Пламя кузнечного горна отразилось на украшенных бриллиантовой пылью рунах, и по сводам пещеры заметались тысячи разноцветных бликов. Воины его племени гордились своим оружием, качество отделки которого считалось одним из достоинств истинного бойца. Однако Вульфгар еще никогда не видел ничего, даже отдаленно похожего на этот молот. Оружие так легко легло ему в руки, так подошло ему по весу и размеру! Юноше вдруг показалось, что он рожден для обладания этим молотом. Вульфгар тут же пообещал себе, что проведет не одну ночь, воздавая хвалу богам за столь щедрый дар. Что и говорить, в этом случае боги по праву заслуживали благодарности.

Как, впрочем, и Бренор.

– Клянусь, – выпалил Вульфгар, настолько пораженный чудесным даром, что слова не сразу пришли ему на ум. Юноша гордо приосанился и, набрав полную грудь воздуха, приготовился высказать дворфу слова благодарности. Но к моменту, когда он наконец оторвал взгляд от сверкающей головы молота, Бренор уже исчез.

А тем временем дворф, последними словами ругая себя за мягкосердечие, размашисто шагал по тоннелям, направляясь в свое жилище и мечтая лишь о том, чтобы никто из сородичей случайно не заметил его в эти мгновения душевной слабости. Внимательно глядя по сторонам, он то и дело смахивал с седых ресниц соленые капли так некстати выступившей влаги.

Глава 13 КАК ПОЖЕЛАЕТ ОБЛАДАТЕЛЬ

– Собирай своих воинов, Весельчак, и выступай, – сказал чародей стоявшему перед ним в тронном зале Кришал-Тири огромному ледяному исполину. – Помни, что вы представляете войско Акара Кесселла. Я доверяю вам первыми выйти на равнину. И знай, что судьба нашей победы всецело зависит от того, насколько скрытно вы будете действовать! Я буду следить за каждым вашим шагом. Не подведи меня!

– Мы не подведем тебя, о повелитель! – взревел исполин. – И мы подготовим пещеру к твоему приходу!

– Я верю в вас! – вскричал Кесселл. – А теперь исчезни!

Ледяной исполин взмахнул зеркалом, которое вручил ему Кесселл, отвесил хозяину глубокий поклон и опрометью выбежал из зала.

– Не надо было тебе их посылать, – прошипел стоявший позади трона Эррту. – На земле людей и дворфов вербиигов и их командира быстро раскусят.

– Весельчак – мудрый вождь, – ответил Кесселл, раздраженный дерзостью демона. – У него хватит ума передвигаться скрытно!

– И все-таки люди подошли бы для этого лучше. Ведь Креншинибон говорил тебе об этом.

– Командую здесь я! – возвысил голос Кесселл. Выхватив из кармана кристалл, он угрожающе взмахнул им перед самым носом Эррту и даже несколько подался вперед, чтобы усилить впечатление. – Креншинибон советует, но решаю я! Помни свое место, могучий демон. Не забывай, что я обладатель камня и не потерплю твоих сомнений в каждом моем шаге.

Налитые кровью глаза Эррту опасно сузились, и Кесселл откинулся на троне, внезапно передумав запугивать демона. Однако Эррту быстро совладал с собой и, вспомнив, ради чего он присоединился к чародею, решил не обращать внимания на его дурацкую вспыльчивость.

– Креншинибон существует почти с самого момента основания мира, – пробормотал демон, пуская в ход последний аргумент. – И уже провел тысячи кампаний, и гораздо более впечатляющих, нежели та, которую ты собираешься предпринять. Тебе стоило бы повнимательнее прислушиваться к его советам.

Кесселл нервно поежился. Камень действительно советовал послать в первый набег на долину именно людей, тех самых, кем ему предстоит править в будущем. Ему пришлось придумать дюжину отговорок, чтобы оправдать свой выбор. Впрочем, он послал Весельчака и его воинов лишь для того, чтобы лишний раз продемонстрировать свою власть камню, этому невыносимому демону да и самому себе, а вовсе не из-за каких-то особых тактических соображений.

– Я последую любому совету Креншинибона, если сочту его подходящим, – сказал наконец чародей и достал из кармана еще один кристалл, точную копию Креншинибона. – Найди подходящее место и займись ритуалом строительства новой башни, – скомандовал он демону. – Когда все будет готово, я приду к тебе через зеркальную дверь.

– Ты хочешь построить вторую Кришал-Тири, когда нам вполне хватает одной? – заартачился Эррту. – Но это отнимет у камня столько сил!

– Молчать! – закричал Кесселл, дрожа всем телом. – Иди и делай, что я говорю.

Эррту взял вторую копию кристалла, низко поклонился и, не проронив ни слова, покинул зал. Он понимал, что Кесселл крайне недальновидно расходует энергию камня в ущерб будущим военным успехам. Этот чародей не обладает ни умом, ни опытом – и все-таки камень поддерживает его.

Эррту уже обращался к камню за разрешением убрать Кесселла и самому стать его владельцем, однако Креншинибон отказался. Камень предпочел продолжать поддерживать Кесселла, вместо того чтобы вступить в борьбу с могучим демоном за власть над самим собой.

* * *

Король шел, высоко держа голову. Жалких троллей из охраны горной башни он миновал легко, просто рывкнув на них. Это колдовское место внушало ему искреннее отвращение, и поначалу, заведя на горизонте одинокий силуэт башни, он решил не откликаться на загадочный зов. Но в конце концов могучий варвар не смог устоять перед призывом властелина Кришал-Тири.

Хифстааг всей душой ненавидел чародея. По меркам варваров Акар Кесселл был на редкость хилым и тщедушным человеком, подло использовавшим колдовские фокусы для своих низких целей. Но наибольшее отвращение у короля вызывало то, что он сам не был способен противостоять силе, которая подчинялась чародею.

Король варваров отбросил в сторону униженный кольцами и бусами полог входа в приемный зал Кесселла на втором этаже башни и увидел, что чародей, откинувшись на спину и нетерпеливо постукивая длинными накрашенными ногтями, возлежит на огромной атласной подушке. Несколько обнаженных девушек-рабынь, которых кристалл лишил разума, внимательно следили за чародеем, стараясь предугадать малейшее желание повелителя.

Когда Хифстааг увидел женщин, столь бесконечно преданных этому ничтожеству, ему стало не по себе. В который уже раз он представил, как его огромный топор входит в череп чародея. Однако в комнате было полным-полно хитроумно расставленных ширм и колонн, и варвар, несколько не сомневаясь, что запросто разделался бы с колдуном, все же догадался, что ручной демон чародея наверняка где-то рядом.

– Я рад, что ты решил присоединиться ко мне, – спокойным, обезоруживающим тоном проговорил Кесселл. Эррту и Креншинибон были рядом, он чувствовал себя в полной безопасности. Желая продемонстрировать свою абсолютную власть, чародей с безразличным видом пнул одну из рабынь. – И все-таки надо было тебе прийти пораньше. Мои войска уже почти готовы к походу, а отряд разведчиков уже отправился в долину.

Сказав это и желая усилить воздействие своих слов, Акар Кесселл многозначительно подался вперед.

– Если в моих замыслах не найдется места для твоих людей, – сказал он, злобно усмехнувшись, – тогда может случиться так, что твой народ вообще мне не будет нужен.

Хифстааг угрюмо молчал, стараясь ничем не выдать охватившие его чувства.

– Подойди же сюда, могущественный король, – промурлыкал чародей. – Присаживайся и отведай угощения с моего стола.

Хифстааг не двинулся с места.

– Прекрасно! – воскликнул Кесселл и, сжав кулаки, спросил: – А кому ты обязан своим существованием?

Хифстааг вздрогнул.

– Акару Кесселлу! – Слова эти сорвались с губ помимо его воли.

– А скажи-ка мне, кто повелевает племенами тундры?

– Ими повелеваю я, – ответил Хифстааг. – Но мой господин – Акар Кесселл. И значит, народами тундры повелевает Акар Кесселл!

Чародей разжал кулаки, и король варваров отшатнулся.

– Мне вовсе не доставляет наслаждения подобное обращение с тобой, – сказал Кесселл, внимательно изучая царапину на одном из своих накрашенных, до блеска отполированных ногтей. – Не заставляй меня вновь заниматься этим, – с такими словами он вынул из-под подушки свиток пергамента и бросил его на пол прямо перед собой. – Садись подле меня, – скомандовал он Хифстаагу, – и еще раз поведай мне о своем поражении.

Хифстааг устроился на полу – у ног своего хозяина – и развернул свиток.

Это была карта земель Десяти Городов.

Глава 14 ЛАВАНДОВЫЕ ГЛАЗА

Когда на следующее утро Бренор вызвал Вульфгара, дворф уже полностью пришел в себя. Однако все же он был растроган, увидев покоящийся на плече юноши молот, Клык Защитника. Молодой варвар держал оружие так привычно и уверенно, словно оно давным-давно принадлежало ему.

Вульфгар тоже вполне справился со своими чувствами. Поначалу он был крайне рассержен тем, что теперь ему придется служить кому-то другому. Однако потом, разобравшись в своих ощущениях, он понял, что ему просто не хочется расставаться с дворфом.

У выхода из пещеры их поджидала Кэтти-бри.

– Не очень-то веселый у вас вид! – сказала она. – Надеюсь, что хоть солнечные лучи заставят вас улыбнуться.

– Ты, похоже, рада, что нам предстоит расстаться, – смущенно сказал Вульфгар, хотя в его взгляде на мгновение мелькнуло легкое раздражение. – Тебе, конечно же, известно, что сегодня мне суждено покинуть город дворфов? Кэтти-бри беззаботно махнула рукой.

– Ты скоро вернешься, – улыбнувшись, сказала она. – Ты должен радоваться своему везению. Уверена, что уроки, которые будут тебе даны, помогут исполнить то, что ты задумал.

Бренор повернулся к молодому варвару. Вульфгар никогда не говорил с ним о том, что он намерен делать после окончания своей службы. Дворф, хотя и старался как можно лучше подготовить его к самостоятельной жизни в тундре, никак не мог смириться с мыслью, что рано или поздно юноша его покинет.

Вульфгар метнул на девушку испепеляющий взгляд, явно давая понять, что недавний разговор на холме – это их личное дело. Но Кэтти-бри и не собиралась развивать эту тему. Ей просто хотелось лишний раз заставить Вульфгара немного понервничать. Сейчас она явственно увидела огонь в глазах юноши. Так он всегда смотрел на Бренора, своего учителя, таким же взглядом он смотрел и на нее.

– Я, Вульфгар, сын Беорнегара, – горделиво провозгласил варвар, расправив плечи. – Я вырос среди людей народа Лося, среди самых доблестных воинов Долины Ледяного Ветра! Не знаю, что это за учитель, но ему придется хорошенько попотеть, чтобы научить меня хоть чему-либо новому в смысле боевого искусства!

Кэтти-бри, глядя вслед удаляющемуся варвару, лукаво улыбнулась Бренору.

– Прощай, Вульфгар, сын Беорнегара, – насмешливо крикнула девушка ему вслед. – Надеюсь, к нашей следующей встрече самоуверенности в тебе несколько поубавится.

Молодой варвар обернулся и угрожающе засопел, но улыбка не исчезла с лица Кэтти-бри.

Покинув пещерный город дворфов на заре, Бренор и Вульфгар направились напрямик к месту встречи с эльфом. Стоял ясный теплый летний день, и густая синева неба была размыта яркими солнечными лучами. Вульфгар шагал, вытянувшись во весь свой огромный рост, то и дело сладко потягиваясь. Его народ был создан для жизни на открытых пространствах тундры. Сейчас, покинув тесные своды пещер, он испытывал необычайное облегчение.

Эльф уже поджидал их, укрываясь от солнца в тени огромного валуна. Капюшон его плаща был опущен до самого подбородка. Дзирт считал это проклятием своего рода. Неважно, сколько лет ему суждено прожить на поверхности, – его тело никогда в полной мере не приспособится к безжалостным солнечным лучам.

Эльф, который уже давно почувствовал приближение Вульфгара и Бренора, сидел неподвижно. Он решил дать им возможность первыми начать разговор. Было важно узнать, как поведет себя юноша в новой для него обстановке.

Теряясь в догадках относительно того, кто будет теперь его учителем, Вульфгар, следуя за Бренором, подошел и встал прямо напротив эльфа. Дзирт незаметно наблюдал за юношей из-под капюшона, в душе искренне восхищаясь тем, как непринужденно перекачиваются под бронзовой кожей его могучие мышцы. Поначалу эльф собирался высмеять затею дворфа как

бесполезную и отвертеться от просьбы друга. Однако сейчас, обратив внимание на необычайную легкость движений молодого варвара, столь нехарактерную для его огромных размеров, Дзирт почувствовал, что ему было бы интересно попробовать развить способности юноши.

Дзирт прекрасно понимал, что самым трудным, как и во взаимоотношениях со всеми прочими обитателями долины, будет преодоление первоначальной реакции Вульфгара. Решив покончить с этим раз и навсегда, эльф резко отбросил капюшон и взглянул в глаза молодому варвару.

Глаза Вульфгара расширились от ужаса и отвращения.

– Темный эльф! Колдовской пес! – вскричал он, обернувшись к Бренору с таким видом, будто его предали. – Ты не можешь требовать от меня этого. У меня нет ни нужды, ни желания изучать колдовские уловки его поганого народа!

– Он научит тебя драться и ничему более, – сказал Бренор. Все произошло в точности так, как он и ожидал. Несмотря на это, дворф несколько не волновался, прекрасно зная, как знала это и Кэтти-бри, что Дзирт легко остудит пыл юного гордеца.

Вульфгар подозрительно засопел.

– Чему может научить меня этот тщедушный эльф? Мой народ воспитал меня истинным воином, – и он снова с отвращением глянул на Дзирта, – а не плутовской собакой вроде него.

Дзирт, ожидая разрешения начать первый урок, вопросительно взглянул на Бренора, и дворф, не обращая ни малейшего внимания на возмущение Вульфгара, кивнул головой.

В мгновение ока две кривые сабли эльфа выскользнули из ножен и метнулись навстречу варвару, который, отчаянно взмахнув молотом, едва успел занести свое оружие для удара.

Но Дзирт оказался проворнее. Сабли, одна за другой, легко оцарапали щеки Вульфгара, показались две тонкие струйки крови. Варвар отшатнулся. Дзирт, согнувшись, подался вперед, и одна из сабель, описав дугу, устремилась к колену юноши. Вульфгар попытался было отставить ногу, что, как и ожидал эльф, вывело его из равновесия. Молниеносно сунув сабли назад в ножны, Дзирт ударом ноги в живот сбил молодого варвара с ног, и тот, выронив молот, кувырком покатился по земле. Схватка закончилась.

– Теперь, когда вы познакомились... – произнес Бренор, стараясь из опасения задеть хрупкое самолюбие юноши ничем не выдать своего восторга, – я вас покидаю.

С этими словами дворф вопросительно глянул на эльфа, пытаясь понять, как тому нравится ход событий.

– Мне понадобится несколько недель, – сказал Дзирт, еле заметно подмигнув в ответ на широкую улыбку дворфа.

Бренор повернулся к Вульфгару, который уже схватил свое оружие и сейчас, стоя на одном колене, изумленно взирал на эльфа.

– Делай все, как он скажет, малыш, – сказал дворф напоследок. – А не то он изрежет тебя на такие маленькие кусочки, что стервятникам не составит труда их проглотить.

* * *

Впервые за последние пять лет Вульфгар увидел раскинувшиеся к северу от Десяти Городов просторы Долины Ледяного Ветра. Остаток первого дня они с эльфом провели, спускаясь вдоль восточного склона Пирамиды Кельвина к северной оконечности долины дворфов. Здесь, на склоне горы, чуть выше ее подножия, располагалась небольшая пещерка, в которой Дзирт оборудовал временное жилище.

Пещеру, скромно украшенную лишь несколькими шкурами, никак нельзя было назвать роскошной, но она служила неприхотливому страннику эльфу надежным жилищем, в полной мере обеспечивая ему уединение, которое он предпочитал бесконечным нападкам, и угрозам, что преследовали его в поселениях людей. Вульфгару, народ которого редко оставался на

одном месте дольше одного дня, пещера показалась поистине сказочной.

Как только на тундру опустились сумерки, Дзирт, дремавший в дальнем конце пещеры, встрепенулся. Вульфгар был несказанно поражен доверием, которое оказал ему эльф, столь безмятежно заснув в первый же день их знакомства. Это плохо согласовывалось с той унижительной трепкой, которую эльф задал ему на рассвете. И Вульфгар всерьез задумался: а действительно ли эльф хотел оскорбить его тогда, утром.

– Ну что, приступим к занятиям прямо сегодня? – спросил его Дзирт.

– Ты хозяин, – ядовито сказал Вульфгар. – Я всего лишь твой раб.

– Ты здесь раб не в большей степени, чем я, – ответил Дзирт, и Вульфгар с любопытством взглянул на него. – Мы оба в долгу перед дворфом, – объяснил эльф. – Я многократно обязан ему своей жизнью. И только поэтому так легко согласился обучать тебя боевому искусству. А ты соблюдаешь клятву, которую дал ему в обмен на свою жизнь. Поэтому ты обязан прилежно изучать ту науку, что я собираюсь тебе преподавать. Я никогда не был никому хозяином, и у меня никогда не возникнет такого желания.

Вульфгар повернулся к выходу из пещеры. Он еще не вполне доверял Дзирту, хотя и не мог себе представить, какую выгоду может извлечь эльф, надев маску друга.

– Нам обоим следует выполнить свой долг перед Бренором, – сказал Дзирт. Почувствовав настроение юноши, впервые за долгие годы получившего возможность окинуть взглядом безграничные просторы своей родины, эльф тихо произнес: – Насладись этой ночью, варвар. Иди куда тебе вздумается, прими удары ветра в лицо... Мы начнем занятия завтра на закате. – Сказав это, он оставил Вульфгара наедине с самим собой.

Задумавшись над последними словами эльфа, Вульфгар поймал себя на мысли, что он благодарен Дзирту за понимание и уважение, которые тот проявил.

* * *

Начиная со следующего дня Дзирт до вечера отдыхал в пещере, а Вульфгар обследовал склоны горы и охотился, добывая ужин.

А по ночам они дрались.

Дзирт атаковал молодого варвара, безжалостно ударяя его плоскими гранями клинков всякий раз, когда тот не успевал прикрыть уязвимые места. И порой их схватки приобретали действительно опасный характер. Вульфгар был ужасно самолюбив и, чувствуя превосходство эльфа, неизменно приходил в ярость, что лишь усиливало преимущество противника. Видя это, Дзирт не упускал случая продемонстрировать опасность потери самоконтроля. Заставая Вульфгара врасплох, эльф серией точных ударов заставлял варвара распластаться на земле.

Впрочем, следует отдать ему должное: Дзирт никогда не издевался над юношей, не пытался унижить его. Эльф делал свое дело постепенно, прекрасно понимая, что прежде всего необходимо отточить реакцию и внушить варвару необходимость уметь хладнокровно защищаться.

Великолепные физические данные Вульфгара не переставали удивлять Дзирта. Но скоро он пришел в восторг и от способностей юноши. Поначалу он опасался, что упрямство и недоверчивость варвара будут препятствовать обучению. Однако молодой воин принял его вызов. Быстро оценив, сколь многому можно научиться у такого опытного бойца, как Дзирт, Вульфгар ловил каждое его слово. К концу первой недели в те моменты, когда ему удавалось смирить ярость, Вульфгар уже вполне уверенно противостоял полным коварства атакам эльфа.

В течение этой недели Дзирт говорил мало, лишь изредка позволяя себе мимоходом похвалить те или иные удачные действия ученика.

Тот же, в свою очередь, научился не обольщаться похвалами учителя и всякий раз сгорал от стыда, пропустив неотразимый удар, – особенно тогда, когда ему не удавалось укротить свой буйный нрав.

Уважение молодого варвара к Дзирту росло с каждым днем. Все его существо искренне восхищалось живущим в гордом одиночестве эльфом. Вульфгар никак не мог взять в толк, почему его учитель избрал себе такой удел. Но, судя по тому, что он видел, дело было в каких-то не вполне понятных ему моральных причинах.

К середине второй недели Вульфгар в совершенстве овладел Клыком Защитника и научился искусно жонглировать молотом, безупречно отражая натиск двух бешено вращающихся сабель Дзирта, то и дело пытаясь наносить ответные удары. Дзирт видел, как изменился его ученик: варвар почти перестал обращать внимание на изредка получаемые царапины и порезы, в полной мере познал свои уязвимые места, а порой даже предугадывал, куда будет направлена следующая атака противника.

Убедившись, что Вульфгар научился защищаться, Дзирт принялся обучать его искусству нападения. Эльф прекрасно понимал, что его стиль атаки, основанный на множестве мелких выпадов и прыжков, вряд ли будет наиболее эффективным для обладающего чудовищной силой варвара. Люди его народа агрессивны от природы, и искусство нанесения ударов для них гораздо более естественно, нежели правила защиты. Обычно варвары обладали достаточной силой, чтобы одним ударом свалить даже ледяного исполина.

Поэтому теперь юноше предстояло научиться самому главному – терпению.

* * *

Как-то раз темной, безлунной ночью, готовясь к поединку, Вульфгар заметил далеко на горизонте отблески костра. Ошеломленный, молча глядя, как один за другим вдали вспыхнуло еще несколько огоньков, он задумался: не его ли народ занят обустройством лагеря?

Дзирт неслышно приблизился к нему. Эльф, обладая гораздо более острым зрением, заметил разгорающийся костер задолго до того, как его смог увидеть варвар.

– Твой народ уцелел, – сказал он, желая успокоить юношу.

– Что ты знаешь о них? – спросил Вульфгар, услышав голос эльфа.

Дзирт подошел и встал рядом с ним.

– Они понесли огромные потери в битве у Брин Шандера, – сказал он. – А наступившая вскоре зима еще более усугубила бедственное положение: в тундре почти не осталось мужчин, которые могли бы охотиться и добывать пищу. Они двинулись на запад, на поиски северного оленя, по пути объединяясь с остатками других племен. И если честно, уцелели лишь два настоящих племени: народ Лося и народ Медведя... Если не ошибаюсь, ты из народа Лося, – продолжал Дзирт. Вульфгар кивнул. – Твоему племени повезло. Сейчас оно властвует на равнине. И хотя еще много лет пройдет, пока люди тундры восстановят былую силу, молодые воины уже вполне способны держать в руках оружие.

Вульфгар облегченно вздохнул. Долгие пять лет он опасался, что битва при Брин Шандере обескровила его народ настолько, что племя уже никогда не сможет возродиться. Зимой тундра была вдвойне враждебна, и порой Вульфгар склонялся к мысли, что потеря стольких воинов – некоторые из племен потеряли всех до единого – обречет оставшихся на вымирание.

– Ты много знаешь о моем народе, – заметил Вульфгар.

– Я провел много дней и ночей, наблюдая за ними, – объяснил Дзирт, пытаясь сообразить, о чем сейчас думает варвар. – И старался постичь их обычаи, традиции и то, как им удастся выжить в столь неприятном краю.

Вульфгар еле слышно вздохнул и покачал головой, очередной раз пораженный уважительным отношением, которое неизменно проявлял эльф, когда заводил речь об обитателях Долины Ледяного Ветра. Он знал его всего две недели, но уже неплохо разбирался в характере Дзирта До'Урдена и сейчас почти не сомневался, что его следующая догадка будет верна.

– Уверен, что ты частенько убивал оленей неподалеку от их стоянок и умиравшие от голода люди, находя на рассвете тушу, даже не задумывались, откуда пришло спасение.

Дзирт ничего не ответил и даже не повернулся в сторону юноши, но Вульфгар был уверен, что не ошибся.

– Ты знаешь что-нибудь о Хифстааге? – спросил варвар, немного помолчав. – Он был вождем моего племени. Он доблестный воин и пользовался всеобщим почетом и уважением.

Дзирт прекрасно помнил одноглазого короля. Сейчас, при упоминании его имени, в плече, куда в свое время ударил тяжелый топор гиганта, снова проснулась тупая боль.

– Он жив, – ответил Дзирт, стараясь скрыть охватившие его чувства. – Сейчас Хифстааг повелевает всей тундрой, и нет никого, кто посмел бы вызвать его на бой или хотя бы попытаться в чем-либо его переубедить.

– Он великий вождь, – сказал Вульфгар, несколько сбитый с толку ясно прозвучавшей в словах эльфа неприязнью.

– Он великий воин, – поправил его Дзирт. Его глаза цвета горной лаванды, полыхнув дикой яростью, впились в глаза Вульфгара, и взгляд эльфа окончательно смешал мысли юноши. Вульфгар увидел в этих фиолетовых глазах нестигаемую волю, которой могли бы позавидовать даже самые благородные короли. – Ты стал мужчиной под опекой сурового дворфа, – резко сказал эльф. – Неужели ты так ничему и не научился?

Вульфгар был ошеломлен настолько, что даже не нашел, что ответить.

Дзирт решил, что пора кое-что объяснить молодому варвару.

– Запомни, вождь – это человек с сильной волей, обладающий даром убеждения, который увлекает людей за собой собственным примером. Его по-настоящему волнуют страдания своего народа, – назидательным тоном сказал эльф. – А вовсе не зверь, который является вожаком стаи лишь потому, что он сильнее всех. Хотелось бы верить, что ты понимаешь, в чем тут разница.

Увидев смятение в глазах юноши, Дзирт понял, что годы, проведенные в пещерах дворфов, не пропали даром. Сейчас он и сам, как несколько лет назад Бренор, осознал, что ему безразлично будущее Вульфгара, и с искренней надеждой подумал, как хорошо было бы, если бы вера Бренора в здравый смысл и ум юноши не оказалась напрасной. Эльф резко обернулся и направился к пещере, оставляя юношу одного искать ответы на мучившие его вопросы.

– А сегодняшний урок? – подал голос Вульфгар, до глубины души смущенный их разговором.

– На сегодня ты свой урок получил, – ответил Дзирт, не оборачиваясь и не замедляя шага. – Возможно, это даже самое главное, чему я мог тебя научить. – С этими словами эльф растаял во тьме, но взгляд его глаз цвета горной лаванды еще долго стоял перед мысленным взором Вульфгара.

Варвар обернулся к маячившим на горизонте огням.

И задумался.

Глава 15

НА КРЫЛЬЯХ СУДЬБЫ

Они вошли в долину под прикрытием порывистого ветра, врывавшегося с востока. По иронии судьбы они решили идти по той же тропе на восточном склоне Пирамиды Кельвина, где двумя неделями раньше прошли Дзирт и Вульфгар. Однако отряд вербиигов, вместо того чтобы повернуть к северу, направился на юг, прямо к поселениям людей. Рослые, жилистые вербииги представляли собой грозную силу.

Передовым отрядом армии Акара Кесселла командовал ледяной исполин. Пользуясь тем, что из-за неистовых завываний бури никто не мог слышать их тяжелой поступи, воины быстрым шагом приближались к пещере, обнаруженной ранее разведчиками-орками. Исполинов было немного, но каждый нес на себе огромные связки оружия и мешков с

припасами.

Вождь неустанно подгонял своих воинов. Звали его Весельчак. Это был огромный, обладавший неимоверной силой исполин, известный тем, что однажды, на охоте, он схватился с огромным волком, острые зубы которого отхватили ему верхнюю губу. С тех самых пор его лицо представляло собой жуткую маску, изображавшую вечную улыбку. Увечье вождя вселяло поистине благоговейный ужас в души его воинов. Акар Кесселл лично назначил Весельчака предводителем передового отряда, хотя камень настойчиво советовал выслать вперед менее подозрительную группу, положим, варваров Хифстаага.

Отряд добрался до пещеры к полуночи, и воины тут же принялись оборудовать места для сна, хранилище для припасов и оружия и кухню. Покончив с этим, они принялись ждать. Им предстояло нанести первые удары в славном походе армии Акара Кесселла против Десяти Городов.

Время от времени их навещал гонец-орк. Передавая последние распоряжения Кесселла, он рассказывал Весельчаку о том, как идет подготовка следующего отряда, который вот-вот должен выступить. События развивались в полном соответствии с планом Кесселла, но Весельчак все чаще замечал, что с каждым появлением гонца его воины все больше нервничают. Им ужасно хотелось поскорее ринуться в бой.

Но распоряжения Кесселла были неизменны: сидеть и ждать.

Менее чем за две недели пребывания в пещере дисциплина полностью расстроилась. Вербииги не могли долго пребывать в бездействии, и скука неизбежно приводила их в уныние.

То и дело разгорались споры, нередко переходившие в яростные схватки. Весельчак старался все время быть рядом, и ему, как это ни странно, пока удавалось вовремя прекращать потасовки. Так что пока никто еще не был серьезно ранен. Но ледяной исполин с каждым днем все больше сомневался, что ему удастся долго удерживать власть над этой бандой жаждущих крови мерзавцев.

Пятый гонец проскользнул в пещеру в особенно напряженную и нервную ночь. Стоило несчастному существу войти в общий зал, как его тут же обступили ворчащие, недовольные долгим бездействием вербииги.

– Ну, какие новости? – нетерпеливо спросил один из них.

Полагая, что Акар Кесселл, от имени которого он сюда прибыл, служит ему надежной защитой, орк бросил на вербиига полный презрения взгляд и приказал:

– Позови своего командира.

Внезапно огромная рука схватила его за шиворот и грубо тряхнула из стороны в сторону.

– Тебе задали вопрос, дрянь! – сказал второй исполин. – Отвечай, какие новости?

Орк задрожал всем телом, но все-таки собрался с духом и выкрикнул в сторону склонившегося над ним гиганта:

– Чародей сдерет с тебя шкуру!

– Довольно! – взревел первый исполин и, обхватив ладонью шею орка, одной рукой легко оторвал его от земли.

– Эй, оторви ему голову! – слышался голос.

– Выдави ему глаза и вышвырни наружу, – посоветовал другой.

Весельчак, расшвыривая своих воинов в разные стороны, ворвался в зал и быстро сообразил, в чем дело. Его несколько не удивило, что вербииги издеваются над орком. Это было даже забавно. Однако он прекрасно понимал, что может произойти, если они накличут на себя гнев Акара Кесселла. Ему доводилось видеть, как не один гоблин умирал в ужасных муках лишь за то, что ослушался своего хозяина, а порой и просто ради того, чтобы утолить извращенную страсть чародея к издевательствам.

– Отпусти это ничтожество, – стараясь сохранять спокойствие,скомандовал Весельчак.

Вербииги протестующе взвыли.

– Размозжи ему голову! – прорычал один.

– Откуси ему нос! – подал голос другой.

К этому моменту орк от нехватки воздуха посинел. Державший его вербииг несколько мгновений выдерживал угрожающий взгляд Весельчака, после чего бросил беспомощную жертву к ногам командира.

– Держи! – рявкнул он. – Но если эта тварь скажет мне еще хоть слово, я уж точно ее сожру!

– Засиделись мы в этой норе, – подал голос один из воинов. – А ведь есть где поразмяться, прямо под нами долина, в которой полным-полно вонючих дворфов!

Ворчание возобновилось с еще большей силой.

Весельчак внимательно всмотрелся в лицо воина.

– Следующей ночью мы начнем понемногу выходить наружу – посмотрим, что нас окружает, – сказал Весельчак. Это был рискованный шаг, но ничего другого ему не оставалось. – Будем ходить в дозор по трое и так, чтобы никто не знал!

Орк постепенно пришел в себя и попытался было протестовать.

– Заткнись, поганый орк! – рявкнул Весельчак, злобно усмехнувшись, и, глянув на вербиига, который мучил гонца, добавил: – А не то я разрешу моему приятелю перекусить!

Воины взревели от восторга и принялись обмениваться дружескими хлопками по плечам. Весельчак вновь вселил в них надежду. Сам он, впрочем, несколько не разделял восторга солдат, которые принялись наперебой выкрикивать названия рецептов различных блюд из дворфов: «Дворф в яблоках», «Ободранный и запеченный дворф» – и так далее.

Весельчак боялся представить, что может произойти, если кто-либо из вербиигов наткнется на маленьких жителей долины.

* * *

Весельчак выпускал вербиигов из пещеры группами по трое, да и то лишь в ночные часы. Командир исполинов надеялся, что никому из дворфов не взбредет в голову забраться так далеко на север, однако он прекрасно понимал, что риск велик, и поэтому по возвращении очередного дозора Весельчак всегда вздыхал с облегчением.

Уже одно то, что можно было ненадолго покинуть пещеру, сильно подняло боевой дух вербиигов. Напряжение, царившее ранее в их берлоге, растаяло само собой. Воины с нетерпением ожидали начала войны. Со склона Пирамиды Кельвина были четко видны огни Кер-Кониго и Кер-Диневала на востоке, Термалэйна на западе и даже Брин Шандера на юге. Уже один только вид вражеских поселений наводил гигантов на мысли о грядущих победах.

Миновала еще одна неделя. Все шло хорошо, и, заметив, как благотворно повлияла на отряд эта видимость свободы, Весельчак почти перестал волноваться относительно своего рискованного решения.

Но вот два дворфа, которым Бренор сказал о том, что видел у подножия Пирамиды Кельвина богатую металлом руду, отправились к северной оконечности долины, чтобы выяснить, стоит ли строить там шахту. Они добрались до склона горы к вечеру и к заходу солнца расположились на ночлег на большом плоском камне, рядом с быстрой горной речушкой. Это была их долина. Вот уже несколько лет здесь не случилось ничего необычного. Поэтому никаких особых мер предосторожности они принимать не стали.

Так случилось, что в эту ночь воины первого же дозора вербиигов вскоре обнаружили пламя их костра и, подобравшись поближе, четко различили говор ненавистных дворфов.

* * *

На другом склоне горы Дзирт До'Урден открыл глаза после дневного сна. Выйдя из пещеры в сумеречный полумрак, он обнаружил Вульфгара там же, где оставил его без малого сутки назад. Варвар сидел на камне, по-прежнему пристально вглядываясь в даль.

– Скучаешь по дому?

Вульфгар пожал могучими плечами.

– Наверное...

С тех пор как он познакомился с Дзиртом, начал понимать и уважать эльфа, в голове варвара роились десятки вопросов, на которые он тщетно пытался найти ответ. Эльф был для него загадкой. В нем удивительным образом сочетались невиданное мастерство бойца и полное самообладание. Каждое свое действие он неизменно взвешивал, как с точки зрения издававшего виды искателя приключений, так и с позиций своих непоколебимых моральных принципов.

Вульфгар вопросительно глянул на эльфа.

– Почему ты здесь? – внезапно спросил он. Теперь наступил черед Дзирта задумчиво уставиться в пространство. На небе появились первые вечерние звезды. Их огоньки четко отражались в его больших темных глазах. Но Дзирт их не видел. Перед его мысленным взором проносились извилистые улицы лишенных света подземных городов эльфов.

– Я помню, – пробормотал погруженный в воспоминания Дзирт, – как я впервые увидел мир живущих на поверхности. Тогда я был еще совсем молодым и оказался наверху в составе экспедиции. Мы выскользнули из потайного выхода и напали на небольшую деревушку эльфов... – Воображение мгновенно нарисовало Дзирту кошмарные картины той ночи, и он невольно поежился. – Тогда мои соплеменники перебили всех до единого членов клана лесных эльфов... Всех до единого, включая женщин и детей...

Вульфгар с ужасом слушал рассказ эльфа. Набег, который описал Дзирт, был вполне в духе нравов его собственного племени – народа Лося.

– Мои люди убивают, – с грустью сказал Дзирт. – Они убивают, не зная жалости, – с этими словами эльф повернулся к Вульфгару, словно желая убедиться, что тот хорошо его слышит. – Они не знают жалости.

Дзирт выдержал паузу, чтобы варвар мог понять сказанное. Столь ясное и четкое определение хладнокровного убийства смутило Вульфгара. Он был рожден и воспитан среди храбрых, беспощадных к врагу воинов, целью жизни которых было добиться славы на поле брани. Молодой варвар никогда не задумывался над этой бессердечной жестокостью. Здесь их народы мало отличались друг от друга. И у эльфов, и у варваров результаты набегов были совершенно одинаковы.

– Богиня, которой они служат, не оставляет на земле места другим народам, – объяснил Дзирт. – И в особенности другим народам эльфов.

– Но ведь ты никогда не станешь своим в этом мире, – сказал Вульфгар. – Ты не можешь не понимать, что будешь вечно гоним теми, кто живет на поверхности.

– Большинство – да, – согласно кивнул Дзирт. – Ты прав, хотя некоторых я все-таки могу назвать своими друзьями. Видишь ли, варвар, я живу сам по себе. Я ни перед кем не виноват в том, что родился темным эльфом, и никого не виню. – Сказав так, он встал и пошел прочь. – Идем, – продолжил эльф. – Этой ночью нам предстоит хорошенько потрудиться. Я вполне доволен твоими навыками, и эта часть обучения уже подходит к концу.

Вульфгар еще некоторое время пребывал в задумчивости. Эльф жил суровой, лишенной достатка жизнью, и все-таки он был богаче многих, кого Вульфгар знал. Дзирт строго придерживался своего кодекса чести и противостоял сплотившимся против него обстоятельствам... Он покинул свой народ и решил жить там, где его вряд ли когда-нибудь по-настоящему поймут и примут.

– Возможно, мы не так уж сильно отличаемся друг от друга, – пробормотал Вульфгар себе под нос, глядя вслед удаляющемуся эльфу.

– Это наверняка лазутчики! – прошептал один из вербиигов.

– По-моему, глупо шпионить, зажигая костер! – возразил другой.

– Идем, раздавим их, – сказал первый и направился в сторону желтовато-красного огня.

– Командир запретил! – напомнил им третий. – Сейчас наше дело наблюдать за ними, а не давить их!

Все трое начали осторожно спускаться по склону, стараясь шуметь как можно меньше. Однако их спуск можно было сравнить разве что с грохотом, который обычно вызывает горный обвал.

Дворфы прекрасно слышали, что кто-то приближается к ним. На всякий случай они вытащили оружие, но решили, что, скорее всего, их костер заметили Вульфгар и Дзирт, а возможно, и кто-то из рыбаков Кер-Конига решил заглянуть на огонек и разделить с ними ужин.

Подобравшись уже вплотную к костру, вербииги увидели, что дворфы стоят, сжимая в руках оружие, и напряженно вглядываются в темноту.

– Они нас заметили! – пробормотал один из вербиигов, метнувшись в тень скалы.

– Да заткнись ты! – приказал второй. Третий, как, впрочем, и второй, прекрасно понимая, что дворфы никак не могли знать, кто они и что тут делают, стиснул плечо второго и злобно подмигнул ему.

– Если они нас обнаружили, – рассудил он, – нам уж точно делать нечего: придется напасть и раздавить этих тварей.

Второй, немного подумав, взвалил на плечо дубину и гигантскими скачками понесся вниз по склону.

Дворфы остолбенели, увидев, как, легко перескакивая через огромные валуны, к их костру мчатся вербииги. Но нет на свете ничего страшнее, чем загнанный в угол дворф. Нет, этой схватке не суждено было оказаться такой легкой, как того ожидали вербииги.

Первый дворф легко увернулся от сокрушительного удара бежавшего впереди гиганта, в свою очередь опустив молот на ступню чудовища. Исполин инстинктивно подогнул изуродованную ногу, и дворф мигом свалил его резким ударом молота в колено.

Реакция второго дворфа тоже была молниеносной. Его молот с удивительной точностью ударил в глаз второго исполина, и тот, сразу забыв о противнике, с грохотом покатился по камням.

Однако третий, самый смысленный вербииг, перед тем как броситься в атаку, успел подхватить огромный камень и с чудовищной силой метнул его в дворфа.

Камень ударил тому прямо в голову, переломил шею, и мертвый дворф рухнул на землю.

Первый дворф без труда расправился бы с поверженным исполином, но третий вербииг, покончив с его товарищем, теперь бросился на него. Завязалась схватка, в которой дворф постепенно начал одерживать верх. Но продолжалось это недолго – до тех пор пока исполин с подбитым глазом не пришел в себя настолько, чтобы снова броситься в бой.

Два вербиига, нанося сильнейшие удары, начали теснить дворфа. Некоторое время он успешно противостоял их натиску, но вот один из ударов достиг цели, и маленький воин кубарем полетел на камни. Мгновенно придя в себя – ведь по твердости духа он был сродни этим камням, – дворф попытался вскочить, но не успел. Тяжелый сапог врага намертво припечатал его к скале.

– Дави его! – взвыл исполин, которому дворф искалечил ноги. – А потом отнесем его нашему повару!

– Ничего подобного! – проревел стоявший над дворфом исполин и с силой надавил ногой на горло своей жертвы. – Если Весельчак узнает, он отдаст повару нас самих!

Остальные двое быстро пришли в себя, вспомнив о зверствах, на которые был способен их свирепый предводитель, и беспомощно уставились на своего более сообразительного спутника.

– Лучше будет, если мы зароем в землю этих поганных дворфов и их вещички!

* * *

Акар Кесселл, сидя в своей башне, терпеливо ждал. Осенью последний и самый крупный караван торговцев, доверху нагруженный припасами на долгую зиму, двинется из

Лускана в направлении Десяти Городов. К тому времени его войска будут уже на марше, готовые в пух и прах разнести жалкие поселения рыбаков. От одного только предвкушения изобилия плодов грядущей легкой победы чародея охватывала дрожь.

Он не подозревал, что война уже началась.

Глава 16 ПУСТЫЕ МОГИЛЫ

Очнувшись от сна около полудня, Вульфгар был несказанно удивлен тем, что Дзирт уже на ногах и всю занят подготовкой к походу.

– Сегодня тебе предстоит новый урок, – объяснил эльф варвару. – Мы выступаем в путь сразу, как ты перекусишь.

– И куда мы пойдем?

– Сначала в сторону рудников дворфов, – ответил Дзирт.

– Бренор наверняка захочет встретиться с тобой, чтобы оценить, чему ты научился, – сказал эльф и улыбнулся. – Не думаю, что он будет разочарован!

Вульфгар довольно усмехнулся. Он нисколько не сомневался, что его мастерство впечатлит даже ворчливого дворфа.

– А потом?

– Потом мы двинемся в Термалэйн, на берега Мир Дуальдона. Там у меня есть друг. Один из немногих, – подмигнув, добавил эльф, и Вульфгар понимающе улыбнулся. – Это человек по имени Агорвал. Мне хочется, чтобы ты встретился с людьми Десяти Городов и лучше узнал их.

– Но зачем? – недоуменно спросил Вульфгар. Глаза Дзирта, сверкнув, казалось, пронзили его насквозь, и юноша сразу понял, что имеет в виду эльф. Он хотел, чтобы Вульфгар воочию увидел людей, которые несколько лет назад могли стать жертвой варваров, завершив битва на склоне холма Брин Шандера по-иному. Вульфгар вдруг почувствовал, что ему будет нелегко встретиться с этими людьми. Он и без того уже начал задумываться о добродетельности своих воинственных сородичей.

Вскоре они двинулись в путь, спускаясь вдоль восточного склона Пирамиды Кельвина. Налетевшая с востока пыльная буря безжалостно преследовала их на протяжении всего спуска, и хотя жаркие солнечные лучи причиняли Дзирту страдания, он ни на мгновение не замедлил шаг, ни разу не потребовал передышки.

Поздно вечером они, смертельно усталые, но все же очень довольные проделанным за день переходом, перевалили через южный отрог горы.

– Просидев столько лет в тиши рудников, я и забыл, сколь немилосердными могут быть ветры тундры! – рассмеялся Вульфгар.

– Склоны долины надежно защитят от них, – сказал Дзирт и хлопнул рукой по висящей на плече опустевшей кожаной фляге. – Идем, я знаю, где можно набрать воды.

Он повел Вульфгара вниз, вдоль южного склона горы. Эльф знал, что неподалеку струит свои быстрые прохладные воды небольшая речушка, берущая начало в тающих снегах вершины Пирамиды Кельвина.

Река весело журчала, задорно перепрыгивая с камня на камень. Гнездившиеся поблизости птицы, почувствовав приближение друзей, встрепнулись и защебетали, а пришедшая на водопой рысь беззвучно растаяла вдали. Все было как обычно, но с того самого момента, как они вступили на поверхность огромного плоского камня, где всегда разбивали лагерь путешественники, Дзирт почувствовал, что здесь что-то не в порядке. Двигаясь с предельной осторожностью, эльф осматривался по сторонам, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь, способное подтвердить или опровергнуть его подозрения.

В это время Вульфгар, упав на живот, погрузил покрытое пылью и потом лицо в воду. Когда он поднял голову, его зрение вновь обрело обычную остроту – так освежила его ледяная вода.

И тут он заметил на скале алые полосы и, проследив за ними взглядом, обнаружил прямо над бурлящим потоком, на одном из острых обломков скалы, кусочек покрытой волосами кожи.

Оба опытных следопыта, и эльф, и варвар, быстро сообразили, что совсем недавно здесь произошла жестокая схватка. Кусок кожи с остатками волос сразу натолкнул их на мысль о бородатых дворфах. Вскоре они заметили на песке три пары следов огромных ног. Двигаясь по следу, тянувшемуся на юг, они вскоре добрались до песчаного отвала и быстро обнаружили две неглубокие, явно наспех вырытые могилы.

– Это не Бренор, – страшным голосом сказал Дзирт, когда они выкопали тела. – Это молодые дворфы. По-моему, это Бундо, сын Падающего Молота, и Дургас, сын Арго, Свирепого Клинка.

– Надо бы отнести их в город дворфов, – предложил Вульфгар.

– Потом, – ответил эльф. – Сначала необходимо разобраться, что здесь произошло. И сделать это надо прямо сегодня. Надо выяснить, кто такие эти исполины, просто бродячие разбойники или они все еще прячутся здесь, среди скал? И если так, очень важно знать, сколько их здесь.

– Надо сообщить Бренору, – запротестовал Вульфгар.

– Так мы и сделаем, – сказал Дзирт. – Однако если эти трое по-прежнему болтаются где-то поблизости, а судя по тому, что они закопали убитых, дело обстоит именно так, с наступлением ночи они скорее всего снова выйдут на охоту. – С этими словами эльф мотнул головой в сторону западного склона горы, где небо уже начало розоветь в лучах заката. – Ты готов драться, варвар?

Вульфгар усмехнулся, снял с плеча свой молот и, хлопнув свободной рукой по рукояти, сказал:

– Посмотрим, кто будет охотником на этот раз.

Укрывшись за обломками скалы к югу от плоского камня, они принялись ждать. Вскоре солнце опустилось за горизонт. Наступила ночь.

Ждать им пришлось недолго. Те же самые вербииги, столь жестоко расправившиеся с дворфами накануне, покинули свое логово в поисках новых жертв. Вскоре дозор, то и дело спотыкаясь о валуны, выбрался на плоский камень.

Вульфгар уже был готов броситься в бой, но Дзирт остановил варвара и не дал ему выдать их убежище. Эльф всем сердцем желал смерти исполинов, однако сейчас следовало попытаться выяснить, что их сюда привело.

– Вот проклятье! – проревел один из исполинов. – Ни одного дворфа во всей округе!

– Да, не повезло нам сегодня, – проворчал другой. – А ведь это наша последняя ночь в дозоре.

Услышав эти слова, приятели вопросительно взглянули на него.

– Завтра в дозор заступают другие, – объяснил вербииг.

– И завтра к нам присоединятся эти вонючие огры и орки. Весельчак не хочет выпускать нас, пока все не успокоится.

– Пещера не бездонна. Глядишь, нас и пошлют в настоящий бой!

– Идем назад, – сказал третий, – сегодня, пожалуй, охоты не будет. Так что пошли спать, не будем зря терять время.

Эльф и варвар, услышав, что исполины собрались уходить, напряглись.

– Если мы сможем пробраться на ту скалу, – прошептал Вульфгар, показывая на огромный валун, с которого накануне исполины бросились на дворфов, – то застанем их врасплох и перебьем еще до того, как они сообразят, что происходит!

Сказав это, он повернулся к Дзирту, но, увидев его взгляд, лишился дара речи. В лавандовых глазах эльфа полыхала такая ярость, какой варвар и представить себе не мог.

– Их всего трое, – на удивление спокойно сказал Дзирт. – Нам нет нужды заставлять их врасплох.

Вульфгар был настолько ошеломлен, что не сразу сообразил, как понимать столь

неожиданную смену настроения темного эльфа.

– Но ведь ты же сам учил меня выискивать все возможные способы получить дополнительное преимущество.

– В бою – да, – отозвался Дзирт. – Но это не бой, это месть. Сейчас они должны видеть нас, должны почувствовать ужас от неотвратимости возмездия!

Вскочив на ноги, эльф выхватил сабли и решительно двинулся навстречу врагу. Сейчас даже его поступь, казалось, дышала смертью.

Один из исполинов вскрикнул от удивления, и вся троица застыла на месте, когда прямо перед ними, будто из-под земли, вырос темный эльф. Придя в себя, они встали плечом к плечу и повернулись к Дзирту. Вербиигам доводилось слышать легенды о колдовской силе эльфов. В этих историях эльфы порой даже выступали в союзе с исполинами... Но сейчас внезапное появление Дзирта совершенно сбило их с толку.

Видя, как они перепуганы, Дзирт зловеще улыбнулся.

– Кто ты? – осторожно спросил один из исполинов.

– Я друг дворфов, – ответил Дзирт и расхохотался.

Самый здоровенный вербииг бросился было вперед, и Вульфгар, выскочив из-за камня, мгновенно встал рядом с эльфом. Но Дзирт полностью владел собой. Направив одну из своих сабель прямо в лицо врага, он с убийственным хладнокровием объявил: «Ты уже мертв», и тотчас тело вербиига окуталось языками пурпурного пламени. Гигант взвыл от ужаса и отшатнулся, но эльф шаг за шагом приближался к нему.

И тут Вульфгар почувствовал, что настал его черед действовать. Сам не вполне понимая это, он вдруг решил, что сейчас самое время метнуть молот. Оружие, просвистев в темноте, ударило стоявшего посередине исполина, и тот, согнувшись пополам, сделал несколько неверных шагов назад и рухнул с обрыва на камни, меж которых несла свои бурные воды горная река.

Вульфгар был поражен силой и точностью своего броска. Однако сейчас было не до раздумий, варвар всерьез обеспокоился, как ему удастся справиться с третьим исполином при помощи маленького кинжала, единственного оставшегося при нем оружия. Вербииг быстро оценил свое преимущество и с диким криком бросился вперед. Вульфгар потянулся к кинжалу...

И тут случилось невероятное. Клык Защитника удивительным образом снова оказался у него в руках. Вульфгар понятия не имел о чудесной силе, вложенной Бренором в оружие, а размышлять об этом сейчас было некогда.

Охваченный ужасом, поняв, что отступать некуда, самый крупный вербииг бросился на Дзирта, тем самым лишь увеличив его преимущество. Исполин высоко взметнул свою дубину над головой, и Дзирт, не мешкая, вплотную подскочил к нему и, пронзив прикрывавшую тело исполина звериную шкуру, с силой вонзил обе сабли в живот противника. Чуть помедлив, гигант устремил дубину вниз, но проворный эльф без труда уклонился от удара, и в то время как исполин вновь начал вздывать свое оружие, Дзирт успел нанести ему еще две раны – в шею и плечо.

– Ты видишь малыш? – крикнул он Вульфгару. – Он дерется совсем как твои сородичи!

Вульфгар, хотя и был целиком поглощен схваткой с третьим гигантом, все же, легко отражая своим чудесным молотом удары противника, то и дело поглядывал, как сражается Дзирт. Сейчас бой Дзирта с гигантом живо напомнил ему все то, чему так настойчиво учил его эльф. Сейчас Дзирт откровенно дразнил противника, в полной мере пользуясь его слепой яростью. Раз за разом враг пытался нанести единственный точный удар, но Дзирт снова и снова уворачивался. Кровь вербиига ручьями струилась из множества ран, и Вульфгар вдруг понял, что Дзирт может закончить поединок в любой момент, когда только пожелает.

Варвара поразило, с каким наслаждением темный эльф продолжает изводить своего противника.

Впрочем, сам он тоже не торопился ударить наверняка – именно этому учил его Дзирт. Но вот Вульфгар заметил, что вербииг начал уставать: он взмахивал дубиной гораздо реже и

слабее, чем в начале схватки. И вот, тяжело дыша и обливаясь потом, исполин на мгновение замешкался; тогда Клык Защитника двумя точными ударами положил конец бою.

Противник Дзирта уже стоял на одном колене: неуловимым выпадам одной из своих сабель ловкий эльф перерубил ему сухожилие. Увидев, что Вульфгар уже расправился со своим вербиигом, эльф решил, что ему тоже пора заканчивать игру. Улучив момент, когда исполин, собрав остаток сил, вновь взмахнул дубиной, Дзирт метнулся в сторону, а затем резко развернулся и, бросившись вперед и налегая всем телом, всадил тонкое острое лезвие сабли снизу вверх в горло гиганта.

* * *

Теперь, когда с вербиигами было покончено и они присели передохнуть, Дзирт вновь вернулся к уже давно мучившему его вопросу.

– Ну и как молот? – спросил он. Вульфгар покосился на Клык Защитника и пожал плечами.

– Понятия не имею, – честно ответил он. – После того как я его метнул, он сам вернулся мне в руки!

Дзирт загадочно улыбнулся. Он-то прекрасно понимал, в чем дело.

«До чего же удивительно это творение Бренора, – подумал эльф. – И до чего трогательна забота дворфа об этом мальчишке!»

– Постой, ведь они говорили о каком-то подкреплении, – опомнился Вульфгар.

– И о том, что еще примерно две дюжины бойцов скрываются где-то рядом на склоне горы. Беги к Бренору, – скомандовал эльф. – Эта троица совсем недавно покинула свое логово. Я без труда отыщу берлогу, где прячутся остальные.

Вульфгар согласно кивнул, но тут же озабоченно посмотрел на Дзирта. Он вспомнил о той неистовой ярости, что запылала в глазах эльфа перед тем, как они напали на вербиигов. Молодой варвар даже представить себе не мог, что темный эльф может быть столь ужасен в гневе.

– И что ты собираешься делать, когда обнаружишь их логово? – спросил Вульфгар.

Дзирт ничего не ответил на это и лишь злобно усмехнулся, чем еще больше смутил юношу. Наконец, немного помолчав, он решил успокоить друга.

– Встретимся утром на этом самом месте. Можешь быть уверен, что я не начну забавляться с ними до твоего возвращения!

– Я вернусь с первыми лучами солнца, – ответил Вульфгар.

Вскочив на ноги, он бросился бежать, и вскоре его силуэт скрылся за залитыми тусклым светом звезд обломками скал.

Дзирт немного отдохнул и двинулся по следу убитых исполинов, вверх по западному склону горы. Спустя некоторое время до него донесся характерный говор вербиигов, и вскоре он увидел укрытые наломанными ветвями кустарника, грубо сколоченные деревянные двери входа в логово.

Довольно долго он сидел, внимательно наблюдая за пещерой. И вот наконец из дверей показался новый дозор. Позднее, когда они вернулись, на склон горы отправилась новая группа. Эльфа интересовало, не поднимут ли вербииги тревогу по поводу таинственного исчезновения своих товарищей. Но, похоже, их судьба не очень-то интересовала тех, кто остался в пещере. Они решили, что пропавшие либо заблудились, либо попросту сбежали. Когда через несколько часов эльф неслышно ушел прочь, он был совершенно уверен, что внезапность по-прежнему на его стороне.

* * *

Вульфгар бежал всю ночь. Рассказав Бренору о происшедшем и не дожидаясь, пока дворфы поднимутся по тревоге, он тут же пустился в обратный путь. Молодой варвар

вернулся к плоскому камню за час до восхода солнца, еще до прихода Дзирта. Укрывшись за камнями, он принялся ждать, с каждой минутой все больше переживая за друга.

В конце концов, не в силах больше терпеть, он принялся искать следы убитых накануне вербиигов, твердо решив идти вверх по склону горы на поиски эльфа. Но не прошел он и двадцати шагов, как чья-то рука крепко схватила его сзади за шею. Он инстинктивно подался вперед и резко обернулся, готовый дать достойный отпор нападавшему, но настороженная агрессивность тотчас уступила место радости, когда он увидел Дзирта.

Эльф вернулся к месту встречи чуть позже него, однако все это время оставался в укрытии, желая проверить, выдержит ли варвар до восхода солнца или решит действовать дальше на свой страх и риск.

– Никогда не уходи с места встречи, пока не пройдет назначенное время, – назидательно выговорил он Вульфгару, впрочем, крайне тронутый тем, как взволновало юношу его отсутствие.

Вульфгар не успел рта раскрыть, как вдруг послышался знакомый им обоим резкий скрипучий голос.

– Ну, где эти визжащие как свиньи вербииги? – прокричал Бренор, стоявший прямо у них за спиной на нависшем над рекой краю плоского камня. Охваченные гневом дворфы могли передвигаться с поразительной скоростью. Воины клана Бренора собрались по тревоге менее чем за час и, двинувшись вслед за Вульфгаром, лишь немного отстали от него.

– Быстро вы добрались, – сказал Дзирт, подходя к Бренору, который рассматривал тела трех поверженных накануне вербиигов. Вокруг него, сжимая в руках оружие и бросая по сторонам пылающие яростью взгляды толпились, полсотни готовых к бою дворфов – больше половины его клана.

– Приветствую тебя, эльф, – сказал Бренор. – Где они? В пещере?

Дзирт кивнул.

– Примерно в миле к западу отсюда. Но не думай о них. Они сейчас сидят смирно – ожидают гостей.

– Мальчишка сказал мне. Они ждут подкрепления! – С этими словами Бренор воинственно потряс молотом. – Но мне почему-то кажется, что они его не дождутся. Как ты полагаешь, откуда следует ждать?

– С севера или с востока. Больше им взяться неоткуда. Они придут из Прохода Ледяных Ветров, обогнув Лек Деннишир с севера. Так что, твои парни хотят их встретить?

– Разумеется, – ответил Бренор. – Им в любом случае придется выйти на склон. А ты что собираешься делать? – подмигнув, спросил он у Дзирта. – И что делать с мальчишкой?

– Пусть остается со мной. Ему надо отдохнуть. Пока вы будете встречать гостей, мы с ним присмотрим за пещерой.

По тому, как дико блеснули глаза Дзирта, Бренор понял, что у эльфа на уме нечто большее, чем просто наблюдение за логовом вербиигов.

– Сумасшедший эльф, – пробормотал он себе под нос. – Он, похоже, один хочет схватиться со всей этой бандой! И победить их! – добавил дворф, еще раз взглянув на двух друзей в попытке сопоставить их оружие и раны, от которых погибли вербииги.

– Мальчишка свалил двоих, – ответил Дзирт на мучивший дворфа вопрос.

Губы дворфа растянулись в широкой улыбке.

– Два против твоего одного, а? Ты, наверное, зазевался, эльф?

– Чепуха, – возразил Дзирт. – Просто мальчишке нужно набираться опыта!

Бренор покачал головой, удивляясь неведомо откуда взявшемуся чувству гордости за Вульфгара, хотя, конечно, говорить об этом вслух он не собирался.

– Да нет, эльф, ты просто зазевался! – повторил Бренор, вставая во главе своих воинов, которые немедленно затянули ритмичную походную песнь, некогда разносившуюся под сводами тоннелей их ныне потерянной родины.

Обернувшись напоследок в сторону оставшихся на плоском камне двух друзей, Бренор задумчиво прикинул, скольким из сидящих сейчас в пещере исполинам суждено дожить до

того момента, когда он и его воины вернутся.

Глава 17 ОТМЩЕНИЕ

Сгибаясь под тяжестью поклажи, дворфы без устали шли вперед. Они отлично подготовились к битве. Одни из них несли громадные тюки, другие держали на плечах огромные деревянные брусья.

Догадка дворфа относительно того, откуда должен появиться враг, была верна, другого пути у противника не было. И Бренор знал прекрасное место, где можно было бы устроить непрошеным гостям хорошую встречу. Здесь спуск в скалистую долину был возможен лишь по одной тропе, которая пролежала чуть выше уровня тундры, но ниже скалистых отрогов южного склона Пирамиды Кельвина.

Дворфы, не теряя времени даром, принялись за работу. Бренор был твердо намерен закончить сражение одним молниеносным ударом с минимальными потерями для своих воинов. Чтобы отряд исполинов не застал их врасплох, вперед, на склон горы и на равнину были высланы дозорные. Остальные под руководством Бренора начали готовить засаду. Дворфы разделились на две группы. Одни принялись копать вдоль тропы небольшие ямки, в то время как другие стали собирать из деревянных брусьев две внушительного вида баллисты. Воины, вооруженные арбалетами, начали обследовать склон, выбирая среди валунов наиболее удобные для стрельбы места.

Вскоре все было готово. Но дворфы на этом не успокоились. Им предстояло еще раз осмотреть уже подготовленный для боя участок тропы и выявить все особенности местности, что могло бы пригодиться в схватке.

Поздно вечером, когда солнце уже начало сползать за горизонт, один из дозорных сообщил, что далеко на востоке показалось еле заметное облако пыли. Вскоре вернулся наблюдатель с равнины и доложил, что к ним приближается отряд, насчитывающий два десятка вербиигов, несколько огров и по меньшей мере дюжину орков. По команде Бренора арбалетчики заняли свои места, а воины, приставленные к баллистам, еще раз тщательно проверили свое грозное оружие. Затем наиболее опытные бойцы во главе с Бренором расположились в специально для этой цели выкопанных ямах и накрылись толстыми пучками свежесрезанной травы.

Им предстояло ударить первыми.

* * *

Притаившись среди валунов, Дзирт и Вульфгар сидели прямо над входом в логово исполинов.

Спали они по очереди. Единственное, что сейчас волновало эльфа, так это как бы кому-нибудь из вербиигов вдруг не взбрело в голову отправиться навстречу приближающемуся подкреплению. Это могло расстроить планы дворфов.

Прошло несколько часов, и опасения Дзирта подтвердились. В то время как эльф, укрывшись от солнца, отдыхал в тени большого камня, Вульфгар внимательно наблюдал за пещерой. С того места, где он сидел, массивные деревянные двери были едва видны, однако, когда одна из створок начала открываться, он явственно услышал скрип петель. Юноша решил пока не будить эльфа, желая лишний раз убедиться, что кто-то из исполинов действительно выйдет из своего логова.

Вот из полумрака пещеры донеслись голоса, и сразу полдюжины вербиигов высыпали наружу. Вульфгар повернулся, чтобы разбудить Дзирта, но увидел, что эльф уже стоит у него за спиной и, прищурившись, внимательно следит за исполинами.

– Не могу разобрать, о чем они болтают, – шепнул Дзирту варвар.

– Собираются отправиться на поиски своих товарищей, – так же шепотом ответил эльф,

обладавший гораздо более тонким слухом. Еще до того, как вербииги вышли из пещеры, он услышал слова их предводителя, приказавшего им сделать все возможное, чтобы если не найти пропавших, то хотя бы выяснить, в каком направлении они скрылись. В любом случае, независимо от результата поисков они должны были вернуться назад сегодня же.

– Надо предупредить Бренора, – сказал Вульфгар.

– Они обнаружат останки своих сородичей и поднимут тревогу задолго до того, как мы успеем вернуться, – ответил Дзирт. – И кроме того, Бренору вполне хватит забот с теми, с кем ему предстоит сразиться.

– Что же делать? – озадаченно спросил Вульфгар. – Ведь если они что-то заподозрят, выкурить их из пещеры будет во сто крат сложнее.

Внезапно варвар заметил, что глаза эльфа вновь засверкали знакомой ему по прошлой ночи яростью.

– Те, что остались внутри, нисколько не поумнеют, если не вернутся и эти шестеро, – безразличным тоном сказал Дзирт, так, словно остановить шестерых вышедших на разведку вербиигов было пустячным делом. Вульфгар слушал его, не веря своим ушам, хотя уже догадывался, что затевает эльф.

Дзирт заметил, с каким восхищением смотрит на него молодой варвар, и широко улыбнулся.

– Идем, малыш, – сказал эльф, намеренно поддразнивая самолюбивого юношу. – Ведь ты упорно учился боевому искусству, готовя себя именно к такому моменту, – продолжал эльф, легко перепрыгивая с камня на камень. И когда он вновь обернулся к Вульфгару, его глаза дико блеснули в лучах вечернего солнца. – Идем, – повторил он и взмахнул рукой. – Их всего шестеро!

Вульфгар вздохнул и покачал головой. За время обучения он узнал Дзирта как хладнокровного, в совершенстве владеющего оружием бойца, умевшего тщательно взвесить необходимость каждого своего движения или удара. Однако в последние два дня он столкнулся с совершенно другим, не знающим жалости к врагу существом. Сейчас лишь непоколебимая уверенность эльфа убеждала его в том, что тот не сошел с ума и не собирается бросаться навстречу верной гибели. Только это заставило варвара следовать за эльфом.

И вместе с тем он пришел к выводу, что когда-нибудь Дзирт уж точно втянет его в историю, из которой им будет не выпутаться.

* * *

Исполины, за которыми устремились Дзирт и Вульфгар, некоторое время шли на юг. Не найдя никаких следов товарищей, вербииги, видимо опасаясь наткнуться на шахты дворфов, резко свернули на северо-восток, напрямик к тому месту, где прошлой ночью сложили головы их сородичи.

– Скоро мы на них нападём, – сказал Дзирт своему спутнику. – Давай подберемся к ним поближе.

Вульфгар согласно кивнул. Вскоре они вышли на узкую, петлявшую между обломками скал тропу, которая вела вверх по склону. Место это было хорошо им знакомо, оба прекрасно знали, что совсем скоро тропинка свернет в небольшое ущелье. Друзья обменялись многозначительными взглядами – настало время действовать.

Дзирт мгновенно прикинул план боя и дал Вульфгару знак остановиться.

– Мы ударим и исчезнем, – прошептал он. – А затем ударим вновь.

– Это будет непросто. Ведь сейчас они очень осторожны, – заметил Вульфгар.

– У меня есть кое-что в запасе, – сняв со спины свой походный мешок, эльф извлек из него небольшую статуэтку. Когда рядом с ними словно из-под земли возникла чудесная кошка, варвар в ужасе отшатнулся.

– Что за демона ты вызвал? – вскрикнул он, стиснув рукоять своего молота так, что

побелели костяшки пальцев.

– Гвенвивар вовсе не демон, – стараясь говорить как можно убедительнее, сказал Дзирт. – Она верный друг и надежный союзник.

Пантера, будто понимая его слова, ласково рыкнула, и Вульфгар инстинктивно отступил еще на шаг.

– Нет, она не настоящая, – сказал он. – Я ни за что не буду сражаться бок о бок с вызванным колдовскими силами демоном!

Варвары Долины Ледяного Ветра никогда никого не боялись – ни людей, ни зверей. Но черная магия была им совершенно неведома, и это невежество делало их порой до смешного уязвимыми.

– Если вербииги узнают, что мы сделали вчера с их дозором, Бренору и его воинам будет грозить смертельная опасность, – угрюмо сказал Дзирт. – А пантера поможет нам поскорее разделаться с этими. Неужели твоё малодушие помешает нам спасти дворфов?

Вульфгар выпрямился и постарался взять себя в руки. Дзирт умело сыграл на его самолюбии, и угроза, нависшая над отрядом дворфов, оттеснила его отвращение к черной магии на второй план.

– Отошли зверя назад, – все-таки попросил он, гордо приосанившись. – Обойдемся и без нее.

– Если пантера будет с нами, ни один из них не уйдет живым. Я не собираюсь рисковать жизнью дворфа только из-за того, что тебе неприятно находиться рядом с ней.

Дзирт прекрасно знал, что пройдет какое-то время, прежде чем Вульфгар признает в пантере союзника, если этому вообще суждено случиться. Однако сейчас все, что требовалось, – это участие Вульфгара в бою.

Исполины шагали по склону горы уже довольно долго и постепенно начали уставать. Дзирт с удовлетворением отметил, что мало-помалу их цепочка начала растягиваться по тропе. Вербииги то и дело отставали и останавливались, чтобы перевести дух. Пока что события развивались именно так, как он и ожидал.

Тропа, огибая два гигантских валуна, вильнула в последний раз, после чего, заметно расширившись, устремилась вниз по склону, прямоком ко входу в ущелье. На выходе она резко поворачивала и опять шла по склону, между сплошной стеной и беспорядочно разбросанными чуть ниже обломками скал. Дзирт подал Вульфгару знак приготовиться и послал огромную кошку в бой.

* * *

Отряд в составе двадцати вербиигов, трех огров и дюжины замыкавших колонну орков двигался не спеша и добрался ко входу в долину гораздо позже наступления сумерек. Вербиигов оказалось больше, чем ожидали дворфы, но орки их мало смущали, а с ограми они справляться тоже умели. Основными противниками здесь, конечно же, были исполины.

Долгое ожидание несколько не охладило боевой пыл дворфов. Они были полны решимости отомстить за своих погибших сородичей.

Головной вербииг беспрепятственно взошел на пологий склон, но как только в западне оказался последний из захватчиков, дворфы Мифрил Халла бросились вперед. Первый удар нанесли воины группы Бренора. Стремительно выскочив из своих укрытий и оказавшись буквально в двух шагах от противника, каждый из них молча напал на ближайшего врага. Дворфы действовали старым испытанным способом. Острые лезвия их топоров молниеносно рубили сухожилия на ногах исполинов, а тупые головы молотов вдребезги разносили кости.

Бренор одним могучим ударом свалил ближайшего исполина и немедленно бросился прочь, как вдруг увидел прямо перед собой обнаженный меч орка. Зная, что сейчас не время драться один на один, Бренор с криком «лови!» высоко подбросил свой молот. Орк ошеломленно уставился на кувыркающуюся в воздухе рукоять молота, а дворф, недолго думая, с размаху ударил его прикрытой шлемом головой в подбородок, затем подхватил свой

молот и был таков, успев напоследок хорошенько пнуть незадачливого вояку.

Захватчики были застигнуты врасплох, и многие уже валялись на земле, оглашая окрестности жуткими воплями. Тут сказали свое слово баллисты. На оказавшихся в первых рядах исполинов обрушилась туча копий. Затем из-за камней показались арбалетчики и на врага пролился смертоносный дождь стрел. Сделав залп, стрелки побросали арбалеты и ринулись по склону на помощь отряду Бренора, воины которого, успев перестроиться в традиционную клинообразную колонну, снова бросились на врага.

Исполины были перебиты все до единого еще до того, как смогли оказать хоть какое-то сопротивление.

Битва у входа в долину закончилась в течение трех минут.

Ни один дворф не был серьезно ранен, а из всего вражеского отряда уцелел лишь тот бедолага орк, которого мимоходом сбил с ног Бренор.

* * *

Поняв, что требует от нее хозяин, Гвенвивар бесшумно вскарабкалась вверх по склону и вскоре, оказавшись чуть впереди устало ковылявших по тропе вербиигов, пристроилась на огромном камне прямо над входом в ущелье. Первый исполин благополучно прошел под тем местом, где она сидела, – огромная кошка была неподвижна, как сама смерть. Дзирт и Вульфгар подбирались все ближе, сейчас они находились уже прямо за спинами вербиигов.

Замыкавший процессию необычайно тучный исполин остановился, чтобы перевести дух.

И тут Гвенвивар бросилась на него.

Гибкая, как пружина, хищница бесшумно отделилась от стены и, оказавшись на плечах гиганта, глубоко вонзила свои острые когти в его голову, после чего одним прыжком вернулась на стену. Вербииг взвыл от боли и обеими руками схватился за изуродованное лицо.

В этот момент Клык Защитника, ударив его точно в темя, отшвырнул тело так ничего и не успевшего понять воина вниз, на склон.

Исполин, шагавший предпоследним, услышав крик товарища, круто развернулся и, бросившись назад, выскочил из-за поворота как раз вовремя, чтобы увидеть покотившееся по склону тело. Пантера, не мешкая, кинулась на вторую жертву. Крепко вцепившись когтями всех четырех лап в грудь гиганта, она повисла на нем и сомкнула свои мощные, увенчанные двухдюймовыми клыками челюсти на его глотке. Кровь хлынула рекой. Стараясь обезопасить себя от возможного ответного удара, Гвенвивар резкими движениями задних лап принялась раздирать грудную клетку и живот противника. Однако застигнутый врасплох исполин так и не успел ничего сделать. Спустя несколько мгновений тьма смерти сомкнулась над ним.

Заслышав топот остальных дозорных, которые дружно повернули назад, чтобы разобраться, в чем дело, Гвенвивар отпрыгнула в сторону, позволив поверженному, бьющемуся в агонии врагу захлебываться в луже собственной крови. Дзирт и Вульфгар заняли позицию по обеим сторонам выходящей из ущелья тропы, при этом эльф выхватил сабли, а варвар крепко сжал рукоять молота.

Огромная кошка прекрасно знала, что делать дальше. Они с эльфом уже столько раз разыгрывали этот сценарий, что она изучила свою роль до мелочей. Сейчас, чуть помедлив, она дождалась появления исполинов и стрелой понеслась по тропе, быстро скрывшись между скалистыми стенами, за которыми укрылись Дзирт и Вульфгар.

– Будь я проклят! – завопил один из вербиигов, не обращая внимания на бьющееся в жутких судорогах тело товарища. – Ну и кошка! И черная, как котлы нашего повара!

– В погоню! – взвыл другой. – Сошьем новый наряд тому, кто изловит ее!

И, перескочив через тело своего товарища, они со всех ног помчались за пантерой.

Первым в атаку бросился Дзирт. Пропустив двоих бежавших впереди вербиигов, он

выскочил на тропу и глубоко вонзил свою левую саблю в грудь ближайшего исполина, резким движением правой полоснув второго по глазам. Затем, опираясь на торчащее из груди противника оружие, он в мгновение обогнул его и вонзил вторую саблю в спину вербиига. После этого эльф проворно высвободил оружие из тела врага и отскочил в сторону, а смертельно раненный исполин рухнул на землю.

Вульфгар также пропустил бежавшего впереди всех исполина, а второй поравнялся с ним как раз в тот момент, когда Дзирт атаковал двух замыкающих. Вербииг застыл как вкопанный и начал было разворачиваться, намереваясь броситься им на выручку, но в этот момент Вульфгар, широко размахнувшись, опустил молот ему на грудь. Гигант упал на спину – варвар буквально вышиб воздух из его легких. В это время Вульфгар, перехватив рукоять молота, метнул его вдогонку головному вербиигу. Тот остановился и обернулся как раз вовремя, чтобы принять сильнейший удар молота в лоб.

Вульфгар, не мешкая, бросился на упавшего навзничь гиганта и обеими руками обхватил его за мощную шею. Исполин быстро пришел в себя, сумел сесть и, изо всех сил медвежьим захватом стиснув грудную клетку варвара, легко оторвал его от земли. Но не тут-то было. Годы, проведенные юношей в кузнице и на рудниках дворфов, не прошли даром. Вульфгар еще крепче стиснул шею исполина и медленно повернул его голову набок. Шейные позвонки громко хрустнули, и голова врага бессильно свалилась на плечо.

Исполин, которого ослепил Дзирт, в бешенстве размахивал своей дубиной из стороны в сторону. Эльф, проворно перемещаясь, снова и снова безжалостно вонзал свои сабли в тело беспомощного противника.

Клык Защитника исправно вернулся в руки Вульфгара, и он подошел к тому исполину, которому метким броском угодил прямо в голову, чтобы убедиться, что враг мертв. При этом юноша внимательно следил, не появится ли Гвенвивар. Увидев, как пантера действует в бою, он не имел ни малейшего желания оказаться рядом с ней.

Покончив с последним исполином, Дзирт присоединился к другу.

– Ты, наверное, еще и сам не понимаешь, как силен в бою! – рассмеялся он, хлопнув варвара по спине. – Видишь, и шесть исполинов для нас с тобой сущие пустяки!

– Ну что, теперь пойдем искать Бренора? – спросил Вульфгар, заметив, что лавандовые глаза эльфа все еще кроваждно поблескивают. И сразу понял, что никуда они не пойдут.

– Не вижу в этом особого смысла, – ответил эльф. – Я нисколько не сомневаюсь, что Бренор и его доблестные дворфы способны справиться со своей задачей. Боюсь, что в ближайшее время нам самим придется жарко, – продолжил Дзирт. – Мы расправились с первыми тремя исполинами еще вчера, а они до сих пор не подозревают о нашем существовании. Однако очень скоро, потеряв еще шестерых, они не на шутку обеспокоятся и наверняка насторожатся.

– Но ведь к утру вернутся дворфы, и мы сможем осадить их логово еще до полудня.

– Может оказаться слишком поздно, – озабоченно сказал Дзирт. – Видимо, нам с тобой придется напасть на них уже этой ночью.

На этот раз Вульфгар нисколько не удивился и не стал спорить. Он, конечно, опасался, что это может оказаться не по силам им двоим. Однако варвар постепенно начал осознавать одну простую вещь – он последует за Дзиртом в какое угодно пекло, как бы ни были малы их шансы уцелеть.

И он чувствовал, что ему нравится искать приключений на пару с темным эльфом.

Глава 18

КРЕПОСТЬ ВЕСЕЛЬЧАКА

Дзирт и Вульфгар были приятно удивлены, обнаружив второй вход в пещеру вербиигов. Это едва заметное отверстие располагалось на самом верху пологой части западного склона горы. У подножия скалистых утесов валялись беспорядочно разбросанные мусор, кости и остатки пищи исполинов. Из еле заметного за окаймлявшими его валунами

отверстия поднималась тонкая струйка дыма, источавшая пьянящий аромат жареной баранины.

Приятели, чутко прислушиваясь, некоторое время сидели в кустах, чуть ниже входа. Осветив склон горы, взошла ясная луна.

– Интересно, поспеем ли мы к ужину? – спросил Дзирт и злобно ухмыльнулся. Вульфгар в ответ лишь покачал головой, в который уже раз поражаясь удивительному самообладанию эльфа.

До них то и дело доносились обрывки разговора, грохот котлов и звон посуды. Однако до самой полуночи ни один из гигантов так и не вышел наружу. Но вот дверь, скрипнув, отворилась и показался огромный, тучный вербииг, судя по одежде – повар. Выбравшись наружу, он опрокинул на склон горы кучу свежих отходов.

– Этим займусь я, – внезапно сказал Дзирт. – Как думаешь, тебе удастся отвлечь его внимание? – спросил эльф у пантеры.

– С этим вполне справится твоя кошка, – ответил Вульфгар, вовсе не испытывавший желания остаться наедине с Гвенвивар.

Дзирт, стараясь держаться в тени, начал карабкаться по склону. Эльф прекрасно понимал, как легко обнаружить его, пока он не окажется над входом в пещеру, однако в этом месте склон оказался почти отвесным и подъем затянулся. Подобравшись к дверям, он услышал, как повар возится с котлом, и понял, что тот выносит вторую порцию мусора.

Деваться было некуда. Вдруг кто-то окликнул повара из пещеры, и, поняв, что у него уже нет времени на раздумья, эльф бросился вперед и, в считанные мгновения подскочив ко входу, сквозь приоткрытые двери заглянул на освещенную неровным пламенем факелов кухню.

У противоположной от входа стены полыхала огромная каменная печь. Рядом виднелась слегка приоткрытая дверь в соседнее помещение, откуда доносились голоса исполинов. У самого входа стоял громадный котел с отбросами.

– Он сейчас вернется, – пробормотал эльф и, вскарабкавшись по стене, повис над входом в пещеру.

Спустя некоторое время повар вышел и принялся чистить котел. Гвенвивар метнулась вперед. Одним прыжком выскочив на середину склона, пантера угрожающе наклонила голову и злобно зарычала.

– Эй ты, вонючая кошка, а ну убирайся отсюда! – крикнул исполин, судя по всему, нисколько не удивленный и не напуганный ее появлением. – А ну проваливай, пока я не проломил тебе голову и не бросил тебя в котел!

Однако его угроза оказалась напрасной. Пока он, потрясая огромным кулаком, обращался к Гвенвивар, от скалы отделилась темная тень Дзирта До'Урдена, и спустя мгновение эльф уже сидел на плечах исполина. Выхватив свои сабли, Дзирт, не теряя времени даром, мигом располосовал горло противника от уха до уха. Не издав ни звука, вербииг рухнул на кучу мусора. Оказавшись на земле, Дзирт обернулся ко входу в пещеру, надеясь, что никто из исполинов не вошел в этот момент на кухню.

Все в порядке, кухня была пуста. Обернувшись, он подал знак, и Вульфгар с Гвенвивар последовали за ним. И без того довольно тесное (по меркам исполинов) помещение оказалось битком набито припасами. Рядом с дверью располагался огромный чурбан с воткнутом в него ржавым зазубренным тесаком. На левой стене виднелись полки, от края до края уставленные склянками со всякими травами и приправами. Эльф принялся внимательно изучать их содержимое, в то время как Вульфгар, осторожно приблизившись к чуть приоткрытой двери, заглянул в соседнее помещение, откуда доносился нестройный хор голосов.

Обеденный зал оказался гораздо более просторным, чем кухня. Длинный стол разделял помещение на две части. Позади стола, прямо напротив того места, где он сейчас стоял, Вульфгар разглядел еще одну дверь. С одной стороны стола сидели три исполина. Четвертый стоял между ними и дверью, и еще двое находились за столом напротив. Компания была

поглочена ужином. Вербииги, то и дело толкаясь и переругиваясь между собой, отрывали большие куски мяса от лежавшей посреди стола туши. Вульфгар мельком отметил, что гиганты отрывали мясо от костей голыми руками. Оружия в помещении не было.

Взяв мешок, который он обнаружил на одной из полок, Дзирт, вынув свободной рукой одну из своих сабель и сопровождаемый Гвенвивар, присоединился к Вульфгару.

– Шестеро, – прошептал молодой варвар, кивая в сторону двери, и, поудобнее перехватив молот, взглянул на эльфа. Мельком глянув в приоткрытую дверь, Дзирт быстро придумал план нападения.

Ткнув пальцем в сторону Вульфгара, он указал ему на дверь.

– Направо, – шепнул он. – А я за тобой и налево.

Вульфгар понял его мысль, но никак не мог взять в толк, что же будет делать Гвенвивар, и потому вопросительно кивнул в ее сторону.

В ответ Дзирт лишь улыбнулся, пожал плечами, и варвар без лишних слов понял, что пантера сама разберется, что ей делать.

В последний раз встряхнув молотом, Вульфгар крепко сжал Клык Защитника. Затем, подмигнув товарищу, он распахнул дверь и бросился к единственному стоявшему гиганту. Тот успел лишь обернуться навстречу опасности... и все. Клык Защитника, описав замысловатую дугу, с размаху ударил его снизу вверх под ребра. Удар был настолько силен, что исполин на несколько футов оторвался от земли. Не успел он упасть на пол пещеры, как Вульфгар уже вновь взмахнул молотом, выбирая следующую жертву.

Дзирт ворвался следом и, проскочив мимо друга, бросился напрямик к двум остоленевшим от изумления, находившимся за дальним концом стола исполинам. Гвенвивар следовала за ним по пятам. Раскрыв мешок, который он прихватил с кухни, эльф мигом вытряхнул его содержимое в лицо вербиигам, ослепив их мучной пылью. Затем, не мешкая, он вонзил саблю в горло одного из них и, прыгнув спиной вперед, упал на стол и, перекатившись, вскочил на ноги. Тем временем Гвенвивар, в полной мере используя внезапность нападения, пригнулась и, бросившись на второго исполина, сомкнула свои могучие клыки на его промежности.

Двое вербиигов, сидевших напротив, оказались первыми, кто попытался оказать пришельцам сопротивление. Один, вскочив на ноги, довольно ловко увернулся от бешено вращающихся сабель Дзирта, в то время как другой, вовремя сообразив, что именно его Вульфгар выбрал своей следующей жертвой, помчался к двери.

Повернувшись в его сторону, Вульфгар, не раздумывая, метнул молот. Если бы Дзирт, перекатывавшийся в этот момент по столу, успел сообразить, в какой близости от его головы просвистит рукоять молота, он, несомненно, нашел бы множество теплых слов для своего ученика. Но молот, благополучно миновав эльфа, со страшной силой ударил в плечо вербиига, и тот, споткнувшись, так стремительно врезался головой в стену, что свернул себе шею.

Исполин, которому Дзирт рассек горло, в судорогах бился на полу в тщетных попытках удержать тающие с каждым мгновением жизненные силы. Гвенвивар быстро разделалась со вторым. Так в считанные мгновения вербиигов осталось лишь двое.

Дзирт опять перекувырнулся, вскочил на ноги и, ловко избежав объятий бросившегося на него гиганта, прыгнул со стола на пол. Тут он развернулся спиной к двери и принялся привычно размахивать саблями. Исполин, расставив руки, бросился вперед, однако эльф, ни на мгновение не прекращая свой танец смерти, опять ускользнул от него. И каждый раз, когда одна из его сабель опускалась вниз, на пол, один за другим падали обрубленные пальцы исполина. Вскоре гигант уже размахивал беспальными окровавленными ладонями. Разум покинул вербиига, и он, дико взмахнув руками, бросился вперед, но Дзирт удачно выбрал момент, и одна из его сабель, резким коротким ударом скользнув под основание черепа противника, навсегда излечила сошедшего с ума исполина.

Тем временем последний оставшийся в живых гигант бросился на безоружного варвара. Обхватив юношу своими огромными ручищами, он оторвал его от пола и стиснул

так, словно собирался выжать из него жизнь. Вульфгар, собрав все свои силы, напрягся, думая только о том, как бы вербииг не переломил его пополам.

Внезапно варвар понял, что начинает задыхаться, и в ярости ударил исполина кулаком в подбородок, после чего занес руку для нового удара.

Но тут, следуя заложенному в него Бренором волшебному заклятию, боевой молот вновь оказался у него в руках. Развернув оружие рукоятью вперед, Вульфгар резким движением выдавил противнику глаз, и вербииг, мигом выпустив его из своих объятий, зашатался и взвыл. Мир слился для него в единый комок боли, и он уже не видел, как взметнувшийся под своды пещеры молот Вульфгара, ринувшись вниз, летит к его голове. Последняя, испепеляющая вспышка боли охватила мозг несчастного в тот момент, когда молот варвара вдребезги разнес его череп. В следующее мгновение огромная туша вербиига обрушилась на стол, разбросав остатки недоеденного барашка по всей комнате.

– Кончай брызгаться кровью! – насмешливо крикнул Дзирт, в последний момент хватая со стола один из наиболее аппетитных кусков.

Внезапно из-за двери донеслись свирепые крики и громкий топот сапог.

– Бежим отсюда! – крикнул Вульфгар, бросаясь к выходу на кухню.

– Стой! – сказал ему Дзирт. – Самое интересное еще только начинается! – С этими словами эльф взмахнул рукой в сторону мрачного, слабо освещенного факелами коридора, уходившего в глубь горы из левой стены обеденного зала. – Туда. Быстрее!!!

Вульфгар в который уже раз подумал, что, возможно, сейчас и не следует испытывать судьбу. Однако, не проронив ни звука, он метнулся в тоннель.

И на его губах мелькнула улыбка.

Проскочив меж толстых деревянных брусьев, поддерживавших своды тоннеля у самого входа, Вульфгар устремился во мрак. Они с Гвенвивар успели пробежать уже футов тридцать, как вдруг он сообразил, что Дзирта рядом нет. Обернувшись, он увидел, как эльф, выскользнув из комнаты, нырнул в тоннель. Его сабли покоились в ножнах, а в руках он держал длинный кинжал с насаженным на него большим куском баранины.

– Где вербииги? – крикнул ему Вульфгар. Дзирт отошел чуть в сторону и укрылся за массивной колонной.

– Преследуют меня по пятам, – невозмутимо сказал он, с наслаждением поглощая свой ужин.

И тут у Вульфгара отвисла челюсть, когда он увидел толпу вбегающих в тоннель разъяренных вербиигов. Они не заметили стоявшего у входа эльфа, а Вульфгар тотчас развернулся и с жутким воплем понесся прочь, мечтая лишь о том, чтобы тоннель не закончился тупиком.

Дзирт, снимая баранину с кончика кинжала, неосторожно уронил мясо на пол и тихо выругался, искренне сожалея о том, что пропал столь вкусный кусочек. Затем, облизнув лезвие кинжала, эльф немного помедлил и, убедившись, что в тоннель вбежал последний вербииг, покинул свое укрытие, точным ударом вонзил кинжал в колено ближайшего гиганта и тут же вновь спрятался за колонной. Раненый исполин взвыл от боли, но когда его сбитые с толку товарищи обернулись на крик, то никого не увидели.

Завернув за угол, Вульфгар прислонился к стене и, не слыша позади топота преследователей, быстро сообразил, кто остановил их. Гиганты забыли о нем сразу, как только обнаружили за спиной у себя еще одного врага.

Исполин, широко расставив ноги, оперся спиной на одну из колонн и, пытаясь определить, откуда был нанесен коварный удар, повел головой из стороны в сторону. Вновь оказавшийся позади него Дзирт, вынимая из-за голенища своих сапог два небольших ножа, покачал головой, искренне поражаясь тупости гигантов, дважды клюнувших на одну и ту же уловку в течение каких-то десяти мгновений. Решив не спорить с судьбой, эльф метнулся вперед и, не успели оставшиеся в глубине тоннеля вербииги и рта раскрыть, глубоко всадил один из своих ножей в бедро врага, одним точным ударом перерубив сухожилие. Гигант рухнул как подкошенный, и, перепрыгивая через него, Дзирт с восхищением подумал о том,

какой отличной мишенью служат вздувшиеся на шее вены в тот миг, когда челюсти вербиига стиснуты в попытке превозмочь боль.

Но сейчас каждое мгновение было на счету. Пятеро разъяренных вербиигов, напрочь забыв о раненом товарище, со всех ног неслись к Дзирту. Им оставалось сделать всего несколько прыжков, когда эльф, с силой вонзив второй нож в шею поверженного врага, выскочил из тоннеля в обеденный зал и бросился к двери, ведущей в лабиринты пещеры. И он благополучно скрылся бы за этой дверью, если бы один из преследовавших его гигантов не сжимал в руках увесистый камень... Вербииги издавна славились умением метко бросать камни, а этот гигант, судя по всему, был одним из лучших метателей. Он прицелился в ничем не защищенную голову эльфа, и бросок получился отменный.

Бросок Вульфгара тоже удался на славу. Клык Защитника мощнейшим ударом переломил хребет последнему из покинувших тоннель вербиигов как раз в тот миг, когда он, охваченный азартом погони, перепрыгивал через корчащегося на полу смертельно раненного сотоварища. Тот, тщетно пытаясь вырвать из колена кинжал Дзирта, онемел от ужаса, увидев, как, не издав ни звука, погиб его соплеменник.

Дзирт краем глаза заметил летящий в него камень и, резко наклонив голову, почти успел увернуться, однако пущенный умелой рукой булыжник ударил его в плечо, и эльф кубарем покатился по полу. Мир медленно вращался перед его глазами так, будто Дзирт стал его осью. Эльф попытался сориентироваться, остатки сознания напомнили ему, что сейчас исполины бросятся добивать его. Но в следующее мгновение его глаза заволочла туманная пелена. Затем его взгляд, в тщетной попытке нащупать хоть что-либо знакомое, уткнулся в лежащий неподалеку на полу маленький кусочек мяса – отрубленный им самим палец вербиига.

Дзирт тут же пришел в себя и мгновенно выхватил сабли. Однако, увидев огромную дубину, воздетую над головой стоявшего прямо над ним гиганта, он понял, что все кончено.

Оставшийся в тоннеле смертельно раненный вербииг все же нашел в себе силы подняться, чтобы схватиться с варваром. Нога исполина, из которой все еще торчал кинжал эльфа, онемела, и его шатало из стороны в сторону. Так что Вульфгар, схватив вновь вернувшийся в его руки Клык Защитника, без труда отшвырнул вербиига с дороги и бросился в обеденный зал, где его уже поджидали два гиганта.

Гвенвивар, проскользнув между ног взмахнувшего дубиной вербиига, подпрыгнула так высоко, как только могла, и, когда дубина начала опускаться, Дзирт увидел, как по лицу врага молнией скользнула черная тень. Щека гиганта мигом превратилась в сплошную кровавую рану, и, услышав, как когтистые лапы пантеры, опустившись на стол, бросили огромную кошку дальше через комнату, Дзирт понял, что произошло. И хотя к раненому гиганту присоединился один из его товарищей и оба они дружно взмахнули дубинами, эльф уже окончательно пришел в себя и, чуть подавшись вперед, молниеносным движением вонзил одну из сабель в пах ближайшего исполина. Тот согнулся пополам – и в этот момент тяжелая дубина его коллеги с треском опустилась на его затылок.

– Благодарю, – пробормотал эльф, перекатываясь через труп, после чего вскочил на ноги и, стараясь вложить в удар весь свой вес, резко выбросил вперед руку с саблей.

Промедление стоило второму гиганту жизни. Пока вербииг изумленно взирал на размазанные по своей дубине мозги друга, кривое лезвие сабли эльфа впилося ему под ребра и, пройдя сквозь легкие, отыскало сердце.

Для смертельно раненного гиганта время остановилось. Выпавшая из его рук дубина падала на пол, казалось, целую вечность. Исполин слегка покачнулся и медленно сполз с клинка эльфа. Он знал, что падает, но пол все никак не хотел подниматься навстречу ему. Да так и не поднялся – вербииг был мертв еще до того, как его тело приняло горизонтальное положение.

Вульфгар мечтал только о том, чтобы удар, нанесенный им раненому исполину, оказался достаточно силен. Не хватало только, чтобы тот, придя в себя, бросился на него сзади. Сейчас варвар с огромным трудом отбивался от двух яростно наседавших на него

вербиигов. Но тревожиться было не о чем, раненый исполин без чувств валялся у стены тоннеля. А на другой стороне обеденного зала Дзирт уже расправился с обоими своими противниками. Увидев, как эльф, на ходу вытирая кровь со своей сабли, спешит к нему, Вульфгар торжествующе расхохотался. Один из атаковавших его вербиигов тоже заметил темного эльфа и тут же вышел из боя с молодым варваром, решив прежде покончить с новым врагом.

– Эй ты, ничтожество! Ты думаешь, что сможешь справиться со мной, а потом болтать об этом на каждом углу? – проревел он.

Умело изобразив испуг, Дзирт осмотрелся по сторонам и сразу же придумал, как быстрее и проще завершить эту схватку. Согнувшись в три погибели, эльф принялся крадучись кружить около врага. В это время Гвенвивар, ползком пробираясь меж трупов поверженных врагов, внимательно следила за исполином, тщательно выбирая момент для прыжка. И вот Дзирт резко отпрыгнул назад, оставив гиганта прямо перед пантерой.

Дубина вербиига обрушилась на ребра Вульфгара, и, отлетев в сторону, варвар с силой ударился о массивную деревянную скамью. Но он был скроен из материала гораздо более крепкого, чем дерево. Он мужественно выдержал удар и, не мешкая, ответил двумя резкими выпадами Клыка Защитника. Он дрался почти без перерыва уже четверть часа, но вовсе не ощущал усталости. Вульфгар только теперь начал понимать, какую пользу принесли ему бесконечные, как тогда казалось, дни и часы работы на рудниках и в кузницах дворфов. Сейчас он почувствовал, что надо идти вперед, и удары Клыка Защитника градом посыпались на противника.

Исполин шаг за шагом приближался к Дзирту.

– Ну, держись, крысиное отродье! – рычал он. – И не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус. Я хочу посмотреть, способен ли ты драться в честном бою!

Как только гигант вплотную приблизился к эльфу, Гвенвивар стрелой пролетела разделявшие ее и вербиига несколько футов и впилась зубами в его правую лодыжку. Гигант инстинктивно глянул туда, откуда исходила новая угроза, но тотчас пришел в себя и вновь поднял глаза на эльфа...

...Как раз вовремя, чтобы увидеть, как входит в его грудь острое как бритва лезвие сабли.

– С чего это ты взял, что я с тобой собираюсь драться честно? – спокойно, глядя прямо в глаза врага, спросил Дзирт.

Вербииг пошатнулся. Лезвие не достигло сердца, но без помощи лекаря рана с минуты на минуту могла открыться и стать смертельной. Кровь хлынула на его кожаную куртку. Исполин изо всех сил пытался восстановить дыхание.

Дзирт без труда уворачивался от его вялых атак, а Гвенвивар, отскочив в сторону, бросалась на врага сбоку. Они с эльфом, как, впрочем, и сам гигант, прекрасно понимали, что схватка эта надолго не затянется.

Противник Вульфгара размахивал своей дубиной уже не так энергично, как прежде. Варвар тоже начал ощущать усталость, и потому, набрав полную грудь воздуха, затянул древнюю боевую песнь обитателей тундры, гимн Темпосу. Звуки собственного голоса бросили его в решающую атаку. Выбрав момент, когда, в очередной раз опустив дубину, вербииг несколько замешкался, он быстро нанес ему три сильнейших удара. Когда с вербиигом было покончено, Вульфгар, облокотившись на оружие, обернулся и с облегчением увидел, как двое друзей буквально разрывают на части последнего исполина.

– Неплохо сработано! – усмехнулся он, когда враг был наконец повержен. Дзирт подошел к Вульфгару. Его левая рука висела как плеть. В том месте, куда ударил камень, одежда была разорвана и виднелось глубоко оцарапанное, распухшее плечо.

Вульфгар обеспокоенно уставился на рану друга, однако, увидев это, Дзирт, желая продемонстрировать пустячность царапины, небрежно взмахнул рукой. Но лицо его при этом перекошилось от боли.

– Это быстро затянется, – заверил он Вульфгара. – Так... просто царапина. И по-моему,

вполне приемлемая плата за жизнь тринадцати вербиигов.

Из тоннеля донесся сдавленный стон.

– Пока еще двенадцать, – поправил друга Вульфгар. – Один, похоже, еще брыкается. – Глубоко вздохнув, он поднял свой молот и двинулся к входу в тоннель, намереваясь прикончить врага.

– Подожди немного, – остановил его Дзирт. – Когда гиганты гнались за тобой по тоннелю, ты, помнится, что-то прокричал на своем родном наречии. Что ты крикнул?

Вульфгар от души расхохотался.

– Это был старинный боевой клич народа Лося. Он гласит: «Придай сил моим друзьям и ниспошли смерть моим врагам!»

Дзирт подозрительно взгляделся в лицо варвара, пытаясь сообразить, способен ли Вульфгар правдоподобно солгать, если застать его врасплох.

* * *

Когда двое друзей и Гвенвивар вошли в тоннель, раненый вербииг все еще сидел, опершись о стену. Кинжал эльфа намертво застрял в его колене, войдя точно между двух костей. Когда они подошли, исполин бросил на них исполненный ненависти, однако удивительно спокойный взгляд.

– Ты заплатишь за это! – рявкнул он, обращаясь к Дзирту. – Можешь не сомневаться, Весельчак вдоволь наиграется с тобой, прежде чем тебя прикончить!

– Ага, язык у него есть, – сказал Дзирт, обращаясь к Вульфгару. – Какой еще такой Весельчак? – спросил он гиганта.

– Самый главный в этой пещере. Он найдет и прикончит вас!

– Мы сами его найдем, – заверил вербиига Вульфгар. – Нам надо отдать должок. Так, мелочь, касающаяся двух дворфов!

Услышав про дворфов, исполин злобно сплюнул, и в то же мгновение одна из сабель Дзирта, просвистев над головой, вырвала кусок мяса из его глотки.

– Убейте меня! – расхохотался исполин, удивительным образом не теряя присутствия духа. Легкость, с которой вербииг был готов расстаться с жизнью, показалась Дзирту подозрительной. – Я верно служу своему повелителю, – горделиво приосанился гигант. – Слава тому, кто отдаст жизнь за Акара Кесселла!

Вульфгар и Дзирт в замешательстве переглянулись. Им обоим никогда не приходилось видеть столь фанатично преданного кому-либо вербиига, и тут было над чем задуматься. Основным недостатком могучих исполинов была их полная неспособность последовательно добиваться определенной цели и следовать за кем-то в течение продолжительного времени.

– А кто такой этот Акар Кесселл? – спросил Вульфгар.

Исполин вновь злобно расхохотался.

– Если вы друзья Десяти Городов, вы очень скоро это узнаете!

– Но, по-моему, ты сказал, что в этой пещере командует какой-то Весельчак, – сказал Дзирт.

– В пещере – да, – ответил вербииг. – А когда-то он был вождем племени. Но сейчас Весельчак исполняет волю нашего повелителя!

– Плохи дела, – шепнул Дзирт Вульфгару. – Тебе когда-нибудь приходилось слышать, чтобы вождь вербиигов отказывался от власти?

– Мне страшно за дворфов, – сказал Вульфгар.

Дзирт вновь повернулся к исполину. Эльф решил сменить тему, чтобы попытаться выведать побольше необходимых им сейчас сведений об этой пещере.

– Куда ведет этот тоннель? – спросил он.

– Никуда, – подозрительно быстро ответил вербииг. – Мы здесь просто спим, вот и все.

«Верный, но глупый», – отметил про себя Дзирт и повернулся к Вульфгару.

– Нам надо поскорее разделаться с этим Весельчаком и с теми, кто еще остался в

живых, – ведь они могут удрать и предупредить этого Акара Кесселла.

– А что делать с этим? – спросил Вульфгар. Но исполин не дал Дзирту ответить. Перед его мысленным взором встала картина почетной смерти во славу своего повелителя, и он, собрав остатки сил, забыв о боли в колене, бросился на друзей.

Клык Защитника раздробил ключицу вербиига в тот самый миг, когда сабля Дзирта по самую рукоять вошла меж его ребер, а клыки Гвенвивар впились в живот врага.

Посмертной маской исполина была улыбка.

* * *

В коридоре, уходившем в глубь горы, было темно, так что им пришлось снять факел со стены. Все дальше уходя в глубь горы, друзья то и дело натыкались на небольшие пещерки, большинство из которых пустовало, однако в некоторых им попадались самые разнообразные припасы: пища, походное снаряжение, запасные колья и дубины. Дзирт понял, что неведомый Акар Кесселл собирался устроить возле пещеры лагерь.

Пламя факела постепенно стало гаснуть, и Вульфгар, не обладавший способностью видеть в темноте, заметно занервничал. Но вскоре они добрались до огромного зала – гораздо более просторного, чем тот, где им пришлось биться с поглощавшими ужин вербиигами. В дальнем конце зала виднелся выход.

– Это главный вход, – сказал Вульфгар.

– И смотри... дверь распахнута настежь.

– Как ты думаешь, этот Весельчак уже удрал?

– Ш-ш-ш, – зашипел Дзирт. Ему показалось, что он слышит грубые голоса гигантов откуда-то справа. Но там никого не было видно...

Эльф дал Вульфгару знак оставаться на месте и мгновенно исчез во тьме. Вновь услышав, на этот раз рядом с собой, голоса невидимых исполинов, он задумался, но, подойдя к огромному камину, сразу все понял. Голоса доносились из дымохода.

– Думаешь, это Весельчак? – спросил Вульфгар, подойдя к нему.

– Наверняка он, – рассудил Дзирт. – Как ты думаешь, сможешь пролезть в дымоход?

Варвар кивнул. Он подсадил Дзирта, и тот первым начал карабкаться, хотя рука с трудом слушалась его. Гвенвивар осталась внизу.

Дымоход несколько ярдов шел прямо, однако потом разделился на два узких тоннеля. Один из них, становясь все теснее, судя по всему, выходил на поверхность, на склон горы; второй вел в помещение, откуда доносились голоса, которые сейчас звучали очень громко.

Исполины явно о чем-то горячо спорили. Вульфгар, крепко обхватив эльфа за ноги, опустил его почти вертикально вниз. Повиснув вниз головой, Дзирт, вытянувшись, ухитрился незаметно выглянуть из дымового отверстия камина наружу. Он увидел троих исполинов. Один вербииг стоял в дальнем конце комнаты у самой двери, похоже собираясь покинуть помещение, в то время как второй, стоя спиной к камину, явно получал нагоняй от третьего – чудовищных размеров ледяного исполина. Увидев широченную жутковатую улыбку, не сходящую с лишенного верхней губы лица, Дзирт сразу догадался, что это и есть Весельчак.

– Я спешил доложить командиру!

– Нет, ты покинул поле боя! – прорычал Весельчак. – И трусливо оставил своих товарищей умирать!

– Нет... – запротестовал было напуганный вербииг, но Весельчаку этот разговор уже порядком надоел, и он одним взмахом огромного топора снес воину голову.

* * *

Выбравшись из дымохода, друзья увидели поджидавшую их Гвенвивар. Огромная кошка повернулась к ним и радостно рыкнула, но Вульфгар, не сообразив, что это рычание –

знак дружеского расположения, медленно попятился.

– В главном коридоре должен быть выход в боковой тоннель, ведущий вниз, – задумчиво сказал Дзирт, не обратив внимания на изрядно струхнувшего варвара.

– Идем искать, – сказал Вульфгар. Тоннель они отыскали довольно быстро и вскоре подошли к двери, за которой, судя по всему, скрывались уцелевшие исполины. Легкими хлопками по плечам они пожелали друг другу удачи, а Дзирт ласково потрепал пантеру по спине. Затем друзья ворвались в комнату.

В помещении никого не было. Боковая дверь, которую Дзирт не мог увидеть из камина, была распахнута.

* * *

Последнего из своих воинов Весельчак отправил с донесением к Акару Кесселлу. Они потерпели позорное поражение, и он прекрасно понимал, что Акар Кесселл вряд ли смирится с потерей отряда. Сейчас ему оставалось лишь одно: лично уничтожить врага в надежде, что это смягчит гнев беспощадного владыки. Стоя за дверью, ледяной исполин терпеливо ждал, когда эльф и варвар войдут в соседнюю комнату.

* * *

Вульфгар и Дзирт распахнули дверь и оказались на пороге роскошной палаты, пол которой был застлан ворсистым ковром. Тут и там валялись огромные, украшенные затейливым шитьем подушки. В помещении были еще две двери. Одна была плотно захлопнута, а другая, чуть приоткрытая, вела в темный коридор.

Внезапно Вульфгар вытянул руку в сторону и дал Дзирту знак остановиться. Будучи прирожденным воином, он каким-то неведомым шестым чувством осознал грозящую им опасность. Медленно повернувшись к закрытой двери, он чуть наклонил голову, напряженно вслушиваясь в тишину, а затем поднял Клык Защитника над головой. Стояла мертвая тишина, но Вульфгар был уверен, что чутье его не обмануло. Издав вопль во славу Темпоса, он что было сил обрушил молот на дверь, вышиб ее, и они увидели под грудой досок упавшего на пол Весельчака.

Дзирт успел заметить, как захлопнулась дверь в глубине комнаты за спиной предводителя вербиигов, и понял, что это выскочил наружу последний уцелевший исполин. Эльф, не задумываясь, послал за ним Гвенвивар. Пантера, прекрасно понимая, что происходит, одним мощным прыжком перемахнула через копошащегося на полу Весельчака и бросилась в погоню за беглецом.

Голова гиганта была залита кровью, однако его череп выдержал удар молота. Дзирт и Вульфгар не поверили своим глазам, увидев, как Весельчак поднялся на ноги и двинулся им навстречу.

– Так не бывает, – прошептал Вульфгар.

– Да, этот, пожалуй, будет покрепче остальных, – передернул плечами Дзирт.

Варвар стиснул рукоять вернувшегося к нему молота, и они с эльфом шагнули навстречу врагу.

Гигант остался стоять у порога, лишив их возможности атаковать его с разных сторон. Вульфгар и Дзирт осторожно приблизились. Все трое обменялись испепеляющими взглядами и, будто примериваясь друг к другу, несколько раз взмахнули оружием.

– Ты, похоже, и есть тот самый Весельчак, – издевательски поклонившись гиганту, сказал Дзирт.

– Да, это я, – ответил тот. – Весельчак – это последний враг, которого тебе суждено увидеть в жизни.

– Он глуп и самоуверен, – заметил Вульфгар.

– Жалкий человечиска! – рявкнул гигант. – На своем веку я раздавил больше сотни

твоих тщедушных сородичей!

– Для нас это еще один хороший повод разделаться с тобой, – хладнокровно сказал Дзирт.

И тут Весельчак на удивление проворно взмахнул топором. Вульфгар отскочил, а эльф ловко пригнулся. Однако Дзирт невольно вздрогнул, увидев, с какой легкостью лезвие топора отсекло от стены большой кусок гранита.

Вульфгар бросился вперед и что было сил ударил противника молотом в грудь. Гигант пошатнулся, но выдержал удар.

– Надо бить сильнее, человек! – воскликнул Весельчак и нанес ответный удар.

Вульфгар на этот раз отскочить не успел. Подняв молот, варвар попытался отразить удар, но оружие гиганта ударило с такой силой, что попросту впечатало его в стену. Мгновением позже молодой варвар сполз на пол.

Дзирт понял, что на этот раз они влипли всерьез. От его левой руки толку было мало, реакция после стольких схваток заметно притупилась, и любой удар исполина был бы для него гибельным. Пока гигант вновь вздымал свой топор над головой, эльф, изловчившись, нанес ему короткий скользящий удар саблей и выскочил в главный коридор.

– Беги, паршивый пес! Сейчас я тебя достану! – взревел гигант и устремился вслед за эльфом.

Выскочив в тоннель, Дзирт сунул саблю в ножны и прикинул, что ему делать дальше. Нет, здесь драться было бессмысленно. Поэтому, миновав пару коридоров, эльф выскочил в главный зал и отбежал к самому входу в пещеру.

– Где ты прячешься, мерзкая тварь? – зарычал Весельчак, вваливаясь в коридор. Дзирт, надежно укрывшись в тени, один за другим метнул два ножа. Оба попали в цель, но гигант даже не замедлил бег.

Эльф выскочил из пещеры. Он прекрасно понимал, что, если Весельчак не последует за ним, гиганту не останется ничего другого, как вернуться и добить Вульфгара. Но такой исход боя никак не входил в планы эльфа. Склон горы уже начал озаряться первыми лучами восходящего солнца, и Дзирт забеспокоился, что дневной свет может помешать ему напасть внезапно. Потому, не теряя времени даром, вскарабкавшись на одно из стоявших недалеко от входа деревьев, он приготовил кинжал.

Весельчак выскочил наружу и осмотрелся по сторонам в поисках эльфа.

– Я знаю, что ты где-то рядом, паршивый пес. Тебе некуда бежать!

Внезапно Дзирт, спрыгнув с дерева, оказался на плечах гиганта и, ловко действуя кинжалом, в мгновение ока покрыл лицо и шею врага множеством мелких ран и царапин. Ледяной исполин взвыл от боли и, резко мотнув головой, страхнул не сумевшего удержаться одной рукой эльфа на землю. Несколько раз перевернувшись, Дзирт откатился назад в пещеру. Неудачно упав на раненое плечо, эльф чуть было не взвыл от пронзившей все тело боли. Извиваясь, он попытался было вскочить на ноги, но вдруг уперся в тяжелый сапог. Прекрасно зная, что Весельчак не мог так быстро настичь его, эльф опрокинулся на спину, искренне недоумевая, откуда мог взяться еще один вербииг.

Над ним, широко расставив ноги, крепко сжимая в руках Клык Защитника, стоял Вульфгар. Взгляд юноши пылал яростью, он не сводил глаз с входящего в пещеру ледяного исполина.

– Я убью его, – сурово произнес он.

Ничего не скажешь, Весельчак выглядел жутковато. Та часть его черепа, на которую недавно опустился молот Вульфгара, была покрыта коркой запекшейся крови, лицо и шея испещрены множеством обильно кровоточащих ран.

Оба ножа, которые метнул в него Дзирт, чем-то напоминая знаки отличия за доблесть, все еще торчали из груди.

– Сможешь ли ты выдержать еще один удар? – вскричал Вульфгар, метнув в исполина Клык Защитника.

Вместо ответа Весельчак напрягся и выпятил грудь.

– Я выдержу любой удар, который ты только способен нанести! – прорычал он.

Клык Защитника попал в цель, и Весельчак отступил на шаг. Молот наверняка сломал ему пару ребер, однако исполин даже не обратил на это внимания.

Но что самое главное и о чем Весельчак не подозревал – молот варвара угодил точно в рукоять одного из ножей Дзирта, и тот, еще глубже впившись в тело гиганта, перерубил одну из артерий сердца.

– Я уже пришел в себя. Бежим отсюда, – прошептал Дзирт Вульфгару, заметив, что исполин вновь шагнул вперед.

– Я остаюсь, – ровным, спокойным голосом произнес варвар.

Дзирт выхватил саблю.

– Отлично сказано, мой отважный друг. Давай поскорее разделимся с этим животным. Я давно уже проголодался, а тут есть чем перекусить!

– Сейчас ты увидишь, что это вовсе не так легко, как тебе кажется! – рявкнул Весельчак. Внезапно он почувствовал легкое покалывание в груди, но, взяв себя в руки, привычно отмахнулся от боли. – Я выдержал все ваши лучшие удары и все же твердо стою на ногах! Вам не на что надеяться!

Дзирт и Вульфгар одновременно подумали, что слова исполина, возможно, гораздо ближе к истине, чем им хотелось бы верить.

Видеть уверенно шагающего к ним гиганта было жутковато.

Когда до друзей оставалось всего несколько шагов, Весельчак пошатнулся и бросил на них такой взгляд, будто вдруг понял, что его жестоко обманули.

– Поганые псы... – хрипло выдохнул он, и из его рта хлынул поток крови. – Как подло...

И, не издав больше ни звука, Весельчак рухнул замертво.

* * *

– Ну что, пойдём за кошкой? – спросил Вульфгар, когда они вернулись к потайной двери.

Дзирт был поглощён изготовлением факела, который он решил соорудить из валявшихся под ногами тряпок.

– Можешь не сомневаться, – сказал он. – Гвенвивар не даст ему уйти. И кроме того, там в столовой меня ждет отменный ужин.

– Иди, – сказал Вульфгар. – А я останусь здесь и дождусь ее возвращения.

Дзирт дружески стиснул плечо юноши и отправился поглощать ужин. За последние несколько дней они через многое прошли, но сейчас Дзирт был уверен, что самое интересное еще только начинается. Шагая по коридору, эльф весело замурлыкал себе под нос, но лишь затем, чтобы ввести юного варвара в заблуждение. На самом деле он вовсе не собирался немедленно идти в столовую. Исполин, с которым им довелось поговорить, явно покривил душой, сказав, что тоннель заканчивается тупиком. А поскольку все, что можно было найти в этой пещере, они уже обнаружили, Дзирт нисколько не сомневался, что в конце загадочного коридора его может поджидать только одно – сокровища!

* * *

Огромная пантера, легко перепрыгивая с камня на камень, быстро настигла неповоротливого исполина. Вскоре Гвенвивар уже четко слышала его тяжелое, прерывистое дыхание. Вербииг направлялся в сторону выхода из долины дворфов, намереваясь поскорее оказаться на открытом пространстве тундры. Он так поспешно двинулся в путь, что ему и в голову не пришло спуститься с каменистого склона горы в долину. Гигант явно решил бежать напрямик, ошибочно полагая, что лучший путь – кратчайший.

Гвенвивар знала эти горные склоны не хуже своего хозяина и четко представляла, куда

следует гнать беглеца. Подобно пастушьей собаке, она то и дело настигала его и, нападая то слева, то справа, заставляла исполина сворачивать в нужном направлении, в сторону небольшого, но глубокого горного озера. Охваченный ужасом вербииг, уверенный, что ужасный боевой молот и смертоносные сабли наверняка где-то рядом, даже и не помышлял о том, чтобы остановиться и схватиться с пантерой, а лишь слепо неся по тропе, которую выбрала для него Гвенвивар.

Чуть позже, убедившись, что он бежит туда, куда нужно, Гвенвивар обогнала его и растаяла вдали. Добравшись до кромки ледяной воды, пантера присела и, нагнув голову, принялась пристально вглядываться в глубину, надеясь обнаружить того, кто поможет ей исполнить задуманное. В конце концов среди плясавших по воде бликов от лучей восходящего солнца она разглядела то, что искала. Ее зоркие глаза безошибочно выделили в черных водах озера лежащее без движения длинное, сильное тело. Ловушка была готова. Гвенвивар осмотрелась по сторонам и, укрывшись за одним из лежащих на берегу валунов, принялась ждать.

Вскоре гигант выскочил на берег озера. Он еле переводил дух и, хотя все его тело содрогалось от страха, ненадолго привалился спиной к скалистому утесу. Отдышавшись, он осмотрелся по сторонам, пытаясь определить, нет ли погони. После этого он двинулся дальше.

У него была лишь одна возможность быстро перебраться на другую сторону – по стволу огромного, некогда поваленного бурей дерева. Кружной путь с камня на камень вдоль берега озера обещал занять слишком много времени.

Вербииг подозрительно пнул дерево ногой. Мост показался ему надежным, и он осторожно двинулся вперед. Дождавшись, пока вербииг доберется до середины озера, огромная кошка неслышно взобралась на валун и, тщательно выбрав момент, бросилась ему на спину. Тяжело опустившись на плечи ничего не подозревающего вербиига, она тут же, с силой оттолкнувшись, метнулась дальше, на берег. Чуть-чуть не долетев, Гвенвивар плюхнулась в воду, но быстро выбралась на сушу. Вербииг, широко раскинув руки, некоторое время стоял, пытаясь сохранить равновесие, после чего с шумом свалился в воду. Вынырнув на поверхность, он поплыл в сторону внезапно показавшегося на поверхности бревна, а точнее, существа, которое несколькими минутами раньше высматривала в водах озера Гвенвивар.

Стоило рукам вербиига прикоснуться к озерному хищнику, как вода вокруг него пришла в движение. Пятидесятифутовый водяной удав стремительно бросился на свою жертву. Беспощадные кольца мертвой хваткой стиснули тело несчастного, крепко-накрепко прижали его руки к туловищу, после чего начали сжиматься все туже и туже.

Гвенвивар встряхнулась и, сбросив последние капли ледяной воды, посмотрела на озеро и увидела, как чудовище, обхватив шею вербиига, утащило его под воду. Дело было сделано. Торжествующе рыкнув, Гвенвивар двинулась назад, к пещере.

Глава 19

СТРАШНЫЕ НОВОСТИ

Пройдя через все тоннели, Дзирт добрался до обеденного зала и, перешагнув через бездыханные тела вербиигов, ненадолго задержался у стола, выбирая кусок баранины пожирнее. Миновав огромные колонны, он, еле сдерживая охватившее его возбуждение, двинулся по тускло освещенному коридору. Сейчас следовало быть особенно осторожным. Если исполины действительно припрятали свои сокровища где-то здесь, на пути к кладу вполне могла быть какая-нибудь потайная дверь, сторожевой зверь или ловушка, но ни в коем случае не вербииг. Тот-то уж наверняка сразу же оставил бы свой пост, чтобы броситься в бой. Длинный коридор шел прямо на север, и Дзирт сообразил, что сейчас он, скорее всего, находится прямо в центре Пирамиды Кельвина. Вот он миновал последний факел. Наступила привычная темнота. Эльф почти всю свою жизнь провел в лишенном света

подземном мире, и его огромные фиолетовые глаза были гораздо лучше приспособлены к мраку подземелий, нежели к дневному свету.

Внезапно коридор уперся в массивную, обитую железом дверь. Стальной засов был прочно охвачен цепью, концы которой скреплял большой висячий замок. Дзирту сразу стало неловко от того, что он не взял с собой Вульфгара. У эльфа были две слабости: любовь к сражениям и страсть копошиться в вещах поверженных врагов. Золото и драгоценные камни нисколько не волновали его, и он редко когда оставлял себе завоеванные в бою трофеи. Но как увлекательно было разбираться со всякой колдовской утварью, к которой веками никто не прикасался! Или, например, пытаться расшифровать записи в книге заклинаний какого-нибудь древнего, давно всеми забытого чародея.

Чувство вины перед Вульфгаром исчезло само собой, как только он достал из висевшего на поясе мешочка небольшую отмычку. Дзирт никогда всерьез не изучал воровское искусство, но с замками расправлялся как заправский взломщик. Этот замок оказался сущим пустяком для его чутких пальцев, эльф открыл его в считанные мгновения. Затем он внимательно прислушался и, не услышав посторонних звуков, аккуратно отодвинул засов. Выждав некоторое время, он достал саблю и, затаив дыхание, открыл дверь.

И тут же разочарованно вздохнул. Освещенная двумя факелами комната была совершенно пуста, если не считать стоявшего в самом центре большого зеркала в металлической оправе. Прекрасно зная о колдовских свойствах, которыми порой обладают зеркала, эльф на всякий случай отошел к стене и встал так, чтобы не видеть своего отражения. Затем он осторожно подошел поближе, чтобы рассмотреть зеркало повнимательней.

Высокое, примерно в половину человеческого роста, оно было укреплено на изящной металлической подставке. Массивная серебряная оправка натолкнула эльфа на мысль, что зеркало попало сюда не иначе, как из какого-то дворца, и он сообразил, что это наверняка не простое зеркало. Однако даже после тщательного изучения ему не удалось обнаружить никаких колдовских рун или символов, которые могли бы хоть отдаленно намекнуть на его предназначение.

Не найдя в комнате ничего необычного, Дзирт, забыв об осторожности, шагнул вперед и оказался прямо напротив зеркала. Внезапно его отражение окуталось розоватым сиянием, смазлось, приобретая трехмерные очертания, и эльф, не успев даже испугаться, отскочил в сторону.

Сияние стало более ярким, после чего в центре зеркала возникло четкое изображение человеческого лица.

«Зачем ты потревожил меня?» – обратилось лицо к пустой комнате.

Дзирт на всякий случай отступил еще дальше. Сначала он хотел встать напротив зеркала и бросить вызов загадочному колдуну. Однако, поразмыслив, эльф решил, что сейчас слишком многое поставлено на карту, чтобы позволить себе столь рискованный шаг.

«Встань передо мной, Весельчак!» – скомандовало изображение. Затем, после некоторой паузы, в течение которой оно нетерпеливо сопело, будто собираясь с мыслями, лицо вдруг диким голосом заорало: «Когда я выясню, кто из вас, болванов, вздумал так глупо шутить со мной, я обращу его в кролика и брошу в яму с голодными волками!»

Комната вновь озарилась яркой вспышкой, изображение исчезло, и зеркало приняло обычный вид.

Дзирт, в задумчивости почесав подбородок, решил, что риск очень велик и не стоит оставаться здесь, в этой комнате, пытаясь выяснить что-либо еще.

* * *

Вернувшись в главный зал, Дзирт увидел, что Вульфгар и Гвенвивар сидят рядом, в нескольких шагах от наглухо закрытой двери и юноша нежно треплет пантеру по могучей шее.

– Я вижу, Гвенвивар заслужила твое расположение, – сказал Дзирт, подходя к ним.

Вульфгар улыбнулся.

– Она верный друг и отличный боец! – сказав так, он начал было вставать и вдруг как подкошенный рухнул на пол.

Стены пещеры содрогнулись от сильнейшего удара, когда снаряд баллисты врезался в массивные створки двери. Одна из створок разлетелась в куски, а вторая повисла на нижней петле.

Дзирт выхватил саблю и, шагнув вперед, закрыл своим телом неуклюже пытавшегося встать на ноги Вульфгара.

И тут внутрь пещеры влетел разъяренный бородатый воин. Держа в одной руке небольшой круглый щит, украшенный гербом – кружкой дымящегося эля, и свирепо размахивая зазубренным, перепачканным запекшейся кровью топором, он заорал:

– А ну-ка вылезайте на бой, проклятые исполины! – С этими словами воин с силой грохнул топором о щит, хотя его вопли и так производили шум, способный разбудить, пожалуй, даже мертвеца.

– Успокойся, храбрый дворф, – расхохотался Дзирт. – Все вербииги давно уже мертвы.

Увидев друзей, Бренор прошел в глубь пещеры, и следом за ним ввалились его воины.

– Как это мертвы? – разочарованно воскликнул дворф. – Проклятый эльф, я так и знал, что самое интересное развлечение ты, как всегда, оставишь для себя!

– А что с их подкреплением? – спросил Вульфгар.

Бренор хитро подмигнул ему:

– Можешь мне поверить, малыш. Они лежат в большой братской могиле. Хотя, по моему, не стоило предавать их тела земле – слишком уж много чести! Уцелел лишь один жалкий орк, но и этот протянет лишь до тех пор, пока мы не развяжем его вонючий язык!

После того, что ему довелось наблюдать в зеркале, Дзирт понял, что допрос орка – дело чрезвычайно важное.

– Ты уже говорил с ним? – спросил он Бренора.

– Пока молчит, – с досадой ответил дворф. – Но у меня есть в запасе парочка фокусов, от которых он не то что заговорит – запоет!

У Дзирта было на этот счет иное мнение. Орки никогда не отличались особой верностью своим вождям, но сейчас, когда пленник находился под влиянием колдовских чар, пытки были бессмысленны.

– Посылай гонца к Реджису, – сказал он Бренору. – Хафлинг сумеет уговорить орка рассказать все, что нас интересует.

– Но ведь гораздо интереснее как следует помучить его, – с искренним сожалением сказал дворф, впрочем вполне согласный с эльфом. Он сразу понял, что имеет в виду Дзирт, и потому не стал спорить: такая толпа гигантов, действующих на удивление сплоченно, да еще и в компании с орками... Тут было над чем задуматься.

* * *

Дзирт и Вульфгар, стараясь держаться как можно дальше от Бренора и двух его воинов, сидели в дальнем углу одной из комнат пещеры. Один из соплеменников Бренора в тот же день вернулся из Одинокого Леса вместе с Реджисом, и все остальные, хотя и провели прошедшие сутки на марше и в боях, до сих пор не ложились спать – до того им не терпелось поскорее узнать последние новости. Реджис увел пленника в соседнюю комнату сразу же, как только стало ясно, что его рубин начал оказывать на орка должное влияние, и до сих пор еще не выходил.

Бренор был полностью поглощен приготовлением нового блюда под названием «тушеные мозги вербиига». Тушил он их, не извлекая из черепов, и потому вот уже несколько часов пещера была наполнена чудовищным зловонием.

– Судите сами, – сказал он онемевшим от ужаса и омерзения Дзирту и Вульфгару, –

домашний гусь гораздо вкуснее дикого именно потому, что он не летает, а значит, не напрягает мышцы. То же самое должно быть справедливо и для мозгов вербиига!

Дзирт и Вульфгар думали по-другому, но они тем не менее остались в зале, желая первыми услышать, что скажет Реджис, закончив допрос. Сейчас друзья сидели в дальнем углу и с заговорщицким видом перешептывались...

Бренор то и дело прислушивался к их разговору. Речь шла о том, что крайне волновало его.

– Последний – тот, что на кухне, – пополам, – настаивал Вульфгар. – И пополам с кошкой.

– И тебе лишь половина того, кто свалился в пропасть, – отвечал Дзирт.

– Идет, – сказал, наконец, Вульфгар. – Тот, что в зале, и Весельчак тоже пополам?

Дзирт кивнул:

– Итак, сложив все половинки, получаем, что десять с половиной твоих и десять с половиной моих.

– И четырех прикончила кошка, – добавил Вульфгар.

– И четырех – кошка, – отозвался Дзирт. – Неплохо для начала, приятель. Пока что ты идешь вровень со мной. Не сомневаюсь, что нам предстоит еще много битв и в конце концов победа будет за мной, ведь на моей стороне опыт.

– Но ведь ты старше, добрый эльф, – прислонившись спиной к стене и широко улыбнувшись, сказал Вульфгар. – Так что еще посмотрим, кто кого.

Бренор тоже улыбнулся. Он был искренне рад успехам юноши и тому, как удачно сложились отношения молодого варвара с эльфом.

Тут в зал вышел Реджис, и при виде его угрюмого лица все присутствующие мгновенно забыли о веселье.

– Мы влипли, – только и сказал хафлинг.

– Где этот поганый орк? – воскликнул Бренор, выхватывая из-за пояса топор и явно не понимая, что имеет в виду его маленький друг.

– Он там. С ним все в порядке, – ответил Реджис. Орк был рад рассказать своему новому другу все, что ему было известно о планах нашествия Акара Кесселла на Десять Городов и об армии, готовящейся воплотить эти планы в жизнь. Когда Реджис начал рассказывать друзьям о том, что ему удалось узнать, он невольно задрожал.

– Все племена орков, гоблинов, вербиигов и других дикарей, обитающие на ближайших склонах Средиземного Хребта, собираются под знамена колдуна по имени Акар Кесселл, – начал свой рассказ хафлинг.

Дзирт с Вульфгаром, услышав знакомое имя, переглянулись. Варвар считал, что Акар Кесселл – это тот самый ледяной исполин, которого они прикончили последним. Однако Дзирт был иного мнения, особенно после того что ему довелось повидать в комнате с волшебным зеркалом.

– Они собираются напасть на Десять Городов, – продолжал Реджис. – И совсем недавно к ним присоединились варвары под предводительством могучего одноглазого короля!

Вульфгар покраснел от злости и замешательства. Его народ воюет плечом к плечу с орками! Он прекрасно знал, о ком идет речь, – ведь в свое время он сам был знаменосцем народа Лося, который возглавлял Хифстааг. Дзирт тоже мгновенно вспомнил одноглазого короля и, желая успокоить молодого варвара, легонько похлопал его по плечу.

– Отправляйтесь в Брин Шандер, – сказал эльф, обращаясь к Бренору и Реджису. – Люди должны подготовиться к нашествию.

Реджис, подумав о том, что их ожидает, поежился. Если орк, рассказывая о численности армии, не ошибся, даже все население Десяти Городов вряд ли сможет противостоять захватчикам. Хафлинг понуро опустил голову и, не желая лишней раз волновать друзей, пробормотал себе под нос: «Надо сматываться отсюда!»

Бренор и Реджис без труда убедили Кассиуса в чрезвычайной срочности и важности новостей, но прошло несколько дней, прежде чем удалось собрать всех выборных представителей на Совет. Промысловый сезон был в самом разгаре, и всем хотелось добыть побольше форели – ведь в ближайшее время в долину должен был прибыть последний в этом году караван торговцев из Лускана. Выборные понимали степень своей ответственности перед жителями, однако им очень уж не хотелось покидать озера даже на один день.

Если не считать Кассиуса из Брин Шандера, Малдууна, нового представителя от Одинокого Леса, смотревшего на Реджиса как на героя, Гленсатера из Истхейвена, города, всегда готового на любой полезный Десяти Городам союз, и Агорвала из Термалэйна, искренне уважавшего Бренора, общий настрой Совета никак нельзя было назвать благожелательным.

Кемп, все еще злившийся на Бренора, был невыносим. Не успел Кассиус покончить со вступительным словом, как выборный от Таргоса вскочил с кресла и ударил кулаками по столу.

– Да брось ты эти формальности, – взревел он. – По какому праву ты оторвал нас от дел, Кассиус? Пока мы тут заседаем, купцы из Лускана уже собираются в дорогу!

– Выборный представитель Кемп, у нас есть сведения, что нам грозит невиданное ранее нашествие, – спокойно ответил Кассиус, прекрасно понимая, чем вызван гнев рыбака. – Я и не подумал бы собирать вас на Совет в период промысла, если бы не исключительная важность новостей, которые нам необходимо обсудить.

– Значит, слухи верны, – засопел Кемп. – Нашествие, говорите? Бах! Вы что, думаете, я не понимаю, зачем нужен этот Совет?

Сказав так, он повернулся к Агорвалу. В последние несколько недель конфликт между Таргосом и Термалэйном разгорелся с новой силой. Кассиус делал все возможное, чтобы собрать выборных представителей за столом переговоров, но безуспешно. Агорвал был согласен встретиться, но Кемп противился изо всех сил. Поэтому более неудобного, чем сейчас, момента для сбора Совета еще не бывало.

– Ничего не скажешь, жалкая уловка! – проревел Кемп и повернулся к коллегам. – Это не что иное, как недостойная попытка Агорвала и его людей добиться решения спора с Таргосом в свою пользу!

Шермонт, новый представитель от Кер-Кониго, проникся духом подозрительности и ткнул пальцем в сторону Енсина Брента из Кер-Диневала:

– А какова твоя роль в этом плутовстве? Шермонт стал членом Совета после того, как в схватке с рыбаками из Кер-Диневала на озере Лек Деннишир погиб его предшественник. Дорим Лугар был главой рода Шермонта и его другом. И сейчас новоиспеченный выборный старался проводить в отношении Кер-Диневала как можно более жесткую политику.

Реджис и Бренор, будучи не в силах повлиять на ход Совета, молча наблюдали за происходящим. В конце концов Кассиус, решив прекратить царившую в зале суматоху, ударил молотком по столу, да так сильно, что сломал рукоятку.

– Я требую тишины! – объявил он. – Оставьте свои отравленные злобой речи при себе и выслушайте тех, кто принес эту зловещую новость.

Выборные, откинувшись в креслах, приготовились слушать, но Кассиус уже чувствовал, что Совет идет совсем не так, как того требует чрезвычайная ситуация.

Он предоставил слово Реджису.

Смертельно напуганный тем, что ему удалось узнать от пленного орка, Реджис подробно поведал о битвах, в которых его друзья сошлись с врагом в пещере на склоне Пирамиды Кельвина и на тропе у входа в долину дворфов.

– Бренору удалось захватить живым одного из орков, шедших вместе с исполинами, – многозначительно сказал он.

Некоторые выборные были удивлены возможностью союза столь несовместимых, казалось бы, существ. Однако Кемп и некоторые другие, предпочитавшие бороться лишь с

непосредственной угрозой своим городам, уже решили для себя, чем вызван этот сбор на Совет, и не верили ни единому слову хафлинга.

– Орк рассказал нам, – угрюмо продолжал Реджис, – о приближении огромной армии гоблинов и исполинов во главе с неким Акаром Кесселлом. Они собираются покорить Десять Городов!

Но Кемп продолжал упорствовать:

– Из-за слов орка? Кассиус, ты сорвал нас с озер в самый разгар промысла и собрал здесь из-за угроз какого-то вонючего орка?

– В словах хафлинга нет ничего необычного, – подал голос Шермонт. – Все мы прекрасно знаем, что, например, попавший в плен гоблин ради спасения собственной никчемной шкуры может наболтать и не такое!

– Или, может, ты все-таки собрал нас здесь по другой причине? – вкрадчивым голосом спросил Кемп, мельком взглянув на Агорвала.

Кассиус, хотя и не сомневался в истинности зловещей новости, промолчал и откинулся в кресле. Прекрасно зная о соперничестве на озерах и о том, что последняя ярмарка этого не самого удачного сезона уже на носу, он заранее предполагал, что может произойти на Совете. Бросив беспомощный взгляд в сторону Реджиса и Бренора, он лишь пожал плечами, в то время как члены Совета вновь принялись орать друг на друга. Воспользовавшись всеобщей суматохой, Реджис достал свой рубин и ткнул Бренора локтем. Они разочарованно посмотрели друг на друга – обоим очень не хотелось прибегать к помощи волшебного камня.

Реджис постучал своим молоточком по столу, и Кассиус вновь предоставил ему слово. Затем, как и пять лет назад, хафлинг вскочил на стол и подбежал к своему противнику.

Но на этот раз случилось непредвиденное. В течение прошедших пяти лет Кемп частенько вспоминал Совет накануне нашествия варваров. Он был искренне рад тому, как повернулись события, и считал, что все жители Десяти Городов в долгу перед хафлингом за то, что тот убедил их прислушаться к своему предупреждению. Однако все это время Кемпу не давала покоя мысль о том, с какой легкостью Реджис заставил его изменить первоначальную точку зрения. Кемп был отважным человеком и любил сражения, пожалуй, даже больше, чем охоту за рыбой. Но его сознание всегда было начеку, и он тонко чувствовал малейшую опасность. В последние годы ему не раз удавалось наблюдать за Реджисом, и он внимательно прислушивался к сплетням об удивительном даре убеждения, которым обладал хафлинг. И сейчас, увидев, что Реджис приближается к нему, Кемп неуверенно отвел глаза.

– Не подходи ко мне, мошенник! – прорычал он, отодвигаясь от стола вместе со своим креслом. – Мне известно, что ты владеешь искусством склонять людей на свою сторону, но на этот раз тебе не удастся околдовать меня! – выкрикнул он в сторону Реджиса. А обращаясь к остальным, добавил: – Опасайтесь хафлинга! Можете не сомневаться, он умеет творить чудеса!

Кемп понимал, что ему вряд ли удастся доказать свои слова, но он тотчас сообразил, что это скорее всего и не потребуется: Реджис, оглянувшись по сторонам, смутился и не нашел, что ответить на обвинение. Сейчас даже Агорвал, хотя и старался не подавать вида, упорно избегал смотреть ему в глаза.

– Садись на место, плут! – насмешливо крикнул Кемп. – Мы раскусили тебя, и теперь твое колдовство бесполезно!

Бренор, до сих пор хранивший молчание, вскочил с кресла. Его лицо было искажено злобой.

– Это что, тоже плутовство, а, пес из Таргоса? – крикнул он и, отвязав от пояса мешок, вывалил на стол изуродованную голову вербиига. Некоторые отпрянули от стола, но Кемпа было не так-то просто смутить.

– Нам приходилось иметь дело с бродягами-исполинами и раньше, – холодно ответил он. – Что из того?

– Бродяги? – отозвался Бренор. – Да мы уничтожили сорок этих тварей, не говоря уже

об орках и ограх!

– Значит, это была шайка бродяг, – угрюмо рассудил Кемп. – Теперь, как ты говоришь, они мертвы. Так зачем выносить этот вопрос на Совет? Если ты желаешь почестей, храбрый дворф, то так и скажи – ты их получишь! – Кемп от души наслаждался, глядя, как, заслышав его язвительные слова, Бренор побагровел от злости. – Возможно, Кассиус даже прочтет в твою честь речь перед жителями Десяти Городов.

Бренор, готовый схватиться с любым, кто вздумает подпевать насмешкам Кемпа, угрожающе ударил кулаками по столу.

– Мы принесли вам эту весть, чтобы вы попытались спасти свои дома и своих сородичей! – проревел он. – Возможно, вы поверили нам и попытаетесь что-нибудь предпринять. А может быть, вы прислушаетесь к словам этого паршивого пса из Таргоса и пальцем не пошевелите, чтобы защититься от нашествия. В любом случае мне надоело вас уговаривать! Поступайте как знаете, и да помогут вам ваши боги. – С этими словами дворф круто развернулся и покинул зал заседаний Совета.

По резкому тону Бренора большинство членов Совета поняли, что угроза нашествия слишком серьезна, чтобы считать ее всего лишь выдумкой насмерть перепуганного пленника-орка.

И уж тем более это не было похоже на очередную интригу Кассиуса и тех, кто его поддерживал. Впрочем, Кемп, гордый тем, какой отпор он дал проискам Реджиса, нисколько не сомневался, что Агорвал и его друзья – хафлинг и дворф – строят какие-то козни против Таргоса. Кемп пользовался большим авторитетом, уступая, возможно, лишь Кассиусу, и его, не задумываясь, поддерживали члены Совета от Кер-Конига и Кер-Диневала, которые неустанно искали поддержки Таргоса.

Некоторые из выборных представителей, по-прежнему не доверяя соперникам, также склонились к мнению Кемпа, надеясь удержать Кассиуса от немедленных действий. Мнения присутствующих вскоре четко определились.

Реджису оставалось лишь наблюдать за ходом обсуждения: Кемп сумел подорвать доверие членов Совета к нему. Все, чего удалось добиться Агорвалу, Гленсатеру и Малдууну, – это постановление Совета, гласящее: «До всех жителей Десяти Городов должно быть доведено предупреждение о грозящей опасности. Люди должны знать, что за стенами Брин Шандера получит убежище любой, кто этого пожелает».

Реджис с грустью взирал на спорящих, думая о том, что при отсутствии единства в рядах жителей долины никакие, даже самые высокие крепостные стены не уберегут их от беды.

Глава 20 НЕВОЛЬНИК

– Спорить мы не будем, – сказал Бренор, хотя ни один из четырех друзей, стоявших рядом с ним на каменистом склоне холма, и не собирался ему возражать.

Дурацкая подозрительность и неумеренная гордыня членов Совета обрекали Десять Городов на неминуемую гибель. И ни Дзирт с Вульфгаром, ни Кэтти-бри, ни Реджис не считали, что дворфам следует ввязываться в эту историю.

– Когда вы перекроете входы в шахты? – спросил Дзирт. Он еще не решил, присоединяться ли ему к добровольному уходу дворфов в недра земли, и пока что собирался быть лазутчиком армии Брин Шандера – хотя бы до тех пор, пока войско Акара Кесселла не вошло в долину.

– Готовиться начнем уже сегодня, – сказал Бренор. – Но когда все будет готово, торопиться не станем. Подпустим вонючих орков и гоблинов к самому порогу, а потом устроим обвал! А ты, эльф... Ты останешься с нами?

Дзирт пожал плечами. Большинство обитателей Десяти Городов по-прежнему не признавали его. Однако эльф не торопился повернуться спиной к тем, кто населял равнину,

которую он по собственной воле выбрал своим домом. И помимо всего прочего, его не очень-то тянуло вновь уйти в лишенный света мир, пусть даже и в гостеприимные пещеры подземного городка дворфов.

– А ты что скажешь? – спросил Бренор у Реджиса.

Хафлинг разрывался между желанием спастись и долгом жителя Десяти Городов. Пользуясь своим рубином, он неплохо жил в последние годы. Но сейчас его секрет был раскрыт. После Совета по долине наверняка пойдут гулять слухи. В Брин Шандере, например, уже все знали, каким даром убеждения обладает хафлинг. Скоро все узнают об обвинениях Кемпа и будут избегать, а того гляди, и начнут открыто преследовать его. В любом случае времена его беззаботной жизни в Одиноким Лесу прошли безвозвратно.

– Благодарю за приглашение, – сказал он. – Я приду к вам еще до того, как Кесселл нагрянет в долину.

– Отлично, – ответил дворф.

– Он устроит тебе комнату рядом с малышом, чтобы дворфы не слышали, как бурчит у тебя в животе! – добродушно подмигнув Реджису, сказал Дзирт.

– Нет, – сказал Вульфгар, и Бренор изумленно уставился на него, искренне недоумевая, почему это вдруг юноше не хочется жить рядом с Реджисом.

– Думай, что говоришь, мальчишка! – одернул его дворф. – Если ты думаешь устроиться поближе к девочке, приготовься уворачиваться от моего боевого топора!

Кэтти-бри смущенно вздохнула.

– Мне не место в подземельях дворфов, – выпалил Вульфгар. – Я создан для жизни на равнине.

– Ты забываешь, что пока за тебя решаю я! – ответил Бренор, и в его голосе зазвучало скорее раздражение отца, нежели возмущение хозяина.

Вульфгар подошел ближе и встал перед дворфом. Дзирт уже все понял и был несказанно рад тому, что юноша принял такое решение. Бренор тоже сообразил, что имеет в виду молодой варвар, и, хотя мысль, что им придется расстаться, была тяжела, сейчас он гордился юношей как никогда.

– Время моей службы еще не истекло, – начал Вульфгар, – однако я уже многократно отплатил свой долг тебе и твоему народу. Я Вульфгар! – объявил он, гордо выпрямившись. – Я больше не мальчишка! Я мужчина! Я свободный человек!

Бренор почувствовал, что слезы сами собой наворачиваются на его глаза, но поначалу ему и в голову не пришло скрывать это. Дворф с восхищением взглянул на юношу.

– Да, это так, – сказал он. – Так могу я тебя спросить, каков твой выбор? Останешься ли ты, чтобы драться бок о бок со мной?

Вульфгар покачал головой.

– Мой долг перед тобой оплачен сполна. И я всегда буду считать тебя своим другом, дорогим другом. Но я должен отдать еще один долг, – с этими словами он посмотрел в сторону Пирамиды Кельвина и простиравшейся за ней тундры. Усыпавшие небо бесчисленные звезды заливали равнину ровным, призрачным светом, отчего она казалась еще более пустынной и голой, чем обычно. – Этот долг зовет меня туда, в тот мир.

Кэтти-бри вздохнула и поежилась. Лишь она одна сейчас понимала, о чем идет речь. И выбор Вульфгара ее нисколько не радовал.

Бренор кивнул, давая понять, что он вполне понимает желание варвара.

– Что ж, иди, удачи тебе, – сказал он, стараясь ничем не выдать охватившего его волнения, и двинулся ко входу в свой пещерный город. Однако в последний момент он остановился и обернулся к огромному варвару. – Да, ты уже мужчина, с этим никто не спорит, – сказал он. – Но помни, что для меня ты всегда будешь оставаться мальчишкой!

– Этого я не забуду, – прошептал Вульфгар, глядя вслед уходящему дворфу. И тут Дзирт положил руку ему на плечо.

– Когда ты уходишь? – спросил эльф.

– Сегодня, – ответил Вульфгар. – У меня мало времени.

– А куда ты пойдешь? – спросила Кэтти-бри, впрочем прекрасно зная, что ответит Вульфгар.

Вульфгар повернулся в сторону тундры.

– Домой.

Сказав так, он двинулся по тропинке. Реджис – за ним.

– Попрощайся с ним, – сказала девушка эльфу. – Мне почему-то кажется, что он больше никогда не вернется сюда.

– Он волен выбирать, где ему жить, – сказал Дзирт, прекрасно понимая, что Вульфгар принял такое решение после того, как узнал, что Хифстааг присоединился к армии Кесселла. Эльф с уважением глядел вслед молодому варвару. – Пойми, сейчас ему необходимо уладить парочку личных дел.

– Много ты знаешь, – сказала Кэтти-бри, и Дзирт изумленно уставился на нее. – У него на уме какой-то подвиг. – Кэтти-бри не собиралась выдавать Вульфгара, однако, зная, что Дзирт До'Урден, пожалуй, единственный, кто смог бы ему помочь, добавила: – И я не думаю, что он готов к нему.

– Отношения с соплеменниками – его личное дело, – сказал Дзирт, задумавшись над словами девушки. – Варвары не очень-то жалуют чужаков. Так что пусть сами разбираются между собой.

– Насчет отношений внутри племени я с тобой согласна, – сказала Кэтти-бри. – Но, если я не ошибаюсь, он сейчас направляется не туда. Вульфгар задумал что-то другое, он часто намекал мне, что ему предстоит исполнить какой-то долг, но никогда не рассказывал, в чем дело. Я знаю лишь то, что он идет навстречу опасности и сам не уверен, удастся ли ему совершить задуманное.

Дзирт еще раз окинул взглядом залитую светом звезд равнину и задумался над словами девушки. Эльф давно заметил, что Кэтти-бри не по годам умна и наблюдательна, и потому нисколько не сомневался в правильности ее догадок.

Звезды мерцали в прохладном мраке ночи. На горизонте показались первые проблески зари. «На горизонте, еще не озаренном кострами армии захватчиков», – подумал Дзирт.

Возможно, он и успеет.

* * *

Несмотря на то что объявление Кассиуса достигло даже самых отдаленных поселений менее чем за два дня, лишь несколько групп беженцев двинулись к Брин Шандеру. Кассиус был готов к этому, иначе и смысла не имело приглашать жителей долины укрыться за стенами города. Брин Шандер был достаточно велик, в последнее время его население несколько сократилось, да еще был свободен почти целый квартал, в котором обычно селились приезжие торговцы. Однако даже если бы лишь половина жителей долины вдруг вздумала искать защиты в Брин Шандере, ему вряд ли удалось бы разместить всех желающих.

Нет, об этом Кассиус волновался меньше всего. Людей Десяти Городов было не так-то просто напугать, ведь они и без того жили под постоянной угрозой нападения гоблинов. Кассиус прекрасно знал, что, для того чтобы заставить их сняться с насиженных мест, потребуется гораздо более серьезное предупреждение.

А учитывая, что города так и не смогли договориться о военном союзе, мало кто из выборных представителей станет уговаривать своих горожан уносить ноги.

Так и получилось. К воротам Брин Шандера прибыли только Гленсатер и Агорвал со своими людьми. Первый привел почти всех жителей Истхейвена, в то время как за Агорвалом пошло менее половины обитателей Термалэйна. Судя по слухам, доходившим из, как всегда, не в меру самонадеянного Таргоса, укрепления которого мало чем уступали стенам Брин Шандера, его жители покидать свою крепость не собирались. Узнав об этом, большинство рыбаков Термалэйна, опасаясь, что Таргос получит большую прибыль, решили

продолжать лов рыбы в этом самом удачном месяце года.

То же самое произошло с Кер-Конигом и Кер-Диневалом. Их обитатели и слышать не хотели о том, чтобы хоть в чем-то уступить сопернику, а потому ни один житель этих городов не пришел в Брин Шандер. Им казалось, что орки и гоблины – не более чем далекая, не слишком реальная напасть, с которой, возможно, и придется когда-нибудь бороться, однако соседи-конкуренты были куда опасней, и с ними приходилось иметь дело ежечасно.

Расположенный в западной части долины Бремен по-прежнему упрямо отстаивал свою независимость, считая, что предложение Кассиуса направлено на то, чтобы еще больше усилить главенствующее положение Брин Шандера. Жители южных городов Гуд Мида и Дуган Хола и слышать не хотели о том, чтобы уйти под защиту крепостных стен Брин Шандера или послать своих воинов в союзную армию, так как их озеро – Красные Воды, самое маленькое в долине, было настолько бедно рыбой, что промышлявшим на нем рыбакам был дорог каждый день. И к тому же пять лет назад эти два города понесли наибольшие потери от нашествия варваров и почти ничего не получили взамен.

В Брин Шандер прибыли несколько групп беженцев из Одинокого Леса, однако подавляющее большинство жителей этого самого северного города долины предпочли остаться в стороне. Их герой, Реджис, был осмеян, а новый выборный, вернувшись с Совета, огласил воззвание Кассиуса, предупредив горожан, что тут, возможно, либо какая-то ошибка, либо чья-то хитрость.

Упрямство, гордыня, жадность и подозрительность – они оттеснили общее благо на второй план. Население большинства городов, опасаясь впасть в зависимость от Брин Шандера, так и не решилось на союз.

* * *

Реджис вернулся в Брин Шандер, чтобы привести в порядок свои дела в то же утро, когда Вульфгар покинул долину дворфов. Со дня на день из Одинокого Леса должен был приехать приятель, которого хафлинг попросил привезти свои вещи. Реджис с тоской наблюдал, что город живет своей обычной жизнью: никто и не думал готовиться к встрече приближающегося врага. Даже после Совета Реджис надеялся, что люди все-таки осознают грозящую им опасность и сплотятся, чтобы дать отпор захватчикам. Однако сейчас он склонялся к мысли, что решение дворфов уйти под землю и предоставить Десяти Городам самим справляться со своими проблемами вполне обоснованно.

Отчасти в том, что произошло, он винил и себя, и прежде всего за беспечность. Когда они с Дзиртом прикидывали, как лучше использовать ситуацию, чтобы убедить членов Совета объединить силы Десяти Городов, они провели много часов, пытаясь представить возможную реакцию каждого из выборных представителей и степень влияния городов на жизнь долины. На этот раз он чересчур понадеялся на здравый смысл жителей Десяти Городов и на свой волшебный камень, решив в случае чего воспользоваться им.

Впрочем, чувство вины постепенно стало в нем ослабевать. И почему это он должен уговаривать этих тупиц защищать себя самих? Если их ума хватает лишь на то, чтобы позволить собственной гордыне вести города к катастрофе, то с какой стати он должен заботиться об их спасении?

– Вы получите то, что заслужили! – громко сказал хафлинг, улыбнувшись при мысли о том, что думает теперь совсем как Бренор.

Да, известная черствость действительно была, пожалуй, единственным спасением в этой безнадежной ситуации. Оставалось лишь надеяться, что друг успеет привезти его пожитки из Одинокого Леса.

Теперь спасение было под землей.

* * *

Акар Кесселл восседал на хрустальном троне в зале третьего этажа Кришал-Тири и, глядя на темную поверхность стоящего перед ним зеркала, нервно терзал пальцами подлокотники. Весельчак уже давным-давно должен был доложить о прибытии подкрепления. В прошлый раз вызов из пещеры показался Кесселлу подозрительным – после его ответа там вообще никто не появился. Сейчас, несмотря на все попытки чародея, зеркало оставалось черным как ночь.

Если бы зеркало было повреждено, Кесселл обязательно почувствовал бы это. Нет, было во всем этом что-то непонятное. Он не находил себе места, прекрасно понимая, что произошло одно из двух: либо вербииги предали его, либо кто-то посторонний разгадал их с Креншинибоном замыслы.

– Думаю, настал момент принять решение, – подал голос Эррту, сидевший на своем обычном месте рядом с тронем чародея.

– Мы еще не набрали полную силу, – ответил Кесселл. – Не все племена гоблинов прибыли к месту сбора. Еще нет большого клана вербиигов. Да и варвары еще не готовы.

– Но войны рвутся в бой, – заметил Эррту. – Они то и дело сцепляются друг с другом. Боюсь, что скоро твоя армия станет неуправляемой и развалится на части!

В этом Кесселл был согласен с демоном – пытаться удержать такое количество гоблинов вместе и не допустить, чтобы они передрались между собой, было непростым делом. Возможно, будет лучше, если они двинутся в поход прямо сейчас... И все-таки чародей медлил. Ему хотелось видеть свое войско как можно более сильным.

– Где же Весельчак? – в сердцах воскликнул Кесселл. – Почему он не отвечает на мои вызовы?

– А к чему там, в долине, готовятся эти несчастные рыбаки? – резко спросил Эррту.

Но Кесселл не слушал его. Отерев пот со лба, он задумался. Возможно, камень и демон были правы, когда утверждали, что лучше послать в пещеру вызывающих меньшее подозрение варваров. Что могли подумать рыбаки, обнаружив на своей земле столь пеструю компанию? И о чем они могли догадаться?

Эррту со зловещей радостью отметил, как нервничает Кесселл.

Они с камнем уже давно пытались убедить Кесселла послать армию в бой с того самого момента, как Весельчак вдруг прекратил докладывать обстановку. Но трусливый чародей, желая еще более усилить свое войско, продолжал выжидать.

– Ну что, выходить мне к армии? – спросил Эррту, полагая, что Кесселл все-таки утвердился в решении начать поход.

– Отправь гонцов к варварам и тем, кто еще не присоединился к нам, – скомандовал Кесселл. – Передай им, что, раз они опоздали, пусть идут следом за нами и бьются в арьергарде. А тех, кто не присоединится к нам, мы безжалостно уничтожим! Завтра мы выступаем в поход!

Эррту, не мешкая, покинул башню, и вскоре огромный лагерь огласился радостными воплями в честь начала войны. Гоблины и исполины дружно принялись сворачивать свои шатры и укладывать походные мешки. Они ждали этого момента много недель, и теперь им не терпелось поскорее закончить приготовления.

Той же ночью несметные полчища Акара Кесселла, свернув лагерь, выступили в сторону Десяти Городов.

А в глубине пещеры вербиигов зеркало общения, целое и невредимое, стояло, плотно укутанное тяжелым одеялом, которое набросил на него Дзирт До'Урден.

* * *

Он бежал при ярком свете дня и при тусклом свете звезд, бежал навстречу восточному ветру. Сильные, быстрые ноги без усталости несли его по пустынной равнине. Вульфгар бежал, не останавливаясь, несколько дней подряд и даже охотился и ел на бегу.

А далеко на юге, извиваясь, подобно струе зловонного дыма, с отрогов Средиземного

Хребта нескончаемым потоком спускались гоблины и исполины огромной армии Акара Кесселла. Ослепленные волей хрустального камня, они желали лишь одного – убивать и разрушать.

Спустя три дня после того как варвар покинул долину дворфов, он начал замечать знакомые следы. Он был безмерно рад, что ему удалось так быстро и легко отыскать свой народ. Но следов было так много, что он понял – воины движутся к месту общей встречи, и это лишь подстегнуло его.

Сейчас главным врагом Вульфгара скорее было одиночество, чем усталость. На память ему то и дело приходили события давно минувших дней, он вспоминал данную отцу клятву и пытался оценить свои шансы в предстоящем поединке. И вместе с тем он старался не думать о цели своего путешествия, прекрасно понимая, что любой безрассудный шаг может разрушить его планы.

В жилах Вульфгара не текла кровь королей. Потому он не обладал Правом Вызова по отношению к Хифстаагу. Даже если бы ему удалось победить короля в личной схватке, народ Лося никогда не признал бы его своим вождем. Заявка на лидерство могла быть принята лишь в том случае, если ему удалось бы совершить действительно героический поступок.

Именно поэтому он и стремился туда, где сложили головы многие из тех, кто мечтал стать королем варваров. А позади него, умело скрываясь в тени, с поразительной легкостью, присущей лишь его соплеменникам, неся Дзирт До'Урден.

На восток, к Регхедскому Леднику, к месту, где вечно таял снег...

К пещере Ингелоакастилицилиана, белого дракона, которого варвары называли Ледяная Смерть.

Глава 21

ЛЕДЯНАЯ МОГИЛА

Место вечного таяния снегов находилось в небольшой лесистой долине у самого основания огромного ледника. Здесь, где медленно надвигавшиеся на долину горы льда чуть расходились в стороны, огибая обломки скал и огромные валуны, располагалось небольшое озерцо, питаемое жарким дыханием вечной весны. Теплые воды озера без устали вели борьбу с морозами и ледяными ветрами. Испокон века здесь искали спасения потерявшие возможность выйти к морю вслед за стадами северного оленя, захваченные в тундре ранней зимой соплеменники Вульфгара. Даже в самые суровые месяцы зимы здесь, в месте вечного таяния снегов, вода не замерзала. А исходивший от озера теплый пар делал долину если не удобным, то вполне сносным местом, где можно было спокойно перезимовать. Однако тепло и вода вовсе не были главным достоинством долины.

В глубине мутных, вечно окутанных туманной дымкой вод таились несметные горы золота, серебра, алмазов, драгоценных камней – богатства, намного превосходившие сокровища любого из королей севера. Каждый варвар с детства знал легенду о белом драконе, однако большинство считало ее всего лишь забавной сказкой – вроде тех, что рассказывают детям выжившие из ума старики. Дракон уже много лет не появлялся из своей берлоги.

Но Вульфгар думал по-другому. Будучи еще совсем юным, его отец случайно наткнулся на вход в эту пещеру, а когда позднее услышал легенду о драконе, сразу сообразил, сколь значительна его находка.

Беорнегар был убит в одной из стычек между племенами до того, как собрался в поход за сокровищами. Однако, живя на равнине, где смерть в бою была обычным делом, он предвидел такую возможность и потому заранее поведал обо всем, что знал, своему сыну. Тайна пещеры белого дракона не умерла вместе с ним.

Мощнейшим броском Клыка Защитника Вульфгар завалил оленя и последние несколько миль прошел с добычей на плечах. Он уже дважды бывал здесь, и сейчас, как и прежде, от величественной красоты долины у него перехватило дыхание. В воздухе над поверхностью озера клубился пар, обломки льда неспешно, подобно кораблям-призракам, плыли по окутанной туманом испарений водной глади. Окаймлявшие долину огромные валуны были окрашены в разнообразные оттенки красного и оранжевого. Покрывавший их тонкий слой льда, отражая солнечные лучи, заливал землю бриллиантовыми отсветами всех цветов радуги, резко контрастировавшими с уныло-серой коркой талого снега, покрывавшего поверхность ледника. Здесь, в надежно защищенной скалами и камнями от ветров долине, царила мертвая, никем и ничем не нарушаемая тишина.

Когда погиб отец, Вульфгар поклялся совершить это путешествие и исполнить его мечту. Сейчас он осторожно приближался к озеру и, хотя надо было спешить, ненадолго остановился, зачарованно глядя на свое отражение. Сюда, движимые той же надеждой, что и он, приходили воины всех племен тундры. И никто никогда не возвращался.

Молодой варвар намеревался положить этому конец. Плотно стиснув зубы, он принялся сдирать с оленя шкуру. Первым препятствием, которое ему предстояло преодолеть, оказалось озеро. Его воды были необычайно коварны – выйдя на берег, можно было в течение буквально нескольких минут покрыться льдом и замерзнуть.

Покончив со шкурой, Вульфгар начал снимать с туши животного жир. Растопив его до состояния густой мази, он размазал жир по своему телу. Затем, глубоко вздохнув и схватив Клык Защитника, он бросился в воду.

Со стороны окутанная туманом поверхность озера казалась неподвижной, однако, отплыв от берега, Вульфгар почувствовал сильные водовороты теплого течения.

Используя в качестве ориентира видневшийся сквозь клубы пара скалистый утес, Вульфгар вскоре добрался до середины озера. Оказавшись в самом центре, он, следуя указаниям отца, набрал полную грудь воздуха и отдался во власть течения. Сначала его затянуло под воду, а потом вдруг резко понесло к северному берегу. Сейчас Вульфгару оставалось лишь надеяться, что ему удастся выбраться на поверхность до того, как он задохнется.

Вода была настолько мутной, что он увидел покрытую льдом подводную часть скалы, когда до нее оставалось всего несколько футов. Варвар попытался было проплыть вперед, собираясь, уцепившись за покрытую льдом стену, выбраться на поверхность, как вдруг поток, резко сменив направление, увлек его на глубину. Полумрак превратился в сплошную тьму, и он почувствовал, как его затягивает в щель подо льдом, настолько узкую, что в нее едва можно было протиснуться.

Вульфгар начал задыхаться. Прикусив губу, он еле сдержал желание открыть рот и вдохнуть.

И тут его вынесло в широкий тоннель. Течение стало более спокойным, и он понял, что оказался на поверхности. Жадно хватая ртом воздух, варвар несясь вперед, все еще беспомощно барахтаясь в стремительном потоке.

Первое препятствие осталось позади.

Подземная река некоторое время петляла по извилистому тоннелю, и вот до него донесся рев водопада. Вульфгар попытался было уцепиться за стены, но безуспешно. Своды тоннеля были сплошь покрыты толстым слоем льда, безупречно выглаженного многовековым воздействием бурного потока. Варвар, перебрасывая молот из руки в руку, отчаянно пытался нащупать во льду хоть одну трещину. И тут его вынесло в большой зал. Впереди виднелся водопад.

Футах в десяти за водопадом Вульфгар увидел несколько огромных сосулек, которые уходили вниз, туда, куда с грохотом низвергались воды потока. Варвар сразу же понял, что это его единственный шанс. Оказавшись на краю обрыва, с которого вода устремлялась вниз, он прыгнул вперед и обхватил руками одну из сосулек. Он заскользил вниз, но, бросив

взгляд себе под ноги, быстро успокоился – сосулька, расширяясь книзу, шла до самого пола, образуя нечто вроде колонны.

Поняв, что он в безопасности, Вульфгар осмотрелся по сторонам. Водопад внушал благоговейный ужас. Пар, отрываясь от пенистых струй, еще более усиливал ощущение волшебной нереальности зрелища. Почти весь поток, врываясь в пещеру, уходил в небольшую щель, расположенную в тридцати футах от порога водопада. Отделяясь от основного потока, брызги замерзали еще в воздухе – на пол пещеры падали уже кристаллы льда, образуя у основания водопада причудливые, переливающиеся всеми цветами радуги ледяные холмики.

Клык Защитника, который он выронил, пытаясь ухватиться за стены там, в тоннеле наверху, перевалился через порог водопада, рухнул вниз и в мелкие брызги разнес одну из горok льда. Ладони Вульфгара горели от царапин, полученных при спуске по ледяной колонне, однако он, забыв о боли, бросился вперед и, ухватившись за рукоять, резким движением вырвал молот из кучи льда, до того как оружие успело примерзнуть.

И тут, в месте, куда при падении ударил молот, варвар увидел в прозрачном полу неясные очертания человеческого тела. Внимательно присмотревшись, он понял, в чем дело. Это был один из его предшественников, не сумевший совладать с бурным потоком, – несчастный погиб в оковах почти мгновенно твердеющей воды. «Сколько таких, как ты, отважных воинов навсегда сгинуло в этой пещере?» – подумал Вульфгар.

Он быстро пришел в себя и понял, что нельзя терять ни минуты. В одном ему повезло: своды пещеры были всего лишь в нескольких футах от освещенной солнцем поверхности и в тех местах, где потолок состоял из одного льда, свет свободно проникал внутрь, беспрепятственно отражаясь от обледенелых стен и пола.

В пещере было холодно, но жир, которым Вульфгар смазал кожу, все еще защищал его. Пока что удача сопутствовала ему.

Но где-то впереди скрывался ужасный дракон.

Из большого зала пещеры, в котором он сейчас находился, в разные стороны уходили несколько извилистых коридоров, по которым некогда струил свои воды ныне значительно обмелевший поток. И только один из этих тоннелей был достаточно широк, чтобы дракон мог протиснуться в него. Вульфгар хотел было сначала осмотреть более узкие коридоры в надежде обнаружить еще один ход в логово чудовища, но потом передумал, решив, что стоит ему сбиться с пути, заблудившись среди свисающих с потолка, подобно клыкам хищника, сосулeк, и ночь застанет его врасплох.

Поэтому, стукнув молотом об пол, Вульфгар сбил с него остатки льда и двинулся по коридору, который, как он надеялся, выведет его к логову Ингелоакастилицилиана.

* * *

Дракон, за многие годы одиночества привыкший к тому, что его никто никогда не беспокоит, безмятежно спал в самом большом зале ледяной пещеры. Ингелоакастилицилиан, известный также как Ледяная Смерть, некогда совершил ту же ошибку, что и большинство его сородичей, решивших в свое время поселиться в ледяных пещерах. Потоки воды, позволявшие пробираться внутрь и покидать свое логово, в последние годы значительно обмелели, сделав свирепых драконов пленниками хрустальных пещер.

А ведь в свое время он любил поохотиться на оленей и на людей. Однако драконы, и в особенности белые, весьма экономно расходовавшие силы в период спячки, могли обходиться без еды в течение многих столетий. А их любовь к своим сокровищам была так велика, что они умели терпеливо ждать. Богатство Ледяной Смерти хоть и было невелико по сравнению с горами золота, которые подчас удавалось скопить огромным красным и синим драконам, обитавшим на юге, но все же намного превосходило сокровища его сородичей, обитавших в тундре.

Если Ледяная Смерть всерьез захотел бы вырваться на свободу, он наверняка попросту

проломил бы потолок. Но дракон считал, что риск слишком велик, и потому спокойно спал, пересчитывая во сне свои бесчисленные золотые монеты и драгоценные камни.

Дракону даже и в голову не приходило, насколько опасна его беспечность. В своем беспробудном сне, длившемся уже многие десятилетия, он постепенно покрылся толстой ледяной коркой, и теперь единственным свободным ото льда местом на этом панцире было небольшое отверстие прямо напротив ноздрей.

И вот Вульфгар, осторожно двигаясь на звук тяжелого дыхания, приблизился к чудовищу.

Оценив размеры дракона, из-за ледяного панциря казавшегося даже более внушительным, чем он был на самом деле, варвар застыл в благоговейном ужасе. Вокруг возвышались горы золота и драгоценных камней, также покрытые ледяным покрывалом.

Уверенный, что дракон уже не способен сдвинуться с места, Вульфгар опустил свой молот на пол.

– Приветствую тебя, Ингелоакастилицилиан! – громко прокричал он, уважительно обращаясь к чудовищу по имени.

Светло-голубые глаза чудовища медленно приоткрылись, и даже сквозь толстый слой льда Вульфгар почувствовал полыхнувший во взгляде дракона огонь. Ему стало не по себе. Впрочем, быстро придя в себя, варвар продолжал свою речь.

– Тебе нечего бояться, о могучий дракон, – громогласно объявил он. – Я благородный воин и не стану убивать тебя, пользуясь твоей беспомощностью. – Сказав это, он усмехнулся. – Мое честолюбие будет вполне удовлетворено, если я заберу твои сокровища!

В этом была ошибка.

Более опытный воин, каким бы благородным и честным он ни был, мигом забыл бы о кодексе чести и, приняв сложившуюся ситуацию как дар судьбы, не раздумывая, прирезал бы спящее чудовище. Редко кому удавалось оказать дракону, неважно какого цвета, достойное сопротивление и при этом уцелеть.

Сейчас Ледяная Смерть, очнувшийся ото сна, попытался разрушить свои ледяные оковы, но сразу сообразил, что ему это вряд ли удастся – слишком уж вялыми стали мышцы от столь длительного бездействия. Однако когда Вульфгар упомянул о сокровищах, дракон сразу ощутил прилив сил и сон его растаял сам собой.

Злость придала чудовищу сил, он напрягся, и сковывавший его ледяной панцирь с жутким хрустом лопнул. Массивные куски льда разлетелись в разные стороны. Пещера содрогнулась от ужасного грохота. Вульфгар опрокинулся на спину и, едва успев перекатиться на бок, чудом избежал удара рухнувшей с потолка огромной сосульки.

Он быстро вскочил на ноги, но, обернувшись, увидел прямо перед собой увенчанную причудливо изогнутыми рогами белоснежную голову чудовища. Дракон, стряхивая с себя остатки льда, расправил огромные крылья и взглянул варвару прямо в глаза.

Вульфгар в поисках хоть какого-нибудь убежища быстро осмотрелся по сторонам. Сначала он хотел было метнуть во врага Клык Защитника, но потом сообразил, что ему вряд ли удастся убить чудовище одним ударом. А тем временем смертоносное дыхание противника сделает свое дело.

Ледяная Смерть молча смотрел на свою жертву. Если убить человека дыханием, придется есть мороженое мясо. Дракон нисколько не сомневался, что нет такого человека, который мог бы с ним справиться. Но этот гигант со своим волшебным молотом (Ледяная Смерть безошибочно догадался о колдовской силе оружия) ему сразу не понравился. Осторожность не раз спасала ему жизнь на протяжении многих веков... Нет, с этим противником сближаться не стоило.

Глубоко вздохнув, дракон наполнил легкие ледяным воздухом.

Услышав вдох противника, Вульфгар инстинктивно метнулся в сторону. Полностью избежать выдоха дракона ему не удалось, но реакция и проворство спасли ему жизнь. Варвар успел укрыться за глыбой льда, и смертоносный поток ледяного воздуха лишь слегка задел его ноги и заставил закашляться. Он знал, что через пару мгновений полностью придет в

себя, но рогатая голова медленно поднялась выше, и укрытие стало бесполезным.

Вульфгар понял, что второй выдох дракона прикончит его.

Внезапно морду чудовища окутало черное облако, после чего над головой варвара просвистели и один за другим исчезли в темноте облака два черных дротика.

— Не зевай, малыш! Атакуй его! — прокричал стоявший у входа Дзирт До'Урден, и варвар, привыкший повиноваться учителю, бросился вперед. Вульфгар вплотную подскочил к содрогавшемуся всем телом дракону.

Ледяная Смерть неистово тряс головой, пытаясь стряхнуть колдовскую напасть. Еще один черный дротик угодил в цель, и дракон взревел от ярости. Сейчас он думал лишь о том, чтобы побыстрее уничтожить врага. Даже будучи ослепленным, он прекрасно ориентировался в пещере и, легко определив, где находится темный эльф, повернулся в его сторону и резко выдохнул.

Но Дзирт отлично знал повадки драконов и потому вовремя ретировался. Смертоносное дыхание чудовища не задело его. Тем временем Вульфгар, размахнувшись что было сил, обрушил свой молот на покрытое снежно-белой чешуей тело дракона, и чудовище содрогнулось от новой боли. Чешуя выдержала, но Ледяная Смерть еще никогда не испытывал от человека удара такой силы и не собирался еще раз проверять прочность своей брони. Повернувшись к варвару, он приготовился выдохнуть в третий раз.

И тут в цель попал еще один дротик.

Вульфгар увидел, как упали на пол первые капли крови чудовища и покрывавшее голову дракона черное облако растаяло. Ледяная Смерть злобно зарычал. Клык Защитника ударил еще раз. И еще. Одна из пластин чешуи с хрустом отвалилась, обнажив нежную кожу чудовища, и это вдохнуло в варвара надежду на успех.

Но Ледяная Смерть бывал и не в таких переделках и, прекрасно понимая, сколь опасен сейчас для него молот варвара, напрягся и нанес ответный удар. Его длинный хвост, изогнувшись дугой, обрушился на Вульфгара как раз в тот миг, когда юноша размахнулся для очередного удара. Вместо наслаждения от того, как Клык Защитника впивается в тело дракона, Вульфгар почувствовал резкий удар от падения на смерзшуюся кучу золотых монет в двадцати футах от того места, где он только что стоял.

Своды пещеры медленно закружились над ним, глаза мгновенно наполнились слезами, и, видя, как расплываются пляшущие по стенам солнечные блики, он понял, что теряет сознание. В последний миг он успел заметить, как Дзирт, выхватив свои сабли, бросился навстречу делающему глубокий вдох дракону.

И тут взгляд варвара уперся в свисающую с потолка огромную сосульку.

Дзирт бросился на чудовище, понятия не имея, как драться со столь громадным противником. Он надеялся лишь на то, что ему удастся найти хоть какое-то уязвимое место до того, как дракон с ним разделается. Эльф не сомневался, что Вульфгар после страшного удара наверняка вышел из боя, если вообще остался в живых, и потому был несказанно удивлен, заметив чуть в стороне внезапное движение.

Ледяная Смерть тоже почувствовал, как шевельнулся Вульфгар, и вновь ударил хвостом, решив раз и навсегда покончить с угрозой с фланга.

Но Вульфгар уже сделал свое дело. Собрав последние силы, он вскочил на ноги и метнул Клык Защитника под потолок.

Вульфгар так и не увидел, удался ли его замысел. Ему показалось, что на потолке вдруг образовалось светлое пятно, но в этот момент страшной силы удар швырнул его в темноту.

Зато Дзирт в полной мере испытал восторг победы. Эльф, будто во сне, наблюдал, как гигантская глыба льда медленно отделяется от потолка...

Ледяная Смерть, напуганный вновь замаячившим перед глазами темным пятном, решил, что молот пролетел мимо, и взмахнул крыльями. Его когтистые передние лапы едва оторвались от земли, как вдруг ледяное копьё, пронзив его спину, намертво пригвоздило дракона к полу.

А Дзирт искренне расстроился оттого, что сидящий на голове чудовища шар тьмы не

дал ему возможности увидеть выражение морды врага в момент смерти.

Но он четко слышал резкий хруст позвонков дракона и видел, как после страшного удара запрокинулась на спину и переломилась змеиная шея Ледяной Смерти.

Глава 22 КРОВЬЮ ИЛИ ПОДВИГОМ

Почувствовав исходящее от небольшого костра тепло, Вульфгар постепенно пришел к себе. Он не сразу сообразил, где находится, и с удивлением вылез из-под одеяла, которое уж точно не приносил с собой. Но тут, увидев буквально в нескольких ярдах от себя тушу дракона с торчащей из спины глыбой льда, он сразу все вспомнил. Сейчас голова чудовища уже не была окутана черным облаком, и у Вульфгара перехватило дух от того, насколько точными оказались броски эльфа. Один из дротиков торчал из левого глаза, а два других прочно сидели в огромной пасти чудовища.

Вульфгар пошарил рукой вокруг себя в поисках привычной рукояти Клыка Защитника, но ничего не обнаружил. Стараясь не обращать внимания на боль в ногах, он встал и осмотрелся по сторонам в поисках своего оружия. И куда подевался эльф?

Тут он услышал доносившееся из соседнего зала легкое постукивание. Слегка пошатываясь, он осторожно завернул за угол и увидел, как Дзирт, ловко орудуя его боевым молотом, аккуратно скалывает ледяную корку с кучи золотых монет.

Эльф, заметив приближающегося Вульфгара, склонился в насмешливом поклоне:

– Приветствую тебя, Победитель Дракона!

– Привет и тебе, друг мой эльф, – ответил Вульфгар, безмерно обрадованный тем, что вновь видит Дзирта. – Далеко же ты за мной последовал.

– Не так уж и далеко, – ответил Дзирт, откалывая от сокровища очередной кусок льда. – В Десяти Городах все равно делать было нечего, и не мог же я позволить тебе увеличить счет побед! Десять с половиной против десяти с половиной, – объявил он, широко улыбаясь. – И теперь надо поделить дракона. Я заявляю, что половина по праву моя.

– Конечно, – согласился Вульфгар. – И половина добычи тоже.

Дзирт слегка приподнял висевший на шее небольшой мешочек.

– Всего лишь несколько безделушек, – пояснил он. – Мне не нужны эти богатства. Да к тому же я сомневаюсь, что смогу много унести отсюда. Пригоршни безделушек будет вполне достаточно.

Вглядевшись в кучу золота, которую он только что освободил ото льда, Дзирт обнаружил богато разукрашенный драгоценными камнями эфес из черного адамантита. Искусный резец мастера придал рукояти форму занесенной для удара когтистой кошачьей лапы. Эльф извлек оружие из-под груды золотых монет.

Сабля. Кривой клинок был сделан из серебра, но лезвие оказалось острым, как грань алмаза. Дзирт резко взмахнул оружием, искренне восхищаясь.

– Несколько безделушек... и вот это, – поправил он себя.

* * *

Еще до того, как он обнаружил спящего дракона, Вульфгар уже начал задумываться над тем, как он покинет пещеру.

– Течение слишком сильное, а порог водопада слишком высок, чтобы пытаться вернуться назад через озеро, – сказал он Дзирту, несколько, впрочем, не сомневаясь, что эльф думает о том же. – И даже если мы сможем преодолеть эти препятствия, у меня больше не осталось оленьего жира, чтобы защищаться от холода, когда мы выйдем из воды.

– Я тоже не собираюсь лезть в воды озера, – успокоил варвара Дзирт. – Собираясь в такие места, я обычно полагаюсь на опыт! Отсюда и дрова для костра, и одеяло, которым я тебя накрыл. Перед тем как нырнуть в воды озера, я завернул их в оленью шкуру. Ну и вот

это... – Эльф снял с пояса моток легкой, но очень прочной веревки с привязанным на конце небольшим трехрогим якорем. Пока Вульфгар лежал в беспамятстве, Дзирт уже придумал, как выбраться наружу.

Он ткнул пальцем в небольшое отверстие на потолке. Сбитая ударом Клыка Защитника глыба льда увлекла за собой часть свода пещеры.

– Мне нечего и пытаться забросить крюк так высоко, а у тебя это легко получится.

– Только не сейчас, – простонал Вульфгар. – У меня на это просто не хватит сил. – Он вдруг почувствовал себя еще хуже, чем когда его коснулось ледяное дыхание дракона. Теперь, когда азарт боя оставил его, Вульфгар понял, что холод неумолимо делает свое дело. – Боюсь, я окоченел так, что даже не смогу как следует ухватить крюк!

– Тогда двигайся! Бегом! – закричал эльф. – Пусть твоё тело согреет само себя.

Вульфгар сорвался с места и, сделав несколько кругов по огромному залу, вскоре с удивлением обнаружил, что согревается.

Он попал якорем в отверстие на потолке со второго броска. Дзирт, ловко перехватывая веревку, первым отправился наверх.

Вульфгар еще некоторое время оставался внизу, набивая мешок сокровищами и некоторыми другими предметами, которые, он был уверен, ему скоро понадобятся. Подъем наверх дался варвару с большим трудом, однако с помощью эльфа он выбрался наружу еще до того, как солнце ушло за горизонт.

Они устроили привал на берегу озера и славно поужинали олениной, от души наслаждаясь столь желанным и по праву заслуженным отдыхом.

Друзья двинулись в путь еще до зари и, ни на мгновение не останавливаясь, бежали рядом в течение двух дней. Но стоило им наткнуться на первые следы варваров, как оба поняли, что настал момент расставания.

– Прощай, мой добрый друг, – сказал Вульфгар, склонившись к земле и внимательно изучая следы. – Я никогда не забуду, что ты для меня сделал.

– Прощай и ты, Вульфгар, – ответил Дзирт. – И пусть твой могучий молот еще много лет вселяет ужас в сердца твоих врагов! – С этими словами эльф продолжил свой бег и задумался над тем, суждено ли им когда-нибудь встретиться вновь.

* * *

Увидев на горизонте лагерь собравшихся на Совет варварских племен, Вульфгар ненадолго остановился и попытался разобраться в своих чувствах. Пять лет назад, гордо сжимая в руках древко знамени народа Лося, молодой Вульфгар, распевая песнь Темпоса, шел на Совет, чтобы испить медовый напиток с теми, кто должен сражаться, а возможно, и умереть рядом с ним. Тогда он представлял себе сражение как некое славное испытание. «Каким же глупцом я был тогда», – задумчиво пробормотал юноша. Сейчас он совсем по-иному смотрел на жизнь. Став его друзьями, Бренор и Дзирт научили Вульфгара тому, что так искусно умели делать сами. И теперь он хорошо представлял себе людей, которых некогда считал заклятыми врагами. Они подарили ему удивительную возможность осознать, к чему могли бы привести его прошлые заблуждения.

У Вульфгара комок подступал к горлу от одной только мысли, что племена затевают поход против Десяти Городов. И, что самое страшное, на этот раз его народ выступает заодно с гоблинами и исполинами.

Приблизившись к лагерю, он обратил внимание на то, что Совет проходит не в Хенгороте. Ритуального Медового Зала попросту не было. В центре лагеря располагались шатры, украшенные знаменами племен, и вокруг них пылали костры простых воинов. Присмотревшись к знаменам, Вульфгар понял, что здесь собрались уже почти все племена. Однако было видно, что теперь объединенная армия едва ли составляла больше половины той, что собралась на Совет без малого пять лет назад. Дзирт не ошибался, когда говорил, что варвары еще не оправились от кошмарной бойни на склоне холма Брин Шандер.

Навстречу ему вышли два стражника. Вульфгар отнюдь не собирался скрывать свое возвращение и потому, опустив молот на землю, поднял руки, давая понять, что пришел с благородными намерениями.

– Кто ты, пришедший на Совет Хифстаага один и без приглашения? – спросил один из воинов, восхищенно глядя на могучую фигуру Вульфгара и покоящееся у его ног грозное оружие. – Я вижу, что ты благородный воин, а не бродяга. Но все-таки мы не знаем тебя.

– Ты знаешь меня, Ревджак, сын Йорна Красного, – ответил Вульфгар, узнав в стражнике одного из своих соплеменников. – Я Вульфгар, сын Беорнегара, воин народа Лося. Я пропал пять лет назад в походе на Десять Городов, – сказал он, тщательно подбирая слова, чтобы ненароком не упомянуть о позорном поражении. Варвары не слишком любили вспоминать печальные страницы своей истории.

Ревджак взглянул в лицо юноши. Когда-то он был другом Беорнегара и хорошо помнил его сына. Сейчас он прикинул, как мог измениться мальчишка, которого он когда-то знал, и нашел сходство вполне удовлетворительным.

– Добро пожаловать домой, молодой воин, – тепло приветствовал он Вульфгара. – Ты сильно возмужал за это время.

– Да, это так, – ответил Вульфгар. – Я повидал много удивительного и многому научился. Мне есть что порассказать. Но сейчас я не могу терять время. Я пришел, чтобы встретиться с Хифстаагом.

Ревджак кивнул и повел Вульфгара к шатру короля.

– Хифстааг будет рад твоему возвращению.

«Вряд ли», – подумал Вульфгар.

* * *

Когда Вульфгар остановился у центрального шатра, вокруг сразу собрались любопытные. Ревджак вошел объявить Хифстаагу о прибытии Вульфгара и сразу же вернулся, приглашая юношу войти.

Вульфгар вскинул Клык Защитника на плечо, но не двинулся с места.

– То, что я хочу сказать, должно прозвучать открыто, перед лицом всего нашего народа, – громко, так, чтобы его мог слышать и Хифстааг, произнес Вульфгар. – Пусть он сам выйдет ко мне!

Смущенные его дерзостью, стоявшие поблизости варвары зашептались. Они знали, что в жилах Вульфгара, сына Беорнегара, нет ни капли королевской крови.

Хифстааг выскочил из шатра, встал напротив Вульфгара и смерил его презрительным взглядом. Толпа зашумела, ожидая, что король прикончит дерзкого юнца на месте.

Но Вульфгар выдержал взгляд Хифстаага и не отступил ни на дюйм.

– Я Вульфгар, – приосанившись, произнес он, – сын Беорнегара, сына Беорна, воин народа Лося, участвовавший в битве у стен Брин Шандера, обладатель Клыка Защитника – Грозы Исполинов. – С этими словами он потряс молотом и продолжил: – Друг дворфов и ученик эльфа, уничтоживший вместе с ним шайку исполинов в их собственном логове. – После этого юноша выдержал небольшую паузу, и глаза его заблестели в предвкушении того, как он сейчас поразит соплеменников. Решив, что он уже полностью завладел вниманием присутствующих, Вульфгар объявил: – Я Вульфгар, Победитель Дракона!

Хифстааг вздрогнул. На его памяти еще никто из людей тундры никогда не претендовал на столь почетное звание.

– Я бросаю тебе вызов, – угрожающе произнес Вульфгар.

– Я убью тебя, – спокойно сказал Хифстааг. Он никогда и никого не боялся, но широкие плечи и витые мышцы Вульфгара произвели на него впечатление. Королю ужасно не хотелось ставить на карту свою власть сейчас, в преддверии легкой победы над жителями Десяти Городов. Если ему удастся высмеять молодого воина, народ не допустит этой схватки. Они либо заставят его взять свой вызов назад, либо убьют на месте. – По какому

праву ты бросаешь мне вызов?

– Ты собрал здесь народы тундры, повинаясь воле злого чародея, – сказал Вульфгар и прислушался к шуму толпы, пытаясь уловить реакцию воинов на его слова. – Ты хочешь, чтобы наши воины взяли за оружие в союзе с гоблинами и орками!

Никто не подал голоса, но Вульфгар прекрасно знал, что большинству воинов участие в этом походе не по душе. Именно поэтому сейчас и не был воздвигнут Медовый Зал. Хифстааг был хитер и прекрасно знал, что на подобных празднествах воины обычно говорят, что думают, и легко выходят из повиновения.

Ревджак вмешался еще до того, как Вульфгар успел договорить до конца.

– Сын Беорнегара, – жестко сказал он. – Ты еще не заслужил права обсуждать волю короля. Ты открыто бросил ему вызов. Теперь, согласно традициям, ты должен подтвердить свой вызов правом крови или правом подвига.

В словах Ревджака явно звучало восхищение, и Вульфгар сразу понял, что старинный друг его отца вмешался, чтобы не допустить неожиданной, непредсказуемой развязки. Опытный воин не сомневался в том, что молодой варвар способен подтвердить свое право бросить вызов королю. Вульфгар почувствовал, что Ревджак и, возможно, многие другие искренне надеются на его победу.

Вульфгар расправил плечи и усмехнулся, почувствовав прилив сил оттого, что лишний раз убедился – его народ идет за Хифстаагом лишь потому, что до сих пор еще не нашлось того, кто мог бы бросить королю вызов.

– По праву подвига, – громко сказал Вульфгар и, продолжая смотреть прямо в глаза Хифстаагу, сняв со спины свернутое в кольцо одеяло, извлек из него два продолговатых, остроконечных предмета, после чего небрежным движением бросил их к ногам короля. Стоявшие вокруг воины издали глубокий вздох, и даже Хифстааг, которого трудно было чем-либо удивить, вздрогнул и сделал шаг назад.

– Вызов нельзя отклонить! – вскричал Ревджак.

Это были рога Ледяной Смерти.

* * *

На лбу Хифстаага, который стачивал со своего топора последние зазубрины, выступил холодный пот.

– Победитель Дракона! – гневно прорычал он в сторону вошедшего в шатер знаменосца. – Скорее всего он просто прирезал чудовище во сне.

– Прошу прощения, мой повелитель, – сказал юноша. – Ревджак послал меня сказать, что пришло время начинать схватку.

– Отлично! – рывкнул Хифстааг, проводя пальцем по сверкающему лезвию топора. – Сейчас я научу сына Беорнегара, как следует уважать своего короля!

Воины народа Лося, образовав круг, обступили соперников. Хотя это и было внутренним делом людей Хифстаага, варвары других племен, держась на почтительном расстоянии, также пришли понаблюдать за поединком. Они знали, что победитель станет королем наиболее многочисленного в тундре народа.

Ревджак вышел в центр круга и встал между соперниками.

– Объявляю Хифстаага, короля народа Лося! – прокричал он и принялся зачитывать длинный список героических деяний одноглазого короля.

Пока оглашались его заслуги, Хифстааг окончательно пришел в себя и даже рассердился на Ревджака за то, что тот вздумал представлять его первым. Чуть присев и уперев руки в бедра, он смерил угрожающим взглядом воинов, стоявших в первых рядах, и широко улыбнулся, видя, как они один за другим отводят взгляд. Затем он точно так же взглянул и на Вульфгара, но того это несколько не смутило.

– И я объявляю Вульфгара, – продолжал Ревджак, – сына Беорнегара, бросившего вызов королю народа Лося!

Перечень подвигов Вульфгара, конечно же, оказался во много раз короче, однако последний его поступок в чем-то уравнивал противников.

– Победитель Дракона! – выкрикнул Ревджак, и зрители, хранившие до сих пор почтительное молчание, начали обсуждать бесчисленные догадки, порожденные известием о том, что Вульфгар убил Ледяную Смерть.

Бросив взгляд на соперников, Ревджак вышел из круга.

Они, осторожно ступая и внимательно присматриваясь друг к другу, несколько раз обошли круг поединка. Вульфгар сразу заметил, что Хифстаагу не терпится поскорее начать бой, – такова уж была природа воинственных варваров. И если бы не уроки Дзирта До'Урдена, он мало бы чем отличался сейчас от одноглазого короля. Но эльф научил Вульфгара, что первый нанесенный в бою удар далеко не так важен, как последний – завершающий.

И вот Хифстааг фыркнул и метнулся вперед. Вульфгар громко зарычал и шагнул ему навстречу так, словно собирался остановить противника, однако в последний момент сделал шаг в сторону, и Хифстааг, увлекаемый вперед своим тяжелым топором, проскочил мимо и едва не врезался в ряды зрителей.

Впрочем, одноглазый король быстро пришел в себя и снова пошел на Вульфгара. Хифстааг был королем в течение многих лет, за это время он прошел через бесчисленное множество сражений и вряд ли дожил бы до этого дня, не научившись гибко менять тактику боя. Сейчас Хифстааг несся на Вульфгара, и со стороны можно было подумать, что он совершенно не владеет собой. Но когда Вульфгар вновь увернулся, предугадав его движение, он нанес боковой удар и его топор глубоко оцарапал руку молодого воина от плеча до локтя.

Вульфгар был начеку и вовремя выбросил Клык Защитника вперед, чтобы не дать Хифстаагу нанести второй удар. И хотя он не вложил в это движение всю силу, удар был точным и его могучий молот отбросил противника назад. Вульфгар мельком осмотрел рану.

Он вполне мог продолжать бой.

– Ты неплохо дерешься! – прорычал Хифстааг, чуть отойдя назад. – Ты мог бы стать отменным воином и славно послужить своему народу. Жаль, что мне придется убить тебя! – И вновь его топор, взлетев над головой, устремился к юноше. Королю не терпелось поскорее закончить схватку.

Но в сравнении с тонко посвистывающими саблями Дзирта До'Урдена топор Хифстаага двигался на редкость медленно, и Вульфгар без труда отражал его атаки, а спустя некоторое время начал наносить и ответные удары. И вот, точно выбрав момент, он с силой обрушил молот на грудь врага.

Лицо одноглазого короля побагровело от ярости. «Уставший противник обычно старается вложить в удар всю свою силу, – учил Вульфгара Дзирт. – Но он редко когда наносит удар оттуда, откуда ты его ожидаешь!»

Вульфгар внимательно следил за Хифстаагом.

Поняв, что ему не пробить защиту своего молодого, более проворного противника, король воздел топор над головой и с душераздирающим воплем бросился вперед.

Но Вульфгар был начеку и по тому, как прямолинейно пошел в атаку Хифстааг, понял, что следует ожидать коварного удара. Вульфгар взмахнул молотом так, будто собирался отразить опускающийся сверху топор, но, увидев, что оружие врага, неуловимо скользнув вниз, несется к нему сбоку, быстро перехватил рукоять Клыка Защитника и вовремя встретил удар противника.

Полностью доверяя оружию дворфов, Вульфгар развернулся так, чтобы Клык Защитника точнее отразил удар.

Топор и молот ударили друг друга с такой силой, что рукоять топора разлетелась в щепки, а Хифстааг, не сумев удержаться на ногах, как подкошенный рухнул на спину.

Клык Защитника остался цел и невредим. Теперь Вульфгар мог легко, одним ударом прикончить короля.

Ревджак, видя, что исход схватки предрешен, в восторге сжал кулаки.

«Никогда не пугай благородство и глупость!» – отчитывал его Дзирт после того, как Вульфгар чуть не погиб, решив сохранить жизнь беззащитному, как ему казалось, дракону. Но сейчас Вульфгар сражался не только за право быть вождем своего народа, он хотел, чтобы все присутствующие надолго запомнили эту схватку. Отбросив Клык Защитника в сторону, он шагнул навстречу Хифстаагу, решив продолжить бой на равных.

Король варваров не стал раздумывать над своей удачей. Резко вскочив на ноги, он бросился на Вульфгара и, обхватив его руками, попытался повалить молодого воина на землю.

Но Вульфгар был готов к этому и, подавшись вперед, уперся и сдержал яростный напор противника.

Перед тем как мертвой хваткой обхватить друг друга за плечи, соперники обменялись сильнейшими ударами. Спустя несколько мгновений глаза у них заплыли, лица и могучие торсы были покрыты ссадинами и глубокими царапинами.

Хифстааг начал выбиваться из сил, дышать ему становилось все труднее, и он вновь попытался повалить противника. И тогда ладони молодого варвара сомкнулись на его голове. Костяшки пальцев побелели, когда Вульфгар напряг могучие мышцы рук и начал сдавливать череп короля.

Хифстааг понял, что дела его плохи, – юноша был, пожалуй, сильнее белого медведя. Король, стараясь вырваться из захвата, обрушил на не защищенные сейчас ребра юноши град сильнейших ударов.

На этот раз Вульфгар припомнил один из уроков Бренора: «Думай о главном, малыш. Мелкие удары вполне можно стерпеть, но никогда не выпускай врага, если тебе удалось как следует прижать его!»

Мышцы на плечах и на шее молодого воина вздулись от напряжения, и он, точно выбрав момент, поставил противника на колени.

Понимая, что битва подходит к концу, Хифстааг схватил юношу за руки и попытался ослабить его хватку.

И тут Вульфгар сообразил, что он близок к тому, чтобы отнять жизнь у одного из своих соплеменников.

– Проси пощады! – крикнул он Хифстаагу, искренне надеясь, что ему не придется убивать короля. И получил сильнейший удар под ребра.

Вульфгар поднял глаза к небу. «Я не такой, как он!» – растерянно прокричал юноша, мысленно обращаясь ко всем присутствующим.

Пришло время завершить бой. Мышцы на широких плечах молодого варвара налились кровью, и он увидел, как ужас в глазах Хифстаага сменился удивлением. Юноша услышал хруст кости и почувствовал, как череп врага лопнул в его могучих ладонях.

Следуя заведенному ритуалу, Ревджак должен был бы выйти в центр круга и приветствовать нового короля народа Лося.

Но он, как и все присутствующие, открыв рот, безмолвно стоял на месте.

* * *

Подгоняемый порывами холодного ветра, Дзирт неся к Десяти Городам. В ту же ночь, когда он расстался с Вульфгаром, на горизонте показалась покрытая снегом вершина Пирамиды Кельвина. Увидев дом, Дзирт прибавил шагу, но вскоре его охватило смутное ощущение, что что-то не так.

Человек никогда не обратил бы на это внимания, но зоркие глаза эльфа четко различили на горизонте к югу от горы медленно поднимающийся вверх черный столб. И второй, чуть поменьше, к югу от первого.

Дзирт застыл как вкопанный и на всякий случай протер глаза. Затем, убедившись, что ничего не изменилось, медленно пошел дальше, думая о том, каким путем ему теперь отправляться в долину.

Он сразу понял: пылают Кер-Кониг и Кер-Диневал.

Глава 23

ОСАДА

Корабли Кер-Диневапа бороздили просторы южной части озера Лек Деннишир, пользуясь тем, что жители Истхейвена, покинув свой город, устремились в Брин Шандер.

Рыбаки Кер-Конига, как обычно, вышли на промысел в северную часть озера. Они были первыми, кто заметил, что надвигается беда.

Дикое войско Акара Кесселла обогнуло северный край Лек Деннишира и, подобно разъяренному пчелиному рою, устремилось в Проход Ледяных Ветров.

– Поднимайте якоря! – едва оправившись от потрясения, разом закричали Шермот и другие капитаны. Впрочем они быстро поняли, что вернуться в город раньше врага им не удастся.

Передовой отряд армии гоблинов ворвался в Кер-Кониг.

Вскоре рыбаки увидели огромные языки пламени – это запылали их дома. С берега то и дело доносились дикие вопли опьяненных кровью захватчиков.

Рыбаки слышали предсмертные крики их сородичей.

Оставшиеся в Кер-Кониге женщины, старики и дети и не думали сопротивляться. Они бросились бежать в надежде спасти свою жизнь. Но гоблины без труда настигли их.

Огры и исполины высыпали на пристань и жестоко расправились с теми несчастными, кто пытался подать сигналы бедствия находившимся на озере рыбакам.

Исполины встретили тех немногих храбрецов, кто пытался причалить к пристани, градом камней.

Толпы гоблинов еще продолжали врываться в город, но остальная часть армии уже повернула в сторону Кер-Диневала, жители которого, увидев столбы дыма над Кер-Конигом, сразу поняли, в чем дело, и бросились бежать в сторону Брин Шандера, а некоторые, выскочив на берег озера, стали призывать корабли вернуться.

Но рыбакам Кер-Диневала, хотя им и помогали восточные ветры, предстояло преодолеть многие мили пути. Увидев дым над Кер-Конигом, они догадались, что происходит, и поняли, что даже при сильном попутном ветре им не успеть на помощь. И все-таки многие из них никак не хотели верить своим глазам, когда запылали северные окраины их родного Диневала.

Шермонт, надо отдать ему должное, принял благородное решение. Поняв, что его родной город обречен, он, не раздумывая, принял решение идти на выручку соседям.

– Возвращаться к нам в гавань нет смысла, – прокричал он капитану ближайшего судна. – Передай остальным, что пристань Диневала еще свободна!

* * *

Стоя на крепостной стене у ворот Брин Шандера, Реджис, Кассиус, Агорвал и Гленсатер наблюдали, как войско врага, рассыпавшись по равнине, преследует спасающихся бегством жителей Кер-Диневала.

– Открой ворота, Кассиус! – вскричал Агорвал. – Мы должны выйти им навстречу. Они не смогут добраться до города, если мы не задержим врага!

– Нет! – угрюмо ответил Кассиус, мучительно сознавая свою ответственность. – У нас каждый воин на счету. Выйти сейчас на равнину навстречу превосходящим силам врага – безумие. Города Лек Деннишира обречены!

– Но они же беззащитны! – вновь закричал Агорвал. – Чего мы стоим, если боимся выйти на помощь своим братьям? По какому праву, стоя под защитой крепостной стены, мы можем спокойно наблюдать эту бойню?

Кассиус, непоколебимый в своем решении отстоять Брин Шандер, лишь покачал

головой.

И тут со стороны Термалэйна показалась еще одна группа беженцев, решивших двинуться в Брин Шандер после того, как они увидели пылающие на противоположном конце долины города. Их было около тысячи, и, оценив скорость, с которой они бежали, и расстояние, которое им предстояло преодолеть, Кассиус понял, что они успеют добраться до северных ворот крепости.

Где их и настигнут гоблины.

– Иди, – сказал он, обращаясь к Агорвалу. Брин Шандер не мог, не имел права посылать своих защитников за пределы крепости, но сейчас было очевидно, что на склоне холма вот-вот прольются реки безвинной крови.

Агорвал и его храбрые воины покинули крепость и устремились к северо-западной дороге. Там они расположились на небольшом кургане, который огибала дорога... Изготовившись к бою и твердо решив драться и умереть, они дождались, пока последние из беженцев не скроются за их спинами. Женщины и дети, уверенные, что им не успеть добраться до города, оглашали долину полными ужаса криками.

Почувяв кровь, наиболее ретивые воины армии Кесселла по пятам преследовали несчастных. Думая лишь о легкой добыче, бежавшие первыми гоблины заметили воинов Агорвала, лишь когда те бросились в атаку.

Но было уже поздно.

Отважные воины Термалэйна осыпали гоблинов градом стрел, после чего, обнажив мечи, пошли на врага. Они дрались с бесстрашием обреченных, прекрасно понимая, какую судьбу выбрали. Десятки дикарей уже погибли под их ударами. И люди постепенно начали теснить противника.

Но захватчиков было во сто крат больше. На место каждого убитого гоблина тут же вставали два новых, и вскоре воины Термалэйна уже были окружены плотным кольцом врагов.

Агорвал вскочил на камень и обернулся в сторону Брин Шандера. Женщины и дети были уже далеко, но все же двигались недостаточно быстро. Если бы он и его люди вздумали выйти из боя и устремиться под защиту крепостных стен, им, пожалуй, еще удалось бы догнать беженцев. Им... и гоблинам.

– Мы должны выйти и помочь Агорвалу! – крикнул Гленсатер, но на этот раз Кассиус был неумолим.

– Агорвал знает, что делает, – сказал Кассиус. – Беженцы успеют к воротам Брин Шандера. Я не собираюсь посылать своих людей на верную смерть! Даже если бы мы вывели в долину объединенную армию всех Десяти Городов, нам все равно не удалось бы победить врага! – Кассиус уже давно понял, что им не по силам бороться с Кесселлом на равных.

– Выведи небольшой отряд на холм, к воротам и помоги беженцам побыстрее войти в город, – сказал он после минутного раздумья, видя, как упал духом Гленсатер.

Воинам Агорвала с каждой секундой становилось все труднее сдерживать натиск врага. Вновь обернувшись в сторону Брин Шандера, выборный от Термалэйна увидел, что женщины и дети уже в безопасности. Он не мог на таком расстоянии различить Реджиса, Кассиуса и остальных среди столпившихся на крепостной стене невольных свидетелей боя, но знал, что они наверняка видят его стоящую на небольшом возвышении одинокую фигурку.

К теснившим его людей гоблинам присоединились орки и вербииги. В последний раз отсалютовав оставшимся в крепости друзьям, он с улыбкой присоединился к своим воинам.

Чуть позже Реджис и Кассиус увидели, как черная лавина поглотила отважных воинов Термалэйна.

И в этот миг, пропустив внутрь последних беженцев, захлопнулись ворота крепости.

Люди Агорвала покрыли себя неуязвимой славой. Однако единственными, кто в тот день дал бой армии Кесселла и уцелел, оказались дворфы. Воины Мифрил Халла провели много дней, готовясь к нашествию. Но войско Кесселла чуть было не прошло мимо них. Армия гоблинов, беспрекословно следуя четким указаниям Кесселла, преследовала в этот день иные цели. Атаковать дворфов пока что команды не было.

Но у парней Бренора были другие планы. Они вовсе не собирались уходить под землю, не оторвав напоследок хотя бы десяток голов гоблинов и не переломав суставы парочке исполинов.

Несколько бородатых воинов незаметно выбрались на одну из скал, окаймлявших их маленькую долину с юга. И когда под ними показались отряды армии Кесселла, принялись во весь голос поносить гоблинов, осыпая их и их предков самыми непристойными ругательствами. Впрочем, в этом не было особой нужды. Орки и гоблины ненавидели дворфов больше всего на свете, и они мигом забыли о четком плане похода. Довольно большой отряд дикарей тут же отделился от основной колонны и устремился за дворфами.

А те, не переставая осыпать врага оскорблениями, дождались, пока гоблины подбегут поближе, после чего, спрыгнув со скалы, побежали по пологому склону вниз, в долину.

– А ну-ка бегите сюда, паршивые псы! – заорал Бренор, снимая с плеча моток веревки. Ему ужасно не терпелось поскорее испробовать трюк, который он придумал.

Гоблины, которых было раза в четыре больше, чем дворфов, посыпались в долину. Вслед за ними бежали свирепые орки.

Дворфы, ловко перепрыгивая с камня на камень, постепенно заманили врага в небольшое ущелье, вдоль стен которого виднелись двери их пещер. Это была идеальная, самой природой созданная западня, но глупые гоблины, ничего не заподозрив, продолжали погоню.

Когда большая часть гоблинов ввалилась в ущелье, а остальные заканчивали спуск, ловушка захлопнулась. Сидевшая в одном из дальних закоулков пещер Кэтти-бри налегла на рычаг и выбила хитроумно установленную на одной из стен ущелья подпорку. Спустя мгновение огромные каменные глыбы градом посыпались на бежавших последними гоблинов. И те из них, кто чудом ухитрился устоять на ногах и избежать камнепада, увидели, что путь к отступлению закрыт.

Затем послышался звон тетивы арбалетов, после чего дворфы с неистовыми криками бросились навстречу гоблинам, бежавшим впереди остальных.

На этот раз Бренор действовал в одиночку. Укрывшись за обломком скалы, он ждал, пока охваченные азартом погони гоблины пробегут мимо него. Он мог бы напасть на них, но нет, сейчас его интересовала более серьезная добыча... Бренор поджидал орков. Веревка, которую он снял с плеча, уже была тщательно отмерена. Один ее конец дворф захлестнул вокруг пояса, а другой привязал к большому камню. И, вынув из-за пояса два метательных топорика, терпеливо поджидал орков.

Затея была рискованной. Более опасных трюков дворф еще, пожалуй, не изобретал, но, когда Бренор услышал тяжелый топот орков, его охватило радостное возбуждение и он улыбнулся, а увидев двух показавшихся на тропе дикарей, едва сдержал смех.

Выскочив из укрытия, он окликнул орков и, когда они обернулись, метнул один за другим свои топоры. Дикари отшатнулись и вовремя увернулись от броска, но это была лишь уловка.

Сейчас главным оружием было само тело Бренора.

Уклоняясь от топоров, орки на мгновение потеряли равновесие. Все шло точно по плану. Бренор разбежался и, прыгнув, врезался в ближайшего дикаря. Тот, не устояв на ногах, упал на приятеля.

Спустя мгновение все трое свалились с обрыва.

Один из орков успел было вцепиться в лицо дворфа, но Бренор, не раздумывая, впился зубами в ладонь врага. Некоторое время они летели вместе, сплошным клубком рук и ног, но

вот веревка Бренора, натянувшись, разделила их.

– Счастливого долететь, ребята, – завопил дворф, раскачиваясь из стороны в сторону. – Поцелуйте там скалы за меня!

Веревка, спружинив, забросила его точно ко входу в одну из шахт, а его жертвы благополучно полетели дальше. Несколько гоблинов, бежавших вслед за орками, стоя наверху, некоторое время ошеломленно смотрели в пропасть... Но потом, быстро сообразив, что веревка дает им отличную возможность спуститься прямо в пещеры врага, один за другим полезли вниз.

Но Бренор предусмотрел и это. Спускавшиеся по веревке гоблины никак не могли взять в толк, почему она скользит у них в руках.

Впрочем, когда внизу, размахивая факелом, показался Бренор, они сразу все поняли.

Пламя молнией взметнулось вверх по пропитанной маслом веревке. Находившийся вверху гoblin еще успел выбраться на край ущелья, но остальные с дикими воплями последовали за несчастными орками. Один из гоблинов избежал падения в пропасть, упав прямо на выступ у входа в пещеру. Но Бренор тут же сильнейшим пинком отправил его вслед за остальными.

Глянув вниз, дворф довольно усмехнулся. Этот фокус стоило запомнить на будущее. Затем, отряхнув руки, он устремился в глубь скалы.

У входа в пещеры дворфы, медленно отступая, бились с наседавшими гоблинами. Они вовсе не собирались героически погибнуть в бою: им надо было лишь заманить гоблинов в свои коридоры. Дикари, охваченные желанием убивать, видимо, полагали, что вот-вот загонят дворфов в угол.

Вскоре тоннели огласились звоном стали. Дворфы, заманивая врага, продолжали отступать. Но вот, по прозвучавшему из глубины пещер сигналу трубы, все как один бросились наутек.

Мгновением позже в недрах скалы были выбиты клинья, все входы в пещеры одновременно обрушились и земля содрогнулась от резкого грохота... Обвалился склон ущелья.

Гоблины и огры, думая, что они победили своих врагов, останавливались только для того, чтобы выкрикнуть победоносный клич, и затем кидались вдогонку за дворфами.

Но и глубже в тоннелях рычаги были выдернуты. Последний трап был поднят, и все входы в тоннель завалены. Земля сильно затряслась: рухнула вся наружная сторона скалы.

Уцелели лишь те, кто бежал во главе преследователей, но дворфы быстро разделились со смертельно напуганными, ослепленными пылью врагами.

Когда до защитников Брин Шандера донесся грохот далекого горного обвала, они бросились к северной стене крепости и, увидев огромное облако пыли, в ужасе решили, что дворфам пришел конец.

Один лишь Реджис знал, что произошло на самом деле. Сейчас он от души завидовал дворфам, которых надежно укрыли их извилистые тоннели. Еще только завидев зарево над Кер-Конигом, хафлинг понял, сколь опрометчивым было его решение дожидаться своего приятеля из Одинокого Леса.

Сейчас оставалось лишь беспомощно и безнадежно наблюдать, как к Брин Шандеру приближается огромная черная туча войска Акара Кесселла.

* * *

Рыбаки Мир Дуальдона и Красных Вод вернулись к своим пристаням сразу же, как только поняли, что произошло. Впрочем, рыбаки Термалэйна вернулись в уже опустевший город. Все, что они смогли сделать, увидев стремительно приближающихся к их городу полчища гоблинов, это вновь отчалить от берега, надеясь лишь на то, что их родные и близкие благополучно добрались до Брин Шандера.

Таргос, второй по величине и единственный, кроме Брин Шандера, город долины,

имевший шанс продержаться хоть какое-то время, пригласил корабли Термалэйна к своим причалам, и рыбаки с благодарностью откликнулись на гостеприимство южных соседей. Сейчас, перед лицом пришедшей в долину беды, их прежние стычки с людьми Кемпа казались чем-то мелким и недостойным внимания.

* * *

А на равнине предводители армии гоблинов не сомневались, что Брин Шандер падет еще до полуночи. Основная часть войска обогнула город и расположилась между ним и Таргосом – с тем чтобы не дать двум крупнейшим поселениям долины объединить свои силы.

Несколько племен гоблинов, отделившись от основных сил, двинулись в сторону Термалэйна, намереваясь овладеть третьим за этот день городом. Однако, обнаружив, что Термалэйн пуст, они решили не предавать его огню. У армии Кесселла появился удобный лагерь, где воины могли спокойно готовиться к осаде.

Тысячи дикарей принялись окружать Брин Шандер. Армия Кесселла была столь велика, что, растянувшись на многие мили между Брин Шандером и Термалэйном, имела достаточно сил, чтобы плотным кольцом окружить главный город долины.

События развивались так быстро, что, когда гоблины, вместо того чтобы ринуться на штурм крепости, вдруг принялись разбивать лагерь, Реджис не поверил своим глазам.

– А почему они не нападают на нас? – спросил он стоявших рядом.

Кассиус и Гленсатер, более искушенные в военном искусстве, прекрасно понимали, что происходит.

– Им некуда спешить, мой маленький друг, – объяснил Кассиус. – Сейчас время работает на них.

И тут Реджис все понял. В те времена, когда он жил в более густонаселенных южных краях, ему частенько доводилось слышать истории об ужасах осады.

Перед его глазами возник торжественно отсалютовавший им Агорвал, готовый с честью погибнуть на поле брани. Реджис в любом случае не собирался умирать, но сейчас он отчетливо представил, какая судьба ожидает его и всех жителей Брин Шандера.

...И вдруг поймал себя на мысли, что завидует Агорвалу.

Глава 24 КРИШАЛ-ТИРИ

Дзирт вышел на равнину в том месте, где только что прошла огромная армия. Множество следов нисколько не удивило эльфа – по поднимавшимся из-за горизонта столбам дыма он тотчас сообразил, что происходит. Сейчас его интересовало одно: удалось ли хоть одному городу сдержать натиск врага. И поэтому он сначала двинулся в сторону Кер-Конига, с грустью размышляя о том, остался ли у него дом, куда можно вернуться.

И тут он внезапно почувствовал незримое присутствие некой потусторонней силы, живо напомнившей ему годы юности. Вновь склонившись над землей, он увидел свежие следы троллей и... глубокие борозды... Такие следы не оставлял никто из смертных. Дзирт встревоженно осмотрелся по сторонам, но увидел прямо перед собой лишь торчавшую из-за горизонта вершину Пирамиды Кельвина да размытые очертания Средиземного Хребта – далеко на юге. И все-таки его не покидало странное ощущение.

Эльф осторожно пошел вперед. Отдельные детали еще неуловимо ускользали от его сознания, но в одном он был уверен. Он знал, чьи это следы.

В Долине Ледяного Ветра появился демон.

Пирамида Кельвина была еще далеко, а Дзирт уже настиг загадочный отряд. Его опыт общения с обитателями низших плоскостей бытия безошибочно подсказал ему, что демон где-то рядом, причем задолго до того, как эльф увидел процессию.

Полдюжины троллей шагали плечом к плечу, и среди них виднелась туша огромного монстра из Абисса. До чего же велико могущество Кесселла, если он способен повелевать такими чудовищами!

Дзирт последовал за ними, держась на почтительном расстоянии. Он остерегался приближаться вплотную – ему было прекрасно известно, на что способны такие демоны. Подобные твари в изобилии водились в Подземье. И сейчас Дзирт лишний раз утвердился в мысли, что ему не по пути со своим народом.

Чуть позже он все-таки решился подобраться к отряду поближе. Его внимание привлек небольшой предмет, который демон сжимал в своих когтистых лапах. Даже на таком расстоянии эльф ясно почувствовал, сколь мощная сила исходит от него. Резко свернув в сторону, Дзирт отправился к Пирамиде Кельвина, надеясь, что склон горы станет более безопасной точкой для наблюдения.

Его глаза, привычные к полумраку подземного мира, лучше всего видели именно в эти предрассветные часы, и эльф, хотя и валился с ног от усталости, был твердо намерен к этому времени забраться на гору.

И вот он увидел плотное кольцо окружавших Брин Шандер костров. Вдали, на востоке слабо мерцали огоньки догоравших развалин того, что некогда было Кер-Конигом и Кер-Диневалом. Из Термалэйна то и дело доносились жуткие вопли ликующих дикарей, и Дзирт с горечью понял, что город на берегах Мир Дуальдона уже в руках захватчиков.

Вот небо озарилось голубоватыми отсветами приближающейся зари, и эльф сразу же стал видеть гораздо лучше. Глянув на южный склон долины дворфов, он с удовлетворением отметил, что скалы, в которой некогда были проделаны проходы в пещеры дворфов, больше нет. Он искренне порадовался тому, что по крайней мере люди Бренора, а с ними и Реджис в безопасности.

Но вид осажденного Брин Шандера глубоко огорчил его. Дзирт прекрасно помнил угрозы пленного орка, своими глазами видел следы прошедших по тундре полчищ врага, но даже представить себе не мог, что гоблинов может оказаться так много.

Появившееся из-за горизонта солнце ослепило его.

«Сколько же племен гоблинов ты собрал под свои знамена, Акар Кесселл? – простонал эльф. – И сколько исполинов считают тебя своим владыкой?»

Он знал, что защитники Брин Шандера продержатся ровно столько, сколько будет угодно Кесселлу. Их положение было безнадежным.

Эльф почувствовал смертельную усталость и осмотрелся по сторонам в поисках какой-нибудь щели, где он мог бы отдохнуть. Сейчас он ничем не мог помочь осажденным, а усталость от долгого перехода мешала спокойно рассуждать.

Он пошел по склону, но вдруг почувствовал, что на равнине происходит нечто необычное. Огромное расстояние и солнечный свет не позволили ему как следует присмотреться: армия гоблинов казалась сплошным черным пятном. Однако он понял, что теперь за дело взялся демон. Эльф напрягся и увидел, как большая черная тень отделилась от лагеря дикарей и оказалась в нескольких сотнях ярдов от Брин Шандера. Дзирт опять почувствовал присутствие сверхъестественной силы, словно в когтистых лапах демона пульсировало сердце какого-то загадочного существа.

Гоблины, держась, впрочем, на почтительном расстоянии, плотным кольцом окружили своего полководца и приготовились созерцать волшебное действо.

– Что это? – спросил Реджис, пробираясь среди столпившихся на крепостной стене жителей Брин Шандера.

– Демон, – объяснил Кассиус. – И довольно крупный.

– Мы пропали! – вскричал Гленсатер. – Нам ни за что не справиться с таким противником!

Тем временем демон поставил хрустальный камень на траву и, склонившись в глубоком поклоне, начал ритуал вызова волшебной силы. Отойдя на несколько шагов, он выкрикнул слова древнего заклинания, и в тот миг, когда солнце начало вставать из-за

горизонта, его голос сорвался на визг.

– Это что, стеклянный дротик? – спросил Реджис, зачарованно глядя на тускло мерцающий камень.

И тут на равнину упали первые утренние лучи светила. Хрустальный камень ярко блеснул и, как будто притянув их, явно наполнился при этом их энергией.

Затем он заблестел сильнее, и, по мере того как солнце вставало над горизонтом, исходящее от камня сияние начало стремительно усиливаться.

Собравшись на стене, жители Брин Шандера онемели от ужаса, решив, что Акар Кесселл имеет власть над самим солнцем. И лишь один Кассиус сохранил присутствие духа, сразу сообразив, как связана сила камня с животворными лучами светила.

И тут кристалл начал расти. При каждом новом толчке он слегка содрогался, чуть уменьшаясь в размерах, но потом вновь и вновь неуклонно тянулся ввысь. Пространство вокруг него было сплошь покрыто огромной черной тенью, он жадно впитывал в себя солнечный свет. Наконец его сияние стало столь ярким, что и заполнявшие долину гоблины, и стоявшие на крепостных стенах Брин Шандера люди были вынуждены отвернуться от слепящего блеска Кришал-Тири. И только стоявший на склоне горы эльф не отвел взгляда, ему подобные фокусы были не в диковинку. Так родилась третья башня. Завершив процесс созидания, Кришал-Тири немедленно прекратила поглощать свет, и равнина мгновенно оказалась залитой ясным и ровным сиянием утреннего солнца.

Демон, в восторге оттого, что его заклинания сработали, издал душераздирающий вопль и, сделав знак своим телохранителям следовать за ним, полез в зеркальную дверь башни.

Жители Брин Шандера и Таргоса взирали на волшебное строение со смешанным чувством благоговения и ужаса. Они не могли отвести взгляда от не по-земному прекрасной башни, но вместе с тем прекрасно понимали, каковы будут последствия ее появления. В долину явился сам Акар Кесселл, могущественный повелитель гоблинов и ледяных исполинов.

* * *

Гоблины и орки все как один дружно рухнули на колени и в едином порыве огласили просторы долины воплями приветствия своему повелителю.

«Кесселл! Кесселл!» – орали они с таким фанатичным восторгом, что стоявшие на стенах крепости люди невольно содрогнулись.

Дзирт был поражен той покорностью, которую чародей смог вселить в души обычно крайне независимых и свирепых гоблинов. Сейчас эльф со всей очевидностью понял, что для жителей Десяти Городов единственная возможность спастись состоит в смерти Акара Кесселла. И еще не успев толком обдумать, какие шаги ему придется предпринять для достижения цели, решил, что, чего бы это ему ни стоило, попытается разделаться с чародеем. Но прежде всего ему необходимо было хорошенько отдохнуть. Обнаружив на склоне Пирамиды Кельвина небольшую пещерку, он забрался в нее и скоро забылся в глубоком сне.

Кассиус тоже смертельно устал. Он всю ночь простоял на обдуваемой ледяными ветрами стене, внимательно изучая лагерь гоблинов в попытке определить, насколько все-таки прочно единство захватчиков. Порой до него доносились отдельные злобные выкрики, но ничего свидетельствующего о том, что армия врага в ходе осады может распасться, он не заметил. Сколько ни размышлял Кассиус, он никак не мог взять в толк, как чародею удалось добиться такого влияния на своих диких подданных. Но появление демона и возникновение Кришал-Тири ясно показывали, что Кесселл обладает невиданным могуществом. И Кассиус очень скоро пришел к тем же выводам, что и эльф.

Впрочем, в отличие от Дзирта, он, невзирая на горячие протесты Реджиса и Гленсатера, наотрез отказался идти отдыхать. Сейчас на плечах Кассиуса лежала ответственность за жизнь нескольких тысяч охваченных ужасом людей, находившихся под защитой стен Брин

Шандера. Нет, ему было не до отдыха. Необходимо было постараться найти хоть одно слабое звено в казавшейся безупречной стратегии чародея.

Поэтому весь первый день осады Кассиус провел на стене, внимательно наблюдая, как постепенно разграничиваются лагеря племен гоблинов, отражая различную степень их подчиненности волшебной силе Кришал-Тири.

* * *

А на востоке корабли Кер-Конига и Кер-Диневала встали на якорь напротив причалов опустевшего Истхейвена. Несколько экипажей отправились на берег и занялись сбором припасов, но большинство рыбаков остались на озере: ведь они не знали, насколько широко раскинулись боевые порядки восточного фланга армии Кесселла.

Енсин Брент и его соперник из Кер-Конига встретились на палубе «Охотника за туманом», флагманского корабля Кер-Диневала, и быстро обо всем договорились. Прежние разногласия между двумя городами растаяли как дым, и на палубах кораблей Лек Деннишира то и дело раздавались пламенные уверения в вечной дружбе. Посоветовавшись, оба выборных пришли к выводу, что нет смысла причаливать к берегу и пытаться спастись. По той простой причине, что им просто некуда бежать: армия Кесселла одинаково угрожает всем Десяти Городам, а Лускан находится в добрых четырехстах милях отсюда, да к тому же путь туда пролегает через захваченную врагом равнину.

Высадившиеся на берег рыбаки вскоре вернулись с радостной новостью: Истхейвен не испытал на себе ужасов нашествия. Енсин Брент тут же отправил на берег несколько экипажей – надо было набрать как можно больше продуктов и теплых вещей. Однако прежде всего следовало соблюдать осторожность, и потому большинство рыбаков остались на кораблях.

Вскоре пришла еще одна добрая весть.

Наблюдатель, сидевший в вороньем гнезде на мачте «Охотника за туманом», оповестил рыбаков о том, что он видит сигналы с Красных Вод: Гуд Мид и Дуган Хол не пострадали. Он достал стекло для передачи сообщений, которым рыбаки в солнечные дни пользовались для связи между озерами. И вскоре над водной гладью разнеслись его восторженные крики:

– Они отвечают на мои призывы!

– Где они находятся? – крикнул Брент.

– У восточного берега, – ответил дозорный. – Они оставили свои города и вышли в озеро, ибо там они будут в большей безопасности. Дикари еще не приближались к их городам, но они решили, что, до тех пор пока враг не покинет долину, лучше все-таки отсидеться на дальнем конце озера.

– Поддерживай с ними связь, – скомандовал Брент. – И дай нам знать сразу, как только узнаешь что-нибудь новое.

– Пока враг не покинет долину? – задумчиво сказал Шермонт, подходя к Енсину Бренту.

– Согласен, это более чем наивные мечты, – сказал Брент. – Но я рад, что наши братья на юге еще живы!

– Считаешь, что надо идти к ним и объединить наши силы?

– Пока нет, – ответил Брент. – Боюсь, что на равнине мы будем слишком уязвимы. Перед тем, как принять решение и начать действовать, надо прежде всего выяснить обстановку. Пока что нам нужна надежная связь с ними. Я считаю, что надо собрать добровольцев, чтобы доставлять сообщения на Красные Воды.

– Отправим гонцов немедленно, – согласился Шермонт.

Днем несколько добровольцев отправились в сторону Брин Шандера, чтобы разведать, как развиваются события у стен главного города долины.

Потрясение от внезапного вторжения захватчиков ввергло большинство спасшихся из Кер-Конига и Кер-Диневала в подавленное состояние. Енсин Брент был одним из немногих,

кто полностью сохранил самообладание. Выборный от Кер-Диневала был отважным воином и намеревался драться до последнего вздоха. Сейчас он принялся кружить на своем гордом флагмане вокруг стоявших на якорях судов, то и дело подбадривая рыбаков проклятиями и обещаниями жестоко отомстить Кесселлу.

Но сейчас им оставалось лишь терпеливо ждать новостей с запада. И вот, уже ближе к вечеру, пришли долгожданные вести.

– Город стоит! – восторженно прокричал дозорный, увидев вдали еле заметные проблески сигнального стекла. – Брин Шандер не сдастся!

Рыбаки поняли, что оптимизм Брента вполне обоснован, и горстка лишившихся крова людей вновь обрела уверенность в своих силах.

Тут же были высланы новые гонцы, чтобы как можно скорее оповестить рыбаков Красных Вод о том, что Кесселлу еще не удалось добиться полной победы.

Вскоре на обоих озерах воины принялись пересаживаться на наиболее быстрые и маневренные корабли, уступая женщинам и детям места на наиболее тяжелых и неповоротливых судах. Затем ставшие таким образом боевыми корабли расположились в центре озер и их экипажи тщательно проверили паруса, чтобы быть готовыми в любой момент броситься в бой.

* * *

Реджис присоединился к стоявшему на стене Кассиусу сразу же, как только наблюдатели заметили блеск сигнального стекла со стороны юго-восточного берега Лек Деннишира. Хафлинг проспал всю ночь и большую часть дня, рассудив, что, если уж ему суждено умереть, лучше сделать это, занимаясь любимым делом. Проснувшись, он был несказанно удивлен, так как, засыпая, вполне смирился с мыслью, что сон его будет вечным.

Сейчас Кассиус несколько иначе представлял себе армию Кесселла. Внимательно наблюдая за врагом, он составил обширный список слабых, как ему казалось, мест противника: орки то и дело сцеплялись с гоблинами, исполины были не прочь разделаться и с теми и с другими. И если бы удалось обратить против Кесселла извечную вражду между племенами гоблинов...

Да и сигналы с Лек Деннишира, и известие, что такие же вспышки были замечены со стороны Красных Вод, вселили в него надежду.

Но тут появился чародей, и надежды Кассиуса мгновенно рассеялись.

Все началось с того, что у подножия Кришал-Тири запульсировало и начало вращаться вокруг башни ярко-красное сияние. Затем у самой вершины возникло и закружилось в противоположном направлении сияние синего цвета. Медленно вращаясь, они начали движение навстречу друг другу и вскоре, слившись, приобрели зеленоватый оттенок, однако затем вновь разделились и снова закружились вокруг башни. Все, кто наблюдал это захватывающее зрелище, терялись в догадках относительно того, что произойдет дальше.

Огни начали вращаться быстрее, постепенно разгораясь все ярче, и вскоре основание башни оказалось окутано сплошным сиянием, настолько ослепительным, что многие из стоявших на стене зажмурились. И тут из облака света выступили два огромных тролля, державшие в руках большие, затейливо разукрашенные зеркала.

Сияние исчезло.

Вид мерзких тварей вызвал у людей естественное отвращение, однако они были настолько захвачены происходящим, что никто и не подумал отвернуться. Дикари прошествовали прямо к основанию холма Брин Шандера, встали друг напротив друга и расположили зеркала под углом – так, чтобы в них отражались ворота и крепостная стена.

С вершины Кришал-Тири ударили два ярких солнечных луча и, отразившись от зеркал, сошлись прямо между двух неподвижно стоявших троллей. Затем из башни ударила молния, пространство между троллями окуталось дымом, и, когда дым рассеялся, вместо сошедшихся в одной точке лучей возник маленький, тщедушный человечек, одетый в алую

атласную мантию.

Гоблины вновь рухнули на колени и уткнулись лицом в землю. Это был Акар Кесселл.

Чародей бросил взгляд в сторону стоящего на стене Кассиуса, и его тонкие губы скривились в злобной усмешке.

– Приветствую тебя, выборный представитель от Брин Шандера! – писклявым голосом прокричал чародей. – Рад видеть тебя в моем гостеприимном городе! – При этих словах он злорадно расхохотался.

Кассиус понял, что чародей знает его, хотя сам он не помнил, чтобы когда-либо видел этого человека. Он в замешательстве глянул на Реджиса и Гленсатера, но те лишь пожали плечами.

– Да, я знаю тебя, Кассиус, – сказал Кесселл. – Я рад видеть и тебя, Гленсатер. Я никогда не сомневался, что встречу тебя здесь. Ведь люди Истхейвена всегда были готовы вступить в любой союз, каким бы безнадежным он ни был!

Теперь настал черед Гленсатера в недоумении взглянуть на своих товарищей. И вновь никаких объяснений не последовало.

– Ты знаешь нас, – ответил Кассиус. – И в то же время мы не знаем тебя. Мне кажется, что на твоей стороне недостойное преимущество.

– Недостойное? – удивился чародей. – Все преимущества на моей стороне, глупый ты человек! – сказал он и вновь расхохотался. – Вам известно, кто я такой? Во всяком случае, Гленсатер меня знает.

Выборный от Истхейвена в ответ на вопросительный взгляд Кассиуса лишь пожал плечами, и это вывело чародея из себя.

– Я прожил в Истхейвене несколько месяцев, – прокричал он, – в облике ученика чародеев из Лускана. Я поступил мудро, не правда ли?

– Ты помнишь его? – тихо спросил Кассиус у Гленсатера. – Это может сыграть нам на руку.

– Возможно, он когда-то и останавливался в Истхейвене, – также шепотом ответил Гленсатер, – хотя вот уже несколько лет, как в наш город не наведывались караваны из Небесной Башни. Впрочем, мы рады всем гостям, и много чужестранцев посещают нас вместе с караванами торговцев... Но, если честно, я этого человека не припоминаю.

Кесселл явно был взбешен. Он нетерпеливо топнул ногой, и его улыбка сменилась зловещей гримасой.

– Возможно, мое теперешнее возвращение в долину Десяти Городов запомнится вам получше, безмозглые тупицы! – сказал он и, вытянув руки вперед, закричал: – Перед вами Акар Кесселл, владыка Долины Ледяного Ветра. Люди Десяти Городов, приветствуйте своего повелителя!

– Мне кажется, что ты чуть-чуть торопишься... – начал было Кассиус, но Кесселл истошным воплем прервал его.

– Не смей перебивать, когда говорю я! – в бешенстве заорал он. Вены на его шее набухли, а лицо налилось кровью.

Кассиус умолк, и Кесселл, похоже, несколько пришел в себя.

– Я проучу тебя, гордый Кассиус! – угрожающе прокричал он. – Я жестоко проучу тебя!

Обернувшись в сторону Кришал-Тири, он выкрикнул какое-то заклинание, и сверкающая башня вдруг окуталась тенью, словно не желая отражать солнечный свет. Затем она вспыхнула своим собственным светом, казалось не имеющим ничего общего с поглощенными солнечными лучами. И сияние это с каждым мгновением усиливалось.

– Перед вами Акар Кесселл! – объявил чародей, содрогаясь всем телом. – Убедитесь в великолепии Креншинибона и оставьте надежду на спасение!

Башня засияла еще сильнее, и по ее стенам, будто пытаясь вырваться наружу, заматались разноцветные языки пламени. В конце концов огонь заплясал на самой вершине Кришал-Тири и постепенно, пройдя все цвета радуги, стал столь ослепительно белым, что

затмил свет самого солнца.

Кесселл забился в экстазе.

И тут пламя вырвалось наружу.

Огромный язык огня устремился на север, в сторону Таргоса. Собравшиеся на его стенах люди тоже наблюдали за происходящим, хотя Кришал-Тири казалась им не более чем маленьким огоньком. Они понятия не имели о том, что происходит у стен главного города долины, как вдруг увидели стремительно приближающийся к ним огонь.

Но было уже слишком поздно.

Воплощенная в огне ярость Акара Кесселла ворвалась в гордый город, сея смерть и разрушения. В мгновение ока Таргос превратился в один сплошной пожар. Люди, оказавшиеся на пути колдовского пламени, обращались в пепел, не успев издать ни звука. Но те, кто сумел избежать мгновенной смерти – будь то женщины, дети или не раз смотревшие смерти в лицо, закаленные жизнью на просторах тундры мужчины, – все разом издали дикий крик ужаса. Их вопль донесся по водам озера до жителей Бремена и Одинокого Леса, до празднующих победу в стенах Термалэйна гоблинов и, наконец, до охваченных ужасом защитников Брин Шандера.

Легким взмахом руки Кесселл несколько изменил направление удара пламени, и, пройдя по дуге, огонь еще раз обрушился на Таргос. Вскоре в городе не осталось ни одного не охваченного огнем здания; сотни людей в муках катались по земле, пытаясь сбить пламя и задыхаясь в тяжелом, едком дыму.

Кесселл от души наслаждался происходящим.

Но тут его внезапно охватила дрожь, и он почувствовал, как едва заметно содрогнулась башня. Стиснув покоящийся в одном из карманов мантии камень, он понял, что на этот раз зашел слишком далеко, – не стоило подвергать силы Креншинибона столь тяжелому испытанию.

В это мгновение вдали от Брин Шандера рассыпалась в прах первая из воздвигнутых Кесселлом башен. То же самое произошло и со второй, стоявшей на просторах тундры. Камень, стремясь вернуть себе утраченные силы, был вынужден уничтожить их.

Кесселл почувствовал внезапную усталость и увидел, что сияние Кришал-Тири постепенно тает. Наконец оно исчезло совсем. Пламя погасло.

Впрочем, свое дело оно сделало.

Еще в самом начале нашествия Кемп и прочие члены Совета Таргоса поклялись, что не сдадут город врагу, пока будет биться сердце хотя бы одного защитника. Но сейчас даже упрямый Кемп понял, что остается одно – спасаться бегством. К счастью, город, на который наслал пламя Кесселл, располагался на некотором возвышении, и потому корабли не пострадали. Кроме того, в гавани Таргоса нашли приют оставшиеся без крова рыбаки Термалэйна. Поняв, что в Таргосе творится что-то страшное, они тут же стали поднимать паруса, решив как можно быстрее уйти подальше от пылающего города. Лишь несколько кораблей остались у пристани, чтобы подобрать спасающихся от огня людей.

Собравшиеся на стенах Брин Шандера оплакивали скорбную судьбу своих товарищей из Таргоса, но Кассиус, ни на минуту не оставлявший попыток определить уязвимые места врага, заметил, что с Кесселлом не все в порядке. Конечно же, трагедия Таргоса потрясла Кассиуса, но он ни в коем случае не хотел, чтобы Кесселл застал его в момент душевной слабости, и потому, стиснув зубы, бросил на чародея свирепый, полный ненависти взгляд.

Заметив это, Кесселл расхохотался:

– Не стоит впадать в ярость, мой бедный Кассиус. Это не поможет!

– Ты подлый бешеный пес! – взорвался Гленсатер. – А бешеных псов следует безжалостно убивать!

Но Кассиус, вытянув руку, остановил его.

– Спокойствие, мой друг, – прошептал он. – Главное – не дать ему почувствовать наше смятение. Пусть болтает, что хочет, глядишь, мы и узнаем что-нибудь важное.

– Бедный Кассиус, – саркастически усмехнулся Кесселл, и его лицо вдруг исказила

злобная гримаса. Столь резкая перемена настроения чародея не ускользнула от внимания Кассиуса, который тут же сопоставил это со своими прежними наблюдениями.

– Люди Брин Шандера, хорошенько запомните то, что вам довелось увидеть! – прокричал Кесселл. – Покоритесь своему повелителю, или вас постигнет такая же участь! А ведь у вас за спиной нет воды. Вам бежать некуда!

Слушай меня внимательно, Кассиус. Завтра утром вы пришлете ко мне гонца, который принесет мне весть о безусловной сдаче города! А если ваша гордыня воспротивится такому решению, вспомните крики жителей гибнущего в огне Таргоса! И взгляните на останки этого несчастного города на берегах Мир Дуальдона! Утром город еще будет пылать!

В этот момент к Кассиусу подбежал один из воинов.

– С башни удалось разглядеть, что множество кораблей покинули причалы Таргоса. И мы заметили блеск сигнального стекла.

– А что Кемп? – спросил Кассиус.

– Он жив и поклялся жестоко отомстить Кесселлу, – ответил воин.

Кассиус облегченно вздохнул. Он недолюбливал выборного от Таргоса, но в то же время прекрасно знал, что такой испытанный боец будет сейчас крайне полезен.

Кесселл услышал их разговор и вновь обратился к Кассиусу:

– А куда деваться кораблям?

Кассиус, внимательно наблюдая за своим противником, промолчал, но Кесселл сам ответил на свой вопрос.

– В Бремен? Не выйдет! – сказал он и, картинно щелкнув пальцами, подал знак маячившим за его спиной гоблинам. И сразу же огромный отряд дикарей, покинув боевые порядки, устремился на запад, к Бремену.

– Видишь? Бремен падет еще до рассвета, и еще много кораблей выйдут сегодня в озеро. То же самое произойдет и с лесным городом – думаю, ты можешь представить, чем это закончится. Да и что толку скрываться на озерах, когда наступит зима? – прокричал Кесселл. – Как далеко смогут они уплыть от меня по скованной льдом воде?

И чародей вновь рассмеялся. На этот раз зловеще.

– Да и как вообще вы сможете защититься от Акара Кесселла?

Кассиус и чародей с ненавистью смотрели друг на друга. Последние слова Кесселл произнес угрожающим шепотом, но Кассиус прекрасно их расслышал.

А на Мир Дуальдоне Кемп в бессильной злобе взирал на пылающий Таргос. Рядом его перепачканные сажей воины оплакивали погибших в огне родственников и друзей, посылая в адрес врага проклятия.

Но, как и Кассиус, Кемп быстро пришел в себя. Как только дозорные заметили устремившихся к Бремену гоблинов, он немедленно послал туда одну из своих наиболее быстроходных шхун, чтобы вовремя предупредить город о грозящей беде. Другая шхуна ушла в Одинокый Лес, с тем чтобы просить его жителей предоставить беженцам пищу, одежду, а возможно, и пристань.

Глава 25 ЭРРТУ

Дзирт проснулся и вылез из пещеры, когда на горизонте угасали последние отблески лучей заходящего солнца. Бросив взгляд на юг, эльф содрогнулся. Ему следовало бы поспать еще, но, увидев огни горящего Таргоса, он ощутил острое чувство вины.

Во сне, если так можно назвать самосозерцательное полузабытье, в которое, отдыхая, впадают эльфы, он ни на мгновение не забывал о происходивших в долине трагических событиях и пылливо прощупывал свои воспоминания. Дзирт пытался распознать то загадочное ощущение, которое странным образом возникло у него накануне, когда он почувствовал присутствие демона. Хотя прошлой ночью ему и не удалось рассмотреть чудовище с близкого расстояния, было в этом демоне нечто знакомое, затронувшее струны его далеких

воспоминаний.

Когда существа, населявшие низшие уровни бытия, посещали этот мир, их неизменно окружала некая сверхъестественная аура, которую темные эльфы, наиболее тонко чувствовавшие все необычное, давным-давно научились распознавать. Сейчас Дзирт уже не сомневался: он знает, что это за демон.

«Эррту», – прошептал эльф, внезапно вспомнив имя мерзкой твари.

Он вспомнил имя демона и теперь мог вызвать его.

* * *

Дзирт потратил почти час на поиски места, откуда он мог бы вызвать демона, и еще несколько часов ушло на то, чтобы как следует подготовиться к ритуалу. Прежде всего, хотя Дзирт и надеялся, что ему удастся справиться с врагом без боя, надо было обустроить место встречи так, чтобы сама обстановка лишила демона его главных преимуществ – громадного роста, чудовищной силы и, что самое главное, возможности летать. Люди, знавшие эльфа, считали его отважным и даже самоуверенным воином, но так он вел себя с обычными, смертными противниками. С демоном, и в особенности с обладавшим такой мощью, как Эррту, все обстояло по-другому. В молодости Дзирт нередко бывал свидетелем чудовищной силы этих существ. Он не раз видел, как рушились большие здания, – демоны своими когтистыми лапами запросто вырывали из стен огромные камни. Ему приходилось видеть, как люди, искусные в общем-то воины, обрушивали на демонов удары, способные убить даже огра, и спустя мгновение с ужасом убеждались, сколь бесполезно их оружие против обитателей низших уровней бытия.

Его соплеменники испокон века ладили с демонами, и те относились к эльфам как к равным. Зачастую они заключали основанные на строгом равноправии союзы, а порой демоны с удовольствием шли на службу к темным эльфам, прекрасно зная, сколь сильным оружием и какими колдовскими способностями те обладают. Но все это было в подземном мире – ведь именно там магические силы земных недр наполняли оружие эльфов колдовской силой. Однако теперь у Дзирта такого оружия не было. Вскоре после того как он вышел на поверхность, оно утратило свою силу. Сейчас эльф искренне сомневался, будет ли вообще какой-то толк от сабель и ножей, которыми он вооружен. Но далее если и так... Да и вообще уничтожить Эррту здесь, вне пределов его родного уровня бытия, невозможно. Если дело дойдет до драки, самое большее, на что он мог рассчитывать, так это вышвырнуть Эррту с материального уровня, причем от силы лет на сто.

Нет, драться с демоном он будет лишь в самом крайнем случае.

Но все-таки он должен попытаться сделать хоть что-то, чтобы помешать чародею, напавшему на города долины. Сейчас ему было необходимо выяснить как можно больше: вдруг удастся найти хоть какие-то слабые места врага... Эльф решил действовать хитростью, полагая, что Эррту знает и помнит о темных эльфах достаточно много, чтобы поверить его рассказам, и одновременно не так много, чтобы поймать его на лжи.

Для общения с демоном Дзирт выбрал небольшое заросшее кустарником ущелье, располагавшееся в тени огромных скалистых утесов. Половину пространства занимало напоминавшее остроконечную крышу нагромождение сходящихся выступов. Эльф выбрал это ущелье еще и потому, что отсюда не была видна Кришал-Тири и, следовательно, их с демоном оттуда заметить не смогут. Окинув довольным взглядом место будущей встречи с чудовищем, Дзирт достал кинжал и принялся обустривать камень, на котором ему предстояло восседать в момент вызова Эррту. Разметив пол и стены ущелья, он начал выцарапывать на них магические руны. За многие годы, прошедшие с тех пор, как он в последний раз занимался этим делом, он многое подзабыл и знал, что начертание символов далеко от совершенства. И все-таки они были необходимы в качестве защиты на случай, если Эррту вдруг вздумает броситься на него.

Закончив с рунами, он, скрестив ноги, уселся под навесом в защищенном магическими

знаками углу и извлек из своего мешка статуэтку, с которой никогда не расставался: Гвенвивар поможет проверить надежность защиты.

Огромная кошка мгновенно откликнулась на его призыв. Она словно из-под земли возникла на противоположном конце ущелья и встревоженно огляделась по сторонам, пытаясь понять, что угрожает ее хозяину. Ничего не обнаружив, она с любопытством уставилась на Дзирта.

– Иди сюда, – позвал эльф и призывно взмахнул рукой. Пантера двинулась к нему и вдруг, словно наткнувшись на невидимую стену, застыла на месте. Дзирт, убедившись, что его символы таят в себе силу, облегченно вздохнул. То, что руны делают свое дело, вселило в него уверенность. Однако он прекрасно понимал, что Эррту тщательно проверит их защитное действие и, возможно, найдет способ преодолеть препятствие.

Гвенвивар, пытаясь сообразить, что же остановило ее, удивленно помотала головой. Незримое препятствие вовсе не было непреодолимым, но команды хозяина, одновременно и подзывавшего, и отталкивавшего ее, запутали кошку. Она уже было решила, собравшись с силами, преодолеть барьер. Но то, что хозяин обрадовался ее замешательству, заставило ее передумать. Поэтому она просто присела и стала ждать.

А Дзирт тем временем принялся изучать стены ущелья в поисках наиболее удобного уступа, на котором могла бы притаиться его спутница и откуда ей, в случае чего, предстояло внезапно броситься на демона. Обнаружив подходящее место, эльф попросил кошку занять позицию и не атаковать врага без сигнала. Затем, прислонившись спиной к стене, эльф целиком ушел в размышления о том, как ему построить беседу с демоном.

А в это время Эррту сидел в гареме Кесселла, в стоящей посреди равнины башне, следя за тем, как злобный чародей развлекается со своими лишенными разума наложницами. В глазах демона полыхало плохо скрываемое отвращение к Кесселлу. Это ничтожество, задумав продемонстрировать людям свое могущество, чуть не сорвало планы победоносной кампании. Положение усугублялось еще и тем, что накануне чародей отказался разрушить две пустующие башни, тем самым еще более истощив силы Креншинибона.

Эррту был несказанно рад, когда, вернувшись в Кришал-Тири, Кесселл при помощи зеркал общения убедился в том, что две другие башни рассыпались. Создавая эту, третью, демон предупреждал чародея, чем это может закончиться. Но тот, становясь с каждым днем все упрямее, вбил себе в голову, что советы Эррту и Креншинибона направлены лишь на то, чтобы ослабить его власть.

Именно поэтому, услышав разносящийся над долиной призыв Дзирта, Эррту испытал облегчение и с радостью откликнулся на зов. Правда, он не сразу поверил своим ощущениям, но вот призыв повторился, и демон невольно задрожал. Скорее заинтересованный, чем рассерженный тем, что какой-то смертный вздумал вызывать его здесь, в этой долине, он, мигом забыв о жалком чародее, сорвался с места и покинул Кришал-Тири.

Призыв, нарушив монотонные завывания ветра, прозвучал вновь, как если бы на гладкой поверхности пруда вдруг возникла увенчанная белой шапкой пены волна.

Расправив крылья, Эррту взмыл над равниной и устремился на север. Гоблины с дикими воплями разбежались в разные стороны, пытаясь увернуться от его зловещей тени, – даже тусклый свет лунного полумесяца казался ярким сиянием в сравнении с тенью тьмы, которая неслась по земле следом за обитателем Абисса.

Дзирт перевел дух. Он с каждым мгновением все яснее чувствовал приближение монстра, по мере того как демон, покинув просторы Прохода Бремена, стремительно неся к склону Пирамиды Кельвина. Гвенвивар, которая дремала, положив голову на лапы, тоже встрепенулась. Почувствовав приближение злобной твари, она забилась поглубже в расположенную поблизости щель и, уверенная, что ее природная скрытность обманет даже на редкость острые чувства демона, притаилась в ожидании команды хозяина.

Эррту сложил свои обтянутые толстой кожей крылья и ринулся в ущелье. Он сразу безошибочно определил местонахождение того, кто его вызвал, и, хотя, чтобы пролезть в

щель, ему пришлось согнуться в три погибели, демон даже не обратил внимания на подобную мелочь, злорадно предвкушая, как, удовлетворив свое любопытство, он разделается с презренным глупцом, дерзнувшим произнести его имя.

Увидев, как в ущелье протискивается огромная туша демона, Дзирт поначалу растерялся и лишь чудом сохранил самообладание. Сейчас, когда эта тварь явилась на зов, пришло время действовать. Бежать было поздно.

Демон, увидев Дзирта, остолбенел. Прошло уже много столетий с тех пор, как Эррту в последний раз встречался с темными эльфами, и уж где-где, но на поверхности земли увидеть их никак не предполагал.

И тем более здесь, в насквозь промерзшей тундре крайнего севера.

– Приветствую тебя, повелитель хаоса! – торжественно произнес Дзирт и низко поклонился демону. – Я Дзирт До'Урден из рода Дармон Н'а'шезбернон, девятого в Мензоберранзане. Добро пожаловать, демон!

– Далековато же ты забрался, темный эльф, – почуяв неладное, пробормотал демон.

– Как и ты, великий демон Абисса, – невозмутимо ответил Дзирт. – И если я не ошибаюсь, в столь дальние пределы нас с тобой привело одно и то же.

– Зачем я здесь оказался – это мне прекрасно известно, – ответил Эррту. – А вот дела эльфов всегда были вне пределов моего понимания... Да, впрочем, никогда особенно меня и не интересовали!

Дзирт почесал костлявый подбородок и многозначительно кашлянул. Все его тело было напряжено, он чувствовал, что вот-вот покроется испариной. Еще раз кашлянув, он решительно отогнал растущее чувство страха, Если эта тварь заметит его волнение, ему несдобровать.

– Да, но на этот раз, впервые за долгие годы, наши дорога, похоже, вновь пересеклись, о могущественный разрушитель. Мой народ в некотором смысле интересуется чародеем, которому ты сейчас служишь.

Эррту выпятил грудь, и его красные глаза злобно сверкнули.

– Служу, говоришь? – переспросил он, и голос демона задрожал так, словно он едва сдерживал ярость.

Дзирт мгновенно сделал выводы.

– Судя по всему, о могущественное воплощение основ хаоса, чародей обладает некоторой властью над тобой. Ведь ты же неотступно находишься при нем, разве не так?

– Я никогда не служу людям! – прорычал Эррту и топнул ногой так, что содрогнулись стены ущелья.

Дзирт прикинул, не послужит ли этот жест началом поединка, победить в котором у него не было никаких шансов, и хотел было уже послать сигнал Гвенвивар... Кошка могла помочь выдержать первые удары противника.

Но демон внезапно успокоился. Он догадался, что могло привести в эти края эльфа, и потому испытующе взглянул на Дзирта.

– Служу чародею? – расхохотался он. – Да этот Акар Кесселл – полное ничтожество даже по меркам людей! И ты прекрасно знаешь это, эльф. Даже и не пытайся отрицать. Ты явился сюда за тем же, зачем и я. За Креншинибом. И будь проклят Акар Кесселл!

Удивленный вид эльфа смутил демона – настолько он был уверен в правильности своей догадки.

– Креншинибон, – пояснил он, ткнув огромной когтистой лапой за спину, в сторону юга. – Древний оплот сил зла.

– Ты имеешь в виду башню? – спросил Дзирт.

Вконец сбитый с толку демон рассвирепел.

– Не вздумай водить меня за нос! – прорычал он. – Темным эльфам прекрасно известны возможности Креншинибона, иначе вы ни за что не поднялись бы на поверхность и не отправились на его поиски!

– Ну хорошо, хорошо, ты угадал, – с видимой неохотой признал Дзирт. – Но я должен

быть уверен в том, что стоящая на равнине башня – это действительно то, что мне нужно. Мои повелители не знают жалости к лазутчикам, не до конца выполнившим задание.

Припомнив отведенные для пыток пещеры Мензоберранзана, Эррту злорадно усмехнулся. Ничего не скажешь, порой ему было ужасно приятно вспомнить годы, проведенные в служении темным эльфам!

Дзирт умело направил беседу в нужное русло. Прежде всего необходимо было выяснить возможные уязвимые места Кесселла и его башни.

– Меня смущает одно, о внушающее ужас средоточие неукротимого зла, – сказал эльф, внимательно следя за тем, чтобы льстивые титулы, которыми он награждал демона, не повторялись. – По какому праву чародей обладает Креншинибомом?

– Ни по какому! – взревел Эррту. – Чародей! Бах! Да, если хочешь знать, по сравнению с темными эльфами он не тянет даже на жалкого ученика. Этот недоумок не может произнести даже простейшего заклинания. Но что тут говорить, судьба нередко играет с нами злые шутки. Впрочем, я считаю, что это даже и к лучшему. Пусть немного поразвлечется, испытает пару мгновений торжества. Ведь люди живут так мало!

Дзирт знал, что затеял рискованную игру, но она того стоила. Даже находясь лицом к лицу с демоном, он сейчас был в большей безопасности, чем защитники Брин Шандера.

– И все-таки мои хозяева всерьез обеспокоены тем, что волшебная башня может пострадать в ходе предстоящего сражения.

Эррту еще раз взгляделся в лишенное выражения лицо Дзирта. Вмешательство темных эльфов существенно усложняло его план унаследовать Креншинибон от Кесселла. Если могущественные эльфы Мензоберранзана захотят заполучить камень, рано или поздно так оно и произойдет, в этом демон не сомневался. И уж, конечно, Кесселл даже при помощи самого Креншинибона никак не сможет справиться с ними. Сейчас одно только появление эльфа разом смешало все планы демона. Ах, как было бы здорово отобрать у Кесселла камень и смыться подальше, пока темные эльфы всерьез не втянулись в эту историю.

Эррту никогда не считал эльфов врагами. Возможно, союз с темным эльфом окажется выгодным обеим сторонам.

– Скажи мне, о первый среди истинных защитников идеалов тьмы, – продолжал Дзирт, – Креншинибон в опасности?

– Бах! – фыркнул Эррту. – Даже башня, а она всего лишь его жалкое подобие, по сути, неприступна. Она поглощает все направленные на ее стены удары и тут лее отправляет их назад тем, кто их наносит! Но самое мощное зло заключено в ее сердце, в пульсирующем кристалле, а уж он-то надежно спрятан. И можешь мне поверить, находится в полной безопасности!

– Внутри?

– Конечно.

– Но если кто-нибудь ухитрится проникнуть внутрь башни... – еле слышно, будто рассуждая сам с собой, пробормотал Дзирт, – насколько хорошо защищен кристалл против этого?

– Это невозможно! – ответил демон. – Твоим хозяевам должно быть прекрасно известно, что дверь Кришал-Тири абсолютно невидима и неосязема для всех существ, живущих в пределах того уровня, на котором она стоит. Никто из рожденных в этом, материальном, мире, включая и твоих соплеменников, не может проникнуть внутрь!

– Но... – упорствовал Дзирт. Эррту не дал ему закончить.

– Даже если кто-то и ухитрится пролезть внутрь, – прорычал демон, раздраженный сомнениями эльфа, – он для начала встретится со мной... А возможности Кесселла, когда он находится внутри башни, и вообще почти безграничны, ведь он стал продолжением самого Креншинибона, живым воплощением неистребимых сил зла! Этот камень – сердце, которое управляет всем – от общения Кесселла с башней и до самых...

Внезапно демон, почуяв в вопросах Дзирта подвох, замолчал. Если искушенные в колдовстве эльфы и впрямь так хотят заполучить Креншинибон, то почему им так мало

известно о его силе и слабостях?

И тут Эррту понял свою ошибку. Увидев этого эльфа, он был настолько поражен одним лишь фактом его появления в тундре, что не обратил внимания на его внешность, а ведь изменить свой облик мог почти любой, даже самый младший по рангу чародей. Убедившись затем, что перед ним все-таки настоящий эльф, Эррту счел его поведение правдоподобным, все вполне соответствовало повадкам этого народа.

Но существа, населявшие низшие уровни бытия, могли выжить, доверяя лишь самим себе.

И Эррту принялся внимательно изучать одежду Дзирта. Единственным, что могло бы подтвердить слова эльфа, была тонкая серебряная цепочка... на ней должен был болтаться мешочек с его личными сокровищами. Внимательно присмотревшись, демон разглядел еще одну, совсем тонкую цепь и заметил, что, будучи длиннее первой, она исчезает в складках куртки эльфа.

Решив, что это может быть полезным свидетельством, Эррту ткнул пальцем в сторону цепочки, выкрикнул заклинание и тут же поднял палец вверх.

Почувствовав, что амулет выскальзывает из-под куртки, Дзирт напрягся, но было уже поздно. Перевалившись через ворот, амулет повис у него на груди поверх одежды.

Эррту сощурился, и его морда растянулась в злобной ухмылке.

– Необычный для темного эльфа выбор, не правда ли? – саркастически усмехнулся он. – Честно говоря, я ожидал увидеть амулет, изображающий Ллос, богиню вашего народа. А тут...

Да-а... Ее это вряд ли обрадовало бы! – заключил демон. Откуда ни возьмись, в руках демона появились огромная многохвостая плеть и кривой зазубренный клинок.

В голове Дзирта мигом пронеслись сотни возможных объяснений. Он без труда подобрал бы наиболее правдоподобное, и оно наверняка устроило бы демона. Но эльф вдруг тряхнул головой и решил, что на этот раз он лгать не будет и ни за что не предаст свое божество.

На длинной серебряной цепочке висел подарок Реджиса – белоснежная однорогая головка богини Миликки, вырезанная хафлингом из черепа одной из тех немногих рыб, которых он поймал собственными руками. Когда Реджис преподнес ему этот амулет, Дзирт был тронут до глубины души и до сих пор считал его одним из наиболее удачных творений хафлинга.

– Кто ты, эльф? – грозно спросил Эррту. Демон уже решил, что эльфа придется убить. Но сначала следовало разобраться что к чему. – Я впервые вижу темного эльфа, живущего на поверхности, да к тому же поклоняющегося богине Леса!

Эррту повидал на своем веку немало темных эльфов, но ему ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-то из них покинул свой подземный мир. Эльфы, все до одного, безжалостные убийцы. И даже его, великого демона хаоса, они научили нескольким способам пыток, о которых он понятия не имел и которые он никогда бы не придумал самостоятельно.

– Я Дзирт До'Урден – это действительно так, – ответил Дзирт. – Я тот, кто навсегда покинул свой мир, свой род Дармон Н'а'шезбернон. – Поняв, что теперь поединок с демоном неизбежен, Дзирт начисто лишился страха, и к нему вернулось хладнокровие бойца, готового обратить в свою пользу любую, даже самую мелкую оплошность врага. – Я странник, который верно служит Гверону Виндстрому, одному из подданных богини Миликки, – с этими словами эльф низко поклонился, давая понять демону, что он сказал о себе все, что считает нужным.

Когда Дзирт выпрямился, в его руках хищно блеснули сабли.

– Я должен победить тебя, исчадие скверны, – объявил эльф. – И я вышвырну тебя отсюда назад, под сень вечно беспокойных небес бездонного Абисса. Под солнцем этого мира для таких, как ты, места нет.

– Ты ошибаешься, эльф, – сказал демон. – Ничего у тебя не выйдет. Ты предал свой

народ и теперь еще смеешь утверждать, что способен взять верх надо мной! – Каменистое дно ущелья вокруг Эррту вспыхнуло и озарилось множеством языков пламени. – Из уважения к твоим сородичам я хотел было убить тебя одним ударом, не причиняя страданий. Но твоя наглость бесит меня, и потому я заставлю тебя мечтать о смерти! Иди же сюда, отведай моего пламени!

От жара пламени, плясавшего вокруг монстра, Дзирт и так еле стоял на ногах; отблески огня немилосердно разъедали его непривычные к яркому свету глаза, а огромная туша демона представлялась ему сейчас неуловимо расплывающейся тенью. Увидев, как справа от демона тень сгустилась, он понял, что Эррту взмахнул своим ужасным мечом. Дзирт приготовился защищаться, но в этот момент его противник дернулся в сторону и издал дикий вопль.

Гвенвивар крепко вцепилась в занесенную для удара лапу.

Демон, вытянув лапу, пытался прижать огромную кошку к стене, а Гвенвивар что было сил царапала и кусала его, в клочья разрывая кожу и мышцы.

И все-таки Эррту решил на мгновение забыть о кошке; демон не сомневался, что с ней он всегда успеет разделаться. Прежде всего необходимо было покончить с эльфом. У демона был огромный опыт общения с этими существами – опыт, который красноречиво свидетельствовал, что от темных эльфов можно ждать любой подлости. Эррту слишком часто видел, как при помощи своих бесчисленных военных хитростей они шутя расправлялись даже с самыми могучими противниками.

Плеть монстра с необычайной силой хлестнула Дзирта по ногам, и он, все еще ослепленный пламенем, не успел ни отразить удар, ни отскочить в сторону. Как только хвосты плети коснулись ног эльфа, Эррту резко взмахнул рукоятью и легко опрокинул его на спину.

Страшная боль обожгла ноги Дзирта, и он, упав на камни, почувствовал, как воздух разом покинул его легкие. Он знал, что медлить нельзя, но сплоти пламени и внезапность атаки Эррту сбили его с толку. Он догадался, что его тащат по камням... Вот жар усилился... Чуть приподняв голову, Дзирт увидел, как его опутанные хвостами плети ноги приближаются к огню. «Вот и все», – тихо сказал он самому себе.

...Странно, но его ноги не чувствовали пламени. Так и не услышав крика беспомощной жертвы, Эррту дернул за рукоять плети сильнее и целиком втянул Дзирта в огонь. Уже приготовившийся было умереть эльф вдруг осознал, что пламя даже не греет его.

И тут огонь, протестующе зашипев, исчез, будто его и не было вовсе.

Ни один из противников не понял, что произошло.

Эррту вновь ударил первым. Наступив своей тяжелой лапой на грудь эльфа, он решил растереть Дзирта по земле. Тот, не мешкая, всадил одну из своих сабель в огромную ступню врага, но это не помогло: его оружие было бессильно против существа из другого мира.

И тогда Дзирт выхватил новую саблю, ту самую, что он забрал в качестве трофея из пещеры белого дракона, и что было силы ударил ею в колено монстра. Рукоять сабли мгновенно нагрелась и обожгла Дзирта, но затем вновь стала холодной как лед, словно преодолев жизненные силы Эррту силой холода. Тут-то Дзирт и сообразил, почему погасло пламя.

Демон сначала завыл от ужаса, после чего взревел от дикой боли. Такого ему еще не приходилось испытывать. Он отскочил и дернулся в сторону, стараясь избавиться от застрявшего в колене клинка, и протащил за собой Дзирта, который твердо решил не выпускать саблю из рук. Демон отшвырнул Гвенвивар, и она, сорвавшись с его лапы, с силой ударила о стену ущелья.

Дзирт изумленно взирал на рану сумевшего так освободиться от сабли демона. Из раны била струя пара, а ее края стремительно покрывались коркой льда!

Но и для эльфа удар не прошел бесследно. В борьбе с могучим демоном сабля как будто отняла часть жизненной силы у своего хозяина.

Сейчас ему показалось, что у него не хватит сил даже на то, чтобы встать. Но нет,

спустя мгновение эльф, вытянув саблю прямо перед собой, уже твердо стоял на ногах... Можно было подумать, что, охваченное жадой убийства, оружие само тянет его в бой.

Вход в ущелье был слишком узок для чудовища, Эррту не сумел ни уклониться, ни отпрянуть.

Сабля легко пронзила его брюхо.

Этот удар забрал у Дзирта последние силы, и эльф рухнул на землю. Упав на острые камни, он скорчился от боли. Но тем не менее он сумел перевернуться на бок, чтобы видеть, что произойдет дальше.

Эррту вскочил на один из выступов стены ущелья. Демона била дрожь. Он попытался было расправить крылья, но они не слушались его. Сабля Дзирта, окутавшись белоснежным сиянием, продолжала делать свое дело. Демон не мог даже прикоснуться к ней – ее волшебная сила, созданная именно для борьбы с пламенем, неумолимо вела поединок к концу.

Содрогаясь от дикой боли, Эррту в сердцах проклинал себя за беспечность, за глупую уверенность в том, что он способен разделаться с любым смертным. Демон не учел того, что придется столкнуться с таким страшным оружием, о существовании которого он, впрочем, и не подозревал.

Из внутренностей демона вырывались клубы пара.

– Итак, ты все-таки изгнал меня, коварный эльф! – простонал Эррту.

Дзирт, не в силах даже открыть рот, изумленно взирал на то, как с каждым мгновением сгущается белая пелена и уменьшается в размерах черная тень чудовища.

– Сто лет, эльф! – прохрипел Эррту. – Не такой уж и большой срок для нас с тобой! – Облако пара качнулось, и тень демона исчезла окончательно.

– Всего одно столетие, Дзирт До'Урден, – донесся откуда-то издалека еле слышный голос Эррту. – Пройдут сто лет, и однажды, глянув через плечо, ты поймешь, что Эррту рядом!

Спустя несколько мгновений пар растаял.

Последнее, что услышал Дзирт, был звон клинка, упавшего с уступа, на котором только что стояло чудовище.

Глава 26

ПО ПРАВУ ПОБЕДИТЕЛЯ

Вульфгар откинулся в кресле, стоявшем во главе стола в наспех построенном Медовом Зале, и нетерпеливо постукивал ногой, ожидая, когда будут произнесены все предусмотренные ритуалом речи. Он знал, что время не ждет и воины уже давно должны быть на марше, но приходилось терпеть. Ведь именно возвращение к веками устоявшимся традициям делало его в глазах вечно подозрительных варваров выше и мудрее тирана Хифстаага.

Не следовало забывать и о том, что он вернулся к своему народу после почти пятилетнего отсутствия, тут же вызвал на бой правившего долгие годы короля и уже на следующий день был коронован как Вульфгар – король народа Лося.

Хотя Вульфгар и не собирался править долго, он был твердо намерен править так, чтобы ни в чем не походить на своего злобного и коварного предшественника. Он не станет приказывать, он лишь попросит воинов собравшихся здесь племен последовать за ним на бой. Вульфгар прекрасно понимал, что воин-варвар был существом, движимым исключительно свирепой гордыней. Лишенные независимости – а именно этого добился Хифстааг, поправший права остальных королей, – варвары в бою ничем не отличались от прочих людей. Именно потому Вульфгар считал, что прежде всего необходимо вернуть воинам утраченное самолюбие, и лишь тогда у них появится хоть какой-то шанс на удачу в борьбе против армии чародея.

Потому-то и был выстроен Медовый Зал, и в нем впервые за прошедшие пять лет

прозвучал призыв к Турниру Песнопения и состоялось состязание между племенами, которые все эти годы задыхались под властью Хифстаага.

Вульфгар не сразу решился объявить о строительстве огромного шатра из оленьих шкур. Он знал, как дорог сейчас каждый день, и разрывался между желанием восстановить добрую традицию и необходимостью. Оставалось вдобавок лишь надеяться, что, готовясь к походу, Кесселл не заметит отсутствия короля варваров. Хотя, если у чародея была на плечах голова, подобное представлялось маловероятным.

Сейчас Вульфгар терпеливо ждал, с радостью отмечая, что в глазах соплеменников вновь загорается пламя гордости.

– Как в старые времена? – негромко спросил Ревджак, присаживаясь рядом с ним.

– Да, как в добрые старые времена, – ответил Вульфгар.

Ревджак, решив не нарушать покоя молодого короля, с улыбкой прислонился к обтянутой оленьей шкурой стене шатра. А Вульфгар стал ждать, когда наступит подходящий момент, чтобы обратиться к собравшимся с речью.

Тем временем в дальнем конце зала начался турнир по метанию топора. Метнуть его следовало так, чтобы он, вонзившись в бочонок с напитком, пробил в нем дыру. Успешность броска определялась по тому, сколько кружек удавалось наполнить вытекающим из отверстия напитком.

Вульфгар понял, что время пришло. Он встал со стула и на правах хозяина Совета попросил разрешения совершить первый бросок. Воин, выбранный распорядителем, дал свое согласие и пригласил Вульфгара занять место у отметки, с которой выполнялись броски.

Вульфгар поднял на плечо Клык Защитника.

Воины возбужденно зашептались. Никто прежде не участвовал в подобном состязании с боевым молотом. Но сейчас варвары мигом позабыли о правилах – всем, и тем, кто присутствовал при схватке Вульфгара с Хифстаагом, и тем, кто знал о ней лишь по рассказам, не терпелось своими глазами увидеть в действии чудесный молот, разбивший жуткий топор Хифстаага. В дальнем конце зала на стол была поставлена бочка с медовым напитком.

– Поставьте позади нее еще одну, – потребовал Вульфгар. – И еще одну за той!

Затем, сосредоточившись на том, что ему предстояло совершить, он напрочь забыл о присутствующих.

Три бочки выстроились в ряд, и толпа воинов расступилась в ожидании броска. Вульфгар глубоко вздохнул и, задержав дыхание, собрался с силами. Затем изумленные варвары, не веря своим глазам, увидели, как Клык Защитника, бешено вращаясь, пересек зал и вдребезги разнес все три бочки, после чего, с треском пробив стену Медового Зала, вылетел наружу. Стоявшие у самых дверей воины, пытаясь проследить за его полетом, выскочили из шатра, но молот уже растаял во мраке ночи.

Они уже было решили отправиться на поиски, но Вульфгар остановил их. Вскочив на стол, он вытянул руки перед собой и обратился к своим соплеменникам.

– Слушайте меня, воины северных равнин! – вскричал он. Увидев вновь оказавшийся в руках короля молот, воины лишились дара речи, а некоторые благоговейно опустили на колени. – Я Вульфгар, сын Беорнегара и король народа Лося. Но сейчас я обращаюсь к вам не как король, а как обычный воин, охваченный ужасом от сознания бесчестия, которым Хифстааг хотел всех нас запятнать!

Зная, что он сейчас полностью владеет вниманием присутствующих, и не сомневаясь, что правильно понимает охватившие их чувства, Вульфгар решил выдержать паузу. Эти люди, столько лет жившие под сапогом одноглазого тирана, потерпевшие пять лет назад сокрушительное поражение и принужденные драться рядом с гоблинами и исполинами, нуждались в герое, способном вернуть утраченную гордость.

– Я убил дракона! – продолжал Вульфгар. – И по праву победителя обладаю всеми сокровищами Ледяной Смерти.

По рядам воинов вновь пронесся легкий шум. Варвары отлично знали, что теперь

сокровища дракона никто не охраняет, и их судьба волновала каждого. Вульфгар терпеливо ждал, прекрасно понимая, как важно сейчас разжечь интерес соплеменников к несметным богатствам.

Когда они наконец притихли, Вульфгар продолжил свою речь.

– Народы тундры никогда не сражались плечом к плечу с гоблинами и исполинами! – сказал он и, услышав в ответ дружные крики одобрения, заключил: – Мы всегда дрались против них!

И тут зал встрепенулся. В шатер вбежал и, не осмеливаясь прервать речь короля, застыл в нерешительности один из высланных в дозор воинов.

– На рассвете я выйду в направлении Десяти Городов, – объявил Вульфгар. – Я намерен драться против чародея Акара Кесселла и своры дикарей, которых он собрал по вонючим пещерам Средиземного Хребта!

Наступила мертвая тишина. Идея идти драться против Акара Кесселла ни у кого не вызвала возражений. Но вот мысль о том, что таким образом они встанут на защиту Десяти Городов, армия которых разгромила их самих пять лет назад... Это варвары, похоже, поняли только сейчас.

И тут подал голос только что вошедший караульный.

– Боюсь, что ты опоздал, король, – сказал он, и Вульфгар, желая поскорее услышать новости, повернулся к нему. – На юге над равниной поднимаются огромные клубы дыма.

Вульфгар оторопел. А ведь он так надеялся успеть.

– Значит, я выступаю немедленно! – прорычал он. – И я призываю вас идти со мной, гордые воины севера! Я покажу вам путь к славной победе!

Воины застыли в замешательстве, и Вульфгар понял, что настал момент пустить в ход свой главный козырь.

– Каждому, кто последует за мной... Ему или его родственникам, если он падет в бою, я обещаю равную долю при разделе моей добычи – сокровищ убитого дракона!

Эти слова прозвучали для варваров так же неожиданно, как порой налетает шквал ледяного ветра со стороны Моря Плавающего Льда. Ему удалось овладеть умами и сердцами воинов, и он дал слово вернуть былые времена славы и процветания.

В ту же ночь армия Вульфгара снялась с лагеря и двинулась на юг.

И ни один воин не остался в лагере.

Глава 27

ЧАСЫ СУДЬБЫ

Бремен запылал на рассвете.

Жители этого небольшого, лишенного крепостных стен поселения, увидев на противоположном берегу реки Шингарн отряд гоблинов, даже и не думали защищаться. Впрочем, они изобразили нечто похожее на сопротивление у брода, встретив врага тучей стрел, но лишь затем, чтобы хоть ненадолго задержать гоблинов, пока наиболее неповоротливые суда не покинут гавань. Затем лучники со всех ног бросились на пристань и на поджидавшей их быстроходной шхуне вышли в озеро.

Когда гоблины наконец ворвались в городок, они увидели, что их одурачили. Бремен был пуст, и им оставалось лишь, злобно ругаясь, наблюдать, как парусники уходят на восток, чтобы присоединиться к объединенной флотилии Таргоса и Термалэйна. Бремен располагался на самой окраине долины и не был нужен Акару Кесселлу. Поэтому в отличие от Термалэйна, где был устроен лагерь, гоблины сожгли город дотла.

Жители Бремена могли лишь беспомощно наблюдать, как рушатся их пожираемые пламенем дома.

Стоя на крепостной стене Брин Шандера, Кассиус и Реджис внимательно наблюдали за происходящим.

– Он совершил еще одну ошибку, – сказал хафлингу Кассиус.

– Как так?

– Кесселл поставил жителей Таргоса, Термалэйна, Кер-Конига, Кер-Диневала, а теперь и Бремена в безвыходное положение, – объяснил Кассиус. – Их города уничтожены. Теперь они могут надеяться лишь на победу.

– Но надежда-то слабая, – заметил Реджис. – Ты же видел, на что способна эта башня. Да и без нее армия Кесселла запросто разделается со всеми нами! Он был прав, когда сказал, что все преимущества на его стороне.

– Возможно, – сказал Кассиус. – Пока что мне ясно одно: чародей убежден, что он непобедим. И в этом его главная ошибка. Даже самые слабые животные проявляют отвагу, если их припереть к стенке, – ведь они знают, что им нечего терять. Согласись, человек, потерявший все, гораздо опаснее богача: жизнь не так уж дорога ему. А человек, потерявший свой дом и оказавшийся в преддверии зимы на продуваемой всеми ветрами равнине... Страшнее противника Кесселлу сейчас не найти! Не бойся, мой маленький друг, – продолжал Кассиус. – Сегодня утром на Военном совете мы найдем способ обратить слабость чародея в свою пользу.

Не зная, что возразить на эти простые доводы, и не желая разрушать надежду, Реджис молча кивнул. Но вновь глянув на равнину, сплошь заставленную шатрами орков и гоблинов, хафлинг не испытал никакого воодушевления.

Затем он взглянул на север и увидел, что весь день висевшее над долиной дворфов облако пыли уже осело. Реджис вдруг поймал себя на мысли, что не может различить знакомые очертания Подъема Бренора. Так оно и было. Холм действительно исчез в тот самый момент, когда дворфы замуровали входы в свои пещеры.

– Открой мне дверь, Бренор, – будто в забытии прошептал Реджис. – Прошу тебя,пусти меня в свой подземный город.

* * *

Удивительно, но как раз в это время Бренор и его соплеменники горячо обсуждали,какой из выходов следует освободить от обрушившихся камней. Тотчас после победы над орками и гоблинами у своих пещер бородатые воины осознали, что они не могут сидеть сложа руки, в то время как те же самые орки, гоблины и прочая нечисть сметают с лица земли Десять Городов. И потому они решили нанести армии Кесселла еще один удар. Дворфы понятия не имели, стоит ли еще Брин Шандер, или, может быть, Кассиус уже захватил все города долины. Однако они прекрасно слышали шум, доносившийся из вражеского лагеря, который вплотную подступал к южной оконечности их подземного города.

Это и натолкнуло Бренора на идею еще раз дать бой врагу. Он буквально сразу же, как только они разделались с последними уцелевшими после обвала орками, собрал весь свой клан в одном из больших залов подземного города.

– Пусть кто-нибудь пройдетя по дальним тоннелям и выяснит, где эти псы расположились на ночлег, – скомандовал он.

Этой ночью топот дикарей доносился с юга, с равнины, посреди которой располагался холм Брин Шандер. Несколько дворфов отправились в обход по давно заброшенным тоннелям, простиравшимся в этом направлении, и, оказавшись прямо под армией врага, выкопали несколько вертикальных шахт – почти до самой поверхности.

Их глаза вновь заблестели тем блеском, который всегда отмечал настроение дворфа, знающего, что у него есть отличная возможность разmozжить парочку гоблинских голов. План Бренора давал им шанс отомстить врагу с минимальным для себя риском. Эти шахты могли быть прорыты до конца менее чем за пять минут. После чего армия дворфов оказывалась в самом центре вражеского лагеря.

* * *

То, что Кассиус гордо поименовал Военным советом, оказалось скорее собранием командиров, на котором выборный представитель от Брин Шандера рассказал о своем плане ответного удара. Кассиус подробно доложил результаты своих наблюдений за лагерем врага и даже нарисовал схему, на которой указал места, где чаще всего происходили стычки между орками и гоблинами, а также привел примерное время, после которого подобные схватки, по его мнению, заметно ослабят армию врага.

Никто из участников Совета не спорил, но ключевым звеном осады была Кришал-Тири. Волшебная сила хрустальной башни была способна держать в узде даже непредсказуемых орков. И все же ее возможности, судя по всему, были не безграничны.

– Почему Кесселл настаивает на немедленной сдаче города? – спросил Кассиус. – Ведь ему, похоже, ничего не стоит продлить осаду еще на несколько дней, чтобы сломить наше сопротивление.

Остальные были вполне согласны с ним, но планы Кесселла по-прежнему оставались загадкой.

– Возможно, чародей не настолько владеет ситуацией, как нам кажется, – предположил Гленсатер. – Думаю, он опасается, что его армия попросту развалится, если осада затянется.

Кассиус задумался.

– Ты правильно подметил это, – сказал он наконец. – Однако от твоей идеи толку мало.

Услышав это, Гленсатер и еще несколько командиров в замешательстве посмотрели на Кассиуса.

– Нам надо исходить из последнего предположения, – объяснил он. – Ведь если Кесселл и впрямь полностью владеет обстановкой, тогда, что бы мы ни делали, мы все равно потерпим поражение. Следовательно, надо исходить из того, что нетерпение Кесселла вызвано какой-то серьезной причиной. Я не считаю, что чародей – выдающийся стратег. Он пошел по пути разрушения, так как решил, что таким образом заставит нас сдаться. Но на самом деле он лишь усилил наше желание драться до конца. Дальновидный стратег прежде всего постарался бы обратить в свою пользу слабость противника, например давнюю вражду между некоторыми нашими городами. Но почему-то вместо этого Кесселл продолжает демонстрировать свою свирепую жестокость.

По виду слушателей Кассиус понял, что они поддерживают его. На этом Совете он прежде всего преследовал две цели: во-первых – убедить присутствующих поддержать его рискованный план и во-вторых – постараться вернуть им надежду на победу над чарореем.

– Теперь обсудим наши возможности, – сказал он, взмахнув рукой. – Корабли на Мир Дуальдоне и Лек Деннишире держатся вместе и ждут лишь нашего сигнала. Люди Гуд Мида и Дуган Хола тоже вышли в озеро и тоже ждут сигнала к атаке, прекрасно понимая, что в случае нашего поражения им несдобровать! – Кассиус облокотился на стол и, взглянув в глаза по очереди каждому из присутствующих, мрачно заметил: – Мы можем потерять все! Наши дома, наших жен и детей. И нам некуда бежать!

Он продолжал вдохновлять членов Военного совета на битву, и вскоре к нему присоединился Гленсатер, быстро сообразивший, как важно сейчас поднять боевой дух защитников Брин Шандера. Все это время Кассиус внимательно наблюдал за их лицами и наконец решил, что момент настал. Настроение испуга и отчаяния сменилось твердой решимостью отстоять свою свободу. Настал момент изложить план сопротивления.

– Кесселл потребовал, чтобы мы прислали гонца, – сказал он. – Так мы и сделаем.

– Судя по всему, идти придется тебе или мне, – сказал Гленсатер. – Как думаешь, кому лучше взять это на себя?

Кассиус криво усмехнулся.

– Никому, – ответил он. – Одному из нас пришлось бы идти лишь в том случае, если бы мы решили подчиниться его требованиям. Но у нас есть еще кое-кто, – с этими словами выборный представитель Брин Шандера повернулся в сторону Реджиса. Хафлинг, который сразу понял, к чему клонит Кассиус, поежился. – В последние годы один из нас заслужил

прямо-таки легендарную славу своим даром убеждения. Возможно, его таинственная способность воздействовать на собеседника поможет нам выиграть время в борьбе с чародеем.

Реджису стало не по себе. Он так и знал – волшебный рубин когда-нибудь втянет его в историю, из которой уже будет не выпутаться.

Члены Совета, явно заинтересованные предложением Кассиуса, все как один повернулись к хафлингу. После памятного Совета, который состоялся несколько недель назад, молва о том, как Кемп раскрыл удивительные способности Реджиса, быстро облетела все города долины. И, как это обычно бывает, при каждом пересказе слух постепенно обрастал новыми подробностями. Реджис нисколько не сожалел, что его секрет стал всеобщим достоянием, и люди при разговоре старались не смотреть ему в глаза. Напротив, он даже был доволен той славой, которую принес ему камень. Но ему и в голову не приходило, чем все это может закончиться.

– Значит, решено – во дворец Акара Кесселла отправится хафлинг, бывший выборный от Одинокого Леса, – объявил Кассиус, и все собравшиеся единодушно поддержали его. – Возможно, нашему маленькому другу удастся убедить чародея в том, что он неправ!

– Ты ошибаешься! – запротестовал Реджис. – Это всего лишь слухи...

– Скромность, – перебил его Кассиус, – вне всякого сомнения, является одним из твоих главных достоинств, добрый хафлинг. Все собравшиеся прекрасно понимают искренность твоих сомнений. Именно поэтому все мы несказанно восхищены тем, что ты решил обратить свой дар против Акара Кесселла, даже несмотря на некоторую неуверенность в своих силах.

Реджис зажмурился и ничего не ответил, прекрасно понимая, что предложение Кассиуса пройдет в любом случае – независимо от того, согласен он с ним или нет.

Так оно и случилось. Все проголосовали «за».

После того как решение было принято, Кассиус быстро свернул заседание. Он прекрасно понимал, что остальные проблемы: перенаселенность города, нехватка пищи и многое другое – сейчас не имеют равным счетом никакого значения. Если Реджис потерпит неудачу, дальнейшее сопротивление чародею мгновенно потеряет всякий смысл.

До конца Совета Реджис не проронил ни слова. Он пришел сюда лишь для того, чтобы, если понадобится, поддержать своих друзей при голосовании. Он даже не собирался выступать на Совете, не говоря уже о том, чтобы становиться ключевой фигурой плана борьбы с Кесселлом.

Военный совет закончился, и, провожая его участников к дверям, Кассиус и Гленсатер обменялись торжествующими взглядами.

Реджис хотел было улизнуть, выйдя из зала вслед за остальными. Но Кассиус, желая побеседовать с тем, кому предстояло воплотить его план, ловко захлопнул дверь прямо перед носом хафлинга.

– Мог бы сначала обсудить свою затею со мной, – проворчал Реджис, увидев, что дверь закрылась. – По-моему, решать, идти мне или не идти, должен был я!

Кассиус повернулся к нему.

– Ни у кого из нас нет выбора, – сказал он. – А так нам хотя бы удалось вселить в них надежду.

– Ты меня переоцениваешь, – возразил Реджис.

– А мне кажется, что совсем наоборот – это ты себя недооцениваешь, – сказал Кассиус.

Реджис прекрасно понимал, что он ни за что не отступится от своего плана, но уверенность Кассиуса несколько успокоила и его самого.

– Давай ради нашего общего блага надеяться, что у тебя все получится, – сказал Кассиус, усаживаясь в кресло. – Лично я в это искренне верю. Я верю в тебя, хотя ты, похоже, сам в себе сомневаешься. Я прекрасно помню, как ты тогда, пять лет назад, управился с Кемпом, хотя я понял это лишь после того, как он сам это признал. Ты действительно обладаешь даром убеждать людей, Реджис из Одинокого Леса, и это лишний раз подтверждается тем, что твоя тайна была неведома нам в течение стольких лет!

Реджис покраснел и был вынужден признать, что в словах Кассиуса есть доля истины.

– А уж если тебе по силам справляться с такими упрямыми, как Кемп из Таргоса, Акар Кесселл должен показаться тебе не более чем пустячной забавой!

– В том, что Кесселл скорее всего не обладает большим умом и силой воли, я с тобой согласен, – сказал Реджис. – Но чародеи тонко чувствуют колдовские фокусы. И ты забываешь о демоне. К такому чудовищу я и подойти-то не посмею, не то что пытаться его в чем-то убедить!

– Нам остается только надеяться, что тебе не придется иметь с ним дело, – согласился Кассиус, вздрогнув при мысли о чудовище. – Но я убежден в том, что идти в башню к чародею должен именно ты. Если нам не удастся затянуть осаду до тех пор, пока их армию не начнут раздирать внутренние противоречия, мы пропали! Я считаю себя твоим другом и, поверь, ни за что не стал бы просить тебя отправиться навстречу такой опасности, если бы видел иной выход.

Сейчас на лице Кассиуса, буквально несколько минут назад излучавшем оптимизм и уверенность в победе, лежала печать беспомощности и отчаяния.

«Совсем как умирающий от голода, который молит о куске хлеба», – подумал Реджис.

Хафлинг не мог не согласиться с тем, что план Кесселла логичен и другого выхода действительно нет. Кесселл не дал им времени перестроить свои силы после первой атаки, а спалив Таргос, чародей дал понять, что точно так же может обойтись и с Брин Шандером.

Поэтому Реджису оставалось лишь согласиться. Обычно хафлинга было непросто уговорить, но если уж он решал действовать, то делал все на совесть.

– Прежде всего, – начал он, – хочу сказать тебе по секрету, что я действительно обладаю даром убеждения.

Глаза Кассиуса вновь загорелись надеждой, и он подался вперед, чтобы не пропустить ни слова из того, что скажет Реджис, но хафлинг, вытянув руки перед собой, остановил его.

– Однако, – продолжал Реджис, – в отличие от того, что гласят сплетни, я не способен повлиять на то, что находится в душе у человека. Убедить Кесселла отказаться от его злобных замыслов мне так же не по силам, как и уговорить Кемпа заключить мир с Термалэйном...

Встав с кресла, Реджис заложил руки за спину и прошелся вдоль стола. Кассиус молча наблюдал за ним, тщетно пытаясь сообразить, к чему клонит Реджис, признавая свои способности лишь для того, чтобы тут же развенчать их.

– Впрочем, иногда мне удается заставить собеседника изменить его точку зрения, – прорычал Реджис. – В тот раз, пять лет назад, я убедил Кемпа, что стоит ему поддержать наш план действий, и он достигнет своей цели. Поэтому, Кассиус, ты должен подробно рассказать мне все, что ты знаешь о городе и его армии. Возможно, нам и удастся найти способ заставить Кесселла усомниться в том, на что он рассчитывает...

Красноречие хафлинга поразило Кассиуса. Сейчас, хотя он и старался не смотреть Реджису в глаза, он поймал себя на мысли, что в сплетнях об удивительных способностях хафлинга есть большая доля истины.

Тут в комнату ворвался Гленсатер.

– Чародей снова вышел к подножию холма! – закричал он. – Кесселл требует нашего посланца... И на башне вновь замерцали огни!

Все трое выскочили на улицу и бросились бежать к воротам. Кассиус на ходу пытался рассказать Реджису как можно больше полезного.

Но Реджис остановил его.

– Я готов, – заверил он Кассиуса. – Не знаю, сработает ли твой план, но я клянусь, что сделаю все возможное, чтобы выполнить свою задачу.

Они подбежали к воротам.

– Все должно получиться, – сказал Кассиус, хлопнув Реджиса по плечу. – Это наша единственная надежда, – сказал он и хотел было вернуться в город, но Реджис схватил его за руку и задал последний, самый главный вопрос.

– А что делать, если мне окажется не по силам справиться с Кесселлом? – угрюмо спросил хафлинг. – Что делать, если мне не удастся его перехитрить?

Кассиус обернулся и взглянул на заполненные женщинами и детьми улицы города.

– Если у тебя ничего не выйдет, – медленно проговорил он, – если ты не сумеешь убедить Кесселла не использовать разрушительную силу башни против Брин Шандера... я приказываю тебе немедленно сдать город.

Они расстались. Кассиус направился напрямик на крепостную стену – наблюдать, как пойдут переговоры, а Реджис пошел навстречу чародею. Хафлинг прекрасно понимал, что стоит ему чуть помедлить, и он вполне может струсить настолько, чтобы сломя голову помчаться искать какое-нибудь укромное местечко. Поэтому, не давая себе возможности передумать, он вышел из ворот и твердым шагом двинулся к стоявшему у подножия своей башни Кесселлу.

Чародей опять возник из лучей, отразившихся от зеркал, которые держали тролли, и сейчас стоял, скрестив руки на груди и нетерпеливо притопывая ногой. Его лицо излучало ярость, и, подходя к нему, Реджис забеспокоился, как бы Кесселл не вздумал просто так, забавы ради, уничтожить его. И все-таки надо было идти, не спуская глаз с чародея и не обращая внимания на поганых троллей, чье зловонное дыхание он почувствовал еще у самых ворот крепости.

Наконец он добрался до зеркал и встал напротив злобного чародея.

Кесселл долго изучал посланника Брин Шандера. Он ожидал увидеть кого угодно, но только не хафлинга и никак не мог взять в толк, почему на столь важную встречу не явился сам Кассиус.

– Ты пришел сюда как законный представитель Брин Шандера и тех, кто сейчас скрывается за крепостными стенами?

Реджис кивнул.

– Я Реджис из Одинокого Леса, – ответил он. – Я друг Кассиуса и бывший член Совета Десяти Городов. Я уполномочен говорить от имени людей, укрывшихся в городе.

Глаза Кесселла сузились в предвкушении победы.

– И ты принес мне весть о безусловной сдаче города?

Реджис смущенно поежился, постаравшись при этом раскатать висевший на шее рубин.

– Я пришел, чтобы в личной беседе обсудить с тобой кое-какие вопросы.

У Кесселла глаза полезли на лоб. Повернувшись в сторону стоящего на стене Кассиуса, он закричал:

– Я же сказал – безусловная сдача города!

Кришал-Тири у него за спиной мгновенно окуталась ярким сиянием.

– Сейчас вы горько пожалеете о своей дерзости!

– Постой! – завопил Реджис и запрыгал вокруг чародея, чтобы привлечь его внимание. – Есть кое-что, о чем тебе необходимо знать до того, как все будет решено!

Кесселл, казалось, напрочь забыл о хафлинге. Его взгляд словно прилип к волшебному рубину.

Увидев, что камень все-таки завладел вниманием чародея, Реджис едва заметно улыбнулся.

– У меня есть что сказать тебе, и я убежден, что ты сочтешь эти сведения весьма полезными, о могущественный чародей, – вкрадчиво сказал хафлинг.

Кесселл взмахом руки дал ему знак продолжать.

– Не здесь, – прошептал Реджис. – Вокруг нас слишком много лишних ушей. Далеко не всем из толпящихся здесь гоблинов понравится то, что я собираюсь сказать!

Кесселл задумался над словами Реджиса и почувствовал нечто вроде любопытства.

– Хорошо, хафлинг, – согласился он наконец. – Я выслушаю тебя. – Сказав так, он окутался облаком едкого дыма и исчез в ослепительной вспышке отразившихся от зеркал лучей Кришал-Тири.

Обернувшись в сторону Брин Шандера, Реджис неуверенно качнул головой.

Повинуясь мысленному приказу из башни, тролли, чуть повернув зеркала, поймали отражение Реджиса. Последовала еще одна вспышка, и хафлинг исчез.

Кассиус кивнул ему в ответ, но Реджис уже растаял в облаке дыма. Член Совета, несколько успокоенный тем взглядом, что бросил через плечо хафлинг, облегченно вздохнул. Солнце уже начало садиться, а Брин Шандер все еще не сдался врагу. Если его догадка о распорядке дня чародея верна, Кришал-Тири действительно черпает свою силу из солнечных лучей.

И это позволит им продержаться еще одну ночь.

* * *

Глаза слезились, но Дзирт сразу узнал склонившуюся над ним черную тень. Выпустив рукоять волшебной сабли, он неудачно упал, сильно ударился головой и лишился чувств, а Гвенвивар, хотя и была изрядно помята в схватке с демоном, все это время была рядом с ним.

Дзирт сел и попытался оценить обстановку. Поначалу он решил, что наступает утро, но потом увидел солнечные лучи, падающие с запада, и понял, что пролежал без памяти почти весь день – настолько опустошила его волшебная сабля в ходе поединка с демоном.

Гвенвивар выглядела даже более плачевно, чем он. От удара о стену у нее сильно распух бок, и Эррту все-таки сумел глубоко разодрать ей одну из передних лап.

Пантера шаталась от усталости, а это было для нее страшнее любых ран. Она уже на много часов превысила время пребывания на Материальном уровне.

Дзирт нежно потрепал пантеру по могучей шее. Эльф прекрасно понимал, чем жертвует ради него Гвенвивар, и искренне желал поскорее отправить ее обратно, на Астральный уровень.

Но сейчас он не мог этого сделать. Стоит ей вернуться на родной уровень бытия, и пройдет много часов, прежде чем она накопит силы, необходимые для того, чтобы вновь прийти к эльфу. А пантера была нужна ему именно сейчас.

– Ну еще немного, – попросил эльф, и верная кошка без возражений легла рядом с ним. Дзирт с жалостью осмотрел ее раны и вновь погладил пантеру. Ему ужасно хотелось отпустить ее. Но он не мог.

Ведь судя по тому, что поведал ему Эррту, дверь в Кришал-Тири была невидима лишь для жителей Материального уровня.

Ему нужны были глаза Гвенвивар.

Глава 28

ЛОЖЬ ПОД МАСКОЙ ЛЖИ

Реджис потерял глаза, пытаясь отделаться от все еще маячившей перед его мысленным взором ослепительной вспышки, и увидел, что стоит прямо перед чародеем. Кесселл развалился на хрустальном троне, опираясь спиной на один из подлокотников и забросив ноги на другой. Они находились в большом квадратном зале. Стены, казалось, были сделаны из хрусталя, и Реджис сразу понял, что попал внутрь башни. Помещение было заставлено множеством богато украшенных зеркал самой разнообразной формы. Хафлинг уставился на самое большое из них и увидел, что в нем полыхает пламя. Он испуганно оглянулся, рассчитывая увидеть источник изображения, но тут же понял, что огонь горит где-то внутри самого зеркала.

– Добро пожаловать в мое жилище, – расхохотался чародей. – Можешь считать, что тебе неслыханно повезло своими глазами увидеть все это великолепие!

Но Реджис не слушал его. Хафлинг внезапно почувствовал, что голос чародея звучит вовсе не так, как следовало бы, будь он действительно околдован волшебным рубином.

– Прости мое удивление в тот миг, когда я увидел тебя, – продолжал Кесселл. – Я никак

не ожидал, что гордецы из Десяти Городов пошлют вместо себя хафлинга! – Он вновь рассмеялся, и Реджис понял, что нечто неведомое полностью развеяло впечатление, которое ему удалось произвести на чародея за пределами башни.

Постепенно Реджис начал догадываться, что произошло. Он почувствовал, что в комнате словно пульсирует какая-то неведомая сила и Кесселл явно питается ее энергией. Находясь снаружи, чародей был уязвим, однако тут его колдовская сила была во сто крат сильнее влияния рубина.

– Там, на склоне холма, ты сказал, что хочешь мне кое-что сообщить, – усмехнулся Кесселл. – Так говори же... рассказывай! Или умрешь мучительной смертью!

Реджис, пытаясь на ходу сочинить какую-нибудь историю, задрожал от напряжения. Те хитрости, на которые он обычно пускался в разговорах с околдованными его камнем людьми, сейчас были бесполезны. Чародей вряд ли клюнет на них. А без поддержки рубина он того и гляди сам ненароком выдаст истинные намерения Кассиуса.

Кесселл привстал с трона и угрожающе навис над хафлингом.

– Говори! – заорал он.

Реджис почувствовал, как неведомая сила железной хваткой сковала его мысли, неумолимо заставляя подчиниться приказу чародея. Но он уловил, что загадочная сила, как это ни странно, исходит не от Кесселла, а, скорее, от некоего, судя по всему, небольшого предмета, который тот прячет в складках своей мантии.

Хафлинги испокон века обладали способностью противостоять такого рода влиянию, а сейчас Реджису помогала и сила его собственного камня. Так что в считанные мгновения он смог избавиться от пропитавшей все его мысли чужой воли, после чего вдруг, к собственному удивлению, нашел выход из ситуации. Раньше ему частенько приходилось видеть, как люди, на которых он воздействовал, используя колдовскую силу камня, невольно расслаблялись. Поэтому сейчас хафлинг слегка пошатнулся, словно был не в силах управлять своим телом, и принялся, не мигая, рассматривать угол комнаты за спиной Кесселла.

– Что ты желаешь знать? – монотонным голосом спросил он.

Кесселл снова откинулся на троне.

– Называй меня Владыка Кесселл, – приказал он.

– Что ты желаешь знать, Владыка Кесселл?

– Отлично, – усмехнулся чародей. – Признайся, хафлинг, те сказки, что ты должен был мне рассказать, всего лишь жалкая уловка, не так ли?

«А почему бы и нет? – подумал Реджис. – Ложь, приправленная капелькой правды, всегда звучит гораздо убедительнее».

– Да, – ответил он. – Чтобы заставить тебя считать, будто твои самые верные подданные что-то затевают против тебя.

– Но зачем? – спросил Кесселл, безмерно довольный тем, как легко ему удалось развязать хафлингу язык. – Ведь люди Брин Шандера должны понимать, что я запросто могу разделаться с ними и без помощи моих подданных. По-моему, это просто глупо.

– Кассиус и не собирается сражаться с тобой, Владыка Кесселл, – сказал Реджис.

– Тогда зачем ты здесь? И почему Кассиус не сдал город по моему требованию?

– Меня послали, чтобы зародить у тебя сомнения, – сказал Реджис, импровизируя на ходу. – Чтобы дать Кассиусу возможность выиграть время для действия.

Кесселл вновь подался вперед.

– И что это будет за действие?

Реджис молчал, лихорадочно соображая, что ответить.

– Ты неспособен противостоять мне! – заорал чародей. – Моя воля безгранична. Отвечай, или я вырву правду из твоей головы!

– Они собираются удрать, – выпалил Реджис, и перед ним тут же открылось несколько новых вариантов – как врать дальше.

Кесселл вновь расслабился.

– Это невозможно, – небрежно сказал он. – Моя армия слишком велика, а все пути отступления давно и надежно перекрыты.

– Армия сильна, но, возможно, не настолько, как тебе кажется, Владыка Кесселл, – сказал Реджис. Теперь он точно знал, о чем вести речь. Ложь под маской лжи. Звучало неплохо.

– Объясни! – нахмурившись, потребовал Кесселл.

– У Кассиуса есть союзники в рядах твоей армии.

Чародей затрясся от ярости и вскочил с трона. Реджис в душе праздновал победу. Его уловка сделала свое дело. Но хафлинг тут же прикинул, а не могли ли некогда одураченные им люди точно так же поступать и с ним самим... Об этом стоило поразмыслить, но потом.

– Орки уже много месяцев живут в мире с людьми Десяти Городов, – продолжал Реджис. – А одно из племен далее торгует с рыбаками. Они откликнулись на твой призыв, как и все остальные, но по-прежнему, если они вообще на это способны, хранят верность Кассиусу. Когда твое войско еще только начало разбивать лагерь вокруг Брин Шандера, предводитель орков сразу же встретился с гонцами, которых выслали из крепости.

Кесселл отбросил назад свои длинные волосы и в замешательстве потер лоб. Неужели в его непобедимой армии и впрямь есть предатели?

Нет! Никто не посмеет выступить против него!

Но, может, они действительно что-то затевают? И где Эррту? Не могло ли случиться так, что за всем этим стоит демон?

– Какое племя? – тихо спросил Кесселл, и по его тону Реджис понял, что ложь действительно потрясла чародея. Теперь хафлинг мог врать как угодно.

– Те, кого ты послал захватить Бремен: орки Лживый Язык, – сказал он, с удовлетворением наблюдая, как расширились зрачки Кесселла. – От меня требовалось лишь отвлечь тебя от каких-либо действий против Брин Шандера до наступления темноты. Ведь орки должны вернуться на рассвете якобы для того, чтобы присоединиться к осаждающему город войску. Но на самом деле они собираются открыть проход на западном фланге твоей армии, после чего Кассиус беспрепятственно выведет людей Брин Шандера в тундру. Они надеются на то, что в рядах твоих воинов наступит неразбериха и они сумеют уйти достаточно далеко. Тогда тебе придется преследовать их до самого Лускана!

План, конечно, был еще тот. Но он должен казаться вполне подходящим для людей, оказавшихся в безвыходной ситуации...

Кесселл в сердцах ударил по подлокотникам кресла.

– Болваны! Реджис перевел дух.

– Эррту! – внезапно заорал Кесселл, понятия не имевший, что демон уже покинул этот мир.

Ответа не последовало.

– Будь ты проклят, демон! – выругался чародей. – Вечно ты где-то шляешься в то время, когда мне нужен!

После этого Кесселл повернулся к Реджису.

– Жди меня здесь! Позднее у меня еще будут к тебе вопросы! – Чародей прямо кипел злобой. – Но сначала я поговорю со своими полководцами. Я покажу им, как плести интриги против меня!

Самое забавное заключалось в том, что, по наблюдениям Кассиуса, орки Лживый Язык были наиболее преданными и фанатичными сторонниками Кесселла.

Ложь под маской лжи.

* * *

А чуть позже, уже вечером, воины объединенного флота четырех городов с удивлением увидели, как еще один отряд дикарей отделился от лагеря армии Кесселла и устремился в сторону Бремена.

– Интересно, не правда ли? – сказал Кемп, обращаясь к Малдууну из Одинокого Леса и к выборному от только что сожженного Бремена, которые стояли рядом с ним на палубе флагманского корабля Таргоса. Все население Бремена давно уже было на кораблях. Накануне передовой отряд орков после первых выстрелов лучников не встретил никакого сопротивления. А Брин Шандер до сих пор был цел и невредим. Зачем же чародею понадобилось рассеивать свои войска по равнине?

– Действия этого Акара Кесселла сбивают меня с толку, – сказал Малдуун. – Одно из двух – либо я просто не способен постичь его замыслы, либо он и впрямь на каждом шагу допускает грубейшие тактические ошибки!

– Думай о том, что он допускает ошибки, – с надеждой в голосе сказал Кемп. – Если он и впрямь непредсказуемо гениальный стратег, мы пропали!

Они продолжали подготовку к ответному удару, отправив женщин и детей к оставшимся пока невредимыми причалам последнего уцелевшего города, Одинокого Леса, как это чуть ранее сделали рыбаки двух других озер.

Стоявшие на стене Брин Шандера Кассиус и Гленсатер наблюдали очередное разделение армии Кесселла, прекрасно понимая, что произошло.

– Отлично сработано, хафлинг, – прошептал Кассиус.

Гленсатер, улыбнувшись, хлопнул товарища по плечу.

– Пойду обрадую наших. Когда настанет время нанести удар, мы должны быть готовы!

Кассиус пожал его руку и согласно кивнул. Когда выборный от Истхейвена ушел, Кассиус облокотился на край стены и, с ненавистью глядя на потемневшие стены Кришал-Тири, проговорил:

– Это время настанет!

* * *

Стоявший на склоне Пирамиды Кельвина Дзирт До'Урден тоже заметил, как дикари внезапно снялись с лагеря и с зажженными факелами двинулись к Бремену. Он только что закончил последние приготовления к нападению на Кришал-Тири, как вдруг заметил устремившийся на запад огромный огненный поток. Некоторое время он пытался сообразить, чем вызвана внезапная активность врага.

Так ничего и не поняв, Дзирт решил идти. Неизвестно, к чему мог привести уход столь большого отряда. С одной стороны, это было неплохо: боевые порядки оставшихся на равнине дикарей явно поредели. Но, с другой стороны, оставшиеся теперь должны были вести себя более настороженно. Но в любом случае медлить было нельзя, и эльф начал спускаться по склону. Пантера бесшумно следовала за ним.

Вскоре через Проход Бремена они выбрались на равнину. Если бы эльф хотя бы ненадолго замедлил свой бег, он наверняка услышал бы тяжелый топот еще одной армии, которая приближалась с севера.

Но сейчас эльф бежал на юг. Дзирт взял с собой лишь самое необходимое: две сабли в кожаных ножнах, кинжал, заткнутый за пояс, и два метательных ножа в голенищах сапог. На шее болтались амулет и мешочек с его сокровищами, а к поясу Дзирт приторочил небольшую сумочку с драгоценными камнями, которые он взял из пещеры белого дракона на память. Все прочее – вещевой мешок, веревки, шкуры и прочую необходимую для жизни на просторах тундры нехитрую утварь – он оставил в небольшой пещере на склоне Пирамиды Кельвина.

Дзирт и Гвенвивар подоברались к лагерю армии Акара Кесселла. В лагере было тихо. Прямо перед ними одинокий орк, опираясь на копье, вполглаза наблюдал за равниной на севере. Но даже если бы он был начеку, то все равно ни за что не заметил бы бесшумное приближение двух черных теней.

– Эй, на посту! – донесся голос откуда-то издалека.

– Здесь все спокойно, – отозвался караульный.

Некоторое время Дзирт слушал переключку дикарей, а потом, дав Гвенвивар знак лечь, опустился на землю и пополз к орку.

Усталый часовой даже не расслышал тонкого свиста летящего в ночи кинжала.

А Дзирт уже был тут как тут и вовремя подхватил его обмякшее тело. Затем, опустив орка на землю, эльф выдернул кинжал из его горла и они с Гвенвивар продолжили путь.

Миновав единственную здесь, в северной части лагеря, цепь караульных, они без особого труда пробрались среди крепко спящих врагов. Дзирт легко мог бы перерезать не один десяток орков, гоблинов и даже вербииггов. Впрочем, если бы их разносившийся над долиной храп вдруг затих, караульные наверняка обратили бы на это внимание... Но надо было спешить. Гвенвивар слабела с каждой минутой, а на востоке уже появились первые проблески зари – главного врага эльфа.

Они подобрались почти к самой башне, и тут Дзирт понял, что ситуация вовсе не так проста, как это ему казалось сначала. Вокруг Кришал-Тири плотным кольцом стояли готовые к бою гвардейцы-огры.

Эльф присел рядом с пантерой и начал прикидывать, что делать дальше. Попытаться вернуться... Но тогда придется проделать обратный путь, а Гвенвивар и без того еле держится на ногах. Идти вперед... Но тогда предстоит вступить в безнадежную схватку с ограми.... Ситуация казалась безвыходной.

И в этот момент в северной части лагеря что-то произошло. Доносившиеся издалека тревожные крики привлекли внимание огров, и те отошли от стены. Поначалу Дзирт решил, что при смене караула был обнаружен труп убитого орка, но вопли звучали намного восточнее.

Вот в предрассветном полумраке послышались звуки ударов стали о сталь. Судя по всему, там разгоралась нешуточная драка. Дикари дерутся между собой, решил эльф, хотя он так и не смог разглядеть, что происходит вдали.

Впрочем, потасовка воинов Кесселла его ничуть не интересовала. Гвардейцы-огры отошли от стен Кришал-Тири еще дальше, Гвенвивар наконец разглядела дверь, и они, не мешкая, бросились вперед.

Огры даже не заметили, как у них за спиной две черные тени исчезли внутри башни.

* * *

Когда Дзирт проник в Кришал-Тири, его охватило странное чувство, как будто он оказался внутри живого существа. Впрочем, это несколько не отвлекло его от главной цели, и эльф в несколько прыжков пересек темный коридор.

Эльф вбежал в большой квадратный зал, где имелись четыре выхода. Здесь Кесселл обычно принимал предводителей отрядов и прочих посетителей – всех, за исключением военачальников.

Дзирт перебежал в одну из комнат и внимательно осмотрелся по сторонам. Эльф ничего не обнаружил, но безошибочно почувствовал, что он здесь не один. Его догадка подтвердилась, когда шерсть на шее Гвенвивар встала дыбом и пантера угрожающе зарычала.

Это была, пожалуй, единственная комната башни, куда Кесселл навещался крайне редко. Здесь жили его личные телохранители – тролли.

Глава 29

ДРУГИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Солнце едва только село за горизонт, а дворфы Мифрил Халла уже закончили последнюю из потайных шахт. Бренор первым поднялся наверх и, выглянув наружу из-под еле заметного холмика дерна, увидел, что дикари готовятся ко сну. Место для нападения оказалось на редкость удачным. Искусные рудокопы, дворфы прорыли шахту так, что она

выходила прямо в центр большого отряда гоблинов и орков.

Бренор спустился к своим соплеменникам и широко улыбнулся.

– Закапывайте остальные шахты, – сказал он, уходя в глубь тоннеля. – Сегодня некоторые из ребят Кесселла заснут вечным сном! – С этими словами он нежно похлопал заткнутый за пояс боевой топор.

Кэтти-бри увязалась за ним.

– А какова моя роль в предстоящей битве? – спросила девушка.

– Будешь сидеть у выхода, и когда мы, отступая, попрыгаем вниз и убежим в тоннель, обвалишь стены шахты, если эти твари вздумают нас преследовать, – ответил Бренор.

– А если вас перебьют? – спросила Кэтти-бри. – Мне не очень-то интересно оказаться заживо погребенной в подземном городе.

Бренор погладил свою рыжую бороду. О таком исходе битвы он как-то не задумывался. Разрабатывая план предстоящей схватки, он думал лишь о том, что, если он и остальные дворфы сложат головы на поле боя, Кэтти-бри будет в безопасности. Но что она будет делать здесь одна? Не слишком ли дорогую цену придется ей заплатить за свое спасение?

– Если хочешь, пойдем с нами. Ведь ты неплохо управляешься с мечом. Да и я буду рядом и в случае чего прикрою тебя.

Кэтти-бри задумалась над этим предложением.

– Нет, я останусь внизу, – решила она. – Не хватает тебе в бою еще и за мной следить. И... кто-то ведь должен остаться здесь: не можем же мы позволить гоблинам ворваться в наши тоннели! Прости, – добавила она с улыбкой. – Это так глупо с моей стороны, я же знаю, что ты обязательно вернешься. Еще не было случая, чтобы ты, Бренор, или кто-то из твоих людей меня подвел! – С этими словами девушка, поцеловав дворфа в лоб, исчезла во мраке тоннеля.

Бренор, улыбнувшись, посмотрел ей вслед.

– Ты храбрая девочка, моя Кэтти-бри, – пробормотал суровый дворф.

Через несколько часов шахты были полностью готовы. Оборудовав выходы наверх, дворфы хитроумно подрыли своды туннелей на случай, если гоблины смогут ворваться внутрь. И вот, вымазав лица сажей и накинув черные плащи, бородатые воины собрались у выхода из подземного города. Бренор вновь первым полез наверх. Выглянув наружу, он злорадно усмехнулся: орки и гоблины крепко спали.

Он уже собрался подать сигнал к атаке, как вдруг в лагере поднялась суматоха. Бренор продолжил наблюдение, хотя один из бегавших взад-вперед гоблинов и наступил мимоходом на холмик дерна, из-под которого он выглядывал. До него донеслись звуки команд и звон стали, как если бы большой отряд строился перед походом.

Крики становились все громче. Вскоре дворф смог разобрать проклятия в адрес какого-то Лживого Языка. Бренору никогда не приходилось слышать это имя, но он догадался, что это скорее всего название племени орков.

– Так, значит, они уже грызутся между собой, – довольно усмехнувшись, пробормотал дворф и, поняв, что атаку придется отложить, полез вниз.

Его воины, хотя и разочарованные задержкой, решили не расходиться. Дворфы были твердо намерены исполнить задуманное и потому принялись ждать.

Миновала полночь, но крики в стане дикарей не стихали. Дворфы ждали. Долгие часы ожидания несколько не умили их воинственный пыл. Наоборот, непредвиденная задержка лишь разожгла жажду боя и укрепила их решимость. Дворфы были искусными кузнецами – мастерами, привычными к кропотливому труду. Они умели ждать.

Наконец, когда шум на поверхности затих, Бренор вновь полез наверх и, еще до того как выглянул наружу, услышал громкий ритмичный храп.

Дворфы, не мешкая, выбрались наверх и со свойственной им обстоятельностью принялись за дело. Предпочитая драться с врагом в открытом бою, они тем не менее прекрасно понимали всю важность неожиданного нападения и потому старались действовать тихо и незаметно.

Постепенно лагерь вокруг выхода из их шахт начал погружаться в тишину: все больше дикарей один за другим уходили в вечный сон. При этом дворфы в первую очередь старались расправляться с ограми – самыми опасными для себя противниками.

К моменту, когда один из караульных, заподозрив неладное, поднял тревогу, равнина была залита кровью тысячи с лишним воинов Кесселла.

Дикари наконец проснулись и подняли ужасный шум, но Бренор и не думал давать команду к отступлению.

– Сомкнем ряды у выхода из наших тоннелей! – прокричал он, прекрасно понимая, что первая контратака гоблинов будет неорганизованной и его воины легко смогут ее отразить.

Дворфы, образовав кольцо, встали плечом к плечу и без труда отбили натиск врага. Топор Бренора покрылся множеством зазубрин еще до того, как хотя бы один гоблин успел напасть на него.

В конце концов воины Кесселла пришли в себя, перестроились в цепь и стали теснить дворфов. Спустя некоторое время им на подмогу бросились гвардейцы-огры, личная стража Кесселла.

Самыми первыми из дворфов в тоннель должны были уйти наиболее опытные рудокопы: им предстояло в последний раз проверить, все ли готово к обвалу входа. Встав на ступени лестниц, они начали осторожно спускаться, сейчас от них зависел успех всей атаки.

И тут Бренор неожиданно приказал им вернуться и занять места в боевом строю.

Сквозь шум битвы он четко расслышал звуки древней песни, которая еще несколько лет назад наполнила бы его сердце яростью. Сейчас в нем проснулась надежда.

Бренор услышал знакомый голос.

* * *

Сабли Дзирта До'Урдена хищно блеснули, и покрытая жуткими язвами изуродованная рука шлепнулась на пол.

Но не ведавшие страха тролли продолжали наступать. В обычной обстановке, еще только войдя в зал, Дзирт сразу почувствовал бы их присутствие. От троллей вечно исходила такая вонь, что не заметить их было просто невозможно. Но когда он вошел в зал, их там определенно не было. Пробираясь вдоль стены, эльф задел какой-то волшебный предмет, и башня немедленно подняла тревогу. В помещении тотчас стало светло, и из стоявших вдоль стен зеркал выскочили огромные тролли.

Дзирт легко разделался с первым, который бросился на него, но на место поверженного врага встали сразу пятеро, а это было уже слишком даже для такого опытного бойца, как эльф. Он решил бежать. Метнувшись к лестнице, Дзирт, не веря своим глазам, заметил, как только что убитый тролль, шатаясь, медленно поднимается на ноги.

Тут в его лодыжку вцепились когтистые пальцы, и эльф понял, что это та самая рука, которую он отрубил всего несколько мгновений назад.

Дзирт в ужасе стряхнул жуткий обрубок и бросился бежать вверх по винтовой лестнице, которая вела на второй этаж башни. Повинуясь его команде, Гвенвивар уже поднялась по ступеням и теперь поджидала его наверху.

Снизу доносились шаркающие шаги преследователей и скрежет цепляющихся за ступени когтей. Эльф выскочил на площадку второго этажа, надеясь на то, что его проворство даст ему немного времени, чтобы прийти в себя.

Но... на лестничной площадке не было дверей.

Квадратная площадка шириной примерно в десять футов с одной стороны выходила на лестницу, а другим концом упиралась в огромное, от пола до потолка, зеркало. Эльфу предстояло как можно быстрее раскрыть секрет этой волшебной двери.

Дзирт понял, что это будет нелегко.

Чистая гладкая поверхность зеркала безупречно отражала обитую ковром стену. Эльф вернул сабли в ножны и быстро ощупал зеркало в поисках какой-нибудь задвижки или

рукоятки, но ничего подобного не обнаружил.

Тролли продолжали взбираться по лестнице.

Дзирт попытался было распахнуть дверь, быстро проговорив все заклинания, какие только знал, но безуспешно. Зеркальная дверь не поддавалась.

Троль, поднимавшийся первым, преодолел уже полпути до площадки, где находился эльф.

«Здесь должна быть какая-то подсказка! – простонал Дзирт. – Ведь чародеи обожают всякие фокусы!»

Ответ явно должен был скрываться в затейливом рисунке ковра, и Дзирт, пытаясь найти разгадку, принялся разглядывать вышитые на ковре изображения.

До него донеслось тяжелое зловонное дыхание преследователей.

Но он контролировал себя и сосредоточился на бесчисленных изображениях.

Надо было во что бы то ни стало найти ответ. И тут эльф увидел на ковре вышитые буквы какого-то стихотворения. Ковер был древний, однако четкие буквы рифмованных строк явно были добавлены недавно. Неужели это дело рук Кесселла?

Если хочешь войти
В тот кошмар, что внутри,
Ты сначала ключ отыщи
И сумей распахнуть эту дверь.
Ключ невидим, но ты его разгляди.
Его нет, но он есть...

Одна из строк сразу бросилась эльфу в глаза. Слова «Его нет, но он есть» ему определенно приходилось слышать в детстве, в Мензоберранзане. Так говорили об Ургута Форка – демоне, который принес на землю смертельную болезнь. Случилось это в незапамятные времена, когда предки Дзирта еще жили на поверхности. Светлые эльфы начисто отрицали существование Ургута Форка, считая, что во всем виноваты их темные сородичи, однако те были уверены в обратном. Некие удивительные свойства их организма делали темных эльфов неуязвимыми для болезни, и, поняв, насколько смертельна для их врагов новая напасть, они сделали все возможное, чтобы заключить с демоном союз.

Эти слова: «Его нет, но он есть» – были одной из строк древней саги темных эльфов, в которой высмеивались их светлокожие сородичи, потерявшие тысячи своих братьев по вине демона, в существование которого они не верили.

Эта загадка была неразрешима для любого, кто не был знаком с легендой об Ургута Форка. Эльф понял, что он близок к успеху, и внимательно осмотрел ковер в поисках чего-либо, имеющего отношение к демону. И на уровне пояса обнаружил портрет самого Ургута. Демон был изображен во всем своем великолепии. Сжимая в лапах огромную дубину, он вдребезги разносил череп несчастного светлого эльфа.

Тролли были уже совсем близко.

Эльф обернулся, глянул на зеркало и тут же заметил различие в рисунке и его отражении: на зеркале в лапах демона дубины не было.

«Его нет, но он есть».

Дзирт ткнул рукой в зеркало, пытаясь схватить воображаемое оружие демона, но его пальцы коснулись холодного гладкого стекла. Эльф застонал от бессильной злобы.

Но опыт подобных приключений давным-давно приучил его к порядку. Чуть отступив от зеркала, эльф встал так, что его отражение расположилось там, где должна была находиться дубина Ургута. Затем, следуя за своим отражением, он сжал пальцы и с восторгом увидел, как в руке его двойника возникло оружие.

Эльф осторожно приподнял руку.

На зеркале мгновенно появилась небольшая вертикальная трещина.

Бежавший первым тролль уже выбрался на площадку, но Дзирт и Гвенвивар уже исчезли.

Задвинув волшебную дверь, эльф облегченно вздохнул. Дверей больше не было. Внезапно послышался веселый смех.

Эльф и пантера бесшумно поднялись по ступеням и заглянули в зал, откуда доносился смех. Это был гарем Кесселла.

С потолка струился мягкий свет разноцветных фонарей. Пол был сплошь завален огромными подушками. Богато расшитые портьеры делили помещение на несколько частей. Девушки, лишенные разума игрушки Кесселла, собравшись в круг и весело хихикая, сидели на полу в центре зала. Увидев их, Дзирт сразу понял, что эти несчастные ничем не смогут помешать ему. И тем не менее он был начеку, особенно проходя мимо задернутых шторами кроватей.

Эльф сомневался, что Кесселл поставил здесь стражу, но даже если так, это наверняка будут не тролли. И все-таки следовало быть настороже.

Переходя от одной затемненной части зала к другой, Дзирт и пантера быстро добрались до лестницы, уходящей на третий этаж, и поднялись на промежуточную площадку. Дзирт устало вздохнул.

И тут раздался звон, который они с Гвенвивар впервые услышали, еще когда проникали в башню. Звук постепенно усиливался, казалось, его издают сами стены Кришал-Тири. Дзирт встревоженно осмотрелся по сторонам.

Звон исходил от свисавших с потолка колокольчиков. По стенам неистово плясали отблески фонарей.

Дзирт сразу все понял.

Башня просыпалась. Долина Ледяного Ветра еще была погружена во мрак, но первые лучи утренней зари уже коснулись остроконечной верхушки Кришал-Тири.

И тут перед ними распахнулась дверь на третий этаж, в тронный зал Кесселла.

– Отлично сработано! – закричал чародей. Держа в руках погасшую свечу, он стоял в дальнем конце зала, позади хрустального трона, а рядом с ним с безразличным выражением на лице стоял Реджис. – Добро пожаловать! – учтиво сказал Кесселл, словно был рад видеть эльфа. – Можешь не волноваться за троллей, которых ты успел изувечить. Они скоро поправятся! – С этими словами чародей откинул голову и злорадно расхохотался.

Дзирт почувствовал, что его одурачили. Все его умение и сноровка лишь повеселили чародея. Опустив руки на рукояти покоящихся в ножнах сабель, Дзирт вошел в тронный зал.

Гвенвивар осталась на лестнице, потому что, судя по словам Кесселла, он ничего не знал о ее присутствии. Впрочем, она задержалась еще и потому, что не хотела лишний раз тратить силы.

Дзирт остановился перед тронном и низко поклонился чародею. Вид стоящего рядом с колдуном Реджиса немножко смутил его, однако он не подал вида, что знает хафлинга. Увидев эльфа, Реджис тоже никак себя не проявил. Но Дзирт не был уверен, сделал он это намеренно или потому, что находился под волшебным влиянием Кесселла.

– Приветствую тебя, Акар Кесселл! – сказал Дзирт, намеренно говоря с сильным акцентом, присущим жителям подземного мира, словно он едва владел языком людей, живших на поверхности. Эльф решил для начала попытаться применить ту же хитрость, что отменно сработала с демоном. – Мой народ, движимый доброй волей, послал меня сюда, чтобы я обсудил с тобой некоторые вопросы, касающиеся наших общих интересов.

Кесселл расхохотался.

– Да что ты говоришь! – И его лицо исказила гримаса ярости. Глаза чародея опасно сузились: – Я знаю тебя, темный эльф! Любой, кто хоть немного жил в Десяти Городах, слышал истории о твоих похождениях. Так что можешь оставить свое вранье при себе.

– Прошу прощения, о могущественный чародей, – спокойно сказал Дзирт, решив сменить тактику. – Похоже, ты гораздо сообразительней, чем твой демон.

Самодовольная ухмылка исчезла с лица Кесселла. Он уже давно задумывался над тем, почему Эррту не отзывается на его призывы, и теперь взглянул на Дзирта с некоторым уважением. Неужели этот эльф в одиночку разделался с демоном?

– Позволь мне начать еще раз, – сказал Дзирт. – Приветствую тебя, Акар Кесселл, – с этими словами он отвесил чародею глубокий поклон. – Я Дзирт До'Урден, воин Гверона Виндстрома, хранителя Долины Ледяных Ветров. Я пришел убить тебя.

В руках эльфа блеснули сабли.

Но Кесселл не зевал. Свеча, которую он держал в руках, внезапно вспыхнула, и свет ее пламени, преломляясь, отразился во множестве призм и зеркал, которыми был заставлен зал. Из небольшого языка пламени свечи ударили три ослепительных луча и надежно преградили Дзирту путь вперед. Ни один из лучей не коснулся его, но эльф, прекрасно представляя их силу, решил пока не двигаться в сторону чародея.

Эльф ощущал, как подрагивает башня, впитывая энергию солнечного света. В помещении стало светлее, несколько висевших по стенам зеркал вдруг превратились в огромные окна.

– Неужели ты действительно думал, что сможешь вот так просто прийти сюда и разделаться со мной? – спросил чародей. – Болван!

Ведь я же Акар Кесселл, Владыка Долины Ледяного Ветра! Я привел сюда могущественную армию. Подобное войско еще никогда не вторгалось на эту проклятую промерзшую равнину! Взгляни на них! – Кесселл взмахнул рукой. Одно из зеркал ожило, и в нем возникло изображение, сопровождаемое шумом просыпающегося лагеря.

Внезапно откуда-то со стороны послышался истошный предсмертный вопль. Эльф и чародей прислушались к крикам и поняли, что на равнине, где-то совсем рядом, идет жестокий бой. Дзирт повернулся к Кесселлу и вопросительно взглянул на него, размышляя, известно ли чародею, что происходит в северной части лагеря.

В ответ Кесселл еще раз взмахнул рукой. Изображение окуталось легкой дымкой, на мгновение исчезло, а потом возникло вновь. Перед ними предстала картина происходящего в северо-восточной части лагеря, и они увидели окруженный гоблинами отряд дворфов. Поле боя вокруг бородатых храбрецов было сплошь покрыто изуродованными телами огров, орков и гоблинов.

– Ты видишь, что сопротивление бесполезно? – взревел Кесселл.

– А по-моему, у дворфов все в порядке, – заметил Дзирт.

– Чепуха! – закричал чародей. Он вновь махнул рукой, и внезапно из глубины зеркала донеслись звуки песни Темпоса. Дзирт подался вперед и пристально всмотрелся в изображение, пытаясь разглядеть запевающего. – Глупые дворфы перебили часть моих далеко не лучших воинов, но сейчас моя армия получит мощное подкрепление! Всем, кто откажется покориться мне, суждена ужасная смерть! В долину пришел Акар Кесселл!

Окутывавшее зеркало сияние растаяло.

Свирепые варвары – их было не меньше тысячи – стремительно приближались к ничего не подозревающим дикарям. Гоблины и орки, находившиеся на их пути, нисколько не сомневаясь, что к ним прибыли союзники, огласили долину полными восторга приветственными воплями.

И тотчас были убиты.

Огромный отряд варваров стремительно врезался в нестройные боевые порядки армии Кесселла, безжалостно круша всех, кто вставал на пути. Сквозь шум боя эльф и чародей ясно услышали, как дворфы дружно подхватили песнь Темпоса.

У Кесселла от удивления отвисла челюсть, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Чародей резко взмахнул рукой, и изображение исчезло.

– Все это не имеет значения! – вскричал он, поворачиваясь к эльфу. – Я беспощадно расправляюсь с предателями! А потом Брин Шандер погибнет в огне! Но сначала я разделаюсь с тобой, коварный эльф! – прошептал он. – Ты, некогда убивший своего соплеменника, каких богов ты можешь просить о поддержке? Кто защитит тебя? – Сказав

так, Кесселл дунул на пламя свечи, и оно неистово заметалось из стороны в сторону.

Угол отражения лучей изменился, и один из них, ударив в направлении Дзирта, мгновенно прожег дыру в эфесе его верной сабли и безжалостно опалил черную кожу руки. Эльф содрогнулся от дикой боли и, выронив саблю, схватился за рану, а луч вернулся на место.

– Видишь, я без труда могу прикончить тебя, – издевательски усмехнулся Кесселл. – Твой жалкий разум не в состоянии понять, насколько силен Креншинибон. Считай, что тебе несказанно повезло. Ведь я позволил тебе перед смертью ощутить все величие моего могущества.

Дзирт, не мигая, смотрел на чародея. Он уже давным-давно привык считать смерть вполне нормальным делом, неизменной спутницей своих приключений, и сейчас был намерен достойно умереть.

Кесселл явно хотел запугать его, вселить в него ужас. Раз за разом чародей, злобно ухмыляясь, устремлял на Дзирта смертоносные лучи, в самый последний миг отводя их в сторону. Но в конце концов он понял, что эльф не станет молить о пощаде. Настал момент, когда забава наскучила чародею.

– Прощай, несчастный! – вскричал он и сложил губы, чтобы в последний раз дунуть на свечу.

И тут Реджис задул пламя.

Несколько мгновений все трое стояли без движения. Кесселл, считавший хафлинга рабом, бесконечно покорным его воле, изумленно уставился на Реджиса, а тот лишь неуверенно пожал плечами, как будто был не меньше самого чародея поражен своим поступком.

Повинуясь инстинкту, чародей метнул серебряный подсвечник в одно из зеркал и с воплем помчался в дальний конец зала, в сторону небольшой лестницы, скрывавшейся в тени огромного занавеса. Дзирт бросился за ним, и тут из одного из ближайших к нему зеркал полыхнуло пламя. Он заметил, как в глубине зеркала сверкнули четыре горящих яростью глаза. В следующее мгновение послышался звон разбитого стекла и в зал ввалились два чудовищных пса.

Но тут, черной тенью пролетев мимо хозяина, Гвенвивар грудью встретила одного из них, и оба зверя, образовав золотисто-черный клубок, в котором то и дело мелькали клыки и когти, вихрем покатались по залу, сбив с ног растерявшегося Реджиса.

Второй пес, изрыгая пламя, бросился на Дзирта, но эльф, успевший выхватить волшебную саблю, был готов к этому. Он резко взмахнул созданной для борьбы с огнем и его порождениями клинком, и оружие, издав мелодичный звон, легко рассекло чудовище пополам. Эльф в который уже раз поразился удивительной мощи волшебной сабли, но, памятуя о том, что ему необходимо догнать чародея, не раздумывая помчался вперед.

И в два прыжка он оказался перед лестницей, по которой только что скрылся Кесселл. Через небольшую дверь, которая открывала доступ на четвертый, последний этаж башни, он увидел отблески ритмично пульсирующего сияния и почувствовал, что сила вспыхивает с каждым мгновением. Солнце поднималось все выше, и сердце Кришал-Тири наполнялось все большей энергией. Эльф прекрасно понимал, навстречу какой опасности он бросается, но сейчас было некогда тщательно взвешивать шансы на успех.

Взлетев по лестнице, он попал в небольшую комнату и вновь оказался лицом к лицу с Кесселлом. Между ними в воздухе парил, ничем не сдерживаемый, волшебный кристалл – сердце Кришал-Тири. Камень оказался продолговатым четырехгранником не более фута длиной и удивительно напоминал кусочек льда.

Он был точной копией Креншинибона.

Внезапно из кристалла возникла и мгновенно разделила комнату пополам стена света. По тому, как облегченно вздохнул чародей, Дзирт догадался, что стена эта прочнее камня и пройти через нее ему не удастся. В комнате в отличие от тронного зала было лишь одно зеркало, и оно скорее напоминало окно.

– Попробуй-ка прикоснуться к камню, эльф, – расхохотался Кесселл. – Болван! Сердце Кришал-Тири неизмеримо сильнее любого оружия этого мира, и, что бы ты ни делал, ни колдовством, ни силой тебе не удастся оставить даже мельчайшую царапину на его безупречно гладкой поверхности! Ну же! Ударь-ка его! Дай выход своему дурацкому упрямству!

Но у Дзирта уже созрел план действий. Его опыт свидетельствовал, что бывают враги, которых невозможно одолеть одной лишь только силой. Но всегда, в любом поединке бывают варианты продолжения схватки.

Сунув в ножны волшебную саблю, он принялся развязывать ремешок, которым была приторочена к поясу небольшая сумочка. Кесселл, пораженный спокойствием эльфа перед лицом неизбежной смерти, изумленно смотрел, как тот отцепляет от пояса какой-то мешок.

– Что ты делаешь? – закричал он, почуяв неладное.

Дзирт ничего не ответил. Развязав еще один ремешок, стягивавший горловину мешочка, он широко раскрыл ее.

– Я спросил тебя, что ты делаешь! – завопил Кесселл, глядя, как Дзирт двинулся прямо к сердцу башни. Внезапно чародей почувствовал, что эльф оказался гораздо более опасным противником, чем он предполагал.

Креншинибон тоже почувствовал это и немедленно дал чародею команду вызвать молнию и одним ударом уничтожить эльфа.

Но Кесселла сковал страх.

Дзирт подошел к кристаллу и хотел было прикоснуться к нему, но стена света надежно защищала сердце башни. Впрочем, ничего другого он и не ожидал и потому, раскрыв свой мешок как можно шире, мысленно сосредоточился на башне. На Кесселла эльф при этом даже не взглянул.

Чуть помедлив, Дзирт резким движением вытряхнул содержимое мешка на волшебный камень.

В комнате мгновенно стало темно, и башня внезапно издала жуткий стон.

Стена света, отделявшая эльфа от чародея, исчезла, словно ее и не было.

Но Дзирт по-прежнему думал лишь о башне. Он прекрасно понимал, что пыль драгоценных камней из пещеры белого дракона вряд ли способна надолго ослабить силу волшебного камня.

И все же этого времени оказалось достаточно для того, чтобы он успел набросить на камень свой мешок и крепко-накрепко завязать ремень. Кесселл с воплем бросился на него, но, наткнувшись на острие сабли, застыл как вкопанный.

– Нет! – взвыл чародей. – Ты понимаешь, к чему это приведет?

Будто в подтверждение его слов Кришал-Тири резко качнулась. Башня тут же восстановила равновесие, но и Кесселл, и Дзирт ясно почувствовали приближающуюся опасность. Где-то глубоко внутри Кришал-Тири начался процесс саморазрушения.

– Я все прекрасно понимаю, – сказал Дзирт. – Я победил тебя, Акар Кесселл. Твое недолгое правление в качестве самозванного владыки Долины Ледяного Ветра закончилось!

– Ты убил самого себя, эльф! – заорал Кесселл, чувствуя, как дрожит пол под ногами. – У тебя нет надежды на спасение. Башня похоронит тебя под своими обломками!

Кришал-Тири вновь содрогнулась, на этот раз гораздо сильнее. И еще раз. И еще. Дзирт безразлично пожал плечами.

– Пусть будет так, – сказал он. – Но я сделал свое дело – ведь ты тоже погибнешь.

Лицо чародея скривилось в безумной ухмылке. Он отскочил от Дзирта и головой вперед нырнул в расположенное на стене зеркало. Вместо того чтобы, пробив стекло, рухнуть вниз, на равнину, как предполагал Дзирт, тело Кесселла прошло сквозь зеркало и исчезло.

Башня вновь вздрогнула, но на этот раз выпрямиться уже не смогла. Дзирт бросился было к двери, но едва устоял на ногах. По стенам комнаты поползли трещины.

– Реджис! – закричал он, но ответа не последовало. Часть стены в зале на третьем этаже

уже обвалилась, и Дзирт даже успел разглядеть обломки внизу, у подножия башни. Всей душой надеясь, что Реджис и Гвенвивар успели удрать, он метнулся в сторону единственно доступного выхода.

Эльф вслед за Кесселлом нырнул в волшебное зеркало.

Глава 30

БИТВА ЗА ДОЛИНУ ЛЕДЯНОГО ВЕТРА

Защитники Брин Шандера слышали шум боя на равнине, но до самого рассвета пребывали в растерянности. Наконец, поняв, что происходит, они принялись подбадривать дворфов воинственными криками и были несказанно поражены тем, что пришедшая из тундры армия варваров неожиданно бросилась на воинов Кесселла, безжалостно расправляясь с гоблинами.

Кассиус и Гленсатер, стоя на крепостной стене, не могли решить, стоит ли им выводить своих воинов из города.

– Варвары? – недоумевал Гленсатер. – Не пойму, они нам друзья или враги?

– Они убивают орков и гоблинов, – ответил Кассиус.

– Значит, они за нас!

На Мир Дуальдоне Кемп и другие военачальники тоже слышали шум сражения. Однако им не было видно, что происходит у стен главного города долины. И что самое удивительное, на юго-западе, в Бремене, судя по всему, тоже шел бой. Неужели защитники Брин Шандера покинули город и решили атаковать? Или, может быть, это войско Акара Кесселла вышло из повиновения?

Затем внезапно померкла Кришал-Тири. Ее только что сиявшие в свете солнечных лучей стены стали тускло-серыми, а потом и вообще почернели.

– Реджис! – воскликнул Кассиус, почувствовав, что башня теряет силы. – Он настоящий герой!

Башня дрогнула и покачнулась. Затем на ее стенах возникло множество трещин, и спустя мгновение волшебное строение стало разваливаться на куски.

Дикари в ужасе смотрели, как рассыпается в прах замок того, кого они считали своим богом.

И тут раздался призывный рев боевых труб Брин Шандера. Люди Кемпа с торжествующими криками налегли на весла. Разведчики Енсина Брента немедленно сообщили радостную новость рыбакам Лек Деннишира, и те, в свою очередь, известили воинов Красных Вод. По кораблям, служившим убежищем жителям Долины Ледяного Ветра, пронесся клич: «К оружию!»

Огромные ворота Брин Шандера распахнулись, и его защитники бросились на равнину. Корабли Кер-Кониго и Кер-Диневала на Лек Деннишире и Гуд Мида и Дуган Хода на юге подняли паруса и, поймав восточный ветер, понеслись к берегу. Рыбаки Мир Дуальдона, немилосердно бранясь, что им приходится держать курс против ветра, также устремились навстречу врагам.

Так началась битва за Долину Ледяного Ветра.

* * *

Реджис едва успел отскочить от яростно кусающих и царапающих друг друга зверей. В другое время Гвенвивар без труда разделалась бы с монстром, однако сейчас она была настолько ослаблена, что могла лишь защищаться. Вот пламя из пасти пса опалило ее мех, и спустя мгновение огромные клыки противника сомкнулись на шее пантеры.

Реджис всей душой хотел помочь огромной кошке, но он даже не мог подобраться к катающимся по полу зверям, чтобы как следует пнуть пса. И зачем это Дзирт так стремительно убежал?

Гвенвивар почувствовала, что могучие челюсти врага безжалостно стискивают ее горло. Кошка сумела перекатиться и подмять пса под себя, но противник и не подумал ослабить хватку. Дышать становилось все труднее, Гвенвивар поняла, что силы вот-вот оставят ее. И, бесконечно сожалея о том, что ей приходится покидать хозяина в столь тяжелый момент, мысленно устремилась сквозь пространство, назад, к себе на родину.

Но тут наступила темнота. От неожиданности пес разжал челюсти, и Гвенвивар мгновенно воспользовалась этим. Ее когти вонзились монстру в ребра, и, перекатившись через голову, пантера растаяла во мраке.

Пес, увидев нового противника, не раздумывая, бросился на Реджиса.

Сейчас Гвенвивар полностью владела ситуацией, она была ночным хищником, привыкшим выслеживать добычу и наносить удар еще до того, как жертва успеет почувствовать ее присутствие. Пригнувшийся перед прыжком на хафлинга пес распластался на полу, когда пантера тяжело опустилась ему на спину, а спустя мгновение ее огромные клыки вонзились в его золотисто-багровый загривок.

Пес успел издать лишь один протяжный предсмертный стон – клыки пантеры перекусили его шею.

Жалобно позвякивая, зеркала трескались одно за другим. Пол разверзся, и трон Кесселла рухнул вниз. По доносившимся из гарема крикам Реджис понял, что то же самое происходит во всей башне. Он был безмерно рад тому, что Гвенвивар все-таки разделалась с чудовищем, но этого, похоже, можно было и не делать. Бежать уже было некуда. Они были обречены погибнуть под обломками Кришал-Тири.

Реджис позвал Гвенвивар и увидел ее горящие в темноте глаза.

– Что такое? – удивленно воскликнул он.

Кусок стены у него за спиной рухнул, увлекая Реджиса за собой, и хафлинг увидел, как глаза кошки вдруг оказались у него над головой. Точно выбрав момент, Гвенвивар бросилась на хафлинга.

Реджис закашлялся от пыли и понял, что башня вот-вот обрушится. И тут стало совсем темно: пантера подмяла его под себя.

* * *

Дзирт почувствовал, что падает. Яркий свет ослепил его. Он ничего не видел и не слышал. Он не слышал даже неистовых завываний ветра. Эльф знал одно – он падает.

Свет померк, и перед его глазами возникла туманно-серая пелена: как будто он летел сквозь облако. Происходящее казалось совершенно нереальным, и эльф поймал себя на мысли, что не помнит, как оказался в этом положении... Сейчас он не помнил даже своего имени.

Затем Дзирт упал в глубокий сугроб и сразу понял, что это не сон. К нему мгновенно вернулись все чувства, он услышал дикий рев ветра и ощутил ледяное покусывание снега. Эльф вспомнил Кришал-Тири, все, что там произошло, и догадался, куда попал.

Дзирт оказался на покрытой вечными снегами вершине Пирамиды Кельвина.

* * *

Воины Брин Шандера и Истхейвена вслед за бежавшими впереди Кассиусом и Гленсатером спустились с холма и врезались в толпы еще не пришедших в себя после крушения Кришал-Тири гоблинов. Защитники избрали самую очевидную в этой ситуации тактику – им следовало любой ценой прорваться к дворфам. Еще стоя на стене, они заметили, что то же самое задумали и варвары. Было ясно, что реальные шансы на успех появятся у них лишь в том случае, если удастся объединить все три отряда.

Гоблины были настолько охвачены паникой, что не смогли не то что воспрепятствовать их плану, но и просто встретить людей, сойдясь в боевой порядок.

Высадившись у северной окраины Таргоса, воины Мир Дуальдона тоже не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Впрочем, они прекрасно понимали, что сойти на берег – это еще полдела. Ведь стоило им двинуться в сторону Брин Шандера, и большой отряд гоблинов, обосновавшийся в Термалэйне, легко мог ударить им в спину.

Но их опасения оказались напрасными. Поначалу гоблины собрались было выступить на подмогу чародею. Но тут неожиданно обрушилась Кришал-Тири, и они решили выждать и понаблюдать за развитием событий. Накануне их крайне обеспокоили слухи о том, что Кесселл выделил большой отряд, чтобы уничтожить изменников – орков Лживый Язык, расположившихся в Бремене. Поэтому, когда башня, воплощение могущества Кесселла, на их глазах рассыпалась в прах, они решили как следует взвесить шансы чародея на победу. И, хорошенько поразмыслив, дружно бросились бежать на север, в сторону открытой тундры.

* * *

Пурга, бушевавшая над вершиной Пирамиды Кельвина, сильно ухудшала видимость. Дзирт едва мог разглядеть свои собственные ноги. Он по-прежнему крепко сжимал волшебную саблю, которая вдруг начала излучать слабое сияние, словно холод был оружием по душе.

Дрожащее истерзанное тело Дзирта умоляло его двинуться вниз по склону. Но нет, эльф направился в противоположном направлении, в сторону одной из соседних вершин, откуда порывы ветра доносили неистовый, безумный смех.

И вот он увидел размытый силуэт чародея, глядящего на равнину.

– Кесселл! – прокричал Дзирт и, увидев, как чародей повернулся в его сторону, понял, что тот услышал его. – Именем жителей Десяти Городов я заклинаю тебя сдаться! И сдаться немедленно, пока безжалостное дыхание ветра не превратило нас в лед!

Кесселл презрительно фыркнул.

– Значит, ты все еще не понял, с чем тебе довелось столкнуться? – изумленно воскликнул он. – Неужели ты и впрямь считаешь, что выиграл эту битву?

– Я еще не знаю, как сражаются люди внизу, – ответил Дзирт. – Но ты уже побежден! Твоя башня разрушена, Кесселл, а без нее ты всего лишь заурядный фокусник! – Говоря это, Дзирт продолжал осторожно идти вперед, и сейчас ему оставалось пройти всего несколько футов. Но чародей по-прежнему казался размытым черным пятном на фоне серых вихрей пурги.

– Ты хочешь знать, как идет сражение, эльф? – спросил Кесселл. – Так смотри! Стань свидетелем гибели Десяти Городов! – Сказав так, он сунул руку под мантию и достал небольшой сверкающий предмет – волшебный хрустальный камень. Пурга мгновенно прекратилась, и даже ветер стих у того места, где они стояли.

Дзирт понял, что камень действительно обладает чудовищной силой, и почувствовал, что в мягком свете, исходящем от кристалла, его тело постепенно согревается.

– Башня разрушена, говоришь? – издевательски хихикнул Кесселл. – Тебе удалось разрушить лишь одно из бесчисленных воплощений Креншинибона! Горсть драгоценных камешков? И этим ты собирався уничтожить самое могущественное на свете существо? Взгляни вниз, в долину, на тех, кто посмел восстать против меня!

Прямо под ними простиралась охваченная сражением равнина. Чуть в стороне Дзирт увидел наполненные ветром паруса кораблей Кер-Кониго и Кер-Диневала, подходивших к западному берегу Лек Деннишира.

На юге флот Гуд Мида и Дуган Хола уже стоял у пристаней. Высадившиеся на берег рыбаки Красных Вод не встретили никакого сопротивления и готовились броситься в бой. Гоблины и орки, окружавшие Брин Шандер с юга, не видели гибели Кришал-Тири, но все же почувствовали исчезновение управлявшей ими силы, и потому лишь немногие из них устремились в бой, большинство осталось у своих шатров, а некоторые в панике бросились бежать.

Воины Кемпа уже были на берегу и быстро продвигались к Брин Шандеру, одновременно ведя наблюдение за расположенным к северу от них Термалэйном. Так получилось, что они высадились в месте, где воинов Кесселла было больше всего, причем именно здесь крушение башни вызвало среди дикарей наибольший упадок боевого духа: большинство гоблинов решили уклониться от боя и пустились наутек.

В центре равнины, где сейчас разворачивалась самая жаркая битва, воины Десяти Городов и их союзники дрались успешно. Варвары уже почти пробились к дворфам. Вдохновляемые мощью молота Вульфгара, дворфы и варвары беспощадно крушили всех, кто попадался под руку. Отсюда, с вершины, было очевидно, что в самое ближайшее время их позиция станет еще более выгодной – к ним, стараясь не отрываться далеко друг от друга, медленно, но верно приближались отряды Кассиуса и Гленсатера.

– Судя по тому, что говорят мне мои глаза, плохи дела твоего воинства, – сказал Дзирт. – Я бы не сказал, что «болваны из Десяти Городов» терпят поражение.

Кесселл поднял хрустальный камень над головой, и тот засиял еще сильнее. Внизу, на поле боя, воины обеих армий даже на столь большом расстоянии почувствовали незримое присутствие того, что было им известно как Кришал-Тири. Люди, дворфы и гоблины – даже те, кто, мертвой хваткой вцепившись друг в друга, катался по земле, на мгновение прервали бой и все как один взглянули в сторону огня, засиявшего на вершине Пирамиды Кельвина. Затем дикари, поняв, что их божество снова с ними, забыв о бегстве, с дикими воплями бросились в яростную атаку.

– Ну что, ты видишь, как вдохновило их одно лишь мое появление? – горделиво крикнул Кесселл.

Но Дзирт не слушал его. Он даже не смотрел на равнину. Эльф заметил, что под ногами у них с чародеем возникла небольшая лужица талой воды: жар, исходивший от волшебного камня, начал постепенно растапливать снег. Дзирт напряженно прислушивался к звукам отдаленного сражения. Он понял, что Креншинибон вызвал гнев вечных снегов Пирамиды Кельвина.

– Будь свидетелем моего очередного триумфа! – завопил чародей, и его голос, многократно усиленный энергией камня, подобно раскатам грома разнесся над склоном горы. – Смотри, как я сейчас сожгу корабли на том озере!

Дзирт понял, что сейчас произойдет непоправимое. Ему было необходимо удержать чародея от каких бы то ни было действий. Эльф, не задумываясь, выхватил заткнутый за пояс кинжал и с силой метнул его в Кесселла. Он прекрасно знал, что камень и чародей представляют собой единое целое, и потому даже не надеялся, что оружие попадет в цель. Сейчас важнее всего было отвлечь Кесселла и тем самым не дать ему излить свою злобу на долину.

Кинжал, со свистом рассекая воздух, устремился в сторону чародея, а Дзирт развернулся и бросился прочь.

Из Креншинибона ударил тонкий луч, и кинжал испарился в воздухе. Кесселл был вне себя от бешенства.

– Ты должен ползать передо мной на коленях! – заорал он Дзирту. – Паршивый пес! Ты заслужил право стать моей первой жертвой сегодня! – С этими словами Кесселл ткнул камнем в сторону убегающего эльфа, но вдруг по колено провалился в подтаивший снег.

Он тоже услышал злое грохотание горы.

И с каждым мгновением проваливался все глубже. Вот он ушел в снег по грудь и судорожно забарахтался, стараясь освободиться. Он вновь попытался призвать на помощь волшебную силу Креншинибона, однако страх не давал ему сосредоточиться.

Впервые за последние годы Акар Кесселл ощутил чувство страха. Сейчас он ощущал себя вовсе не владыкой Долины Ледяного Ветра, но лишь жалким, ничтожным учеником, убившим своего учителя.

И тут покрывавшая склон горы снежная шапка сорвалась вниз. Страшный грохот разнесся над равниной. Люди, орки, гоблины и даже огры попадали наземь.

Падая, Кесселл прижал камень к груди, но Креншинибон опалил его ладони и отшвырнул чародея от себя. Кесселл совершил слишком много ошибок, и камень отказался считать его своим хозяином.

Почувствовав, что Креншинибон выскользнул из его пальцев, Кесселл издал дикий вопль, но его крик потонул в грохоте снежной лавины. Ледяная темнота сомкнулась над ним и повлекла чародея вниз. И вскоре бездыханное тело уже лежало на дне одного из самых глубоких ущелий южного склона горы.

А спустя несколько мгновений его покрыла огромная шапка вечных снегов Пирамиды Кельвина.

* * *

Армия дикарей увидела, что их божество сокрушено, и боевой дух гоблинов стал стремительно угасать. В то время когда Кесселл ненадолго возник вновь, два ледяных исполина – единственные из всей армии оставшиеся в живых – сумели восстановить контроль над ситуацией. Призвав под свои знамена гвардейцев-огров, они смогли сплотить и перестроить боевые порядки орков и гоблинов.

Но теперь армия разваливалась прямо на глазах. Распри между племенами, некогда подавленные железной волей чародея, вспыхнули с новой силой. Дикари дрались лишь из страха перед врагом, и только животный ужас да боязнь исполинов удерживали гоблинов от панического бегства.

– Рад видеть тебя, Бренор! – прокричал Вульфгар, вдребезги разнося голову очередного гоблина: варварам все-таки удалось соединиться с дворфами.

– Приветствую тебя, малыш! – ответил ему дворф, глубоко всаживая топор в грудь своего противника. – Ты чуть не опоздал. Я уж было решил, что мне придется поработать и за тебя!

Однако Вульфгар не слушал его. Он увидел двух исполинов, командовавших армией врага.

– Видишь вон тех ледяных исполинов? – спросил он Бренора, кивнув в сторону отряда огров. – Дикари сопротивляются лишь потому, что ими командуют эти двое!

– Что ж, можно немного поразвлечься! – рассмеялся Бренор. – Вперед!

И молодой король вместе с Бренором и несколькими своими соплеменниками принялись прокладывать путь сквозь ряды гоблинов.

Увидев это, огры плотной стеной окружили своих военачальников.

Но Вульфгар подобрался к ним уже достаточно близко.

Просвистев над головами огров, Клык Защитника с силой ударил прямо в лоб одному из исполинов, и тот рухнул на землю. Второй, пораженный тем, что человек смог нанести смертельный удар с такого расстояния, не раздумывая, бросился бежать.

Бесстрашные огры ринулись в атаку, и спустя некоторое время им удалось оттеснить маленький отряд Вульфгара. Но молодой король уже исполнил задуманное и потому решил отступить, чтобы вновь присоединиться к войску дворфов и варваров, дравшихся сейчас плечом к плечу.

Однако у Бренора были совсем другие планы. Вокруг него разгорелась та беспорядочная схватка, какие он любил больше всего. Он пригнулся, исчез меж длинных ног передних огров и, надежно скрытый клубами пыли, двинулся в глубь их боевых порядков.

Вульфгар успел краем глаза заметить исчезновение дворфа.

– Куда ты? – прокричал он ему вслед. Однако Бренор в горячке боя не расслышал, да и вряд ли обратил бы внимание на крик друга.

Вульфгар не мог видеть, как дерется неистовый дворф. Однако примерное местонахождение Бренора определить было несложно, поскольку огры то и дело с воплями хватались за изуродованные колени и разрубленные сухожилия.

Орки и гоблины, еще не успевшие втянуться в битву, внимательно наблюдали за

Пирамидой Кельвина, рассчитывая на новое появление своего божества.

Но на склоне горы, кроме снега, уже ничего не было.

* * *

Воины Кер-Конига и Кер-Диневала, которым не терпелось отомстить дикарям, идя под всеми парусами, не раздумывая, выбросили свои корабли на берег, решив не тратить драгоценное время, чтобы стать на якорь.

Соскочив на землю, они с такой яростью устремились на врага, что гоблины в ужасе бросились в разные стороны.

Расправившись с поджидавшими их на берегу дикарями, они построились в боевой порядок и двинулись на юг. Оттуда уже давно доносились звуки битвы, и Енсин Брент прекрасно знал, что это рыбаки Гуд Мида и Дуган Хола прорываются на север, на соединение с ними. Он решил двигаться в сторону восточной дороги и, объединившись с южанами, наступать в направлении Брин Шандера.

Они почти не встретили сопротивления. Гоблины либо бросились бежать, либо устремились к развалинам Кришал-Тири, чтобы влиться в ряды основной армии.

* * *

Кемп нетерпеливо вглядывался в просторы Мир Дуальдона, ожидая сигнала с высланной в разведку шхуны. Выборный от Таргоса, взявший на себя командование объединенными силами четырех городов, пока что вел себя предельно осторожно, опасаясь удара с севера, из захваченного гоблинами Термалэйна. Кемп строго-настрого запретил своим воинам ввязываться в бой. И тем не менее, слыша звуки бушевавшего на равнине яростного боя, он, завзятый искатель приключений, с трудом сдерживал желание поскорее вступить в сражение. Но время шло, никто не нападал на них с севера, и он отправил вдоль берега небольшую шхуну – выяснить, что задерживает захвативших Термалэйн дикарей. И вот на горизонте показались белоснежные паруса. На верхушке мачты развевался сигнальный флаг, который Кемп так мечтал увидеть. Алое знамя, означавшее в мирное время удачную охоту, сейчас извещало, что Термалэйн пуст и гоблины спасаются бегством.

Кемп поднялся на возвышение и обратился к своим воинам. Его лицо пылало жадной отмычкой.

– Вперед, ребята! – прокричал он. – Давайте прорываться к городу на холме. Пусть Кассиус, вернувшись с поля боя, увидит нас стоящими у ворот его крепости!

* * *

Сражение длилось все утро. Люди и дикари яростно размахивали мечами и копьями, которые к полудню, казалось, потяжелели вдвое. И хотя усталость замедляла их реакцию, она нисколько не умерила пыл воинов.

Армии противников давно смешались. Их отряды зачастую оставались без командиров, которые в горячке боя отрывались от своих воинов. Порой гоблины и орки с ожесточением сражались между собой – даже несмотря на то что сейчас их атаковал общий враг, они не могли преодолеть взаимную ненависть. Участки наиболее яростных схваток были окутаны плотными клубами пыли. Над равниной, ни на мгновение не смолкая, стоял звон от ударов мечей по щитам и раздавались предсмертные крики и торжествующе-победные вопли.

Пожалуй, единственным исключением был отряд дворфов. Эти опытные бойцы дрались плотным строем и четко соблюдали боевой порядок даже несмотря на то, что их командир Бренор не вернулся после атаки на полководцев гоблинов.

Дворфы помогли Вульфгару и его спутникам прорваться к исполинам. Молодой король присоединился к своим воинам как раз в тот момент, когда к дворфам и варварам пробился

Кассиус со своей армией.

За каждого убитого человека гоблины расплачивались десятком своих воинов. Однако Кассиус знал, что радоваться рано. Тысячи дикарей еще даже не обнажили оружие, а его люди еле держались на ногах от усталости. Настал момент возвращаться в город. Приняв такое решение, он подал дворфам знак возглавить отступление.

Затем и Вульфгар отдал варварам команду следовать за дворфами и людьми Кассиуса. Он не был уверен, впустят ли их в крепость, но делать было нечего...

Поначалу отряд Кемпа совершил впечатляющий рывок к холму, на котором стоял Брин Шандер. Однако по мере продвижения к цели ряды гоблинов становились все плотнее, и вот, когда воинам Мир Дуальдона оставалось преодолеть последнюю сотню ярдов, они поняли, что окружены.

Армия рыбаков, наступавшая с востока, оказалась более удачливой. Двигаясь по Восточному Пути, она не встретила серьезного сопротивления. Затем ей пришлось с боем пересечь равнину, но Енсин Брент и не думал останавливаться для отдыха. Он ясно слышал шум сражения и прекрасно понимал, что отважным защитникам Брин Шандера, которые сейчас бились с основными силами противника, жизненно необходима его поддержка.

Когда они вышли к северным воротам Брин Шандера, Брент сразу понял, что Кассиус и его воины пробьются в город сами, в то время как воинам Мир Дуальдона явно придется туго.

– На запад! – крикнул он, обернувшись к своим людям, и помчался в сторону окруженного отряда Кемпа.

Люди Кемпа с радостью приняли помощь, и вскоре объединенный отряд выбрался на северный склон холма. Последние из отступавших начали подниматься к воротам как раз тогда, когда армия Кассиуса, варвары Вульфгара и дворфы, оторвавшись от гоблинов, подошли к стенам Брин Шандера.

Люди, стоявшие на склоне холма Брин Шандер, едва держались на ногах от усталости, но по их решительному виду было ясно, что они будут драться до последнего вздоха.

Орки и гоблины задумались. Нет, битва за Долину Ледяного Ветра развивалась совсем не так, как обещал им Акар Кесселл.

Глава 31 ПОБЕДА?

Защитники Десяти Городов и их союзники – дворфы и варвары – выбрались на склон холма и плотными рядами стояли вдоль крепостных стен у северных ворот Брин Шандера. В то время как им удалось добиться некоторого преимущества, объединив свои силы и заняв позицию на возвышении, армия Акара Кесселла разлагалась прямо на глазах. Когда гоблины вторгались в долину, у них была общая цель – победа во славу Акара Кесселла. Но как только чародей исчез, дикари тотчас вспомнили о своей извечной вражде.

Люди и дворфы наблюдали за войском гоблинов, и у них начала появляться надежда на победу – в тылу армии дикарей то и дело образовывались бреши: племена одно за другим покидали лагерь и устремлялись назад, в тундру.

И все-таки они были окружены с трех сторон. Гоблины пока не пытались атаковать, но многие тысячи захватчиков по-прежнему стояли напротив северной стены Брин Шандера.

Чуть раньше, утром, когда битва только началась и их атаки застали врага врасплох, предводители защитников Десяти Городов, пожалуй, сочли бы такую паузу опасной: ведь гоблины могли использовать это время, для того чтобы перестроиться и продолжить сражение более организованно.

Сейчас же перерыв оказался весьма кстати. Во-первых, воины получили столь необходимый отдых, а во-вторых, орки и гоблины осмотрелись и оценили свои потери. Равнина к северу от Брин Шандера была покрыта горами трупов, и гоблинов полегло во много раз больше, чем людей. Куча камней на том месте, где еще рано утром возвышалась

Кришал-Тири, лишь усиливала панику врагов. Вдобавок с ними уже не было ни исполинов, ни огров.

Кассиус собрал уцелевших выборных на краткий Военный совет.

Чуть в стороне Вульфгар и Ревджак подошли к Фендеру Маллоту, взявшему на себя командование отрядом дворфов после исчезновения Бренора.

– Мы рады твоему возвращению, Вульфгар, – сказал Фендер. – Бренор был уверен, что ты не оставишь нас в беде.

Вульфгар бросил взгляд на поле боя в надежде увидеть Бренора.

– Ты что-нибудь знаешь о нем? Куда он пропал?

– Нет, последним его видел ты, – угрюмо ответил Фендер, и они принялись молча высматривать Бренора.

– Ну же, я так хочу вновь услышать звон твоего топора, – прошептал Вульфгар.

Но Бренор не слышал его.

* * *

– Енсин, – обратился Кассиус к выборному от Кер-Диневала. – Где ваши женщины и дети? Они в безопасности?

– Да, они в Истхейвене, – ответил Енсин Брент. – Сейчас к ним присоединились беженцы из Гуд Мида и Дуган Хола. У них в достатке пищи и теплой одежды, и там есть кому присмотреть за ними. Если эти твари вздумают напасть на город, у них будет время, чтобы сесть на корабли и выйти в озеро.

– Но как долго они смогут продержаться на озере? – спросил Кассиус.

Енсин Брент пожал плечами.

– Думаю, до наступления холодов. У них всегда будет где высадиться на берег, ведь орки и гоблины вряд ли смогут окружить озеро.

Кассиус, похоже, успокоился. И повернулся к Кемпу.

– В Одинокое Лесу, – сказал Кемп, догадавшись, о чем собирается спросить его Кассиус. – И они там неплохо устроились! Там собралось столько кораблей, что они запросто смогут соорудить в центре озера небольшой плавучий городок.

– Отлично, – сказал Кассиус. – Это развязывает нам руки. Мы могли бы, например, еще некоторое время сражаться на холме, а потом отступить в город, под защиту крепостных стен. Без чародея гоблины и орки ни за что не смогут ворваться в Брин Шандер!

Идея эта пришлась по душе Енсину Бренту, однако Кемп нахмурился.

– Наши женщины и дети в безопасности. А как насчет варваров?

– Их женщины вполне приспособлены к жизни в тундре и сумеют некоторое время продержаться, – ответил Кассиус.

– Меня меньше всего заботит судьба их вонючих женщин! – рявкнул Кемп, намеренно повысив голос так, чтобы его могли слышать Вульфгар и Ревджак, совещавшиеся между собой неподалеку. – Я говорю об этих бешеных псах. Ты, конечно же, не собираешься распахивать перед ними ворота крепости.

Услышав эти слова Кемпа, Вульфгар направился к нему.

Кассиус повернулся к Кемпу.

– Упрямый болван! – зло сказал он. – Мы сможем победить лишь объединившись!

– Мы победим, если сами пойдем в атаку! – возразил Кемп. – Мы уже вселили в них ужас, а ты уговариваешь нас укрыться в крепости.

Огромный король варваров подошел к ним.

– Приветствую тебя, Кассиус из Брин Шандера, – учтиво сказал он. – Я Вульфгар, сын Беорнегара. Я команду племенами, которые пришли помочь вам в вашем благородном деле.

– Что варвары могут понимать в благородстве? – грубо прервал его Кемп.

Вульфгар не обратил на его слова никакого внимания.

– Я стал невольным свидетелем вашего спора, – продолжал он. – И считаю, что твой неблагодарный, дурно воспитанный советник предлагает правильное решение.

Кассиус, ожидавший, что Вульфгар будет взбешен нападками Кемпа, не сразу сообразил что к чему.

– Я имею в виду атаку, – пояснил Вульфгар. – Гоблины пребывают в растерянности и не знают, что делать дальше. Дикари сейчас наверняка ломают голову, зачем они последовали за чародеем в эту проклятую долину. Если мы дадим им время прийти в себя, они будут драться с удвоенной силой.

– Благодарю тебя, король варваров, – сказал Кассиус. – Но мне кажется, что этот сброд не сможет организовать осаду города. Не пройдет и недели, как они разбегутся.

– Возможно, – сказал Вульфгар. – Но в этом случае победа тоже обойдется вам недешево. Несколько городов почти не пострадали, и я не сомневаюсь, что, покидая Долину Ледяного Ветра, гоблины ударят по ним. И, что самое главное, в этом случае они покинут долину непобежденными. Ваше отступление под защиту крепостных стен, несомненно, сохранит жизнь многим воинам, но вы не сможете быть уверены в том, что гоблины не вернуться!

– Значит, ты считаешь, что нам следует атаковать? – спросил Кассиус.

– Сейчас они еще боятся нас. Дикари успели осмотреться и увидели, как сильно мы их потрепали. Страх – мощное оружие, особенно против трусливых гоблинов. Давайте же завершим начатое... Как сделали вы пять лет назад, во время нашествия моего народа... – При этих словах Кассиус заметил в глазах Вульфгара боль. – И заставим этих вонючих дикарей с воплями удирать в их горные пещеры! Много лет пройдет, прежде чем они вновь посмеют поднять оружие против Десяти Городов.

Кассиус взглянул на молодого короля с искренним уважением и вместе с тем с любопытством. Он с трудом находил в себе силы поверить в то, что гордые воины тундры, наверняка отлично помнившие жуткую бойню у стен Брин Шандера, пришли на помощь рыбакам Десяти Городов.

– Мои люди нанесли твоему народу сокрушительное поражение, благородный король. Так почему же ты решил выступить на нашей стороне?

– Поговорим об этом, когда разделаемся с дикарями, – сказал Вульфгар. – А сейчас давайте запоем боевую песнь. Нам надо вселить в души врагов страх и сломить их волю!

Сказав это, он повернулся к Ревджаку и своим военачальникам.

– Запевайте, гордые воины тундры! – скомандовал он. – Пусть песнь Темпоса покажет этим проклятым гоблинам, какая их ждет судьба!

Варвары восторжеслись, и над равниной зазвучал гимн их богу Войны.

И Кассиус заметил, как при первых же звуках боевой песни гоблины отбежали на несколько шагов и судорожно сжали оружие.

Он улыбнулся.

– Подхватывайте песнь наших союзников! – обратился он к своим воинам. – Сегодня мы погоним врага прочь!

Дворфы затянули суровый боевой гимн своей родины, а воины Десяти Городов подхватили слова песни Темпоса – сначала осторожно, но потом все смелее выводя чуждую их слуху мелодию. Наконец, они запели в полный голос, и в припеве каждый воин, как и положено, восхвалял свой собственный город, так же как варвары пели о своих племенах. Ритм ускорился, их голоса звучали все громче. Гоблины явно были напуганы. С каждым мгновением все большее число дезертиров покидало их лагерь.

И вот настал миг, когда армия людей и дворфов ринулась вниз по склону холма в решающий бой.

* * *

Дзирт успел достаточно далеко отбежать от южного склона и потому не попал в

снежную лавину. Когда снег начал таять от жара Креншинибона, ноги эльфа промокли и сейчас, под порывами холодного ветра, покрылись толстой коркой льда. Каждый шаг давался с трудом.

Но эльф упрямо продолжал шагать вперед, двигаясь к западному склону горы: там он, по крайней мере, был бы надежно защищен от ветра. Дзирт шагал, широко взмахивая руками и с силой отталкиваясь ногами, ему необходимо было согреться. Перевалив через вершину, он пошел осторожнее, прекрасно понимая, что одно неловкое движение – и ему не избежать безрадостной судьбы Акара Кесселла.

Эльф уже не чувствовал ног, но все же заставлял себя идти вперед.

Но вот, не удержав равновесия, он упал и беспомощно заскользил вниз.

* * *

Неистовые воины Вульфгара ударили по гоблинам и в мгновение ока смяли первые ряды противника. Ни гоблины, ни орки не обладали достаточной отвагой, чтобы драться с могучим королем, но в суматохе боя многим не удалось уклониться от схватки с ним. И они один за другим падали на землю.

И все-таки основные события сейчас происходили в тылу войска гоблинов. Племена, которым еще не довелось принять участие в битве, всерьез задумались над тем, стоит ли вообще продолжать эту затею. Они прекрасно понимали, что теперь обладают огромным преимуществом над своими извечными соперниками – ведь те, обескровленные тяжелейшими потерями, вряд ли смогут на равных соперничать с ними в борьбе за земли там, в ущельях Средиземного Хребта. И вскоре после того, как сражение продолжилось, вдали, над Долиной Ледяного Ветра, поднялось огромное облако пыли: десятки племен гоблинов и орков сочли за лучшее двинуться к дому.

Поспешное бегство недавних союзников сильно подорвало боевой дух тех, кто находился в первых рядах и не мог просто так броситься наутек. Даже самые тупые гоблины прекрасно понимали, что одержать победу над бесстрашными защитниками Десяти Городов они могут лишь за счет своего численного перевеса.

Клык Защитника снова и снова взлетал и опускался. Вульфгар, дравшийся в одиночку, легко расчищал себе путь сквозь толпу врагов. Даже самые храбрые воины Десяти Городов, пораженные его силой, старались держаться подальше от могучего воина. И лишь варвары, с благоговением поглядывая на своего короля, старались не отставать от него.

Вульфгар врезался в толпу орков. Клык Защитника одним ударом вышиб жизнь из одного из них, и падающее тело увлекло за собой на землю еще нескольких дикарей. Вульфгар, не мешкая, махнул молотом в другую сторону, и еще несколько врагов полетели наземь.

Те, кому посчастливилось уцелеть, и не думали нападать на могучего человека.

Гленсатер из Истхейвена, размахивая мечом, тоже ворвался в центр группы гоблинов, надеясь, как это только что сделал Вульфгар, увлечь за собой своих воинов. Но Гленсатер не выглядел так устрашающе, и у него в руках не было такого могучего оружия, как Клык Защитника. Его меч свалил одного гоблина, затем другого. Он дрался отважно, но ему не удалось посеять смятение в рядах противника. Гоблины не бросились бежать, как это случилось минуту назад с орками, когда в их толпу, размахивая молотом, ворвался Вульфгар. Вместо того чтобы броситься врассыпную, они сомкнули свои ряды вокруг Гленсатера.

Он уже почти пробился к королю варваров, как вдруг ему в спину вонзилось копьё и, пробив грудь, вышло наружу.

Увидев это, Вульфгар взмахнул молотом, и Клык Защитника, просвистев над Гленсатером, вбил в плечи голову гоблина, пытавшегося высвободить копьё. Гленсатер улыбнулся в знак благодарности и рухнул на траву.

Дворфы дрались, следуя своей испытанной тактике. Сойдясь плечом к плечу, они двигались сплошным строем. Защитники Десяти Городов, зная, что сейчас решается судьба

их жен и детей, дрались и умирали, не ведая страха.

Менее чем за час все решившиеся принять участие в битве племени гоблинов оказались рассеяны по равнине, а еще через полчаса были повержены последние дикари.

* * *

Дзирт легко скользил по склону горы. Каждый раз, когда поблизости проносились торчащие из-под снега обломки скал, он начинал неистово барахтаться, пытаясь ухватиться за камни. Но когда до основания снежной шапки оставалось уже совсем немного, лавина внезапно вышвырнула его из своего потока и он закувыркался по каменистому склону. Казалось, гора отбросила его в сторону как непрошеного гостя.

На самом деле эльфа спасло его проворство и, конечно же, удача. Когда он наконец смог уцепиться за один из камней и слегка отдышался, он понял, что его многочисленные раны пустячны, – кровоточащий нос и легкий ушиб запястья были, пожалуй, наиболее серьезными. Чуть поразмыслив, Дзирт решил, что лавина, которую он ненароком вызвал, лишь помогла ему – он почти мгновенно спустился по склону. В противном случае, кто знает, может быть, ему суждено было замерзнуть где-нибудь неподалеку от вершины...

К этому моменту на юге вновь разгорелась битва. Заслышав шум боя, Дзирт присмотрелся и увидел, как тысячи гоблинов бросились бежать в сторону Прохода Ледяных Ветров. Эльф понятия не имел, что происходит, но, прекрасно зная трусливый нрав дикарей, догадался, что они держат путь к дому.

Впрочем, сейчас ему было не до сражения. Эльф прикинул, как ему побыстрее добраться до обломков Кришал-Тири, и, спустившись со склона Пирамиды Кельвина, двинулся через Проход Бремена, в направлении развалин башни.

Прежде всего надо было выяснить, удалось ли спастись Реджису и что случилось с Гвенвивар.

* * *

Со стороны могло показаться, что Кассиус, Кемп и Енсин Брент нисколько не рады победе над врагом. Они были единственные, кто уцелел из всего Совета; остальные семеро погибли. Такого побоища Долина Ледяного Ветра еще не видела.

Мы победили, – с горечью сказал Кассиус.

Погибли более половины защитников Десяти Городов, и еще очень многим было суждено умереть в самое ближайшее время. Четыре города оказались сожжены дотла, и еще один был безжалостно razорен захватчиками.

За эту победу им пришлось заплатить очень высокую цену.

Варвары тоже понесли жестокие потери. Будучи в большинстве своем молодыми и неопытными воинами, они дрались с присущей их народу отвагой и принимали смерть как славное завершение жизни.

И лишь дворфы, закаленные во множестве сражений, опытные и искусные воины, вышли из битвы за Долину Ледяного Ветра почти без потерь. Погибли всего несколько бородатых воинов, некоторые были ранены. Но большинство из них были готовы хоть сейчас снова броситься в бой! Единственной серьезной потерей дворфов было исчезновение их предводителя, Бренора.

– Идите к своим людям, – сказал Кассиус выборным. – А вечером соберемся на Совет. Кемп будет говорить от имени четырех городов Мир Дуальдона, а Енсин Брент от имени жителей двух других озер.

– Нам надо многое решить, и у нас слишком мало времени, – сказал Енсин Брент. – Зима не за горами.

– Мы найдем способ снова встать на ноги, – заявил Кемп со свойственной ему самоуверенностью, но, увидев мрачные взгляды товарищей, быстро вернулся с небес на

землю. – Хотя, конечно, для этого придется потрудиться.

– Как и моему народу, – услышали они незнакомый голос и, резко обернувшись, увидели идущего к ним Вульфгара. Варвар был забрызган кровью врагов и покрыт пылью. – Я прошу разрешения участвовать в вашем Совете, Кассиус. В столь тяжелые времена наши народы могут во многом помочь друг другу.

– Если нам понадобится рабочий скот, мы купим быков, – проворчал Кемп.

Кассиус бросил на Кемпа уничтожающий взгляд и обратился к неожиданному союзнику:

– Ты по праву можешь принять участие в заседании Совета, Вульфгар, сын Беорнегара. Мы многим обязаны тебе и твоему народу. Но я хотел бы еще раз спросить тебя, почему вы пришли нам на помощь?

Уже во второй раз за этот день Вульфгар пропустил мимо ушей оскорбления Кемпа.

– Чтобы вернуть долг, – ответил он Кассиусу. – И возможно, в чем-то улучшить жизнь наших народов.

– Убивая гоблинов? – спросил Енсин Брент, догадываясь, что варвар имеет в виду нечто иное.

– Это лишь начало, – ответил Вульфгар. – Но мы можем помочь вам и во многом другом. Мои люди знают тундру лучше, чем йети. Мы сроднились с природой севера и знаем, что надо делать, чтобы выжить. Ваши люди смогут многому научиться у нас. И это тем более важно, учитывая тяжелые времена, которые вам предстоит пережить.

– Бах! – фыркнул Кемп, но Кассиус, резко взмахнув рукой, заставил его замолчать. Он сразу понял, что сулит его людям возможный союз с варварами.

– А что вы рассчитываете получить от этого союза?

– Добрые отношения с вами, – ответил Вульфгар. – И связь с просвещенным миром. До сих пор мы не имели возможности соприкоснуться с благами городской жизни. Сейчас мы обладаем несметными сокровищами белого дракона, но золото и драгоценные камни никогда никого не согреют в холодные зимние ночи и никогда не добудут людям пищу в тяжелые времена.

Вам предстоит восстанавливать города. Мы можем помочь своим богатством. А вы взамен покажете моему народу путь к лучшей жизни.

Слушая Вульфгара, Кассиус и Енсин Брент согласно кивали.

– Наконец, и, по-моему, это самое главное, мы действительно нужны друг другу, по крайней мере в ближайшее время. Ведь сейчас наши народы обескровлены и уязвимы перед опасностями, которых полным-полно на этой земле. Нам будет гораздо легче перезимовать, если мы объединим наши усилия!

– Твои слова удивили и поразили меня, – сказал Кассиус. – Ты можешь присутствовать на Совете по моему личному приглашению. И я искренне надеюсь, что нам удастся воплотить в жизнь планы, которые пойдут на пользу тем, кто уцелел в борьбе против Акара Кесселла!

Сказав это, Кассиус повернулся, чтобы идти в Брин Шандер. Вульфгар тут же, схватив Кемпа за ворот куртки, легко оторвал выборного представителя Таргоса от земли. Кемп несколько раз дернулся, но тотчас сообразил, что ему не удастся освободиться от железной хватки варвара.

Вульфгар бросил на него испепеляющий взгляд.

– Сейчас, – сказал он, – на мне лежит ответственность за судьбы моих людей. Только поэтому я не обращал внимания на твои выходки. Однако придет время, и я не буду королем варваров... Так вот тогда будет очень мудро с твоей стороны не попадаться мне под ноги! – Сказав так, он легким взмахом могучей руки швырнул Кемпа на землю.

Выборный представитель был настолько напуган, что не нашел в себе сил, даже чтобы рассердиться. Кассиус и Брент легонько толкнули друг друга локтями и обменялись улыбками.

И тут Вульфгар увидел Кэтти-бри. Рука девушки была залита кровью, а лицо и волосы

покрывал толстый слой пыли. Увидев ее рану, Вульфгар испытал боль, какую ни за что не почувствовал бы от своих собственных ран.

– Кэтти-бри! – закричал он и бросился к ней, но девушка, вытянув руки вперед, остановила его.

– Со мной все в порядке, – заверила она его, однако варвар прекрасно понимал, что она тяжело ранена. – Хотя страшно даже представить, что произошло бы со мной, если бы Бренор не подоспел вовремя.

– Ты видела Бренора?

– В тоннеле, – сказала Кэтти-бри. – Несколько орков проникли внутрь, и мне, наверное, следовало обрушить своды. Но их было немного, и я слышала, что дворфы отлично дерутся там, наверху. Вслед за ними спустился Бренор. Но за ним бросилась еще целая куча орков. Балка перекрытия не выдержала. Я подозреваю, что Бренор попросту выбил ее... а потом все заволочла пыль. Все смешалось.

– А Бренор? – взволнованно спросил Вульфгар.

Кэтти-бри повернулась в сторону равнины.

– Он там... Он звал тебя.

* * *

Когда Дзирт добрался до обломков Кришал-Тири, сражение уже закончилось. Вид заваленного трупами поля боя ненадолго отвлек его. Но он, чуть помедлив, направился напрямик к развалинам.

На самом деле эльф считал, что его поиски напрасны. Даже если Реджис и Гвенвивар и сумели удрать из башни, как он сможет их найти?

Но тем не менее Дзирт принялся внимательно обследовать то, что осталось от башни.

Дзирт До'Урден был способен переживать за других. Этим-то он и отличался от своих сородичей. И именно это заставило его в конце концов покинуть свой народ.

Он принялся голыми руками раскапывать развалины. Крупные обломки камней не дали ему добраться до земли, однако, он не сдавался. Дзирт не мог копать обожженной левой рукой, а вскоре и правая покрылась множеством царапин. Но все равно он упрямо продолжал разгребать обломки башни.

И его упорство было вознаграждено. Внезапно он ощутил присутствие магической силы. Эльф начал рыть землю между двумя большими обломками и почти сразу же наткнулся на фигурку пантеры. Когда он ощупывал статуэтку, пытаясь определить, не пострадала ли она при крушении башни, его руки дрожали. Но нет, фигурка не пострадала – ее волшебная сила выдержала страшные удары камней.

Эльфа охватили смешанные чувства. Он прекрасно понимал, что Гвенвивар спаслась, и в то же время то, что статуэтка находилась здесь, означало, что Реджис скорее всего погиб. Его сердце дрогнуло. Дзирт почувствовал себя на редкость неуютно и тут заметил, что между камнями что-то поблескивает. Наклонившись, он потянул за тонкую золотую цепочку и вытащил на свет рубин хафлинга. Самые страшные догадки подтвердились.

– Подходящая могила для тебя, мой друг, – пробормотал он, решив с этого момента называть обломки Кришал-Тири не иначе как Пирамидой Реджиса. И все-таки эльф никак не мог взять в толк, что могло разделить хафлинга и его волшебный камень. На цепочке не было видно ни крови, ни прочих примет, которые говорили бы о том, что она была на шее Реджиса в момент его смерти.

– Гвенвивар! – позвал Дзирт. – Приди ко мне!

Тотчас перед ним возникло облако черного тумана, постепенно превратившееся в пантеру, целую и невредимую и даже несколько отдохнувшую за те несколько часов, что она провела на Астральном уровне.

Дзирт было двинулся навстречу своей верной спутнице, но тут же застыл как вкопанный. В нескольких шагах от него возникло и начало сгущаться еще одно облачко

черного тумана.

Мгновением позже перед Дзиртом предстал Реджис. Хафлинг сидел, зажмурив глаза и широко раскрыв рот, так, словно собирался впиться зубами в сочный кусок невидимого кушанья.

Вот его челюсти щелкнули, хафлинг проглотил воздух и тут же изумленно открыл глаза.

– Дзирт! – вскричал он. – Мог бы и спросить, прежде чем столь бесцеремонно перетаскивать меня сюда. Эта дивная кошка устроила мне роскошный ужин.

Дзирт лишь улыбнулся и, все еще не веря своим глазам, облегченно вздохнул.

– Как здорово! – завопил Реджис. – Ты нашел мой волшебный камень. А я уже было решил, что потерял его. Не знаю почему, но он отказался отправиться с нами.

Дзирт отдал ему рубин. Неужели в своих скачках между уровнями бытия пантера могла брать с собой еще кого-то? Немного поразмыслив, Дзирт решил, что со столь удивительной способностью кошки он разберется когда-нибудь в другой раз.

Ласково потрепав пантеру по шее, он отправил ее назад, в ее мир, где она могла спокойно восстановить свои силы.

– Идем, Реджис, – сказал он. – Посмотрим, может быть, мы кому-нибудь поможем.

Реджис пожал плечами и поплелся следом за эльфом. Когда они взобрались на вершину холма, образованного обломками башни, хафлинг бросил взгляд на равнину и в ужасе застыл на месте, увидев последствия побоища. Его ноги сами собой подкосились, и Реджис устоял на ногах лишь потому, что Дзирт вовремя подхватил его под руки.

– Мы победили? – спросил он Дзирта, когда они спустились на равнину, еще не вполне понимая, чем закончилось сражение.

– Мы уцелели, – ответил Дзирт. Внезапно послышались громкие крики.

К двум друзьям со всех сторон бежали опьяненные победой рыбаки.

– Да здравствует тот, кто победил чародея и разрушил колдовскую башню! – кричали они.

Дзирт скромно опустил глаза.

– Да здравствует Реджис! – продолжали рыбаки. – Да здравствует герой – спаситель Десяти Городов!

Дзирт удивленно уставился на друга, но Реджис лишь пожал плечами, чувствуя себя такой же жертвой досадной ошибки, как и Дзирт.

Люди схватили хафлинга и подняли его на плечи.

– Мы понесем тебя на руках на Совет, который вот-вот начнется! – провозгласил один из них. – На предстоящем обсуждении ты должен иметь право решающего голоса! – сказал другой и, как бы между прочим, добавил: – Ты тоже можешь идти с нами, эльф.

Но Дзирт отказался.

– Да здравствует Реджис! – воскликнул он и широко улыбнулся. – Ах, мой маленький друг, вечно тебе везет отыскать золото в болоте, где остальным недолго и утонуть, – с этими словами эльф хлопнул хафлинга по спине и отошел в сторону.

Реджис обернулся и картинно закатил глаза, будто давая понять, что он просто отправляется на прогулку.

Но Дзирт прекрасно понимал, в чем дело.

* * *

Но эльф недолго радовался за хафлинга. Не успел он решить, что делать дальше, как к нему подошли два дворфа.

– Как здорово, что мы тебя нашли, добрый эльф, – сказал один из них, и Дзирт сразу понял, что сейчас ему придется услышать трагическую весть.

– Бренор? – спросил он. Дворфы кивнули.

– Он при смерти. И может умереть в любой момент. Он звал тебя.

Не сказав больше ни слова, дворфы повели Дзирта к небольшой палатке, стоявшей у входа в их подземный город.

Внутри тускло горели свечи. У кровати напротив входа, понутив головы, стояли Вульфгар и Кэтти-бри.

На кровати лежал Бренор. Его грудь и голова были обмотаны пропитанными кровью бинтами. Дыхание его было таким прерывистым, словно очередной вздох мог оказаться для него последним. Дзирт молча подошел к дворфу, твердо решив во что бы то ни стало сдержать слезы, мигом наполнившие его глаза. Он знал, что Бренору такое бы не понравилось.

– Это... эльф? – простонал Бренор, увидев прямо перед собой черную тень.

– Я пришел, мой дорогой друг, – ответил Дзирт.

– Чтобы увидеть... как я отправляюсь в мир иной?

Дзирт не нашел в себе сил ответить на столь прямо поставленный вопрос.

– В мир иной? – переспросил он и попытался рассмеяться. – Да ты ведь бывал и не в таких переделках! Забудь о смерти, дружище! Кто же тогда отыщет Мифрил Халл?

– А... мой дом, – пробормотал Бренор и, похоже, несколько успокоился, так, словно почувствовал, что мечты о родине помогут ему совершить предстоящее путешествие. – А ты пойдешь со мной, мой друг?

– Ну конечно, – сказал Дзирт. Он мельком взглянул на Вульфгара и Кэтти-бри, ожидая от них поддержки, но они, целиком погруженные в свои мысли, не обратили на него внимания.

– Но сейчас идти нет смысла, – сказал Бренор, явно несколько оживившись. – Зима на носу, сам понимаешь! – Он кашлянул. – Вот весной... другое дело... Да, весной, – пробормотал он и закрыл глаза.

– Да, мой друг, – сказал Дзирт. – Весной мы с тобой двинемся на поиски твоей родины!

Бренор приоткрыл глаза, и в них на мгновение мелькнул знакомый Дзирту азарт. Дворф расплылся в широкой улыбке, и эльф искренне порадовался тому, что ему удалось успокоить умирающего друга.

Дзирт повернулся к Вульфгару и Кэтти-бри и увидел, что они тоже улыбаются.

«Улыбаются друг другу», – удивленно отметил эльф.

Внезапно, к его превеликому удивлению и ужасу, Бренор сел и принялся срывать бинты.

– Вот так-то! – заорал он, порядком перепугав всех присутствующих. – Ты сам сказал это, и у меня есть свидетели!

Дзирт, едва не упавший в обморок, изумленно уставился на Вульфгара. Варвар и Кэтти-бри еле сдерживали смех.

Вульфгар пожал плечами и усмехнулся:

– Бренор сказал, что укоротит меня до роста дворфа, если я скажу хоть слово!

– И он так бы и сделал! – сказала Кэтти-бри и выскочила из палатки.

– Я тороплюсь на Совет в Брин Шандер, – пробормотал Вульфгар, явно пытаясь скрыть смущение.

Они выбрались наружу и там дали волю своему веселью.

– Проклятье, Бренор Боевой Топор! – прорычал эльф и, не в силах сдержаться, крепко обнял дворфа.

– Ну хватит, хватит, – проскрипел Бренор. – Нам предстоит хорошенько потрудиться. Зима пролетит быстрее, чем ты думаешь. А в первый же теплый день мы выступим на поиски Мифрил Халла!

– Где бы он ни был! – рассмеялся эльф, не найдя в себе сил разозлиться на хитрость друга.

– Где бы он ни был, мы найдем его, эльф! – закричал Бренор. – Ведь когда мы вместе, нам все по плечу!

ЭПИЛОГ

Зима оказалась нелегкой для жителей Десяти Городов и их союзников-варваров. Однако, объединив усилия, они вышли победителями в борьбе с суровой природой тундры. За долгие зимние месяцы прошло немало Советов, где Кассиус, Енсин Брент и Кемп представляли Десять Городов, а Вульфгар и Ревджак говорили от имени народов тундры. Прежде всего надо было признать и подтвердить союз, а это оказалось не так-то просто, учитывая, что с обеих сторон нашлось немало противников.

На зиму жители Долины Ледяного Ветра переместились в те города, которые избежали набега захватчиков. А с приходом весны люди принялись восстанавливать разоренные поселения. Дело пошло еще быстрее, когда отряд варваров, следуя указаниям Вульфгара, пошел в пещеру белого дракона и вернулся с сокровищами. Несколько Советов были целиком посвящены разделу городов между уцелевшими людьми. Надо признать, что порой добрые отношения между союзниками нарушались, и их удавалось восстановить лишь благодаря авторитету Вульфгара и неизменному спокойствию и выдержке Кассиуса.

Когда все споры были разрешены, варварам были отданы Бремен и Кер-Кониг. Потерявшие кров жители Кер-Конига переселились в Кер-Диневал, а жители Бремена, не желавшие жить с варварами, получили дома в заново отстроенном Таргосе.

Сложилась непростая ситуация – извечные враги стали жить по соседству друг с другом.

Люди Десяти Городов, хотя и одержали победу в битве за долину, вряд ли могли считать себя победителями. В войне с захватчиками пострадали все, и никому не удалось извлечь выгоду из победы.

Никому, кроме Реджиса.

Хафлингу за его роль в сражении было торжественно присвоено звание Почетного Гражданина Долины и пожаловано самое роскошное в Десяти Городах здание. Кассиус уступил свой дом тому, кто разрушил башню. Реджис с благодарностью принял дар, а также многочисленные награды и подарки от остальных городов. Впрочем, надо отдать ему должное: он прекрасно понимал, что своей славой всецело обязан скромному эльфу. А поскольку Дзирт До'Урден не собирался приходить в Брин Шандер за наградами, Реджис счел своим долгом лично заняться их сбором.

Для хафлинга наступили времена действительно беззаботной жизни, о чем он, собственно, всегда и мечтал. Реджис от души наслаждался роскошью и богатством, но, к сожалению, вскоре ему пришлось убедиться, что за славу надо платить.

* * *

Дзирт и Бренор провели зиму, готовясь к поискам Мифрил Халла. Несмотря на то что обещание было вырвано хитростью, эльф был твердо намерен сдержать слово. После сражения его жизнь нисколько не изменилась. Хотя он и был подлинным героем сражения, жители Десяти Городов едва терпели его. А все варвары, кроме Вульфгара и Ревджака, открыто избегали эльфа, сбивчиво бормоча нелепые заклинания всякий раз, когда им доводилось с ним столкнуться.

Но эльф переносил пренебрежительное отношение людей со свойственным ему хладнокровием.

* * *

– В городе дворфов ходят слухи, что ты передал свой голос на Совете Ревджаку, – сказала Кэтти-бри, в очередной раз придя в Брин Шандер.

Вульфгар кивнул.

– Он старше и мудрее меня. Кэтти-бри испытующе посмотрела на него.

Она прекрасно знала, что Вульфгар отказался от власти по гораздо более веской причине.

– Ты собираешься отправиться с ними, – сказала девушка.

– Я в долгу перед эльфом, – ответил Вульфгар, отворачиваясь и не желая спорить с девушкой.

– Опять ты уходишь от ответа, – рассмеялась Кэтти-бри. – Ты никому ничего не должен! Ты идешь с ними потому, что тебе так хочется! Тебя манит их путешествие!

– Что ты понимаешь в путешествиях? – огрызнулся задетый за живое Вульфгар. – Что ты можешь знать о приключениях?

– Я знаю, – сказала она. – Я знаю, что жизнь всегда и везде полна приключений. А ты до сих пор этого не понял. И потому стремишься отправляться в далекое путешествие в надежде утолить жажду острых ощущений. Так иди же, Вульфгар из Долины Ледяного Ветра. Следуй зову своего сердца и будь счастлив! Возможно, вернувшись, ты поймешь, в чем радость жизни, в чем счастье остаться в живых, – сказала она и, поцеловав Вульфгара, выскочила за дверь.

– Возможно, тогда наши споры будут проходить более мирно! – крикнул он ей вслед, приятно удивленный поцелуем.

– Но они уже не будут такими интересными! – сказала она на прощание.

* * *

И вот в одно прекрасное весеннее утро настало время Бренору и Дзирту выступать в поход. Кэтти-бри помогла им уложить походные мешки.

– Когда мы наведем в Мифрил Халле порядок, я обязательно заберу тебя туда, – в который уже раз сказал Бренор девушке. – Воображаю, как засияют твои глаза, когда ты увидишь серебристые реки мифрила моей родины! Кэтти-бри загадочно улыбнулась.

– Ты уверена, что к тому времени с тобой все будет в порядке? – серьезно спросил Бренор. Он прекрасно знал, что все будет хорошо, но его сердце переполняла отеческая забота.

Кэтти-бри снова улыбнулась. Всю зиму Бренор донимал ее подобными вопросами. Она была очень рада, что дворф наконец-то отправляется в путь. Кэтти-бри знала, что ей будет очень не хватать ворчливого дворфа, но вместе с тем девушка была уверена, что он никогда не обретет душевного покоя, если хотя бы не попытается отыскать землю своих предков.

И она, как никто другой, знала, что дворф отправляется в путь в хорошей компании.

Попрощавшись с дворфами, приятели направились в Брин Шандер, чтобы проститься с двумя своими лучшими друзьями.

К дому Реджиса они подошли около полудня и увидели сидящего на крыльце поджидающего их Вульфгара.

Дзирт подозрительно осмотрел походный мешок Вульфгара и сразу догадался о намерениях юноши.

– Рад видеть тебя, король Вульфгар, – сказал он. – Ты собрался в Бремен или, может быть, в Кер-Кониг посмотреть, как отстраиваются твои люди?

Вульфгар покачал головой:

– Я больше не король. Заседания в Совете больше к лицу опытным и мудрым людям. Это занятие не для меня. Теперь от имени людей тундры говорит Ревджак.

– А ты чем собираешься заняться? – спросил Бренор.

– Я иду с вами, – сказал Вульфгар, – чтобы отдать свой последний долг.

– Ты мне ничего не должен, – сказал Бренор.

– Да, с тобой я рассчитался сполна, – согласился Вульфгар. – И я вернул свой долг Десяти Городам и собственному народу. Но я еще не освободился от последнего долга, – с этими словами варвар повернулся к Дзирту, – долга перед тобой, мой друг эльф.

Дзирт не нашелся что ответить и, хлопнув огромного воина по плечу, лишь улыбнулся.

* * *

– Идем с нами, Пузатый, – сказал Бренор, после того как они разделались с роскошным обедом. – Только представь, четыре искателя приключений на продуваемой всеми ветрами равнине. Путешествие пойдет тебе на пользу. Посуди сам, ты порастрясешь жирок, твой животик уменьшится...

Реджис обеими руками схватился за свой живот.

– Благодарю. Меня мой живот вполне устраивает. И я вовсе не собираюсь его уменьшать. Я даже подумываю над тем, чтобы еще немного отрастить его!

– Ума не приложу, чего это вы вдруг вздумали пуститься в это путешествие, – продолжал Реджис. Зимой хафлинг потратил не один вечер, пытаясь отговорить Бренора и Дзирта от этой затеи. – Нам ведь здесь и так неплохо живется. Так зачем искать каких-то приключений, – продолжал он свои уговоры.

– Жизнь состоит не только в отменной пище и отдыхе на мягкой перине, мой маленький друг, – ответил Вульфгар. – Жажда приключений гонит нас в путь, ведь сейчас в Десяти Городах нет ни опасностей, ни возможности испытать радость победы.

Реджис с сомнением покачал головой, но Дзирт и Бренор кивнули в знак согласия с Вульфгаром.

– И ты считаешь, что тебе тут неплохо живется? – спросил Бренор, щелкнув пальцами. – Когда я вернусь из Мифрил Халла, я построю тебе дом в два раза больше этого и отделаю его стены драгоценными камнями, каких ты в жизни не видывал.

Но Реджис был твердо убежден в том, что на его век приключений хватит. Когда с обедом было покончено, он проводил приятелей до дверей.

– Если вы когда-нибудь вернетесь...

– Мы первым делом заглянем к тебе, – заверил его Дзирт.

Выйдя на улицу, они увидели Кемпа из Таргоса. Он стоял напротив дома Реджиса, внимательно наблюдая за друзьями.

– Он ждет не дождется, когда я уйду, – сказал Вульфгар, радостно улыбаясь при мысли о том, что ему в течение долгого времени не придется встречаться с Кемпом.

– Прощай, добрый друг, – громко сказал Вульфгар, отвешивая низкий поклон, после чего выкрикнул несколько слов на старинном наречии варваров.

Кемп погрозил варвару кулаком и пошел прочь, а Реджис расхохотался так, что чуть не шлепнулся на землю.

Дзирт слышал в свое время эти слова от варвара и был несказанно удивлен тем, что Вульфгар адресовал их Кемпу.

– Когда-то ты говорил мне, что это древний боевой клич твоего народа. Почему ты обратился с этими словами к человеку, которого ты не перевариваешь?

Вульфгар хотел было пуститься в объяснения, но Реджис не дал ему и рта раскрыть.

– Боевой клич? – переспросил хафлинг, задыхаясь от смеха. – Да это старинное проклятие варваров. И употребляется оно обычно по отношению к престарелому отцу семейства, вздумавшему на склоне лет смотреть на сторону... – Дзирт глянул на Вульфгара, и его лавандовые глаза подозрительно сузились, а Реджис тем временем продолжал: – Оно гласит: «Пусть у тебя в паху поселятся блохи тысячи северных оленей!»

Тут расхохотался Бренор, за ним Вульфгар, а вскоре к ним, смеясь громче всех, присоединился и Дзирт.

– Куда вы пойдете? – спросил, отсмеявшись, Реджис, в душе завидовавший друзьям. Хафлинг знал, что ему будет их очень не хватать.

– Сначала в Бремен, – ответил Дзирт. – Там мы запасемся продуктами и двинемся на юго-запад.

– В Лускан?

– Да, если так будет угодно судьбе.

– Желаю удачи, – сказал Реджис, и друзья отправились в путь.

Реджис долго смотрел им вслед, размышляя над тем, как его угораздило сдружиться с такими глупцами, а когда они исчезли за горизонтом, поспешил домой – от обеда оставалось еще много еды.

Но не успел он войти в дом, как его окликнули.

– Почетный Гражданин! – обратился к нему один из торговцев, державший собственный постоялый двор в южной части Брин Шандера.

Реджис дождался, пока он приблизится.

– Почетный Гражданин, – сказал купец, низко кланяясь в смущении, оттого что ему пришлось потревожить столь важную персону. – У меня остановился человек, который хотел бы встретиться с вами. Он говорит, что представляет Общество Героев из Лускана, и он послал меня пригласить вас принять участие в их следующем заседании. И он сказал, что хорошо заплатит.

– Как его зовут?

– Он не назвался, но просил передать вот это, – торговец вручил Реджису мешочек с золотом.

Больших доказательств Реджису не требовалось. Он немедленно отправился на встречу с незнакомцем.

И опять, в который уже раз, чистая случайность спасла ему жизнь. Так уж получилось, что Реджис увидел незнакомца до того, как тот заметил его. Хафлинг сразу же узнал этого человека, хотя и не видел его много лет. Из-за пояса незнакомца торчала украшенная изумрудами рукоять кинжала. Реджис много раз собирался украсть это дивное оружие. Но у него все-таки хватило ума не совершать столь рискованного поступка. Кинжал принадлежал Артемису Энтрери.

Это был один из наиболее опытных убийц гильдии Паши Пуука.

* * *

Трое друзей покинули Бремен еще до рассвета следующего дня. Хорошо отдохнув, они шагали легко, и когда на горизонте забрезжили первые лучи зари, они были уже далеко от города.

Бренор несколько не удивился, увидев бегущего им наперерез Реджиса.

– Готов спорить, он опять вляпался в какую-то историю, или я – не бородатый гном, – подмигнул дворф Вульфгару и Дзирту.

– Рад тебя видеть, – сказал эльф хафлингу. – Но мы ведь уже попрощались с тобой, не так ли?

– Я решил, что не могу отпустить Бренора. Я обязательно должен быть рядом, чтобы в случае чего выручить его, – сказал Реджис, безуспешно пытаясь отдышаться.

– Ты собрался идти с нами? Но ты же не взял с собой никакой еды, глупый хафлинг, – заворчал Бренор.

– Да мне ведь много не надо, – с отчаянием в голосе пискнул Реджис.

– Бах! А ты ведь ешь больше нас троих, вместе взятых! Ну да ладно, делать нечего, возьмем тебя с собой.

Хафлинг просиял, и Дзирт подумал, что, заподозрив, будто Реджис опять попал в какую-то историю, дворф едва ли ошибся.

– Итак, теперь нас четверо! – радостно провозгласил Вульфгар. – И каждый из нас представляет один из четырех основных народов этого мира: Бренор – дворф, Реджис – хафлинг, Дзирт До'Урден – эльф, а я – человек. Идеальный отряд!

– Ох, не думаю, что эльфы выбрали бы своим представителем темного эльфа, – заметил Дзирт.

Бренор насмешливо засопел:

– Ты считаешь, что хафлинги обязательно выбрали бы Реджиса?

– Ты невыносим, дворф, – сказал Реджис.

Бренор швырнул свой щит на землю, обежал вокруг Вульфгара и, схватив Реджиса за плечи, поднял его в воздух. Лицо дворфа исказилось гримасой притворной ярости.

– Ты прав, Пузатый! – вскричал он. – Я невыносим! Никогда не связывайся с тем, кто еще более невыносим, чем ты сам!

Дзирт и Вульфгар с улыбкой переглянулись.

Солнце светило им в спину... Отбрасывая перед собой длинные тени, четверо друзей отправились дальше.

На поиски Мифрил Халла.